РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(15)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва
2008

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

В. М. Живов.
Референтная структура и порядок слов: Дательный самостоятельный в двух древних церковнославянских текстах 5
А. В. Малышева.
Вариативность генитива и аккузатива при глаголах с общим значением ‘беречь, защищать’ в русских летописях 57
Г. Кайперт.
Грамматика и теология: по поводу языка — объекта славянского «Трактата о восьми частях слов» 79
Ж. Ж. Варбот.
Факультативная дифтонгизация этимологического *у* в русских говорах 98
А. А. Соколянский.
Изменение сочетания *тс* в истории русского языка 106
В. Л. Васильев.
Изменение *дн* > *нн* > *н* в истории русского языка (на материале ономастики и диалектной лексики) 133
Е. С. Скачедубова.
Произносительная подсистема сложных и сложносокращенных слов: тенденции развития 148
Е. Л. Арзиани.
Экспериментальные данные о реализации фонемы /j/ в некоторых фонетических позициях в современном русском литературном языке 159
К. А. Крапивина, В. С. Храковский.
Таксисная конструкция с грамматикализованной единицей *в… бытность* 174
И. Б. Иткин.
Две заметки о берестяных грамотах: Смол. 12, Торж. 4 191
Е. А. Земская.
Речевой портрет эмигрантки первой волны (третье поколение) 196
Е. А. Савина.
Контактоподдерживающие структуры, эксплицирующие положительную оценку (с параметром невключенности говорящего) 208
З. С. Санджи-Гаряева.
Пародийно-комическая функция неузуального словообразования в прозе А. Платонова 217

Полемика

П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава.
Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях 224

Информационно-хроникальные материалы

Хроника III Международного конгресса исследователей русского языка (Н. К. Онипенко) 259
V Международная научная конференция «Фонетика сегодня» (М. С. Крайнова) 273
Хроника международной конференции «Стереотипы в языке, коммуникации и культуре» (23—24 октября 2007 г., Москва, РГГУ) (Л. Л. Федорова)..... 279
Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В В. Виноградова РАН 2007 года (О. Г. Ровнова)..... 281

Рецензии

Памятник замечательному филологу или введение в современное языкознание? (О втором издании «Энциклопедического словаря юного филолога / лингвиста») (Н. Б. Мечковская)..... 287
М. В. П а н о в. Труды по общему языкознанию и русскому языку (А. Я. Шайкевич) 298
Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na Evangelia v českocírkevněslovanském překladu. Díl I. Homilie I—XXIV / K výdaní připravil Václav Konzal. Praha, 2005. LVI + 681 s. Díl druhý. Homilie XXV—XL / K výdaní připravil Václav Konzal za pomoci Františka Čajky. Praha, 2006 (= Práce Slovanského ústavu. Nova řada, svazek 20/I—II). XL + 1388 (— 681) + LIII s. (К. А. Максимович) 303

Обзоры

Д. М. С а в и н о в. Проблемы фонетики. Вып. 5. Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 2007. — 418 с. 308

Письмо в редакцию

Н. А. Е с ь к о в а. О слове *глоссемантика* 310

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. М. ЖИВОВ

РЕФЕРЕНТНАЯ СТРУКТУРА И ПОРЯДОК СЛОВ: ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ В ДВУХ ДРЕВНИХ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ[1]

Общие соображения и постановка проблемы

Реальная тема предлагаемого вниманию читателя исследования чрезвычайно узка, а анализируемый материал весьма ограничен. Речь в основном пойдет об одном сравнительно небольшом классе синтаксических построений, а именно о дательных самостоятельных (ДС), в которых субъект этого оборота обозначен анафорическим местоимением. Материалом для анализа служат два восточнославянских книжных текста: Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку (далее ПВЛ, цит. по: [ПСРЛ, I]; столбцы указываются в тексте) и Житие Феодосия по списку Успенского сборника (далее ЖФ, цит. по: [Успенский сборник 1971]; листы указываются в тексте). Меня будет интересовать, с одной стороны, как осуществляется выбор анафорического местоимения (а это отсылает нас к референтной структуре нарративного фрагмента), а с другой — положение этого местоимения в препозиции или в постпозиции к причастию (и это отсылает нас к порядку слов). Хотя тема узка, а материал ограничен, данное частное исследование затрагивает две мало изученные области истории русского языка. Имею в виду проблемы референтной структуры в книжном нарративе древних восточнославянских (и, видимо, шире — церковнославянских) памятников письменности и порядок слов в этом же нарративе.

Обе эти области явно недостаточно изучены, можно даже сказать, не изучены вовсе. В этой ситуации, как мне представляется, имеют право на существование и минималистические опыты, поскольку именно в них можно нащупать, в каком направлении следует двигаться. Причина неизученности, по-видимому, лежит не в том, что лингвисты, занимающиеся ис-

[1] Автор приносит глубокую благодарность А. А. Зализняку, А. А. Пичхадзе, А. Тимберлейку, Б. А. Успенскому, прочитавшим в рукописи один из вариантов этой работы и сделавшим ряд чрезвычайно ценных замечаний.

торией славянских языков, не отдают себе отчета в важности этих феноменов, а в том, что традиционная историческая лингвистика не располагала адекватными инструментами для их анализа. И эта бедность инструментария не случайна, а обусловлена специфическим построением древних восточнославянских нарративных текстов.

Нарративная стратегия этих текстов существенно отличается от современной. Средневековые авторы стремятся связать в одну цепочку все предикативные единицы, излагающие один эпизод, т. е. фрагмент повествования с одним микросюжетом и одним набором действующих лиц. Можно было бы сказать, что эти предикативные единицы образуют одно очень длинное предложение, хотя понятие предложения плохо подходит для описания подобных нарративных цепочек. Характерно, что современные издатели стремятся разделить подобные цепочки на несколько предложений, часто в ущерб синтаксическим связям между их отдельными звеньями[2]. Эти анахронические представления делают затруднительными не только эдиционные задачи, но и задачи лингвистического анализа. При вытягивании эпизодов в единые нарративные цепочки возникает необходимость в многочисленных причастных и инфинитивных оборотах, придаточных предложениях, номинализациях и т. п. и вместе с тем в разветвленной референтной структуре, в которой анафорические связи распространяются на всех (или во всяком случае на нескольких) участвующих в эпизоде агентов. Возникающий в результате период сложнее для анализа, чем длинноты Марселя Пруста или развернутые пассажи античных орато-

[2] В изданиях русских летописей, подготовленных историками, невозможные с лингвистической точки зрения членения текста на предложения встречаются на каждой странице, равно как и разнообразные иные случаи произвольной расстановки знаков препинания, заставляющие подозревать, что издатели не в состоянии адекватно прочесть и понять издаваемый ими текст. Однако даже в недавнем издании Жития Феодосия, осуществленном таким выдающимся филологом, как О. В. Творогов, выделение предложений нередко приводит в изумление. Ср., например: «Якоже отъ того часа не явитися бѣсомъ на томь мѣстѣ, ни пакости никоеяже творити имъ, запрещениемь преподобьнааго и молитвою» [БЛДР, I: 382]. Следует ли думать, что О. В. Творогов не опознал здесь обычного книжного придаточного предложения следствия, оформляемого инфинитивной конструкцией с *яко* и дативом и восходящего к синтаксическим калькам с греческих инфинитивных конструкций с ὥστε и субъектом в аккузативе, см. [Исаченко 1980: 86 сл.; Успенский 2002: 257]? Или же знаки препинания механически перенесены из русского перевода и свидетельствуют о сознательном игнорировании особенностей церковнославянского синтаксиса? Ср. далее: «И единому сѣдъшю на столѣ томь брата и отьца своего, другому же възвративъшюся въ область свою» [БЛДР, I: 420]; здесь отдельным предложением оказывается ДС. Выделение ДС в отдельные предложения вообще характерно для данного издания, и результаты нередко кажутся обескураживающими, ср. предложение: «И такоже и ту тако тѣмъ мьнящемъ» [Там же: 428]. Порой даже кажется, что О. В. Творогов придает точкам какое-то иное, идущее не из современной пунктуации значение.

ров, — хотя бы в силу того, что его организация оказывается куда менее жесткой и упорядоченной. Со структурами такой сложности инструментарий, ориентированный на относительно компактный и ясный синтаксис современных литературных языков, работать не может.

В частности, для подобных нарративных текстов плохо работает такой инструмент, как актуальное членение, который, вообще говоря, позволяет описать устройство словорасположения (или, по крайней мере, ряд его особенностей) в более поздних и привычно организованных текстах (см. классическую работу [Ковтунова 1969]). Для книжных восточнославянских текстов этот инструмент скорее не подходит (ср. [Тернер 2006: 92—95, 111]). Действительно, тема может быть одна на длинный фрагмент текста, включающий множество предикативных единиц; все они ремы, и для словорасположения внутри этих единиц актуальное членение не дает ничего. По существу, оно сводится к противопоставлению известного и нового. Это деление и в самом деле существенно, но оно требует учета разных типов нового и известного, более нюансированного, чем противопоставление темы и ремы.

Вообще говоря, удобнее начинать с формальных параметров, а затем смотреть, какие коммуникативные свойства появляются при замене одного формального параметра другим. Формально порядок слов в предикативных единицах проще всего описывать в терминах субъекта, объекта, предиката (S, O, V) и смотреть, какие коммуникативные свойства связаны с каждым из возможных расположений. Для современного русского языка опыты такого анализа были предприняты А. Тимберлейком [Тимберлейк 2004: 449—458]. Этот подход можно было бы назвать беспредпосылочным — в том смысле, что он не требует предварительной классификации содержащейся в предложении информации, а напротив, описывает те коммуникативные задания, которые характерны для каждой из возможных формальных структур. Такого рода анализ для книжных восточнославянских текстов не сделан, и сделать его достаточно непросто. Это обусловлено тем, что соотношение различных типов расположения и их коммуникативные задания зависят и от типа предикативной единицы (с личным глаголом, причастием, инфинитивом и т. д.), и от характера субъекта и объекта (объектов) предикации (существительное, местоимение, одушевленность-неодушевленность, степень агентивности и т. д.), и от синтаксического контекста. Анализ распадается на большое число частных случаев, которые, видимо, достаточно сложно обобщать. Однако начинать целесообразно именно с частных случаев, и именно эта тактика избрана в настоящем исследовании.

При формулировании задачи существенно иметь в виду ряд общих соображений. Для восточнославянского нарратива характерен не порядок SV, и не порядок VS, а порядок V (см. некоторые статистические данные в работе [Тернер 2006: 99—100]. Субъект внутри нарратива обычно эллиптирован. Эллипсис — одно из важных средств обеспечения связанности

текста [Холлидей и Хасан 1976: 142—225]. Эллипсис субъекта, как правило, указывает, что субъект тот же, что и в предшествующем предложении (в предшествующей предикативной единице). Субъект появляется (чаще всего в порядке SV), когда происходит смена субъекта, когда заходит речь о новом агенте повествования. Приведу простой пример из Жития Александра Невского, отмечая двумя косыми чертами смену агента и в ряде случаев опуская прямую речь, которая может рассматриваться как вставка, не влияющая на словорасположение в основном тексте (о том, что это допущение не всегда оправдано, см. ниже):

(1) **Си же слышавъ король части римскїѧ ѿ полꙋнощныѧ страны таковое мꙋжество кн҃зѧ алеѯанᴬра, помысли в себѣ: поидꙋ, плѣню ꙁемлю алеѯанᴬровꙋ; и собравъ силꙋ великꙋ, наполни корабля мншгы полковъ своиˣ, подвижесѧ в силѣ велицѣ, пыхаѧ дꙋхоᵐ ратныᵐ. Прїиде в невꙋ, шатаѧсѧ безꙋмїемъ, посла послы, ꙁагордѣв'сѧ къ кн҃зю алеѯанᴬрꙋ в новъграᴬ, рече: аще мшжеши противитисѧ мнѣ, то се есмь оуже ꙁдѣ, плѣнѧа ꙁемлю твою. // Алеѯанᴬръ же, слышавъ словеса ихъ, раꙁгорѣсѧ срᴬцемъ и вшедъ въ цр҃ковь ст҃ыѧ софїѧ, паᴬ на колѣнꙋ преᴬ олтаремъ, нача молитисѧ бг҃ꙋ съ слеѯами: ⟨…⟩ Въспрїемъ ѱл҃шᵐскꙋю пѣᶜ, рече: ⟨…⟩ И скончавъ молитвꙋ, въставъ, поклонисѧ; // архїепᶜпъ же спиридонъ блᶜвивъ его, ѿпꙋсти. // онъ же, идѧ иꙁ' цр҃кве, оутираше слеꙁы, и нача крѣпити дрꙋжинꙋ свою и рече ⟨…⟩ И сїа рекъ, прїиде на нихˣ в малѣ дрꙋжинѣ, не сождавсѧ со многою силою своею, но оуповаа на ст҃ꙋю трᵒцꙋ** [Серебрянский 1915: тексты, 111—112] ср. [Бугославский 1914: 279—280].

Таким образом, в качестве очень общего правила можно утверждать, что субъект появляется перед предикатом, когда этот субъект является новым агентом (сравнительно с предшествующими предикативными единицами). Это правило, однако же, нарушается очень часто; в разных текстах ситуация различна (этими различиями никто не занимался), однако общее впечатление состоит в том, что подобное правило обычно покрывает немногим более половины предикативных единиц в реальных текстах. Например, если в летописи в начале предикативной единицы стоит указание на время события, которое обозначено предикатом, обычно субъект ставится после предиката (ср.: «В лѣ҂ .ѯ҃s . ф҃ . пд . Ходи Володимеръ сн҃ъ Всеволожь . и Ѡлегъ сн҃ъ Ст҃ославль . Лѧхомъ в помочь на Чехы . сего же лѣта престависѧ Ст҃ославъ сн҃ъ Ꙗрославль ⟨…⟩ В лѣ҂ . ѯ҃s . ф҃ . пе . Поиде Изѧславъ с Лѧхы . ⟨…⟩ В лѣ҂ . ѯ҃s . ф҃ . пs . Бѣже Ѡлегъ [сн҃ъ] Ст҃ославль . Тмутороконю . ѿ Всеволода . мᶜца . априлѧ . В се же лѣто . оубьѥнъ бы҃ᶜ Глѣбъ . сн҃ъ Ст҃ославль» — ПВЛ, стб.199); можно сказать, что темпоральный инципит притягивает к себе глагол[3]. Есть и другие типовые случаи

[3] О Новгородской первой летописи в этой связи см. специально [Гиппиус 2006: 167—169]. Начальные фразы статей Новгородской летописи оказываются в инте-

нарушения базового правила, связанные с различными дискурсивными параметрами. Поскольку проблема не исследована, было бы преждевременно говорить об условиях реализации различных закономерностей.

Дательный самостоятельный как предикативная единица

Дательный самостоятельный также представляет собой отдельную предикативную единицу, в обычном случае со своим субъектом, выраженным именем в дат. падеже, и со своим предикатом, выраженным причастием. Это не всегда так, потому что в восточнославянских памятниках не слишком редко появляется то, что Д. Ворт называет «non-Greek DA» [Ворт 1994: 29—30], когда субъект ДС совпадает с субъектом главного (матричного) предложения (типа «Киеви же пришедшю въ свои градъ Києвъ . ту животъ свои сконча» — ПВЛ, стб.9) (ср. еще [Корин 1995: 264—266, 276—277; Дёрфи 2005: 355—356]; попытки определить условия употребления такого тавтосубъектного ДС в летописном тексте см. [Христова 2006]; о старославянских прецедентах см. [Коллинс 2004]). На этих особых случаях сейчас можно не останавливаться.

Можно полагать, что и на ДС распространяется то общее правило, которое было сформулировано выше: субъект стоит перед предикатом, когда это новый субъект (или, иными словами, когда происходит смена субъекта и в нарративе имеет место прерывность). И с ДС это правило работает лишь с многочисленными оговорками, которые требуют дальнейшего исследования. Они связаны, видимо, с такими нуждающимися в уточнениях параметрами, как степень агентивности субъекта и событийности предиката (ср. *многому времени минувшу*; *покоющуся морю*), стремлением автора подчеркнуть агентивную или событийную составляющую (ср. равно возможные *солнцу воссиявшу* и *воссиявшу солнцу*) и т. д. (при нынешнем уровне изученности данных явлений даже состав релевантных параметров остается неясным).

При всех оговорках, неточностях и неполноте наших сведений предложенное правило ряд фактов объясняет и в определенных случаях действует почти безотказно. Приведу один пример, который хотя бы отчасти может ввести в проблему дискурсивных функций ДС. Материалом для этого примера служит ЖФ. Прежде чем анализировать интересующее нас явление, целесообразно остановиться на характере употреблении ДС в данном памятнике.

В принципе ДС нужен для того, чтобы приписать какой-либо предикативной единице неполноценный (подчиненный) статус сравнительно с пре-

ресующем нас отношении разнородны. Как правило, после начального «Въ лѣто...» стоит глагол, однако имеются исключения, характерные для отдельных хронологических отрезков текста или указывающие на заимствование инородного лингвистического материала.

дикативной единицей главного предложения, указать на дискурсивную второстепенность описанного с помощью ДС события (его фоновый характер, или его выпадение из нарративной цепочки, или его функцию как отсылки к уже известной информации [Корин 1995: 259—260]). Для этого есть и другие синтаксические средства (например, неабсолютные причастные обороты, или придаточные предложения с подчинительными союзами, или обстоятельственные именные группы с временным или причинным значением). Разные авторы отдают предпочтение разным средствам; более того, разные авторы в разной степени стремятся маркировать субординацию предикативных единиц. Один напишет *солнцу взошедшу, поиде князь на касогы*; другой *с восходом солнца поиде князь на касогы*; третий *взиде солнце и поиде князь на касогы*. Выбор зависит от нарративных стратегий автора.

Древние церковнославянские тексты в этом отношении разнообразны, и это разнообразие лишь отчасти зависит от жанра, а отчасти от навыков и вкусов писателя. Типологии текстов по данному параметру не существует, однако в качестве ориентира можно указать, например, что в Житии Александра Невского, достаточно пространном тексте, по объему равном приблизительно четверти ЖФ, употреблено всего два ДС. Один дефектный, так называемый «non-Greek DA» (**Стоѧщꙋ^ж емꙋ при краи морѧ, стрежаше обою пꙋтїю, и пребы^с всю нощь во бдѣнїи** — [Серебрянский 1915: тексты, 113]; ср. [Бугославский 1914: 281]); другой стандартный обстоятельственный (**Бѣ^ж сꙋбота тогда, восходѧщꙋ сл҃нцꙋ, и състꙋпишасѧ обои воиска и бы^с сѣча велика и ѕла** — [Серебрянский 1915: тексты, 115]; ср. [Бугославский 1914: 284]). Больше ДС автору не понадобилось. На этой шкале ЖФ занимает прямо противоположное место. В ЖФ ДС употреблен 196 раз. Можно сказать, что Нестор испытывает почти патологическое влечение к этому обороту. Характерно, что он употребляет его даже в тех случаях, когда это ничем не оправдано, т. е. когда никакого субординирования одной предикативной единицы по отношению к другой по смыслу не нужно. Ряд таких случаев анализирует в своей работе А. Корин, рассматривающий различные отклонения от «канонического» употребления ДС как свидетельства его постепенного разрушения [Корин 1995: 272—280]. Приведу только один пример из того эпизода, в котором рассказывается о разбойниках, хотевших ограбить церковь, но не смогших этого сделать, поскольку из церкви до них все время доносилось церковное пение:

(2) **анг҃ли бо бѣша поюще въ неи. ѡнѣмъ мнꙗщемъ ꙗко братии полоꙋнощьноѥ пѣниѥ съвьрьшающемъ. и тако пакы ѿидоша. чающе донъдеже сии съконьчають пѣниѥ. и тъгда въшьдъше въ цр҃къвь поѥмлють вьсѧ соущаꙗ въ и. и тако многашьды приходѧщемъ имъ. и тъ гл҃ас аньгельскыи слышащемъ** (л. 46г).

Можно было бы написать: «**и тако многашьды приходѧхоꙋ. и тъ гл҃ас аньгельскыи слышахоꙋ**». Возможно, конечно, что Нестор употребил ДС вместо личных форм, чтобы подчеркнуть, что это были повторы однажды

уже описанного действия, и их синтаксическая второстепенность должна была маркировать эту ситуативную (нарративную) производность. Но эта функция, вообще говоря, у ДС отсутствует (см. [Ворт 1994: 33—41]), так что автор здесь трактует функции ДС расширительно, что и свидетельствует о его неординарном пристрастии к этому синтаксическому средству. Авторы ПВЛ несколько более умеренны в данном отношении, хотя употребления ДС в этом памятнике многочисленны и разнообразны и, можно думать, закладывают традицию летописного нарратива[4].

Вернемся теперь к вопросу о позиции нового субъекта в ДС. Частный случай, который демонстрирует действие сформулированного выше правила, определяется тем, что субъектом является сверхъестественный агент (Д. Ворт рассматривает такие употребления как особый тип под рубрикой «divine causation» — [Ворт 1994: 36—37]). Под сверхъестественным агентом имеется в виду Бог, Св. Дух и т. д. или, напротив, дьявол (в одном случае — не названный по имени князь). Характерное свойство субъектов этого рода — их полноценная агентивность, однако дело не в их семантике, а в их нарративных свойствах. В рассматриваемых нами случаях сверхъестественные агенты не являются протагонистами повествования, они стоят вне него как потусторонняя сила (конечно, это утверждение требует оговорок: когда бесы нападают на преп. Феодосия, они, с нарративной точки зрения, выступают не как сверхъестественная сила, а как обычные персонажи, как своего рода массовка; в других текстах, понятно, роль реальных персонажей может играть и Богородица, и сатана). Можно сказать, что сверхъестественные субъекты вторгаются в нарратив извне. В силу этого они всегда являются новыми агентами, не находящимися в зависимости от предшествующего повествования. Стандартное место для них — в препозиции к причастию. Эта позиция не зависит ни от значения оборота дательного самостоятельного (он может указывать на причину события главного предложения или сообщать об обстоятельствах этого события), ни от положения оборота в предложении (в препозиции или в постпозиции к основному предикату). В ЖФ мы находим 21 пример с препозицией сверхъестественного субъекта, ср., например:

(3) **нъ обаче самъ ѡ^{т} нихъ побѣженъ бы$\overline{с}$. бо$\overline{у}$ помагающю молитвами пр$\overline{п}$дбьнааго о$\overline{ц}$а нашего ѳеѡдосиа** (л. 47а).

[4] Ср. в этой связи о Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку: [Дёрфи 2005]. Автор насчитывает в данном тексте 212 ДС, причем ряд употреблений определяются как нестандартные и, в частности, как функционально нестандартные обороты (например, ДС, «образующий простое самостоятельное предложение» [Там же: 358—359]). Автор склонен трактовать «нестандартные» обороты как поздние, т. е. как позднее искажение традиции, ранее подобных конструкций не допускавшей; однако, если даже предполагать существование некой идеальной традиции, отклонения от нее начинаются, как видно из ЖФ, весьма рано. Некоторые данные о развитии этой традиции в позднейшем летописании можно найти в [Сабельфельд 2002].

(4) **бы҃с же родителема б҃лженаго преселити сѧ въ инъ градъ коурьскъ нарицаѥмыи. кнꙗзю тако повелѣвъшю паче же рекоу богоу сице изволивъшю** (л. 27в).

(5) **вьси же съврьстьнии отроци ѥго роугающе сꙗ ѥмоу оукарѧхоути и о таковѣмь дѣлѣ и тоже врагоу наоучающю ꙗ** (л. 29б).

Исключения находим лишь в двух случаях (8,7%). Оба эти случая носят несколько загадочный характер и не поддаются простому объяснению. В первом случае речь идет об авторской ремарке, отделяющей первую часть жития от последующего изложения:

(6) **обаче и на прочеѥ съказаниѥ отрока исправлениꙗ поидоу. съврьшениѥ же г҃лъ ми оукажеть сꙗ. б҃лгоисправлꙗющю б҃оу и словословоу** (л. 33б).

Хотя О. В. Творогов переводит этот пассаж следующим образом: «Однако обращусь я к дальнейшему рассказу о подвигах отрока, а нужное слово укажет мне Бог, дарующий благо и славослов» [БЛДР, I: 369], и подобное толкование, и соответствующее ему синтаксическое построение кажутся сомнительными. Кто такой *славослов*, неясно, и непонятно, следует ли рассматривать текст в данной форме как «правильный», соответствующий замыслу автора. Как показал А. А. Шахматов, данное место является заимствованием из Жития Саввы Освященного, в котором читаем «**и се оубо оуже оучастьнѣ г҃ланиими показасѧ. съвершенѣѥ же г҃лемыими оукажетьсѧ. б҃лагоисправлѧющю б҃оу. и словоу слово**» [Шахматов 1896: 8]. В Житии Саввы данное место достаточно понятно, особенно при сопоставлении с греческим оригиналом, который также приводится Шахматовым: «*καὶ τοῦτο μέν ᾔδη ἐκ μέρους διὰ τῶν εἰρημένων ἀπεδείχθη, καὶ αὖθις ἀποδειχθήσεται, εὐοδοῦντος τοῦ θεοῦ λόγου τὸν λόγον*» [Там же]. Смысл сказанного, которое с некоторым трудом можно извлечь и из славянского текста Жития Саввы, может быть выражен как «и это уже отчасти было показано сказанным, а еще совершеннее будет показано словами, если Божье слово (или, равно допустимо, Бог-Слово) направит слово (повествование)»[5]. *Бог и Слово* в значении ‘Бог-Слово’ вполне возможно для восточнославянского синтаксиса данной эпохи (см. об *и* в значении ‘он же’ во фразах типа *тогда Володимерь и Мономахъ пилъ золото*^{м} *шоломомъ Донъ* [НГБ 2004: 13]), хотя и остается нестандартным. В ЖФ текст поврежден, возможно, самим Нестором, а возможно, одним из переписчиков: вместо **б҃оу и словоу слово** находим **б҃оу и слово словоу**, что, как мы видели, ввело в соблазн О. В. Творогова. Постпозиция субъекта может отражать постпозицию субъекта в родительном самостоятельном греческого оригинала. Вместе с тем в церковнославянском при составном характере субъекта оптимальной конструкцией является помещение причастия между двумя наименованиями субъекта (т. е. **б҃оу**

[5] Я признателен А. А. Пичхадзе, указавшей мне на греческий источник этой синтаксической аномалии.

бл҃гоисправлꙗющю и словоу), однако в данном случае такое расщепление субъекта невозможно по содержательным (богословским) причинам, и это может опять же благоприятствовать постпозиции.

Трудности второго примера имеют иную природу. Предложение стоит в начале эпизода:

(7) **Тъгда же о҆ц҃ь нашь ѳеодосии напъл҆нивъ сѧ дх҃а с҃тго. начатъ бл҃годатию бж҃ию подвизати сѧ. ꙗко же въселити томоу въ дрꙋгоѥ мѣсто. помагающꙋ томоу с҃томоу дх҃оу. и цр҃квь же великоу камениѥмь въꙁградити. въ има с҃тыꙗ бц҃ѣ и приснодв҃ыꙗ мариꙗ. пьрьвѣи бо цр҃кви древѧнѣ соущи и малѣ на приꙗтиѥ братии** (л. 60в).

Первая неясность состоит в том, к чему относится **томоу** в **ꙗко же въселити томоу въ дрꙋгоѥ мѣсто**. Никакого антецедента у этого местоимения нет, так что читателю приходится догадываться, о чем идет речь. О. В. Творогов переводит: «задумал по благодати Божьей перенести монастырь на новое место» [БЛДР, I: 425]. Перевод, как можно видеть, вольный, но конъектура, надо думать, правильная: **томоу** относится к монастырю. Хуже обстоит дело со вторым **томоу** во фразе **помагающꙋ томоу с҃томоу дх҃оу**. Здесь **томоу** может относиться к Феодосию, задумавшему перенос монастыря, к монастырю, который был антецедентом предшествующего **томоу** (в этом случае второе **томоу** повторяет первое **томоу**), к самой затее («при помощи этому делу Святого Духа) или, наконец, быть определением к Святому Духу (помощь идет от того самого Святого Духа, которым исполнился Феодосий). В этом предложении Нестор явно испытывает трудности с синтаксическим построением. Можно думать, что нестандартная постпозиция субъекта в ДС появляется именно в контексте этих трудностей.

Разделавшись с этими двумя исключениями, мы получаем вполне четкую картину. Сверхъестественный агент всегда является новым (в нарративной последовательности) субъектом, и в силу этого соответствующее существительное всегда находится в препозиции к причастию. В этом случае, как можно видеть, сформулированное выше правило работает с полной последовательностью.

Исходя из этих общих соображений, мы и предполагаем обратиться к обозначенному выше частному случаю — употреблению ДС с субъектом, выраженным анафорическим местоимением. Этот класс случаев особенно интересен в силу ряда обстоятельств. Понятно, что анафорический субъект не может быть новым субъектом, таким, как Бог или Святой Дух в разобранных выше примерах. Это могло бы означать, что анафорическое местоимение должно всегда располагаться после предиката (т. е. причастия). Это, однако, не так, потому что «новое» — это не всегда «совсем новое». Анафорическое местоимение может отсылать к близлежащему (слева) агенту, и тогда это «старый» агент, а может отсылать к более отдаленному агенту, и тогда с его (местоимения) появлением происходит смена протагониста повествования (возникает агентная прерывность) и в нарративной

цепочке анафорическое местоимение указывает на «нового» агента. «Старый» и «новый» зависят, таким образом, от референтной структуры данного нарративного фрагмента, и отсюда возникает задача определить, как референтная структура фрагмента соотносится с порядком слов в ДС, субъект которого — анафорическое местоимение.

Начальная гипотеза состоит в том, что, если анафорическое местоимение отсылает к близлежащему агенту, оно располагается после причастия; если же оно отсылает к дистанцированному агенту (такому, отсылка к которому перескакивает через близлежащего агента), оно располагается перед причастием. В целом, как мы увидим, эта гипотеза подтверждается, однако, для того чтобы сделать по этому поводу ясные и проверяемые утверждения, надо существенно усовершенствовать аппарат описания и разобраться с достаточно многочисленными случаями нарушений данного общего положения. Одновременно необходимо понять, какие местоимения служат для установления разных анафорических отношений, и это тоже непростая проблема, поскольку однозначного отношения между типами анафоры и отдельными местоимениями не наблюдается; иными словами, анафорические местоимения полифункциональны, а разные анафорические отношения могут устанавливаться с помощью одних и тех же анафорических местоимений. При этом в разных памятниках в составе ДС используются разные наборы анафорических местоимений, так что сами эти наборы могут рассматриваться как элемент индивидуальных нарративных стратегий (или, как сказали бы раньше, авторского стиля). Практически это означает, в частности, что в разных памятниках одни и те же местоимения обладают разными наборами функций.

Какие-либо типологические данные, касающиеся систем референции и средств референции в церковнославянских текстах, отсутствуют; можно лишь надеяться, что настоящая работа послужит стимулом для разработки такой типологии. Поэтому мы вынуждены ограничиться простейшим сопоставлением двух произвольно выбранных памятников с расчетом на то, что полученные результаты можно будет в дальнейшем использовать при анализе более представительного множества. Два анализируемых в работе памятника — это уже упоминавшееся Житие Феодосия (ЖФ) по списку Успенского сборника и Повесть временных лет (ПВЛ) по Лаврентьевскому списку. Составители ПВЛ используют ДС почти столь же интенсивно, как и Нестор, хотя в разных фрагментах ПВЛ интенсивность неодинакова (этот существенный аспект в настоящей работе рассматриваться не будет). В ПВЛ в ДС употребляется практически лишь два анафорических местоимения *и* и *оныи*; местоимения *тъ* и *сь* употреблены в данном контексте по одному разу, и эти употребления могут рассматриваться как исключительные случаи. В ЖФ в ДС употребляются три анафорических местоимения: *и*, *тъ* и *оныи*. Поскольку для рассматриваемых памятников характерна та стратегия построения длинных нарративных цепочек, о которой говорилось выше, набор функций, которые в двух этих памятниках выполняют

анафорические местоимения, практически одинаков. На этом фоне тот факт, что ПВЛ по существу обходится двумя местоимениями, а ЖФ использует три, представляет известный интерес (см. ниже).

ПВЛ, анафорическое *и*

Система ПВЛ в определенном смысле проще, и поэтому целесообразно начать с нее. В ПВЛ (в рамках ДС, которыми мы здесь ограничиваемся) *и* и *оныи* различаются и по своим референтным свойствам (по тому, к какому антецеденту они отсылают), и по характерному для них положению относительно причастия. Формулируя условия употребления местоимения *и*, можно сказать, что оно отсылает к ближайшей «подходящей» именной группе, находящейся слева от него. Проблема состоит лишь в том, как определить подходящую именную группу. В большинстве случаев это субъектный актант предшествующей основной предикативной единицы («главного предложения»). В ПВЛ так обстоит дело в 36 случаях (3 из них нуждаются в особых оговорках, см. ниже) из 50 (напомню, что речь идет только о местоимении *и* в качестве субъекта ДС), т. е. в 72% случаев. Приведу несколько примеров:

(8) Иде [Володимиръ] на Хорватыı . пришедшю бо єму с воинъı Хорватьскъıи . и се Печенѣзи придоша (стб. 122).
(9) К вечеру же ѡдолѣ Ꙗрославъ . а С҃тополкъ бѣжа . и бѣжащю єму нападе на нь бѣсъ (стб. 144—145).
(10) да запрѣтить кн^азь сломъ своимъ . и приходѧщимъ Руси сде да нь творѧть . бещиньıи в селѣхъ ни въ странѣ нашеи. и приходѧщимъ имъ да витають оу с҃тго Мамъı (стб. 48).

Нуждаются в особых оговорках те случаи, когда анафорическое местоимение стоит в форме мн. или дв. числа и отсылает сразу к нескольким агентам предшествующего повествования, ср.:

(11) Придоша Половци первоє на Русьскую землю воєватъ . Всеволодъ же изиде противу имъ . м^ца ѳеврала . въ . в҃ . дн҃ь . И бившимъсѧ имъ. побѣдиша Всеволода . и воєвавше ѿидоша (стб. 163).

Имъ в данном примере относится одновременно к Всеволоду, являющемуся субъектом предшествующей предикативной единицы, и половцам, фигурирующим в этой единице в качестве дополнения (*имъ*). Двойная анафора связана со взаимностью действия, обозначаемого глаголом *битися*. В следующем примере в предшествующих ДС предикативных единицах говорится о двух агентах, Давиде и Боняке, выступающих — в виде пары — в качестве имплицитного субъекта глагола *поидоста*; к этой паре и отсылает местоимение *има* (такая анафора могла бы быть названа соединительной):

(12) Дв҃дъ ⟨…⟩ пришедъ из Лѧховъ . и посади жену свою оу Володарѧ. а са^{м} иде в Половцѣ . и устрѣте и Бонѧкъ . и воротисѧ Дв҃дъ . и поидоста на Оугры . идущема же има сташа ночлѣгу (стб. 270).

Лишь небольшое осложнение вносит в подобную же схему и следующий пример. Его особенность состоит в том, что в предшествующем нарративе обозначено два агента (Олег и Борис) и употребляются формы дв. числа, тогда как анафорическое местоимение в ДС стоит в форме мн. числа. Видимо, в подобных случаях (см. аналогичный пример из ЖФ — пример 43) к субъектам, ведущим военные действия, примысливаются сопровождающие их воины, см.:

(13) ре^{ч} же Ѡлегъ к Борисови . не ходивѣ противу . не можевѣ стати противу четыремъ кнѧземъ . ⟨…⟩ и по[и]доста противу . и бывшимъ имъ на мѣстѣ оу села . на Нѣжатинѣ нивѣ . и сступивши^{м}сѧ ѡбоимъ . бы^{с} сѣча зла (стб. 201)[6].

В 14 случаях анафорическое местоимение в ДС отсылает к несубъектному актанту. Из этих 14 случаев в 8 субъектный актант оказывается «неподходящим» по формальным признакам; в 7 случаях субъектный актант и анафорическое местоимение различаются по числу, в одном случае — по лицу, и в этих случаях читатель вынужден идентифицировать в качестве антецедента ближайший слева несубъектный актант, подходящий по числу и лицу. Во многих из этих случаев несубъектный актант является при этом смысловой темой (см. о понятии смысловой темы и о роли этого параметра при выборе анафорического местоимения в современном русском языке: [Падучева 1985: 116, 124—127]) или, иными словами, главным действующим лицом эпизода; именно в силу того, что речь в основном идет о данном агенте, он и оказывается субъектом ДС, ср. следующие примеры:

(15) Бориса же оубивше ѡканьнии оувертѣвше в шатеръ . възложивше на кола повезоша и . и єще дышющю ѥму . оувѣдѣвше же се ѡканьнъıи Ст҃ополкъ ꙗко єще дышеть . посла два Варѧга прикончатъ ѥго (стб. 134).

---

[6] Еще один особый случай можно видеть в следующем примере:

(14) Перуна же повелѣ привѧзати . коневи къ хвусту . и влещи с горы по Боричеву на Ручаи . в҃і . Мужа прістави тети жезльѥмь . се же не ꙗко древу чюющю . но на поруганьє бѣсу . иже прелщаше симь ѡбразо^{м} чл҃вкы . да възмездьє прииметь ѿ чл҃вкъ . [веліи єси Г҃и чюдна дѣла твоꙗ . вчера чтимь ѿ чл҃вкъ] а [дн^{с}ь] поругаѥмъ . влекому же ѥму по Ручаю къ ^{д}нѣпру . плакахусѧ ѥго невѣрнии людьє (стб. 116—117).

Формально антецедент *ему* — Перун, который в предшествующих предикативных единицах является эллиптированным грамматическим субъектом, хотя в актантной структуре он занимает место объекта. Однозначность создается, видимо, тем, что Перун оказывается основным действующим лицом данного эпизода, его смысловой темой.

В предшествующих ДС предикативных единицах субъектом являются *оканьнии* (мн. ч.), объектом — *Борис*, *ему* может отсылать только к *Борису*. При этом именно Борис оказывается смысловой темой (основным персонажем) рассматриваемого эпизода. Аналогичным образом устроен и следующий пример:

(16) се же сбы^{с}сѧ [гл҃ъ] ѡц҃а ѥго ꙗко^{ж} гл҃алъ бѣ сему . приимшю послѣже всеꙗ бра^{т}ꙗ столъ ѡц҃а своѥго по см҃рти брата своѥго . се же [вар.: *сѣде в*] Кыѥвѣ кнѧжа . быша ѥму печали болше паче . неже сѣдѧщю ѥму в Переꙗславли . сѣдѧщю бо ѥму Кыѥвѣ печаль бы^{с} ѥму ѿ сн҃овець своихъ (стб. 216).

Формально субъектом предшествующей предикативной единицы являются здесь *печали*, однако *печали* не могут быть антецедентом *ему* и по числовому значению этого существительного, и в силу его неагентивности, которая заведомо исключает для него (в нарративе данного типа) роль смысловой темы (основным персонажем является князь Всеволод). Несколько иной случай представляет собой следующий пример:

(17) грѣх же ради нашихъ пусти Бъ҃ на ны поганыꙗ . и побѣгоша Русьскыи кнѧзи . и побѣдиша Половьци . Наводить бо Бъ҃ по гнѣву своєму иноплеменьникы на землю . и тако скрушенымъ имъ . въспомѧнутсѧ къ Бу҃ (стб. 167).

Здесь субъектом предшествующего предложения является *Бог*. Местоимение *имъ*, будучи формой мн. числа, к Богу отсылать не может (и Бог, заметим, обычно не выступает в историческом повествовании в качестве самостоятельного персонажа). Правда, *имъ* могло бы отсылать к *иноплеменникам* или к *Половцам*, и в данном случае читатель, идентифицируя антецедент, не может опираться на формальные параметры, а должен находить его «по смыслу». Этот способ, однако, отнюдь не противоречит нарративной стратегии восточнославянского книжника. В следующем примере, колофоне Сильвестра под 1116 г., *ему* в *кнѧжащю ѥму Кыѥвѣ* однозначно отсылает к князю Владимиру, поскольку субъект главного предложения стоит в 1-м лице и тем самым не может быть антецедентом местоимения 3-го лица; замечу при этом, что референтная связь поддерживается лексически (*при кнѧзи — кнѧжащю*), см.:

(18) Игуменъ Силивестръ ста^{г} Михаила . написа^{х} книгы си Лѣтописець . надѣꙗсѧ ѿ Ба҃ мл^{с}ть приꙗти . при кнѧзи Володимерѣ . кнѧжащю ѥму Кыѥвѣ . а мнѣ в то времѧ игуменѧщю . оу ста^{г} Михаїла (стб. 286).

Из оставшихся 6 случаев два являются лишь мнимыми исключениями. Один пример имеет следующий вид:

(19) Иде Асколдъ. и Диръ на Греки и прииде въ . д҃і . [лѣто] Михаила цр҃ѧ цр҃ю же ѿшедшю на Ѡгарѧны . [и] дошедшю єму Черныє рѣки . вѣсть єпархъ посла к нему (стб. 21).

Антецедентом *ему* является не субъект предшествующего главного предложения (Аскольд и примкнувший к нему Дир при глаголе в ед. числе), а субъект предшествующего ДС (*цесарь*), с которым рассматриваемый ДС однороден и связан соединительным союзом *и*; в подобных случаях, достаточно редких, антецедентом, видимо, и должен быть субъект предшествующей предикативной единицы, несмотря на ее подчиненный статус. И здесь референтная связь поддерживается лексически (*отошедшю — дошедшю*). Второй пример этого рода несколько отличается по своей референтной структуре:

(20) при сем бо старци Ѳеѡдосии престависѧ . и бы҃ Стеѳанъ игуменъ . и по Стеѳанѣ Никонъ . сему и єще сущю старцю . ѥдиною ѥму стоѩщю на оутрени . возведъ ѡчи свои хотѧ видѣти игумена Никона . и видѣ ѡсла стоѩща . на игумени мѣстѣ (стб. 191).

И здесь антецедентом *ему* является субъект предшествующего ДС (*сему*); особенность, однако, в том, что сам этот антецедент представляет собой анафорическое местоимение *сь*, которое в свой черед имеет антецедентом не субъект предшествующих предикативных единиц, а агента, появляющегося в обстоятельственной именной группе (*при сем бо старци*). Старец Матфей является основным действующим персонажем данного эпизода (его смысловой темой). Приведенный пример содержит единственный в ПВЛ (и единственный во всей Лаврентьевской летописи) случай употребления местоимения *сь* в качестве субъекта ДС. Трудно сказать, насколько аномально такое употребление, поскольку других случаев использования местоимения *сь* в подобной референтной структуре у нас нет. Надо полагать, что мы имеем здесь дело с необычной коммуникативной ситуацией, с которой пишущему трудно справиться, и именно в силу этой трудности он решает воспользоваться местоимением *сь*, которое в других случаях в ДС не появляется. Действительно, во фрагменте говорится о четырех персонажах — старце Матфее, игуменах Феодосии, Стефане и Никоне. Если бы вместо *сему* стояло *ему*, оно должно было бы быть отнесено к Никону; если бы вместо *сему* стояло *оному* или *тому*, оно должно бы было относиться к Стефану. Невозможность употребить эти местоимения и приводит, надо думать, к тому, что пишущий предпочитает уникальное *сь*. К анафорическому *ему* в следующем ДС это имеет, однако же, лишь косвенное отношение. Отвлекаясь от данных деталей, этот случай можно охарактеризовать как подобный предшествующему (примеру 19).

Настоящими исключениями являются, таким образом, только четыре случая (8 %). В этих четырех случаях мы сталкиваемся с «плохим» употреблением анафорического местоимения или, иными словами, с необычной коммуникативной ситуацией, для которой пишущий не нашел адекватных средств выражения, т. е. с которой он не смог справиться. Имея в виду стремление восточнославянских книжников к тому, чтобы втиснуть целый эпизод повествования в одну цепочку предикативных единиц, такие

коммуникативные неудачи можно считать предсказуемыми; примеры таких неудач встречаются, хотя и не слишком часто, в большинстве восточнославянских книжных текстов. Лишь в редких случаях эти неудачи существенно затрудняют понимание текста: хотя формально антецедент анафорического местоимения не устанавливается, контекст, энциклопедические знания и здравый смысл, предположительно общие для автора и адресата, позволяют правильно идентифицировать участников каждой из описываемых ситуаций. Так обстоит дело в следующем примере, где имеется целых два ДС с анафорическим *ему*, не имеющим однозначного антецедента:

(21) въ Єюптѣ же ѭвисѧ анг҃лъ Иѡсифу гл҃а . въст[a]въ поими ѡтроча и мтрь єго. иди в землю Изл҃ву . пришедъшю же єму вселисѧ в Назарефъ . възрастъшю же єму и бывшю лѣ҃т . л҃ . Нача чюдеса творити . и проповѣдати цр҃тво нб҃ное (стб. 102—103).

Первое *ему* (*пришедъшю же єму*) относится, безусловно, к Иосифу, хотя в предшествующем главном предложении Иосиф выступает не как субъект, а как адресат; предполагаемый читатель, несомненно, информирован о бегстве Иосифа с Марией и младенцем Иисусом в Египет, находит лексическое указание для нужного отождествления в паре *иде — пришедъшю* и при определенном навыке чтения знает, что появляющиеся в подобных эпизодах ангелы не являются главными персонажами (смысловыми темами); эти сведения позволяют читателю справиться с анафорической неопределенностью. Второе *ему* (*възрастъшю же єму*) в нарушение всех формальных правил отсылает к Иисусу, в предшествующем повествовании обозначенном лишь как *отроча* в качестве несубъектного актанта в прямой речи (через которую в обычном случае анафора перескакивает). Правильная идентификация анафоры оказывается возможной благодаря энциклопедическим знаниям читателя (о том, что Христос начал проповедовать в тридцать лет) и лексическим сближениям: отрочатам свойственно возрастать, тогда как ни их отцы (Иосиф), ни ангелы этого не делают.

Несколько меньше помогают энциклопедические знания и несколько больше контекст, лексические параллели и здравый смысл в следующем примере:

(22) [и] приведоша Белдюзѧ . к С҃тополку . и нача Белдюзь даѭти на собъ злато . и сребро . и конѣ и скотъ . С҃тополкъ же посла и к Володимеру . и пришедшю ємѹ . нача впрашати єго Володимеръ (стб. 279).

В эпизоде три действующих лица: Святополк (субъект предшествующей предикативной единицы и — формально — наиболее вероятный антецедент *ему*), Белдюзь (в предшествующей предикативной единице являющийся объектом и обозначенный анафорическим *и*) и Владимир. В принципе *ему* могло бы отсылать к любому из этих персонажей. Замена *ему* на другие анафорические местоимения не улучшает ситуации: *оному* отсыла-

ло бы с равной вероятностью и к Бельдюзю, и к Владимиру, *тому* отсылало бы к Владимиру (см. ниже). Правильная идентификация основывается на том, что тот, кто посылает, сам не идет и не приходит, а приходит обычно тот, кого посылают (*посла — поиде — прииде* выступает как стандартная лексическая последовательность); Владимир исключается, поскольку тот, к кому посылают, обычно остается на месте и никуда не приходит, а в следующей за ДС предикативной единице явно противостоит антецеденту *ему* (и *его*). Сходные соображения позволяют найти антецедент и в следующем примере:

(23) С҃тополкъ же сь ѡканьнъıи и злъıи . оуби Стослава пославъ в [вар.: *ко*] горѣ Оугорьстѣи . бѣжащю єму въ Оугръı . и нача помъıшлѧти . ꙗко избью всıо братью свою . и прииму власть Русьскую єдинъ (стб. 139).

Анафорическое *ему* должно было бы относиться к Святополку, однако это противоречит здравому смыслу, поскольку тот, кто посылает, обычно никуда не бежит. Вместе с тем на Святослава как на антецедент указывает локализация действия: Святополк посылает туда (к горе Угорской), куда бежит его жертва (в Угры).

В отношении четырех разобранных выше аномальных примеров надо помнить, однако же, что возможность правильной идентификации антецедента не означает, что построение является коммуникативно удачным. Удачными могут быть названы те построения, в которых действующие лица идентифицируются автоматически, а не с помощью разнообразных рассуждений. Когда потребны рассуждения, мы имеем дело с зоной неопределенности, с провалом, пусть и не катастрофическим (в силу того, что, хотя бы и вопреки «грамматике», коммуникативная цель достигается, и катастрофа, в сущности, состоит в том, что грамматика отодвигается на второй план). Возможность подобных провалов указывает на то, что референтные структуры древних восточнославянских текстов не отличаются жесткостью (в противоположность современным референтным структурам). В силу этого те закономерности, которые мы реконструируем, действуют лишь вероятностным образом: они верны для статистического большинства примеров, но не исключают нарушений.

Обратимся теперь к положению анафорического *и* в ДС относительно предиката (причастия). Это местоимение отсылает, как мы видели, к ближайшему «подходящему» агенту слева, т. е. анафорическая связь имеет место в условиях агентной непрерывности. В этих условиях местоимение должно располагаться после предиката. Именно такую ситуацию мы и находим в подавляющем большинстве случаев в ПВЛ. В 39 случаях из 50 (т. е. в 78 % случаев) анафорическое *и* располагается в постопозиции к причастию, ср. произвольный пример:

(24) но се Кии кнѧжаше в родѣ своємь . [и] приходившю єму ко ц҃рю . ꙗкоже сказають . ꙗко велику честь приꙗлъ [есть] ѿ ц҃рѧ . при к°то-

ромь приходивъ цр҃и . идущю же єму ѡпѧть . приде къ Дунаєви . [и] възлюби мѣсто и сруби градокъ малъ (стб. 10).

В 11 случаях, однако же, *и* стоит в препозиции к причастию. Все эти 11 случаев отмечены тем, что оборот ДС вводится особой обстоятельственной группой: в 1 случае *и сице*, в 5 случаях *и се*, в 5 случаях *единою*. Функция этих обстоятельственных групп может быть определена как фокусирование нарратива на следующей за ними предикативной единице, в силу чего их можно рассматривать как фразовые коннекторы. Фразовые коннекторы данного типа, видимо, притягивают к себе анафорические местоимения, и именно в результате этой перетяжки анафорическое *и* оказывается в препозиции к причастию, ср.:

(25) се слъшавъ Глѣбъ . възпи велми съ слезами плачасѧ по ѡц҃и . паче же по братѣ . и нача молитисѧ съ слезами гл҃ѧ . ⟨…⟩ и сице єму молѧщюсѧ съ слезами . се внезапу придоша послании ѿ Ст҃ополка на погубленьє Глѣбу (стб. 136).

(26) Ꙗрославъ ста на мѣстѣ идеже оубиша Бориса . въздѣвъ руцѣ на н҃бо ре҃ ⟨…⟩ и се єму рекшю поидоша противу собѣ (стб. 144).

(27) игуменьство бо Θеѡдосью держащю . в животѣ своємь правѧщю стадо порученоє юму Бм҃ь ⟨…⟩ печашесѧ ѡ дш҃ахъ ихъ ⟨…⟩ юдиною бо юму пришедшю в домъ Ꙗневъ . къ Ꙗневи и к подружью юго . Мр҃ьи . Θеѡдосии бо бѣ любѧ ю . занеже живѧста по заповѣди Г҃ни . и в любви межи собою пребъываста . юдиною же юму пришедшю к нима . и оучашеть ю ѡ мл҃тни къ оубогъımъ (стб. 211—212).

Воздействие фразовых коннекторов на порядок слов, возможно, стоит уподобить эффектам логического акцента, влияющего на коммуникативную структуру предложения, ср. [Падучева 1985: 109—127]; механизмы этого влияния требуют дальнейшего исследования. Можно было бы попытаться объяснить перетяжку анафорического местоимения в позицию после коннектора определенной модификацией закона Вакернагеля, при которой *ему*, *имъ*, *има* трактуются как энклитики или нечто близкое к энклитикам по своему акцентному статусу и занимают позицию после первого полноударного слова во фразе. Идея подобного объяснения была мне предложена А. Тимберлейком. Несмотря на то, что перечисленные выше формы явно не имели в ранний период энклитического статуса, неполноценный акцентный статус (полуэнклитический) им можно было бы приписать, ср. [Живов 2006: 207—208], хотя в силу полной неопределенности этого статуса данная гипотеза не обладает большой объяснительной силой (ср. обсуждение непродуктивности обращения к просодическим факторам при работе с древними письменными текстами: [Тернер 2007]). Как известно, в книжных восточнославянских текстах закон Вакернагеля может не работать (см. [Зализняк 1986: 158; 2004б: 46]), и в любом случае интересующие нас формы в ПВЛ ему не подчиняются, ср. хотя бы:

(28) Престависѧ великъıи кнѧзь Русьскъıи Ꙗрославъ. и єще бо живущю ѥму. нарѧди сн҃ъı своꙗ рекъ имъ (стб. 161).

Полноударное наречие *еще* притягивает здесь энклитику *бо*, но не притягивает *ему*. Аналогичная ситуация и в ряде других примеров, см.:

(29) Ꙗко се бъı$^{\widehat{с}}$ другъıи черноризець . именемь Исакии . ꙗко$^{\widehat{ж}}$ и ѥще сущю ѥму в мирѣ . в житьи мирьстѣмь и бг҃ату сущю ѥму . бѣ бо купець родо$^{\widehat{м}}$ Торопечанинь . и помъıсли бъıти мнихъ (стб. 191)

(30) Потомь поча жити крѣплѣ . и въздержаньѥ имѣти . пощеньє [и] бдѣньє . и тако живущю ѥму . сконча житьє своѥ (стб. 198).

В примере (29), как и в примере (28), *ему* не примыкает к первому полноударному слову во фразе (будь то *якоже* или *еще*[7]). В примере (30) *ему* отстоит от *и тако*; ср. такую же ситуацию в примере (17).

ПВЛ, анафорическое *оный*

В ДС (как, впрочем, и в других конструкциях) *оныи* в качестве анафорического местоимения в обычном случае употребляется, когда в нарративном фрагменте имеется два агента. В конце предшествующего предложения должен иметь место выбор между двумя возможными субъектами следующей предикативной единицы (ДС). *Оныи* указывает на одну из выбранных возможностей. Выбор обусловлен сменой агента, т. е. тем, что протагонист следующего события, описываемого в ДС, является новым агентом (агентная прерывность нарратива). Смена обычно вполне прямолинейна: субъект глагола предшествующей предикативной единицы является другим агентом, нежели субъект ДС. Антецедентом местоимения *оный* оказывается либо второстепенный агент предшествующей предикативной единицы, стоящий в объектной позиции, либо, если такого антецедента не находится, субъект одной из предшествующих предикативных единиц, но не ближайшей слева; в последнем случае анафора как бы перескакивает через ближайшего агента, что также представляет собой случай агентной прерывности.

В ПВЛ встречается 17 ДС с анафорическим местоимением *оный*. Его типичное употребление может быть проиллюстрировано следующим примером:

(31) оувѣдѣвше же се ѡканьнъıи С҃тополкъ ꙗко єще дъıшеть . посла два Варѧга прикончатъ ѥго . ѡнѣма же пришедшема [и видѣвшема] . ꙗко и єще живъ єсть . єдинъ єю извлекъ мечь проньзе и къ ср$^{\widehat{д}}$цю (стб. 134).

[7] Решение зависит от того, где мы ставим так называемый ритмико-синтаксический барьер (см. об этом понятии: [Зализняк 2004а, 186—187]). При любой постановке, однако, *ему* закону Вакернагеля не подчиняется.

Субъект предшествующего предложения — Святополк, антецедентом же местоимения *ѡнѣма* являются два варяга, выступающие в этом предложении как объект. Употребление анафорического *оный* обусловлено референтной структурой, в которой анафорическое местоимение указывает на смену главного действующего лица (агентная прерывность). Такая же референтная структура и в следующих трех примерах:

(32) Ростиславу с^{у}щю Тмуторокани . и ємлющю дань оу Касогъ . и оу инѣхъ страна$^{\overline{\text{х}}}$. сего же оубоꙗвшесѧ Грьци послаша с лестью котопана . ѡному же прїшедшю к Ростиславу . и ввѣрившюсѧ ємý . чтѧшеть и Ростиславъ . єдиною же пьющо Ростиславу с дружиною своєю . ре$^{\overline{\text{ц}}}$ котопанъ кнѧже хочю на тѧ пити . ѡному же рекши пии . ѡн же испивъ половину . а половину дасть кнѧзю пити . дотиснувъсѧ палцемь в чашю бѣ бо имѣꙗ под ногтемъ растворенье смр̄тноє и вдасть кнѧзю . оурекъ смр̄ть до дн̄е семаго . ѡному же испившю . котопан же пришедъ Корсуню . повѣдаше ꙗко в сии дн̄ь оумреть Ростиславъ . ꙗкоже и бы$^{\overline{\text{с}}}$ (стб. 166).

В первом случае в предшествующем предложении субъект *грьци*, объект — *котопан*, *оному* отсылает к данному объекту. Аналогичным образом и в третьем примере: в предшествующем предложении субъект *котопан*, объект (адресат) — *князь* (*вдасть кнѧзю*), *оному* отсылает к данному объекту. Второй пример устроен чуть менее тривиальным образом. В предшествующем предложении субъект *котопан* (*ре$^{\overline{\text{ц}}}$ котопанъ*), однако *князь*, к которому отсылает анафорическое *оному*, появляется в этом предложении в качестве объекта лишь в прямой речи котопана, причем выражен этот объект местоимением 2 лица (*на тѧ*), идентифицируемым через посредство стоящей в начале прямой речи звательной формы. И в этом случае *оному* указывает на агентную прерывность: субъект ДС — это «новый» субъект. Всего подобных примеров в ПВЛ 11.

В нескольких случаях антецедентом анафорического *оный* оказывается не вторичный агент (например, объект) предшествующего предложения, а субъект предпредшествующей предикативной единицы, ср. в рассказе об ослеплении Василька:

(33) и сволокоша с него сорочку кроваву сущю . и вдаша попадь[и] ѡпрати . попадьꙗ же ѡправши взложи на нь . ѡнъ$^{\overline{\text{м}}}$ ѻбъдующи$^{\overline{\text{м}}}$. и плакатисѧ нача попадьꙗ (стб. 261).

Онем отсылает к гонителям Василька, которые *сволокоша* и *вдаша*, тогда как в предикативной единице, предшествующей ДС, эти агенты не фигурируют (замечу, что в этой единице есть объект, Василько, смысловая тема всего фрагмента, обозначенный местоимением *и — на нь*, однако *ѡнѣм* не может быть референциально с ним связано в силу различия по числу). Анафора *ѡнѣм*, таким образом, перескакивает через субъекта предшествующего предложения (попадью) и останавливается на субъекте

предикативной единицы, отстоящей еще на один шаг налево. Понятно, что и в этом случае имеет место агентная прерывность и субъект ДС оказывается «новым» субъектом. Такую же референтную структуру обнаруживаем в рассказе об обретении мощей преп. Феодосия:

(34) азъ же вземъ рогалью нача$^{\overline{х}}$ копати рамено . и другу моєму ѡпочивающю передъ пещерою . и ре$^{\overline{ч}}$ ми оударивше [вар.: *оударишa*] в било . и азъ в то чинъ прокопа$^{\overline{х}}$. на мощѣ Θеѡдосьєвъı . ѡному гл҃щю ко мнѣ оударишa в било . мне же рекущю прокопахъ оуже (стб. 210).

В приведенном примере мы видим двух агентов (*мой друг* и *аз*), субъектом предшествующей предикативной единицы является *аз*, субъектом следующей слева предикативной единицы *друг*, и именно к другу отсылает *оный*. Сходная референтная структура и еще в одном примере, выделяющемся лишь многочисленностью упоминаемых агентов:

(35) и сѣде Василко Теребовли . а Дв҃дъ приде Володимерю . и наставши веснѣ приде Володарь . и Василко на Дв҃да . и придоста ко Всеволожю . а Дв҃дъ затворисѧ Володимери . ѡнѣма же ставшима ѡколо Всеволожа . и взѧста копьє$^{\overline{м}}$ гра$^{\overline{д}}$. и зажг^{о}ста ѡгне$^{\overline{м}}$. и бѣгоша людьє ѡгнѧ (стб. 267).

В предшествующей ДС предикативной единице субъект Давид, в следующей слева — Володарь и Василько, к которым и отсылает однозначным образом стоящее в форме дв. числа местоимение *оный*. Несколько иная референтная структура обнаруживается еще в одном примере из рассказа об ослеплении Василька:

(36) и впроси водъı . ѡни же даша ємy . и испи водъı и вступи во нь дш҃а . и оупомѧнусѧ . и пощюпа сорочкъı и ре$^{\overline{ч}}$ чему . єсте снѧли с мене . да бъı$^{\overline{х}}$ в тои сорочкѣ кровавѣ см҃рть приѧлъ и сталъ пре$^{\overline{д}}$ Бм҃ь . ѡнѣм же ѡбѣдавши$^{\overline{м}}$ поидоша с ни$^{\overline{м}}$ вскорѣ на колѣхъ (стб. 261).

Антецедентом анафорического *ѡнѣм* оказывается субъект предикативной единицы, входящей в состав прямой речи Василька; субъект имплицитно обозначен формой 2 лица мн. числа (*есте сняли*). Между антецедентом и анафорическим местоимением располагается еще одна предикативная единица, также входящая в состав прямой речи; ее субъектом является говорящий (Василько). Место прямой речи в анафорических связях представляет собой особую проблему, нуждающуюся в дальнейшем исследовании. Чаще всего (но отнюдь не всегда, ср. пример 32) анафорические связи как бы обходят прямую речь, оказывающуюся вставным элементом в референтной структуре. Отклоняется ли разбираемый пример от этой общей закономерности, неясно, поскольку если мы исключим прямую речь, то субъектом предшествующей предикативной единицы будет Василько, который *пощюпа* и *рече*, а также *испи* (душа, которая вступила в Василько, не

является самостоятельным агентом), а далее налево субъектом оказывается *ѡни*, которые могут рассматриваться в качестве антецедента *ѡнѣм*. В любом случае, конечно, *ѡнѣм* указывает на агентную прерывность.

Агентная прерывность очевидна и еще в одном примере со сложной референтной структурой:

(37) Ꙗневи же идущю домови . в другую нощь . медвѣдь възлѣзъ оугрызъ єю и снѣсть . и тако погыбнуста наꙋщеньѥмь бѣсовьскы^{м} . инѣмъ вѣдуще а своєє пагубы не вѣдуче . аще ли быста вѣдала то не быста пришла на мѣсто се . идеже ꙗтома има быти . аще ли и ꙗта быста . то почто гл҃аста не оумрети на^{м} . ѡному мыслѧщю оубити ꙗ . но се ѥсть бѣсовьскоє наоученьє (стб. 178).

Антецедентом *оному* является, надо думать, Ян, а не медведь, хотя формально это не ясно, а выясняется только по смыслу (поскольку медведь обычно не мыслит). Ян является субъектом в предикативной единице (ДС), отстоящей от анафорического местоимения более, чем на два шага, что и делает рассматриваемый пример необычным, но закономерным.

Один из примеров со сложной референтной структурой трудно интерпретировать в отношении к агентной прерывности:

(38) се внезапу придоша послании ѿ С҃тополка на погубленьє Глѣбу ⟨…⟩ и приꙗ вѣнець вшедъ въ нб^{с}ныꙗ ѡбители . и оузрѣ желаємаго брата своєго ⟨…⟩ ѡканьнии же възвратишасѧ въспѧть . ꙗкоже ре^{ч} Д҃вдъ . да възвратѧтсѧ грѣшници въ адъ . ѡнѣм же пришедшимъ . и повѣдаша С҃тополку . ꙗко створихо^{м} повелѣнаꙗ тобою (стб. 136—137).

Антецедентом *ѡнѣм* являются *ѡканьнии*. Формально, конечно, между предикативной единицей с антецедентом и ДС с анафорическим *ѡнѣм* располагается промежуточная предикативная единица с иным субъектом (*ре^{ч} Д҃вдъ*), так что сформулированные выше условия употребления анафорического *оный* оказываются выполненными. Однако вставные цитаты вместе с вводящими их предикатами обычно выпадают из рефрентной структуры (вопрос нуждается, естественно, в дополнительном исследовании), анафорические связи минуют их так же, как они минуют прямую речь. Если исключить эти вставные предикативные единицы, то антецедент *ѡнѣм* окажется субъектом в соседней с ДС предикативной единице, что, вообще говоря, требует *имъ* (*пришедшимъ же имъ*), а не *ѡнѣм*. Возможно, анафорическое *оный* выбрано потому, что анафорическое *и* отсылало бы к *грѣшници* как к ближайшей подходящей именной группе, что, конечно, не соответствовало коммуникативным намерениям автора, несмотря даже на то, что *ѡканьнии* идентифицируются с *грѣшници*.

Итак, если отвлечься от последнего сомнительного примера, анафорическое *оный* употребляется в ДС в условиях агентной прерывности. Таким образом, *оный* всегда обозначает «новый» субъект, отличный от субъекта

предшествующей предикативной единицы. По данному параметру местоимение *оный* противопоставлено анафорическому *и*; данный параметр как раз и определяет выбор одного из этих местоимений[8]. Весьма показательно (и соответствует нашей начальной гипотезе), что *оный* последовательно (без исключений) употребляется в препозиции к причастию; мы находим только *оному идущю*, и никогда *идущю оному*. Тип референтной структуры оказывается тем самым непосредственно связан с порядком слов. Проанализировав относительно простые данные ПВЛ, можно перейти к рассмотрению более сложной картины, наблюдаемой в ЖФ.

ЖФ, анафорическое *и*

Анализ употребления этого анафорического местоимения в ПВЛ показал, что оно появляется для отсылки к ближайшему подходящему антецеденту слева. Чаще всего таким подходящим антецедентом является субъект предшествующей предикативной единицы, хотя возможны и другие случаи. При всех обстоятельствах анафорическое *и* указывает на агентную непрерывность. Аналогичную ситуацию без принципиально новых моментов находим мы и в ЖФ. Анафорическое *и* в ДС употреблено в этом тексте в 29 примерах, в 16 из них (55 %) антецедент оказывается субъектом предшествующей предикативной единицы. В качестве стандартного можно привести следующий пример:

(40) **къ симъ же пакы бж҃ствьныи оуноша** ⟨…⟩ **слыша пакы о с҃тыхъ мѣстѣхъ** ⟨…⟩ **и жадаше тамо походити и поклонити са имъ. и молѧше са богоу г҃а** ⟨…⟩ **и тако многашьды молѧщюса кмоу. и се придоша страньници въ градъ тъ** (л. 28бв).

---

[8] В ПВЛ имеется также по одному примеру ДС с анафорическими местоимениями *сь* и *тъ*. Можно сказать, что употребление этих местоимений в рассматриваемом контексте носит исключительный характер. Случай с *сь* разбирался выше (пример 20); автор употребил *сь*, стремясь справиться с необычными коммуникативными задачами. Случай с *тъ* плохо поддается объяснению. Речь идет о следующем примере:

(39) Русь же видѧщи пламѧнь . вмѣтахусѧ въ воду морьскую . хотѧще оубрести . и тако прочии [в ряде списков *прочии* отсутствует] възъвратишасѧ въ своѧси . тѣмже пришедшимъ въ землю свою и повѣдаху кождо своимъ ѡ бывшемъ (стб. 44—45).

Антецедентом *тѣмже* являются *прочии* или, в тех списках, где *прочии* опущено, *русь*. Это субъект ближайшей слева предикативной единицы, поэтому здесь было бы уместно употребление местоимения *и* (*пришедшимъ имъ*). Почему автор предпочел *тъ*, неясно. Возможно, он хотел подчеркнуть временную дистанцию (нарративную отдаленность) между теми, кто спасался от греческого огня, и теми, кто добрел до Руси и поведал о случившемся.

Референтная структура этого пассажа проста и прозрачна. В предложении, предшествующем ДС, имеется только один агент (**бж҃ствьныи оуноша** = Феодосий). Анафорическое **ѥмоу** в ДС отсылает к этому единственному агенту. Сходная референтная структура наблюдается в следующих трех последовательных примерах ДС:

(41) **и тако побѣди ꙗ х҃вою силою. ꙗко къ томоу не съмѣти имъ ни приближити сꙗ ѥмь. нъ и ѥще издалеча мьчьты творꙗщемъ ѥмоу. по вечерьниимь оубо пѣнии. сѣдъшю ѥмоу и хотꙗщю опочиноути. не бо николи же на ребрѣхъ своихъ лꙗжашеть. нъ аще коли хотꙗщю ѥмоу опочиноути то сѣдъ на столѣ. и тако мало посъпавъ въстанꙗше пакы на нощьноѥ пѣниѥ. и поклонениѥ колѣномъ творꙗ. сѣдъшю же ѥмоу ꙗко же рече сꙗ и се слышааше гласъ хлопота въ пещерѣ** (л. 38аб).

Референтная структура в данном пассаже лишь немногим сложнее, чем в предшествующем. Здесь действуют два агента, преп. Феодосии и нападающие на него бесы. Тем не менее главный агент — Феодосий, он является субъектом предложения, предшествующего ДС; нет никакой неоднозначности при нахождении антецедента **ѥмоу** (в частности, поскольку агенты различаются по числу, и местоимение ед. числа может отсылать только к одному из них) и никакой прерывности в референтной структуре. В дополнение к рассмотренным четырем случаям имеется еще пять с такой же референтной структурой (всего 9).

В пяти случаях референтная структура несколько отлична. В предшествующих ДС предложениях находятся два агента и оба они являются антецедентом анафорического местоимения; местоимение в силу этого стоит в дв. числе (**има**). Ср., например:

(42) **и се пакы тъ же чьрньць иларионъ съповѣда ми. бꙗше бо и книгамъ хытръ псати. сии по всꙗ д҃ни и нощи писааше книгы въ келии оу блж҃енааго о҃ца нашего ѳеѡдосиꙗ. ономоу же псалтырь оусты поющю тихо и роукама прꙗдоуща вълноу. или коѥ ино дѣло дѣлающа. тако же въ ѥдинъ вечеръ дѣлающема има къжьдо своѥ дѣло. и се въниде икономъ** (л. 44г).

Анафорическое **има** отсылает к двум лицам, выступающим как агенты в предшествующих предикативных единицах, а именно к Илариону и Феодосию (см. пример 12 с аналогичной соединительной анафорой в ПВЛ). Употребление **има** означает, что нарратор продолжает иметь дело с теми же агентами, непрерывность даже подчеркивается тем, что оба персонажа объединены в одно. Выбор анафорического местоимения обусловлен этой непрерывностью. Имеется еще четыре примера этого же типа.

В ЖФ обнаруживается и известная нам из ПВЛ (см. пример 13) разновидность соединительной анафоры, при которой примысливается дополнительный агент:

(43) **И се же пакы инъ болꙗринъ того же х҃олюбьцѧ. идыи нѣколи съ кнѧзьмь своимь х҃олюбьцьмь на ратьныꙗ. хотѧщемъ имъ брань сътворити. обѣща сѧ въ оумѣ своѥмь г҃лꙗ** (л. 47вг).

В тексте, предшествующем ДС, имеется два агента — боярин и князь. Оба они антецеденты местоимения **имъ**. Если бы на его месте стояло местоимение **има**, референтная структура была бы в точности такой же, как в примере 42. Однако местоимение стоит не в дв., а во мн. числе. Это означает, что среди антецедентов спрятался еще какой-то агент или агенты. Читателю легко догадаться, кто этот третий участник. Князья и бояре не отправлялись на войну в одиночестве, их сопровождала дружина и другие воины. Местоимение во мн. числе отсылает к этому воинствующему множеству под предводительством князя и боярина. Поскольку имплицитно это множество присутствует и в предшествующей фразе, уместным оказывается местоимение **имъ** как указание на агентную непрерывность.

Представлено в ЖФ и такое осложнение стандартной референтной структуры, при котором между анафорическим *и* и субъектным антецедентом вторгается предикативная единица с неагентивным (и потому не «подходящим» для анафоры) субъектом:

(44) **ѡ҃ць же нашь ѳеѡдосии всꙗ си слышавъ не оубоꙗ сꙗ д҃хъмь. ни оужасе сꙗ с҃рдцьмь нъ оградивъ сꙗ крьстьнымь ороужиѥмь. и въставъ начатъ пѣти псалтырь д҃вдвоу. и тоу абиѥ многыи троусъ не слышимъ бывааше. таче по м҃лтвѣ сѣдъшю ѥмоу се пакы бещисльныихъ бѣсовъ гл҃ас слышааше сꙗ** (л. 38б).

Вторгающейся предикативной единицей является **и тоу абиѥ многыи троусъ не слышимъ бывааше**; **троусъ**, будучи неодушевленным и лишенным какой-либо агентивности или персонализации (и к тому же стоящим при отрицании), не является агентом и не может выступать в качестве антецедента **ѥмоу**. Поэтому в данном качестве фигурирует Феодосий, субъект предпредшествующей предикативной единицы, играющий роль смысловой темы всего пассажа. Несмотря на вторгающуюся предикативную единицу, агентная непрерывность не нарушается.

В некоторых случаях, не имеющих параллели в референтных структурах с ДС в ПВЛ, антецедент отсутствует или остается формально неопределенным. Так, например, обстоит дело в рассказе о священнике, который пришел к преп. Феодосию с просьбой о вине для причастия. Феодосий приказал келарю дать священнику вина, келарь возразил, что у них не хватит вина для собственных нужд; Феодосий настаивал, говоря, что Бог позаботится о Своей братии и пошлет им вина. Дальше говорится:

(45) **тъгда же шьдъ пономонарь излиꙗ вьсе вино прозвуторови. и тако и отъпоусти. Таче по ѡ^т^ѣдении къ вечероу сѣдѧщемъ имъ. и се по пророчению блаженаго. привезоша .г҃. возы. пълъны соуще къръчагъ съ винъмь** (л. 51в).

Современный редактор исправил бы этот пассаж, поскольку из него не ясно, к кому относится *имъ*. Для древних восточнославянских текстов, однако, такая формальная неопределенность приемлема. У анафорического местоимения нет прямого антецедента, но читатель без труда устанавливает, кого автор имеет в виду. Рассказ ведется о Феодосии, келаре и, имплицитно, о других монахах, или, можно сказать, о Феодосии и его монашеской общине. Читатель знает, что у монахов в Печерском монастыре была общая трапеза. С помощью этого знания читатель может отождествить пропавший антецедент *имъ* с монашеской общиной и в силу этого воспринимать нарратив как непрерывный, а *имъ* — как местоимение, обладающее каким-то субъектным антецедентом. В широком смысле нарратив, предшествующий ДС, имеет дело с теми же агентами, что и потенциальные референты анафорического местоимения. Можно сказать, что *имъ* отсылает к имплицитному субъекту. Во всяком случае никто посторонний (новый) в нарратив не вторгается. В ЖФ имеется еще два примера с подобной же структурой[9].

В нескольких случаях антецедент *и* в ДС имеется в предшествующей предикативной единице, однако сама эта единица находится в формальной зависимости от другой (которую можно было бы назвать главным предложением). Рассмотрим следующий пример из рассказа о приходе князя Изяслава в монастырь к Феодосию, куда его не пускает привратник, заставляя стоять и ждать у ворот:

---

[9] Имею в виду пассаж в рассказе о Варлааме, которого отец заставляет вернуться домой в чистой одежде; чтобы он не сотворил чего-либо неподобающего по пути, ему связали руки, но он смог броситься в выгребную яму. Затем сказано:

(46) **таче по сихъ пришедъшемъ имъ въ домъ. повелѣ оц҃ь ѥго сѣсти съ нимъ на трѣпезѣ** (л. 34в).

Никакого антецедента для *имъ* в предшествующем тексте нет. Субъектом ближайшего слева предложения является Варлаам, еще левее находится предикативная единица, субъектом которой является *отец*. Антецедент *имъ* может быть только примыслен: это те, кого отец послал за Варлаамом и которые привели его домой. Схожим образом обстоит дело и в еще одном примере, где ДС с анафорическим *имъ* стоит в начале эпизода:

(47) **Въ ѥдинъ же ѿ дн҃ии хотѧщемъ имъ праздьникъ творити ст҃ыѧ бц҃а. и водѣ не соущи преже же намѣненоуоумоу. ѳеѡдорооу соущю тъгда келарю ⟨…⟩ тъ же шедъ повѣда блаженоуоумоу оц҃ю нашемоу ѳеодосию** (л. 42б).

Поскольку ДС с анафорическим *имъ* начинает эпизод, никакого антецедента у него нет (невозможно его найти и в предшествующем эпизоде), хотя нетрудно понять, что речь и здесь идет о монастырской братии, являющейся смысловой темой всего эпизода, да и повествования в целом (играющей роль одного из главных протагонистов).

(48) **ономоу же стоꙗщю предъ враты и тьрпꙗщю. о семь подражающю ст҃го и вьрховьнꙗаго ап҃сла петра. изведеноу бо бывъшю томоу анг҃лъмь ис тьмьницѣ. и пришьдъшю ѥмоу къ домоу иде же бѣша оученици ѥго. и тълкъноувъшю ѥмоу въ врата. и се рабыни изникноувъши видѣ петра стоꙗща. и ѿ радости же не ѿврьзе воротъ** (л. 40вг).

Антецедентом *ему* в двух следующих друг за другом ДС (**пришьдъшю ѥмоу и тълкъноувъшю ѥмоу**) является апостол Петр; в референтную структуру входит также еще один ДС, предпосланный двум рассматриваемым сейчас, в котором субъектом является анафорическое местоимение *тому*, относящееся к тому же антецеденту. Можно сказать, что *ему* отсылает к субъекту предшествующей предикативной единицы местоимению *тому*, которое в свою очередь отсылает к объектному агенту предшествующего ДС. Скопление ДС, аналога которому нет в ПВЛ, обусловлено отмеченным выше пристрастием Нестора к этому обороту. Существенно при этом, что ДС с *тому* представляет собой начальную предикативную единицу вставного эпизода, и *тому* вводит в него его главного персонажа (апостола Петра). Тем самым, антецедентом *ему* оказывается все-таки субъект, представляющий собой смысловую тему эпизода, а референция осуществляется в условиях агентной непрерывности.

Сходные соображения приложимы и к следующему примеру, в котором автор с некоторым трудом справляется со стоящими перед ним коммуникативными задачами, что проявляется в определенной неясности референтной структуры:

(49) **Таже по дъвою дн҃ью повелѣвъшю келарю. да по обычаю хлѣбы братии испекоуть въ моуцѣ тои. ѥꙗ же бѣ прѣже реклъ не имамъ. тоже пекоущиимъ готовѧщемъ и тѣсто мѣсѧщемъ . и пакы имъ лѣющемъ оукропъ въ нѥ. и се обрѣте сѧ тоу жаба** (л. 52вг).

Этот пассаж представляет собой начало более или менее отдельной новеллы. Антецедентом *имъ* в **и пакы имъ лѣющемъ** является, надо думать, субстантивированное причастие *пекущиимъ*, являющееся субъектом предшествующего ДС. Построение не очень удачно, поскольку неясно, зачем Нестору понадобился второй ДС с анафорическим *имъ*, почему он предпочел такую конструкцию одному ДС с тремя однородными причастиями (**готовѧщемъ, мѣсѧщемъ и лѣющемъ**)[10].

Имеется еще семь примеров, в которых местоимение *и* в ДС отсылает к аргументу, отличному от субъектного аргумента предшествующего главного предложения. В одном из них нестандартность обусловлена уже обсуж-

[10] Трудность для понимания создается и тем, что субъектом ДС оказывается субстантивированное причастие при предикатах, выраженных также причастиями. Предлагаемое выше чтение было подсказано мне А. В. Сахаровой, которой я и приношу за это искреннюю благодарность.

давшимся выше фактором — неагентивностью субъекта главного предложения (см. пример 44); в разбираемом примере это приводит, однако, не к тому, что анафора перескакивает через предикативную единицу с неагентивным субъектом, а к тому, что *ему* отсылает к несубъектному аргументу (Софронию), который и играет роль главного агента; *ему*, таким образом, соотносится со смысловой темой эпизода и указывает на агентную непрерывность:

(50) **ꙗко же се ꙗвисꙗ игоуменоу манастырꙗ ст҃го архистратига михаила. софронию же именьмь ѣдоущю бо ѥмоу въ манастырь свои. нощи же соущи тѣмь же и се видѣ свѣтъ надъ манастырьмь** (л. 39г).

Как и в ПВЛ, в нескольких случаях (а именно в четырех) неоднозначность референтной структуры, в которой анафорическое местоимение отсылает к несубъектному актанту, разрешается тождеством грамматических параметров местоимения и его антецедента. В следующем примере таким параметром является число, ср.:

(51) [отрок] **оужасе сꙗ въ оумѣ и трепеть си въста и въсѣде на конь. ти тако поиде поутьмь. а прп҃добьноуоумоу ѳеѡдосию на возѣ сѣдꙗщю. вси же болꙗре сърѣтъше покланꙗхоу сꙗ ѥмоу. таче дошьдъшю ѥмоу манастырꙗ и се ишедъше вьсꙗ братиꙗ поклониша сѧ ѥмоу до землѧ** (л. 43в).

Субъектом предшествующей предикативной единицы являются *боляре*, к которым, однако, *ему* не может отсылать из-за мн. числа этого существительного. Ближайшим подходящим антецедентом оказывается Феодосий, выступающий как субъект в ДС (предикативная единица, находящаяся еще на шаг влево). Видимо, *оныи* также было бы возможно в этом контексте (ср. **таче ономоу дошьдъшю манастырꙗ**), однако оно указывало бы на агентную прерванность и, как следствие, слишком выдвигало бы на первый план бояр из предшествующего предложения. *Феодосий* в качестве антецедента оказывается предпочтительнее, чем *отрок*, являющийся субъектом еще более дальней, но самостоятельной предикативной единицы слева, и это определяется, видимо, не только смыслом, но и расстоянием референции. Существенным может быть и повтор *ему*. Первое *ему* (в **покланꙗхоу сꙗ ѥмоу**) предсказуемо, поскольку оно отсылает к единственному агенту предшествующей предикативной единицы; никакое другое анафорическое местоимение в этом контексте употреблено быть не может. Аналогичное *ему* в следующем ДС автоматически воспроизводит предшествующее.

Точно так же никакой неоднозначной референции не возникает и в следующем примере:

(52) [келарь] **помысли въ себѣ гл҃ꙗ . ꙗко въ оутрѣи дн҃ь пришьдъши вьсеи братии . прѣдъложю сиꙗ хлѣбы на ѣдь имъ. нынѣ же манастырьскыи хлѣбъ и да прѣдъложю сеи братии . ꙗко же помыс-**

ли тако же и сътвори . и въ оутрѣи дн҃ь сѣдъшемъ имъ на обѣдѣ . хлѣбомъ же тѣмъ издрѣзаномъ соущемъ. таче блаженыи прѣзьрѣвъ . и видѣ хлѣвы такы соуща (л. 51г).

В **сѣдъшемъ имъ на обѣдѣ** *имъ* безусловно относится к *братии* (которая закономерно согласуется по мн. числу), хотя братия и является несубъектным актантом; субъектный актант (келарь) антецедентом быть не может в силу числового значения[11].

В эпизоде, где речь идет об отношениях между Феодосием и его матерью, референтная однозначность может обеспечиваться родовым значением анафорического местоимения, ср.:

(54) **и сего ради пооущашети и мт҃и кго да облечеть ста въ одежю чистоу . наипаче же тако же и слышала бѣ кже кстъ сътворилъ . тако же кмоу облачащю ста въ одежю чистоу** (л. 30в).

В этом примере *ему* несомненно относится к Феодосию, хотя субъектным актантом в главном предложении является его мать (в придаточном, однако же, эллиптированным субъектом оказывается Феодосий — эллипсис однозначно восстанавливается также благодаря родовому значению причастия *сътворилъ*).

Как и составители ПВЛ, не обходится Нестор без коммуникативных провалов, когда референтная структура не дает возможности однозначно установить антецедент и читатель вынужден рассуждать и учитывать различные смысловые факторы. В ЖФ так обстоит дело с двумя ДС в одном пассаже:

---

[11] Особый случай представляет собой пример, в котором **имъ** имеет имеет специфическое (нетипичное) дистрибутивное значение: оно отсылает к одной из частей множества при перечислении этих частей (в современном русском здесь было бы *одни*, *другие*, *третии*). Это специфический тип референции, в котором противопоставление агентной прерывности и непрерывности оказывается нейтрализованным. Это обстоятельство может быть причиной выбора *и* (несмотря на то, что бесы выступают в виде несубъектного аргумента в предшествующей предикативной единице); и **онѣмъ**, и **тѣмъ** представляются в этом контексте менее уместными.

(53) **и се слышааше** ⟨Феодосий⟩ **гласъ хлопота въ пещерѣ отъ множьства бѣсовъ. тако же се имъ на колесницахъ ѣдоущемъ. дроугыимъ же въ боубѣны биющемъ. и инѣмъ же въ сопѣли сопоущемъ. и тако всѣмъ кличющемъ. тако же трасти ста пещерѣ. отъ множьства плища зълыихъ дх҃овъ** (л. 38б).

Примеры с *и* в данном употреблении более, кажется, не отмечаются в восточнославянских сочинениях, так что без дальнейшего подробного исследования трудно судить, каков стандартный способ передачи этой референтной структуры. В любом случае однозначность референции обеспечивается числовой формой местоимения: *имъ* может относиться только к *бесам*, но не к *Феодосию*. Возможно, впрочем, этот пример носит фантомный характер, будучи результатом описки, и прав был А. А. Шахматов, предлагавший здесь конъектуру **снимъ** вместо **се имъ** [Шахматов и Лавров 1899: 58].

(55) **И се въ ѥдинъ дн҃ь шедъшю великоуоумоу оц҃оу нашемоу ѳеѡдосию . нѣкотораaго ради ороудиꙗ къ х҃олюбьцю кнꙗзю изꙗславоу далече ѥмоу соущю отъ града . таче ꙗко и пришьдъ и до вечера оумоудивъшю ѥмоу ороудиꙗ ради . и повелѣ х҃олюбьць нощьнааго ради посъпаниꙗ ѥмоу . на возѣ допровадити и до манастырꙗ ѥго** (л. 43аб).

В **далече ѥмоу соущю отъ града** *ему* очевидно относится к Изяславу, хотя в предшествующей предикативной единице (также ДС) субъектом является Феодосий. В **до вечера оумоудивъшю ѥмоу** *ему*, напротив, относится к Феодосию, что также не явствует из формальных свойств референтной структуры: *ему* отсылает, надо думать, к эллиптированному субъекту причастия *пришьдъ*, однако на то, что этот субъект — Феодосий, указывают лишь общие соображения: Феодосий был «шедшим», а поэтому ему следует быть и «пришедшим», тогда как Изяслав был «сущим», что дальнейшего движения не предполагает. Возможность дешифровки не свидетельствует, конечно, об удачности выбора референтной структуры[12].

Как бы ни обстояло дело с отдельными неудачами, можно сделать общий вывод, согласно которому в большинстве случаев *и* употребляется в контексте агентной непрерывности. Это относится и к тем случаям, когда антецедентом является субъект предшествующей предикативной единицы, и к существенной части тех более редких случаев, когда антецедентом оказывается несубъектный актант. Во всех этих случаях, за редкими исключениями (типа примера 55), анафорический субъект ДС не вводит в нарратив «нового» субъекта, а продолжает нарративную цепочку, развивающую одну смысловую тему. В этих условиях, согласно высказанной в начале работы гипотезы, субъект должен стоять после предиката, т. е. анафорическое местоимение после причастия. Эта ситуация и наблюдается в ЖФ (равно как в рассматривавшейся выше ПВЛ). Из 29 примеров на ДС с *и* в 23 (79 %) местоимение находится в постпозиции.

Шесть примеров, отступающих от обычного словорасположения, разнородны. В одном случае (**далече ѥмоу соущю отъ града** — л. 43б, пример 55) в ДС стоит составной предикат; в этом контексте обычное место для субъекта (выражен ли он местоимением или существительным) — между

[12] У Нестора есть и другие провалы подобного типа. Так, в эпизоде о Феодосии и отроке, которого Феодосий смиренно оставил на возу, а сам сел на лошадь, в продолжение примера 51 говорится:

(56) **таче дошьдъшю ѥмоу манастырꙗ и се ишедъше вьсꙗ братиꙗ поклониша сѧ ѥмоу до землꙗ . тоже отрокъ больми оужасе сꙗ помышлꙗѧ въ себе кто сь ѥсть . ѥже тако вьси покланꙗють сѧ ѥмоу и ѥмы и за роукоу . въведе и въ трапезьницю таче повелѣ ѥмоу дати ѣсти и пити ѥлико хощеть** (л. 43в).

Ясно, что *ему* в **вьси покланꙗють сѧ ѥмоу** относится к Феодосию, однако формальные свойства референтной структуры не дают основания заключить, кто является эллиптированным субъектом *въведе*, к кому относится *и* как объект *въведе* и *ему* в **ѥмоу дати**. Антецеденты устанавливаются только по смыслу.

адвербиальной и вербальной частями предиката, так что общее правило в этом случае неприложимо. В остальных пяти случаях препозицию анафорического местоимения *и* можно приписать, как и в ПВЛ, воздействию фразовых коннекторов. В этом качестве выступают **ꙗко же**, **ꙗко же се**, **ѥгда бо**, **сице же** и **и пакы**, ср. примеры 54, 53, 49, а также:

(57) **ѥгда бо ѥмоу легъшю на ложи своѥмь . и се множьство бѣсовъ** ⟨…⟩ **влачаахоути и** (л. 44б).

(58) **сице же ѥмоу пребывающю и молꙗщю сꙗ. и се вънезаапоу предъста оу ѡдра ѥго бл҃женыи ѳеѡдосии** (л. 46а).

Фразовые коннекторы, порою семантически избыточные (они могут быть опущены без ущерба для смысла, ср.: **облачащю же сꙗ ѥмоу въ одежю чистоу** в примере 54 или **легъшю бо ѥмоу на ложи своѥмь** в примере 57), структурируют нарратив и в этом своем качестве могут обусловливать сдвиг анафорических местоимений, выталкивая их в инициальную позицию или, иными словами, притягивая их к себе. Каков набор этих элементов, не ясно и требует дальнейшего исследования. Как можно видеть, в ЖФ он почти не пересекается с ПВЛ (ср., однако же, *и сице* в ПВЛ с *сице же* в ЖФ; *и се* в ПВЛ с *яко же се* в ЖФ), хотя нарративные функции этих элементов в обоих памятниках схожи (фокусирование)[13].

ЖФ, анафорическое *оный*

В ЖФ, точно так же как и в ПВЛ, *оныи* в обычном случае употребляется в ДС в качестве анафорического местоимения тогда, когда имеет место агентная прерывность, т. е. когда субъект ДС не совпадает с субъектом предшествующей предикативной единицы. Антецедентом местоимения *оныи* может быть в этих условиях либо несубъектный актант предшествующей предикативной единицы, либо субъектный актант предикативной единицы, отстоящей еще левее. Эти условия соблюдаются в подавляющем большинстве случаев употребления *оный* в ДС; если рассматривать в совокупности относительно простые референтные структуры данного типа и референтные структуры, осложненные различными дополнительными моментами, то *оный* оказывается употребленным в соответствии со сформулированными условиями в 22 из 24 случаев, т. е. в 92 % случаев.

Остановлюсь сначала на примерах с относительно простой референтной структурой, в которой антецедент выступает в предшествующей предикативной единице в качестве несубъектного аргумента:

[13] Укажу еще на славянский перевод Жития Андрея Юродивого [Молдован 2000]; в нем анафорическое *и* регулярно ставится в ДС после причастия (более 30 примеров), однако в шести случаях ДС вводится словами **се же**, **тако же**, и в этих случаях местоимение *и* ставится перед причастием.

(59) **мт҃и** ⟨…⟩ **глаголаше бо ѥмоу. ꙗко тако ходꙗ оукоризноу себе и родоу своѥмоу твориши. ономоу о томь не послоушающю ѥꙗ. и ꙗко же многашьды ѥи отъ великыꙗ ѧрости разгнѣвати сꙗ на нь и бити и. бѣ бо и тѣлъмь крѣпъка и сильна ꙗко же и моужь** (л. 28б).

Субъект предшествующего предложения — **мт҃и**. Антецедент *оныи* вводится как несубъектный аргумент главного предиката этого же предложения. В главном предложении он представлен местоимением **ѥмоу**, которое, в свою очередь, отсылает к главному агенту предшествующего нарратива. Следующий пример имеет сходную структуру:

(60) **и се приидоша страньници въ градъ тъ. иже и видѣвъ ꙗ бж҃ьствьныи оуноша и радъ бывъ текъ поклони сꙗ имъ. и любьзно цѣлова ꙗ. и въпроси ꙗ откоудоу соуть и камо идоуть. онѣмъ же рекъшемъ ꙗко отъ ст҃ыхъ мѣстъ ѥсмъ. и аще бо҃у велꙗщю хощемъ въспꙗть оуже ити. ст҃ыи же молꙗше ꙗ да и поимоуть въ слѣдъ себе** (л. 28в).

В этом случае субъект главного предложения, предшествующего ДС с *оныи*, — **оуноша**. Антецедент местоимения *оныи* представлен в этом предложении рядом форм местоимения *и* в позициях несубъектных аргументов; они в свой черед отсылают к **страньници** в предшествующем предложении. В следующем примере ситуация несколько сложнее:

(61) **таче по сихъ пришедъшемъ имъ** ⟨Варлааму, его отцу и другим лицам из свиты, см. пример 46⟩ **въ домъ. повелѣ оц҃ь ѥго сѣсти съ нимь на трѣпезѣ. ономоу же сѣдъшю и ничьсо же въкоуси отъ брашьна** (л. 34в).

Субъект предшествующего предложения — **оц҃ь**. Антецедентом *оныи* является Варлаам. В предикативной единице, предшествующей ДС, к Варлааму отсылает не эксплицитный аргумент глагола, но эксплицитное притяжательное местоимение **ѥго** и имплицитный (эллиптированный) аргумент-адресат глагола **повелѣ**.

В рамках описанных выше основных параметров (агентная прерывность, антецедент *оныи* как один из вторичных аргументов в предшествующих предикатах) наблюдаются и другие вариации. Следующий пример может служить иллюстрацией:

(62) **И тако же въшьдъшема въ цр҃квь. и бывъши молитвѣ сѣдоста** ⟨Феодосий и Святослав⟩. **и блаженомоу ѳеодосию начьнъшю гл҃ати томоу отъ ст҃ыихъ кънигъ. и много оуказавъшю ѥмоу ѡ любъви брата. и ономоу пакы многꙋ виноу износѧщю на брата своего. и того ради не хотѧщю томꙋ съ тѣмь мира сътворити. и тако же пакы по мнозѣи тои беседѣ. ѡ^т^иде кнѧзь въ домъ свои славѧ ба҃** (л. 59в).

Субъект главного предиката, предшествующего ДС с *оныи*, является имплицитным. Читатель должен установить его на основании всего предшествующего рассказа, имея в виду, что этот субъект должен состоять из двух лиц, так как глагол стоит в дуалисе (в предшествующем фрагменте речь идет о Феодосии; перед фрагментом о Феодосии находится фрагмент о князе Святославе). Этот дуальный агент по необходимости отличается от антецедента *оныи* (хотя антецедент является частью этого дуального агента). Два предиката, следующие за главным (глагол **сѣдоста**), представляют постпозитивные ДС, описывающие последующие события (нехарактерная для ДС функция). Субъектом этих ДС является Феодосий, в то время как Святослав появляется в них как несубъектный аргумент, выражаемый анафорическими местоимениями *тому* и *ему*. ДС с *оныи* идет вслед за этими ДС. Таким образом, имеет место двойная смена агента: сначала от имплицитного дуального субъекта глагола **сѣдоста** к Феодосию, затем от Феодосия к Святославу, который и является антецедентом *оныи*. Антецедент располагается не в главном предикате (как несубъектный аргумент **сѣдоста**), но в ДС с Феодосием в качестве субъекта. Тем не менее референтная структура оказывается лишь усложнением той, которую мы разбирали в предшествующих примерах: антецедент *оныи* является неглавным агентом в предшествующих предикатах, и именно это обусловливает агентную прерывность («новизну»), когда *оныи* оказывается субъектом ДС.

Как и в ПВЛ, *оный* может употребляться и при другой референтной структуре, когда антецедент этого анафорического местоимения в предшествующей предикативной единице отсутствует, но выступает в качестве субъекта в предикативной единице, сдвинутой на еще один шаг влево; именно вторгающаяся предикативная единица без антецедента обусловливает агентную прерывность, ср. пример из эпизода, в котором посланный сопровождать Феодосия отрок ложится на возу, а Феодосия просит ехать на лошади:

(63) **гл҃а ѥмоу чьрноризьче се бо ты по вьсѧ дн҃и порождьнъ ѥси . аꙁъ же троудьнъ сыи се не могоу на кони ѣхати** ⟨…⟩ **тоже бл҃женыи съ вьсѧкыимь съмѣрениѥмь въставъ сѣде на кони . а ѡномоу же легъшю на возѣ. и идѧше поутьмь радоуѧ сѧ** (л. 43б).

В предикативной единице, предшествующей ДС с *оному*, антецедента для этого местоимения нет (*конь* на эту роль явно не годится в силу своей неагентивности), антецедентом является отрок, выступающий как субъект предложения, вводящего прямую речь. Анафора, таким образом, перескакивает через ближайшую предикативную единицу, что и создает агентную прерывность. Вариант этой же референтной структуры находим в следующем примере:

(64) **Бл҃женыи же ѡ сихъ всѣхъ по вса нощи бесъна пребываше моля сѧ бг҃а съ плачьмь. и часто къ ꙁемли колѣнѣ прекланѧа ѧко же и многашьды слышаша цр҃квьнии строителе. вънегда бо годъ боу-**

дѣше ѕаутрьнюмоу пѣнию. и онѣмъ хотѧщемъ бл҃гословлениѥ възѧти отъ него. и єдинъ отъ нихъ тихы шедъ и ставъ послоушааше. ти слышати и молѧща ся и вельми плачюща ся (л. 45бв).

В этом случае субъект предшествующего главного предиката — **Блж҃ены**. Антецедент **онѣмъ** появляется не в главном, а в придаточном предложении (**строителе**). Однако между этим придаточным предложением с антецедентом и ДС с анафорическим местоимением располагается еще одна предикативная единица (временное придаточное) со своим субъектом (**годъ**), соединенная с ДС союзом **и**. Это означает, что анафорическая отсылка перескакивает через придаточное предложение, в котором у *оныи* нет антецедента. Еще одну разновидность подобной же референтной структуры можно наблюдать в следующем пассаже:

(65) **Тачє ѩко приде** [боярин] **къ великоуоумоу ѳеодосию въ манастырь . имыи подъ паѕоухою съкръвено сто҃е евг҃лиѥ . и по мл҃твѣ хотѧщема има сѣсти . ономоу не оу кще ѩвивъшю еуанг҃лиа . гл҃а томѹ блаженыи** (л. 48аб).

Здесь между анафорическим местоимением и его антецедентом, выступающим в качестве субъекта предпредшествующей предикативной единицы, вторгается ДС **и по мл҃твѣ хотѧщема има сѣсти**, в котором имеется свой субъект, а антецедент анафорического местоимения не появляется. Особенность данного примера состоит в том, что дуальный субъект вторгающегося ДС хотя и отличен от антецедента анафорического *оный*, однако включает его в себя как одного из двух агентов.

Соотношение в ЖФ двух типов агентной прерывности, которая обусловливает употребление анафорического *оный*, по своим статистическим характеристикам напоминает то, которое мы наблюдали в ПВЛ. Тип с несубъектным антецедентом в предшествующей предикативной единице наиболее обычен и представлен 16 примерами, тип с субъектным антецедентом в предпредшествующей предикативной единице менее употребителен и представлен 6 примерами. В двух случаях (8 %) референтная структура пассажей с *оныи* оказывается аномальной и не подходит ни к одному из указанных типов. В одном случае проблематична агентная прерывность. Пассаж имеет следующий вид:

(66) **єдинъ w҃т клироса** ⟨…⟩ **едъва пакы оусъноувъ. видѣ бл҃женаго ѳеѡдосиа. палъкоу свою дающю** (sic!) **ємоу и гл҃юща. възьми сию палъкоу и ходи съ нею. и ономѹ възьмъшю почю w҃тстоупление болести. и огню прѣстатиѥ** (л. 65г—66а).

В этом случае антецедент *оныи* совпадает с субъектом предшествующего главного предложения (**єдинъ w҃т клироса**). Этот субъектный антецедент отделен от анафорического местоимения прямой речью Феодосия, который в главном предложении выступает как объект (несубъектный актант, объект глагола **видѣ**). Прямая речь, как уже несколько раз отмечалось (см.

разбор примера 36), неоднозначно воздействует на анафорические связи: чаще всего они через прямую речь перескакивают (ср. пример 63), но иногда отсылают к агентам, появляющимся именно в ней (ср. пример 21, 32). В какой зависимости это может находиться от характера прямой речи, неясно и требует дальнейших исследований. Возможно, что в разбираемом примере на выборе анафорического *оный* могло сказаться и то, что антецедент этого местоимения в форме адресата *ему* выступает в причастном обороте, являющемся определением Феодосия и вводящем прямую речь (характерно, что писец испытывал трудности, работая с этим предложением, и употребил неправильное дат. ед. **дающю** вместо вин.=род. ед **дающа**). Если рассматривать прямую речь или причастный оборот как самостоятельные предикативные единицы, вторгающиеся в пространство между анафорическим местоимением и его антецедентом, выбор местоимения *оный* оказывается и в данном случае оправданным[14]. Еще один нетипичный случай находим в следующем пассаже:

(67) **и инъгда пакы видѣ ѥдинъ ѡ^т^ болѧръ х҃олюбьцѧ иꙁѧслава.** ⟨…⟩ **и се видѣ ц҃рквь оу ѡблака соущꙋ. и въ оужасти бывъ погъна съ отрокы. хотѧ видѣти каꙗ то ѥсть ц҃ркы. и се ꙗко доиде манастырѧ блаженааго ѳеѡдосиꙗ. тъгда же ѡномоу ꙁьрѧщю състоупи ц҃ркы и ста на своѥмь мѣстѣ ѡномꙋ же тълъкновъшю въ врата. и вратарю ѡ^т^вьрьꙁъшю ѥмоу врата. вънидe и повѣда блаженомоу бывъшеѥ** (л. 47в).

Оныи в первом ДС (**ѡномоу ꙁьрѧщю**), несомненно, нарушает те референтные правила, которые были постулированы выше. *Оному* было бы уместно, если бы антецедентом был монастырь или блаженный Феодосий. На самом же деле антецедентом является **ѥдинъ ѡ^т^ болѧръ**, так что никакой агентной прерывности в этом фрагменте нет, поскольку тот же персонаж является субъектом и в предшествующей предикативной единице, и в других предикативных единицах слева. Трудно понять, почему Нестор предпочел *оныи*; **ꙁьрѧщю томоу** было бы более естественным выбором. Возможно, это обусловлено особым агентивным статусом Феодосия в тексте Нестора в целом: когда появляется Феодосий, хотя бы и в форме родительного принадлежности, он становится главным потенциальным антецедентом, что и создает особый случай агентной прерывности. Замечу в дополнение, что *оныи* во втором ДС (**ѡномꙋ же тълъкновъшю въ врата**)

[14] Небезразличным для этого выбора могло быть и следующее обстоятельство. Употребление местоимения **ѥмꙋ** вместо **ономꙋ**, что соответствовало бы агентной непрерывности, делало бы невозможным или, во всяком случае, неловким эллипсис объекта (**палъкоу**) в причастном предикате (нужно было бы **и въꙁьмъшю ѥмꙋ палъкоу почю** вместо **ономꙋ въꙁьмъшю почю**). Как бы то ни было, выбор местоимения не был в данном случае автоматическим, и это создавало неопределенность, которая и обусловливает отступления от стандарта.

является типичным употреблением в референтной структуре с субъектным антецедентом, отделенным вторгшейся предикативной единицей; важно, что в данном случае субъект этой единицы (**цр҃кы**), хотя и является неодушевленным, ведет себя как полноценный агент; в силу этого здесь можно говорить о субъектной прерывности.

Как и в ПВЛ, в ЖФ *оный* в ДС стоит исключительно в препозиции к причастию. И в данном случае подтверждается исходная гипотеза данного исследования, согласно которой инициальная позиция отведена для «нового» субъекта (для субъекта в условиях агентной прерывности), тогда как позиция после предиката отводится, как правило, «старому» субъекту.

ЖФ, анафорическое *тъ*

Как уже говорилось, Нестор, в отличие от составителей ПВЛ, активно использует в качестве анафорических местоимений в ДС не только *и* и *оный*, но и *тъ*. В ПВЛ анафорическое *тъ* употреблено в ДС лишь один раз (см. пример 39), причем контекст этого употребления неясен и выбор *тъ* (а не *и*) не кажется мотивированным какими-либо определенными чертами референтной структуры. Нестор пользуется *тъ* довольно интенсивно, в ЖФ *тъ* в ДС встречается 22 раза, и при столь широком использовании ему должна быть присуща какая-то систематичность. Только более обширное исследование может показать, имеем ли мы здесь дело с оригинальной чертой языка Нестора или с определенной традицией употребления. В любом случае ясно, однако, что анафорическое *тъ* в ДС — это до известной степени «лишнее» местоимение, т. е. местоимение, без которого можно обойтись. Эта его «избыточность» не может не отражаться на особенностях его употребления, так как в большинстве случаев вместо него с большим или меньшим успехом могут быть поставлены *и* или *оный*; имею в виду, что эти местоимения так же отошлют к нужному антецеденту, как и местоимение *тъ*. Проблема, таким образом, состоит в истолковании того, почему Нестор в тех или иных случаях предпочел *тъ* более обычным местоимениям. Причины подобного выбора могут иметь частный характер и апеллировать не к основным чертам референтной структуры (как анафорические *и* и *оный*), а к ее отдельным конкретным особенностям, делавшим *и* или *оный* менее привлекательными. Эти конкретные особенности могут распадаться на множество индивидуальных случаев, с трудом поддающихся обобщению и в этом отношении не столь систематических.

Анафорическое *тъ* используется в тех случаях, когда в нарративном фрагменте имеется по крайней мере два агента. Отклонения от этого общего принципа можно считать исключениями. Одно такое исключение находим в следующем примере:

(68) **бѣ бо и самъ** ⟨Феодосий⟩ **въ искоушении томь былъ.** ⟨…⟩ **ѥгда бо приде от града своѥго хотѩ быти мнихъ ꙗко же обьходѩщоу то-**

моу вьсꙗ манастырꙗ. не рачахоуть бо того приꙗти богоу тако сътворьшю на искоушение ѥмоу (л. 37в).

В тексте говорится о Феодосии, о том, что, будучи игуменом, он великодушно принимал людей, хотевших постричься у него в монастыре. Это великодушие связывается с теми трудностями, которые он испытывал, когда в молодости искал для себя обитель. Феодосий — единственный агент в рассматриваемом пассаже, он и оказывается антецедентом *тому*. Это аномальное употребление может объясняться тем, что *тому* отсылает не к Феодосию данной нарративной цепочки, а к юному Феодосию, так что референциально отождествляются два разного возраста Феодосия. Выбор *тъ*, соответствующий его дейктическому значению, оказывается результатом подобного дистанцирования[15].

Если отвлечься от подобных аномальных случаев, все употребления анафорического *тъ* в ДС можно разделить на два класса. К одному классу относятся пассажи, в которых антецедентом *тъ* является несубъектный аргумент предшествующей предикативной единицы; к другому классу — пассажи, где антецедентом *тъ* является субъектный аргумент предшествующей предикативной единицы. В первом наиболее многочисленном классе (12 примеров) *тъ* конкурирует прежде всего с *оный*, для которого данная референтная структура является основной, но также и с *и*, которое может появляться в подобном контексте, если антецедент оказывается «подходящим» по тем или иным параметрам (см. выше). Во втором классе (8 примеров) у пишущего был выбор между *тъ* и *и*; для *и*, как уже говорилось,

[15] Еще в одном случае у *тъ* вообще нет ясно выраженного антецедента. Этот случай находим в рассказе о том, как чудесным образом в пяток первой недели Великого поста уже после смерти Феодосия в монастыре появились «чистые» хлебы, по обычаю, установленному Феодосием. Келарь хотел оставить этот обычай и солгал, что у него нет нужной муки.

(69) **Нъ обаче бъ҃ не прѣзьрѣ троуда и мл҃твы пр҃пдбьныихъ своихъ . и да паки не разорить сѧ оуставленноѥ божьствьныимь ѳеодосиѥмь . се бо по ст҃ѣи литурьгии идоущемъ тѣмъ на постьныꙗ ты обѣды** ⟨…⟩ **тоже тако ти привезоша возъ таковыихъ хлѣбъ** (л. 52в).

Читатель без труда отождествляет антецедент **тѣмъ** с братией монастыря, которая была облагодетельствована чудом Феодосия, однако в ближайших слева предикативных единицах братия никак эксплицитно не обозначена (я полагаю, что **пр҃пдбьныихъ своихъ** относится не специально к братии Киево-Печерского монастыря, а к монашеству вообще; утверждается, что Бог заботится о монахах). Почему в этом контексте употреблено анафорическое **тѣмъ**, остается неясным (ср. пример 45, где в аналогичном контексте выступает анафорическое **имъ**). Правда, существенно раньше говорится о добрых подвижниках, потрудившихся в ту неделю, и это единственный агент во мн. числе, встречающийся в данном фрагменте. Нельзя исключить, что выбор *тъ* обусловлен дальностью или дистанцированностью (в тексте) подразумеваемого антецедента.

именно данный контекст является основным. В обоих классах *тъ* может оказываться предпочтительнее, чем его конкуренты, по разным причинам.

В первом классе обычным анафорическим местоимением является *оный*; *оный*, однако же, подчеркивает агентную прерывность нарратива, переход повествования к новому персонажу. Если это подчеркивание нарратору не нужно, анафорическое *тъ* может быть для этого удобным средством. Рассмотрим следующий пример. В истории о посмертных чудесах Феодосия боярин, боявшийся княжеского гнева, молится святому и получает видение: Феодосий сообщает боярину, что через его, Феодосия, заступничество боярин будет милостиво принят князем:

(70) **и се ꙗви сѧ ѥмоу оц҃ь нашь ѳеодосии гл҃ѧ чьто тако печалоуѥши сѧ . или мьниши ꙗко азъ ѡ^т^идохъ ѡ^т^ васъ ⟨…⟩ и се въ оутрии дн҃ь призоветь тѧ кнѧзь . ни имыи гнѣва ни ѥдиного же на тѧ . нъ и пакы въ своѥ мѣсто оустроить тѧ. то оуже не ꙗко въ сънѣ видѣвъ . нъ въспрѧноувъшю томоу . и задъ видѣ блаженааго излазѧща вънъ изъ двьрии** (л. 65бв).

В предшествующем пассаже находим двух агентов — боярина и Феодосия. В предложении, предшествующем прямой речи (которая, надо полагать, выпадает из нарратива), Феодосий является субъектом, а боярин заполняет валентность адресата (**и се ꙗви сѧ ѥмоу оц҃ь нашь ѳеодосии гл҃ѧ**). ДС, однако, следует не непосредственно за прямой речью, а стоит после причастного оборота (**видѣвъ**), в котором боярин является имплицитным субъектом. ДС продолжает нарратив с тем же субъектом. Местоимение *оныи* в этом контексте было бы неуместно, оно бы указывало, что между имплицитным субъектом **видѣвъ** и субъектом ДС имеет место агентная прерывность, т. е. не могло бы отсылать к боярину. Плохим решением было бы и употребление *ему*, поскольку формально оно должно было бы отсылать к субъекту главного предиката, т. е. к Феодосию, а не к боярину. В этих условиях *тъ* оказывается удобным субститутом.

Аналогичным образом может интерпретироваться и употребление *тъ* в примере, где тремя протагонистами являются Феодосий, судья и женщина, пожаловавшаяся Феодосию на судью:

(71) **и блаженыи иде къ соудии. и ѥже о нѥи гл҃авъ томоу избави тоу ѡ^т^ насилиꙗ того. ꙗко же томоу посълавъшю възвратити тои. имь же бѣ обидѧ ю** (л. 61г).

Антецедент *тому* — *судья*, который выступает как несубъектный актант в главном предложении (анафора минует прямую речь Феодосия). В этих условиях могло бы быть употреблено и *оному*, однако изложение от этого проиграло бы, поскольку формально это местоимение могло бы быть отнесено к Феодосию как к субъектному актанту предпредшествующей предикации (если в качестве предшествующей предикации рассматривать прямую речь). *Оному* подчеркивало бы агентную прерывность, превращая

судью в персонажа дальнейшего повествования, в то время как рассматриваемый пример завершает эпизод и сообщает о результате чудесного вмешательства Феодосия, что делает подчеркивание агентной прерывности противоречащим коммуникативным задачам. Наконец, на выбор анафорического *тъ* могло повлиять и то обстоятельство, что антецедент уже ранее обозначался тем же анафорическим местоимением (**главъ томоу**); рассматриваемый пример является повтором.

Схожий комплекс факторов мог определять и выбор анафорического *тъ* в следующем примере:

(72) **ѯѣло же люблѧшети и** [Никона] **богодъхновеныи ѳеѡдосии . ꙗко оц҃а кго себе имѣшеть . тѣмь же аще и коли къде отъходѧ пороучаше томоу братию . и еже тѣхъ съблюдати же и пооучати. ꙗко же старѣишю томоу соущю всѣхъ** (л. 41г).

Анафорическое *тому* в **старѣишю томоу соущю всѣхъ** отсылает к Никону, который выступает как несубъектный аргумент в предшествующих предикативных единицах. Если *тому* заменить на *оному*, окажется акцентированной агентная прерывность, никак не подходящая к ситуации, где ДС имеет значение пояснения предшествующих высказываний. Если же *тому* заменить на *ему*, формально на роль антецедента сможет претендовать субъект предшествующей предикативной единицы, т. е. Феодосий. Выбору анафорического *тому* мог способствовать и повтор (см. **пороучаше томоу**).

Разновидность той же референтной структуры обнаруживается в примере, требующем ряда комментариев:

(73) **И се же пакы подобьно кєсть рещи . еже ꙗко пишеть сѧ таково о с҃т҃ѣмь и величѣмь савѣ . се бо въ єдиноу нощь тако же томоу шьдъшю ис келиꙗ своєꙗ . и молѧщю сѧ и се показа сѧ томоу стълъпъ огньнъ** (л. 56б).

Основным агентом и смысловой темой является здесь Савва, второй агент присутствует лишь имплицитно как автор истории о Савве (его жития). Антецедент *тому* — несубъектный аргумент предшествующей предикации. Поскольку эксплицитный агент во всем фрагменте один, любое анафорическое местоимение будет отсылать к нему, и в этом отношении *тому* может быть заменено и на *оному*, и на *ему*, хотя *оному* содержит идею агентной прерывности, в описанной референтной структуре абсурдную. Предпочтительность *тому* в отношении к *ему*, возможно, связана с идеей нарративной дистанцированности (ср. в комментариях к примеру 69); дистанцированность реализуется в том, что Савва не персонаж данного нарратива, что он взят в него из внешнего литературного пространства (ср. сходную по видимости мотивацию анафорического *тому* в рассказе об апостоле Петре, см. пример 48).

К факторам, благоприятствующим выбору анафорического *тъ*, а не анафорического *оный* или *и*, может быть отнесен и упоминавшийся выше

повтор. В разбиравшихся выше примерах (примеры 71, 72) повтор может интерпретироваться как сопутствующий фактор (или, вернее, как один из нескольких, обусловливающих один и тот же выбор), однако в других случаях он, видимо, выступает как основной, ср., например, в рассказе о приходе в монастырь князя Святослава:

(74) **Тоже сии съ радостию въставъ приде съ болѩры въ манастырь кго . великомоу ѳеодосию съ братиею ишьдъшоу ис цр҃кве . и по обычаю сърѣтъшю того и поклоньшема сѧ ѩко же к лѣпо кънѧзю. и томоу же цѣловавъшю бл҃женаго . таче гл҃аше се . оч҃е не дьрьзнѧхъ приити къ тебѣ** (л. 59б).

В разбираемом пассаже *оному* вместо *тому* (в **томоу же цѣловавъшю**) было бы вполне уместно: антецедент является несубъектным актантом в ближайшей возможной предикации (**сърѣтъшю того**) и субъектным актантом в предикативной единице, отстоящей далее налево (**сии приде**); рассказ переходит от Феодосия с братией к князю, и в этом смысле можно говорить об агентной прерывности (хотя бы и проблематичной ввиду подчиненного статуса соответствующих предикаций — **ишьдъшоу**, **сърѣтъшю**). Выбор *тому* обусловлен, кажется, только тем, что данный агент уже ранее был антецедентом анафорического *тъ* (**сърѣтъшю того**). В ЖФ есть еще несколько подобных же примеров.

В рассматриваемом классе примеров (антецедент — несубъектный актант) имеется, как это и можно было бы ожидать, один случай, не поддающийся объяснению.

(75) **се бо таково съмѧте сотона створи въ нихъ . ѩко же тѣмъ крамолоу створивъшемъ . стефана ѡ^т^ игоуменьства ѡ^т^ставиша** (л. 66в)

В этом примере **онѣмъ** вместо **тѣмъ** было бы абсолютно уместно, поскольку антецедент занимает несубъектную позицию в предшествующей предикации, а ДС с анафорическим местоимением употреблен в условиях агентной прерывности. Если полагать, что в этом пассаже мы имеем дело с нейтрализованной агентной прерывностью ввиду неполной агентивности сатаны, то и здесь анафорическое *тъ* никак не необходимо и может быть без ущерба для отношений референции заменено на анафорическое *и* (**ѩко же крамолоу имъ створивъшемъ**). По видимости, *тъ* употреблено без всякой мотивации, что, однако же, не должно считаться экстраординарным явлением, поскольку нарративные стратегии основаны по большей части не на жестких правилах, а на приспособлении имеющихся в распоряжении нарратора трафаретов к тем коммуникативным заданиям, с которыми он сталкивается. В этих условиях выбор того или иного построения обусловлен тенденциями оптимизации (их исследователь и стремится описать), которые определяют одни построения как более, а другие — как менее удачные; однако менее удачные построения не исключаются из репертуара. Исследователю целесообразно смириться с необъяснимым остатком,

указывающим на тот факт, что повествование время от времени ставит перед нарратором нестандартные задачи, создающие неопределенность выбора, который в этих случаях может быть неоптимален и в силу этого непредсказуем.

Перейдем теперь к другому классу употреблений ДС с анафорическим *тъ* — к тем случаям, когда антецедент является субъектом предшествующей предикативной единицы. В этом классе анафорическое *тъ* конкурирует с *и*. Как мы видели выше, однако, *и* может отсылать не только к субъекту предшествующей предикации, но и к другим «подходящим» агентам, стоящим слева. В подобных случаях *тъ* бывает весьма полезно, поскольку его употребление может быть обусловлено дистанцированностью антецедента (см. выше) и в силу этого отсылать не к первому подходящему агенту слева, а, перепрыгивая через него, устанавливать связь с субъектом. Ср. следующий пример:

(76) **и инъгда пакы видѣ ѥдинъ ѡ^т болꙗръ х҃олюбьцѧ изѧслава . ꙗздѧщю томоу нѣколи въ нощи на поли** ⟨…⟩ **и се видѣ ц҃рквь оу ѡблака соущꙋ** (л. 47в).

Если бы вместо **томоу** стояло **ѥмоу**, антецедентом этого местоимения был бы князь Изяслав; местоимение **томоу** позволяет избежать этой ложной референции. Аналогичная ситуация имеет место и в следующем примере:

(77) **и се ꙗко възьрѣвъ видѣ прѣподобьнааго ѳеодосиꙗ въ свѣтѣ томь . посрѣдѣ манастырѧ прѣдъ ц҃рквию стоꙗща . роуцѣ же на н҃бо въздѣвъшю и м҃лтвоу къ бо҃у прилѣжьно творѧща . таче томоу зьрѧщю и чюдѧщю сѧ о томь . и се ино чюдо ꙗвльше сѧ томоу** (л. 55г—56а).

И здесь употребление **ѥмоу** имело бы следствием неправильное отождествление его антецедента с Феодосием.

В ряде случаев это присущее анафорическому *тъ* дистанцирование антецедента может реализоваться иным образом, указывая на возвращение к старому основному агенту после вторжения тех или иных вставных предикаций, прежде всего прямой речи. Следующий пример вполне характерен:

(78) **тоже онъ молꙗше сꙗ бо҃у прилѣжьно . и ст҃го оц҃ѧ нашего ѳеодосиꙗ призываꙗ на помощь . гл҃ꙗ вѣдѣ о҃че ꙗко ст҃ъ ѥси и се врѣмѧ приспѣло ѥсть . потъщи сѧ молѧ вл҃дкоу н҃бсьнаго . и да избавить мѧ ѡ^т напасти сеꙗ . И се въ ѥдинъ д҃нь съпѧщю томоу въ полоуд҃ние. и се ꙗви сѧ ѥмоу оц҃ь нашь ѳеодосии** (л. 65б).

Анафорическое **томоу** отсылает к молящемуся боярину, который является субъектом предшествующей предикации (**онъ молꙗше сꙗ**). В этом контексте могло бы стоять **ѥмоу**, однако **томоу** оказывается предпочтительнее, так как анафорическая связь дистанцирована, перескакивая через прямую речь; **томоу** употребляется в условиях агентной непрерывности.

Как мы знаем, эффекты этого фактора (вторжение прямой речи) непостоянны, так что обязательность замены **ѥмоу** на **томоу** отсутствует.

Дистанцирование несколько другого типа наблюдаем и в еще одном примере, в котором речь идет о чудесном видении пребывавших около монастыря людей:

(79) **и се видѣша мъножьство чьрьноризьць исходѧщь . отъ ветъхыꙗ цр҃кве . и бѧхꙋть грѧдоуще на нареченноѥ мѣсто . носѧхоу же прѣди иконоу ст҃ыꙗ бц҃ѧ . вьси иже ти въ слѣдъ идоуще поꙗхоу. и вьси въ роукахъ свѣщѣ горꙋщѣ имѧхоуть . прѣдъ ними же идѧше прп҃дбьныи оц҃ь ихъ и наставьникъ ѳеодосии . таче дошьдъше мѣста того. тоу же пѣниѥ и мл҃твоу сътворьше възвращахоу сѧ въспѧть. и ꙗко же тѣмъ зьрѧщемъ вънидоша пакы поюще въ ветъхоую цр҃квь** (л. 56вг).

Анафорическое **тѣмъ** (в **тѣмъ зьрѧщемъ**) отсылает к коллективу визионеров, которые являются субъектом в далеко отстоящей налево предикации (**и се видѣша**). В этих условиях могло бы быть употреблено анафорическое *оный*, отсылающее к субъекту предпредшествующей предикативной единицы, однако *тъ* оказывается предпочтительным, видимо, в силу того, что между анафорическим местоимением и антецедентом вторгается довольно большое описание видения; *тъ* возвращает нарратив к давно оставленному (дистанцированному) персонажу.

Как и в первом классе употреблений, определенную роль при выборе анафорического местоимения может играть повтор. Так, в истории о монахе Кононе Конон получает от некоего мужа на хранение слиток (полено) серебра; другой монах крадет у него этот слиток. Тогда Конон обращается с молитвой к преп. Феодосию в надежде на его помощь:

(80) **кононъ же ⟨…⟩ съ сльзами молѧше сѧ боу҃ и часто призываꙗ ст҃го оц҃а нашего ѳеодосиꙗ . ꙗко же да не посрамленоу быти томоу . ѡ҆т давъшаго на съблюдениѥ томꙋ . таче по сихъ мало оусъноувъшю томоу . и се видѣ въ сънѣ блаженаго ѳеодосиꙗ** (л. 65вг).

Антецедентом **томоу** в ДС является Конон, субъект предшествующей главной предикации. Выбор **томоу** объясняется, видимо, репетиционным фактором: **томоу** в ДС повторяет **томоу** в двух предшествующих предикативных единицах. Первое из этих предшествующих **томоу** (**ꙗко же да не посрамленоу быти томоу**) употреблено по необходимости, поскольку относящееся к субъекту (Конону) **ѥмоу** вместо **томоу** отсылало бы не к Конону, а к Феодосию, ближайшему предшествующему агенту.

Для полноты картины укажу также на пример, в котором Нестору не удается справиться со стоящей перед ним коммуникативной задачей. В описании прощания Феодосия с братией говорится:

(81) **Братиꙗ же ишьдъше вънъ гл҃ахоу къ себѣ. чьто оубо сии сицево гл҃еть . ⟨…⟩ ꙗко же многашьды въсхотѣ тако сътворити. нъ**

оумолѥнъ бываашє о томь ѡ^т^ кнѧꙁѧ и ѡ^т^ вельможь . братии о томь паче молѧщи сѧ . и тако же и тоу тако тѣмъ мънѧщемъ (л. 62бв).

Формально остается неясным, кто является антецедентом анафорического **тѣмъ**; только по смыслу можно догадаться, что речь идет о братии, которая является главным агентом данного нарративного фрагмента. Отнесение **тѣмъ** к братии, упоминаемой в непосредственно предшествующей предикации (**братии о томь паче молѧщи сѧ**), затруднительно, поскольку причастие **молѧщи сѧ**, стоящее, как и **мънѧщемъ**, в дат. падеже, указывает, что *братия* трактуется здесь как существительное ед. числа ж. рода, а анафорическое *тъ* стоит во мн. числе. Ближайшим подходящим антецедентом во мн. числе оказываются *князь и вельможи*, и лишь из общих представлений о том, что в рассказе данного типа должно говориться о реакции монахов на приготовления к смерти их учителя, читатель ищет другого возможного антецедента и находит его на существенном расстоянии слева, где появляется *братия*, согласуемая по мн. числу.

Обозревая все рассмотренные случаи употребления анафорического *тъ* в ДС, приходим к выводу, что референтные структуры, обусловливающие выбор данного местоимения, далеки от однородности, точнее говоря, обнаруживают еще меньшую гомогенность, чем рефрентные структуры, связанные с анафорическими *и* и *оный*. Это не кажется удивительным, поскольку, как нам известно из разбора ПВЛ, без *тъ* в ДС в принципе можно обойтись, так что это местоимение выступает как удобный дублер двух других анафорических местоимений, заменяя их в тех контекстах, где они давали бы какой-то нежелательный эффект. У такого нежелательного эффекта могут быть разные причины, и, соответственно, *тъ* используется в разных референтных структурах. Тем не менее определенные модели обнаруживаются, так что, надо думать, и в этой слабо регламентированной сфере действуют выработанные трафареты[16].

---

[16] Рассматривая условия употребления анафорического *тот* в современном русском языке, Е. В. Падучева отмечает противоречивость существующих словарных определений [Падучева 1985: 126]. Во всех случаях говорится о наличии в предшествующем повествовании двух агентов, однако одни словари считают, что *тот* должно относится к «последнему из двух называнных выше лиц», а другие полагают, что антецедентом должен быть «первый из упомянутых выше» предметов. Разрешая это противоречие, Е. В. Падучева пишет: «Из этих двух противоречащих друг другу определений ни одно не является верным, поскольку порядок упоминания здесь вообще не играет роли: местоимение *тот* обозначает то из двух упоминаемых в тексте лиц, которое не является смысловой темой данного предложения, текста или фрагмента текста. В частности, *тот* не может иметь антецедентом подлежащее — смысловую тему предшествующего предложения» [Там же]. В ЖФ мы находим относительно много примеров, в которых *тъ* отсылает к подлежащему предшествующего предложения (второй класс употребления анафориче-

Поскольку анафорическое *тъ* употребляется и как дублер местоимения *и*, и как дублер местоимения *оный*, представляется естественным, что его употребление гетерогенно и в плане порядка слов; иными словами, анафорическое *тъ* в ДС может стоять и до, и после причастия. Статистические параметры в полной мере иллюстрируют эту гетерогенность: из 22 примеров *тъ* в ДС 10 раз оно стоит в постпозиции, 11 раз в препозиции и один раз между именной и глагольной частью составного именного предиката

ского *тъ*). Не кажется оправданным утверждать, что во всех этих случаях подлежащее не является смысловой темой. Когда в эпизод вовлечены два или три участника, нередко бывает весьма трудно сказать, кто из них должен быть смысловой темой. Так, скажем, в примере 78 неясно, является ли смысловой темой опальный боярин, который просит Феодосия о заступничестве, или Феодосий, который совершает чудо. Точно так же неясно, кого — Конона или Феодосия — следует трактовать как смысловую тему в рассказе о Кононе (пример 80). Когда событие совершается действием двух участников, выделение одного из них в качестве смысловой темы часто оказывается произвольным.

Замечу попутно, что не кажется оправданной трактовка примера из «Руслана и Людмилы», который Е. В. Падучева предлагает в качестве красноречивой иллюстрации релевантности понятия смысловой темы (там же). У Пушкина читаем: «Руслан подъемлет смутный взор И видит — прямо над главою С подъятой страшной булавою Летает карла Черномор. Щитом покрывшись, он нагнулся, Мечом потряс и замахнулся; Но тот взвился под облака». *Тот* несомненно отсылает к Черномору. Е. В. Падучева полагает, что выбор анафорического местоимения обусловлен нарративным статусом Черномора: «Черномор — подлежащее предшествующего предложения, но не смысловая тема» [Там же]. Я полагаю, что подлежащее предшествующего предложения не *Черномор*, а *он*, отсылающий к Руслану. *Тот* употреблено не потому, что Черномор не смысловая тема, а потому что употребление *он* вместо *тот* в данном контексте невозможно (**Но он взвился под облака*). Сказать же, кто должен быть смысловой темой в описании схватки двух противников, представляется мне затруднительным.

Как бы ни обстояло дело со смысловой темой, вполне очевидно, что употребление анафорического *тъ* в анализируемых нами текстах существенно отличается от современного русского употребления местоимения *тот*. Понятно, что употребления *тъ*, принадлежащие второму (субъектному) классу, современному русскому не свойственны, и не удивительно, что они не передаются с помощью местоимения *тот* в переводе ЖФ, сделанном О. В. Твороговым. Иного трудно было бы ожидать, учитывая, что наборы анафорических местоимений в книжном языке восточных славян (*сь*, *и*, *тъ*, *оный*) и современном русском языке (*этот*, *он*, *тот*) различны, что не может не сочетаться с различием функций отдельных местоимений. Тем не менее очевиден и ряд моментов преемственности (например, в употреблении с дистанцированным антецедентом). Хотя имеется несколько работ, посвященных истории указательных местоимений [Богатырева 1968; Элсберг 1967], они носят скорее формальный характер, так что история функциональных изменений остается практически не изученной, ср., впрочем, весьма стимулирующие наблюдения над функциями *тотъ*, *оный*, *етотъ* и *сей* в деловом языке XVII—XVIII вв. у А. П. Майорова [Майоров 2006: 79—93].

(**ꙗко же старѣишю томоу соущю всѣхъ** — см. пример 72; ср. выше о позиции *и* в составном предикате **далече ѥмоу соущю отъ града** — см. пример 55 и комментарии к этому примеру). Однако даже поверхностные статистические наблюдения позволяют заключить, что постпозиция или препозиция *тъ* отнюдь не является случайной; она определенным образом соотнесена с характером анафоры. Выше были выделены три класса употреблений *тъ*: один аномальный класс, когда во фрагменте фигурирует лишь один агент, и два «нормальных» класса: в первом антецедент *тъ* занимает в предшествующей предикации несубъектную позицию, во втором — субъектную позицию. Если соотнести характер употребления с позицией субъекта ДС, получаются следующие данные:

Таблица 1

	один агент	два агента, несуб. антецедент	два агента, суб. антецедент
постпозиция	2	3	5
препозиция	0	8	3
% постпозиций	100 %	27 %	62,5 %

Как явствует из таблицы, несубъектный антецедент благоприятствует препозиции местоимения, а субъектный антецедент (при одном или двух агентах) — постпозиции местоимения. Интерпретация этой корреляции представляется достаточно очевидной. При субъектном антецеденте анафорическое местоимение в ДС репрезентирует, как правило, «старого» агента (того же агента, что и субъект предшествующей предикативной единицы), который, в соответствии с нашей исходной гипотезой, помещается после предиката. При несубъектном антецеденте субъект ДС репрезентирует, как правило, «нового» агента, располагающегося в препозиции к предикату. При более детальном содержательном рассмотрении картина оказывается еще более выразительной.

Приведу по одному примеру, иллюстрирующему основные соотношения. Субъектный антецедент в большинстве случаев предполагает, что в ДС стоит «старый» агент, размещающийся после причастия. Именно такую ситуацию мы и находим в следующем примере:

(82) **Бо҃любивыи же кънѧзь изѧславъ ⟨…⟩ сь любъвь имѣꙗ ꙗко же рече сѧ не простоу къ оц҃ю нашемоу ѳеѡдосию . и часто приходѧ къ немꙋ и дх҃овьныихъ тѣхъ словесъ насыщаꙗ сѧ ѡ^т^ нѥго . и тако въ ѥдинъ ѡ^т^ дн҃ии пришьдъшю томоу . и въ цр҃кви сѣдѧщема има на божьствьнѣи тои бесѣдѣ . и годъ бы҃с вечерьнии** (л. 53вг)

Антецедентом **томоу** является князь Изяслав, выступающий в качестве субъекта в предшествующих предикативных единицах. Не вводя «нового» агента, **томоу** располагается после причастия, см. также примеры 76, 78, 80, а для субъектного антецедента при одном агенте в нарративном эпизоде примеры 68, 69.

Несубъектный антецедент в большинстве случаев предполагает, что в ДС стоит «новый» агент, размещающийся перед причастием. Типичной иллюстрацией может служить следующий пример:

(83) **сии же и на многа съповѣдахоу ѡ моужи томь. томоу же нѣколи болꙗщю и при коньци оуже сыи. молꙗше сꙗ богоу съ сльзами гл҃ꙗ** (л. 45г).

В цитируемом рассказе о старце Дамиане сначала повествуется о его репутации и передаются слова других монахов (**сии**), затем повествование обращается к новому эпизоду — предсмертному видению Дамиана, и Дамиан вводится как «новый» агент; в силу этого **томоу** располагается перед причастием, ср. также примеры 71—75.

Ряд употреблений отклоняется от этих стандартных соотношений. Так, в некоторых случаях анафорическое *тъ* может отсылать к несубъектному аргументу и тем не менее не вводить «нового» агента. Так, в рассказе о пристрастии Феодосия к бедной одежде говорится:

(84) **Ꙗко же бо аще къто не знаꙗ того . ти видꙗше и въ такои одежи сꙋща . то не мьнѧаше того самого соуща блаженааго игоумена** ⟨…⟩ **нъ ꙗко ѥдиного ѡ^т варѧщиихъ . се бо и въ ѥдинъ дн҃ь идоущю томоу къ дѣлателѥмъ.** ⟨…⟩ **сърѣте и того оубога въдовицѧ** (л. 61в).

Хотя в данном фрагменте Феодосий, антецедент анафорического **томоу**, занимает несубъектную позицию, он является главным агентом повествования, поскольку *кто-то* в качестве реального персонажа существовать не может. Соответственно в ДС **идоущю томоу** анафорическое **томоу** не вводит «нового» агента. Замечательным образом, оно и располагается в этом случае в постпозиции к причастию, ср. еще два случая, когда несубъектная анафора не вводит нового агента и *тому* стоит после причастия в примерах 48 и 70.

Другого типа отклонение находим в разбиравшемся выше примере 79, где говорится о видении группы людей, созерцавших шествие киево-печерских монахов во главе с Феодосием. Это множество созерцающих выступает в качестве субъекта главного предложения, к которому и отсылает анафорическое **тѣмъ** в ДС **тѣмъ зьрѧщемъ**, стоящем после описания видения. Поскольку между анафорическим **тѣмъ** и субъектным антецедентом вторгается 8 предикаций с другими субъектами, **тѣмъ** появляется в условиях агентной прерывности как «обновленный» агент и в соответствии с высказанной гипотезой располагается перед причастием.

В трех случаях анафорическое *тъ* соответствует «старому» агенту и тем не менее стоит в препозиции к причастию. В двух случаях анафорическое *тъ* отсылает к субъекту предшествующей предикации, ср.:

(85) **и се ꙗко възьрѣвъ видѣ прѣподобьнааго ѳеодосиꙗ въ свѣтѣ томь . посрѣдѣ манастырѧ прѣдъ цр҃квию стоꙗща** ⟨…⟩ **таче**

томоу зьрѧщю и чюдѧщю сѧ о томь . и се ино чюдо гавльше сѧ томоу (л. 55г—56а).

Анафорическое *тъ* относится к визионеру, который **видѣ прѣподобьнаго ѳеодосиа** (т. е. выступает как субъект); о нем же идет речь в ДС, в котором тем самым фигурирует старый агент. Можно думать, что аномальная препозиция объясняется воздействием нарративного коннектора *таче*, который так же обусловливает перетяжку местоимения *тъ* в начальную позицию, как это делают с местоимением *и* схожие по типу коннекторы *и сице*, *и се* в ПВЛ и *сице же* в ЖФ (см. выше). Аналогичным образом может объясняться препозиция анафорического *тъ* в разбиравшемся выше примере 81, в котором воздействующим на местоимение коннектором является *и тако* или даже все нагромождение указательных наречий (см.: **и тако же и тоу тако тѣмъ мънѧщемъ**).

В одном случае анафорическое местоимение отсылает к несубъектному антецеденту, однако ДС с этим местоимением не вводит «нового» агента; тем не менее местоимение стоит в препозиции к причастию:

(86) **и съ съвѣта вьсѣхъ великааго никона игоумена себѣ поставиша . бѣ бо тъ по оусъпении блаженааго . ѡ^т^ мѣста своего пришьлъ . въ манастырь тъ. се же гако же мьню по божию изволению быти того мьню поставлению . гако же томоу старѣишю соущю вьсѣхъ** (л. 67а).

Анафорическое **томоу** отсылает к Никону, представленному в предшествующей предикативной единице в виде род. объекта при отглагольном существительном (*поставление того*); ДС выполняет поясняющую функцию и никакого нового агента не вводит. Препозицию анафорического **томоу** можно объяснить как результат воздействия фразового коннектора **гако же**, который служит средством фокусировки и выталкивает в начальную позицию даже местоимение *и* (ср. пример 54) (**гако же** с начальным анафорическим *тъ* встречается и в ряде других примеров, ср. пример 79, ср., впрочем, пример 68)[17].

[17] В одном случае соотношение разбираемых параметров остается неясным. Говоря о своем пострижении, Нестор пишет:

(87) **приатъ же быхъ въ нь прп̄дбнымь стефанъмь . и гако же ѡ^т^ того остриженъ бывъ . и мьнишьскыа одежа съподобленъ . пакы же и на диаконьскыи санъ ѡ^т^ нѣго изведенъ сыи . ѥмоу же и не бѣхъ достоинъ гроубъ сыи и невѣгл̄ас . наипаче же и множьствъмь грѣховъ напълънѥнъ сыи ѡ^т^ оуности . ѡбаче же бж̄ию волю и по любъви томоу тако сътворивъшю** (л. 67б).

Анафорическое **томоу** отсылает к игумену Стефану, который в предшествующих предикациях выступает как несубъектный аргумент. ДС представляет собой пояснительное утверждение (нетипичная для ДС функция), субъект которого (Стефан) вряд ли может рассматриваться как «новый» агент. Неясно в этой ситуации, чем обусловлена препозиция *тъ*.

Таким образом, при более детальном анализе примеров с препозицией и постпозицией анафорического *тъ* вырисовывается весьма сильная корреляция между, с одной стороны, репрезентацией нового агента и препозицией местоимения и, с другой — между репрезентацией старого агента и постпозицией местоимения. Эта корреляция оказывается сильнее, чем при учете одних формальных параметров, как это сделано в Таблице 1. Постпозиция анафорического *тъ* однозначно соотносится с репрезентацией старого агента (10 примеров из 10). Препозиция анафорического *тъ* соотносится с репрезентацией нового агента в 7 из 11 случаев (64 %); три исключения представляется возможным объяснить воздействием фразовых коннекторов. В итоге корреляция между позицией местоимения и нарративным статусом (старый vs. новый агент) вводимого им агента составляет 81 %, что указывает на весьма систематическое употребление — более систематическое, например, чем употребление анафорического *и* в том же ЖФ.

Некоторые выводы

Итак, проведенное исследование показало, что в соответствии со сформулированной в начале гипотезой существует вполне определенно реализующаяся в анализируемых текстах корреляция между порядком расположения субъекта (S) и предиката (V) и нарративным статусом субъекта: «новый» субъект помещается перед предикатом (SV), «старый» — после него (VS). Поскольку в данном исследовании анализировались лишь предикативные единицы (ДС) с анафорическими местоимениями, мы имели дело только с относительно старыми и относительно новыми субъектами. Анафорическое местоимение обозначало новый субъект, когда субъект ДС вводил в повествование агента, отличного от основного агента предшествующей предикативной единицы, или, в наших терминах, употреблялось в условиях агентной прерывности. Анафорическое местоимение обозначало старый субъект, когда субъект ДС имел в качестве антецедента основного агента предшествующей предикативной единицы, или, другими словами, употреблялось в условиях агентной непрерывности. Таким образом, порядок слов оказывался зависим от референтной структуры: когда референтом оказывался «новый» субъект, использовался порядок SV, когда же им оказывался «старый» субъект, использовался порядок VS.

Референтная структура определяла и выбор анафорического местоимения. Нарративная стратегия рассматриваемых текстов (равно как и многочисленных других восточнославянских книжных текстов) состояла в том, чтобы нарративная цепочка в идеале совпадала с нарративным эпизодом (укладывалась в один сколь угодно длинный период), предикативные единицы которого связаны в целое различными средствами связанности текста (cohesion), включая и анафорические местоимения. В развернутых нарративных цепочках анализировавшихся текстов в ДС использовались в

первую очередь два анафорических местоимения: *и* и *оный*. Анафорическое *и* употребляется для отсылки к ближайшему «подходящему» агенту слева, что в большинстве случаев означает отсылку к субъекту предшествующей предикативной единицы. Анафорическое *оный* употребляется в тех случаях, когда субъект ДС не совпадает с субъектом предшествующей предикативной единицы; антецедентом местоимения *оныи* оказывается в этих случаях либо несубъектный актант предшествующей предикативной единицы, либо субъектный актант предикативной единицы, отстоящей еще левее. Можно сказать, что местоимение *и* употребляется в условиях агентной непрерывности, а местоимение *оный* — в условиях агентной прерывности. Этому соответствует и позиция данных местоимений относительно предиката: *оный* всегда стоит перед причастием, а *и* в большинстве случаев (при отсутствии возмущающих факторов) после причастия.

ПВЛ употребляет в ДС практически только эти два анафорических местоимения. ЖФ использует также анафорическое *тъ*. Этот факт указывает на статус анафорического *тъ* как дополнительного средства, не необходимого для выполнения тех коммуникативных задач, которые встают при построении древнего восточнославянского книжного нарратива. Местоимение *тъ* может выступать как дублер и анафорического *оный*, и анафорического *и*, отсылая в одних случаях к субъекту предшествующей предикативной единицы, а в других случаях к несубъектному актанту предшествующей предикативной единицы. Выбор *тъ*, как правило, обусловлен тем, что он снимает разного рода нежелательные эффекты, которые возникли бы при употреблении других (основных) анафорических местоимений. Разнородность тех контекстов, в которых употребляется *тъ*, соответствует разнообразию причин, которые могут производить коммуникативную неловкость. Замечательным образом, однако, употребление *тъ* в ДС в предпозиции или в постпозиции к причастию достаточно жестко коррелирует с тем, отсылает ли оно к «новому» или к «старому» субъекту, или, иными словами, употреблено ли оно в условиях агентной прерывности или непрерывности. Порядок расположения *тъ* в ЖФ оказывается весьма красноречивым свидетельством верности предлагаемой в настоящем исследовании гипотезы.

Следующая таблица суммирует сделанные выше наблюдения:

Таблица 2

	один агент	два агента
непрерывность	*и* постпозиция	*и, тъ* постпозиция
прерывность		*оныи, тъ* препозиция

Клетка «прерывность + один агент» предсказуемым образом пуста, поскольку анафорическое местоимение должно, в принципе, обладать антецедентом, и если в предшествующих предикативных единицах фигурирует

только один агент, он по необходимости является антецедентом местоимения и нарратив характеризуется непрерывностью. Эти простые модели покрывают приблизительно три четверти всех употреблений в ПВЛ и ЖФ.

Разного рода отклонения от этой простой схемы достаточно многочисленны, что, в принципе, должно соответствовать нашим ожиданиям. Можно предположить, что существует несколько основных моделей нарративной референции, не покрывающих всего репертуара отношений между нарративными агентами, репертуара весьма разнообразного в силу того, что нарративные цепочки в восточнославянских книжных текстах могут быть очень длинны, захватывать большое число действующих лиц и при этом оставаться плохо структурированными. Таким образом, в пространстве между основными моделями возникают серые зоны. Выражаясь иначе, можно сказать, что синтаксические трафареты, известные каждому автору, усвоившему церковнославянскую литературную традицию, нередко оказываются недостаточными для решения встающих коммуникативных задач (для устройства изложения). Автор в этих случаях вынужден негоциировать между известными ему трафаретами и решаемыми им нарративными задачами. Эти негоциации обусловливают отклонения от существующих моделей, а в отдельных случаях приводят к коммуникативным неудачам (провалам) (см. примеры 21, 22, 23, 55, 56).

Здесь мы сталкиваемся с общей проблемой описания неоднозначно структурируемых явлений, таких, в частности, как порядок слов и референтная структура. Анализ не может быть более систематическим, чем само употребление. Он не может, ввиду характера материала, принести исчерпывающую классификацию на однозначно выделенные группы. Результаты подобного анализа не могут быть представлены в виде неуклонно выполняемых правил. Максимум, на что можно рассчитывать, это набор моделей, которые покрывают около двух третей примеров, и на пестрое множество «непослушных» примеров, для которых любое объяснение носит вероятностный характер. Различные возможные построения изложения соотносятся между собою не как «грамматически правильные» и «грамматически неправильные», а как более удачные и менее удачные. В серых зонах те модели оптимизации, которые определяют удачность и которые и должен описать исследователь, работают непоследовательно. Во всяком случае, менее удачные построения не исключаются из репертуара. Исследователь вынужден смириться с тем, что организация повествования в многочленные цепочки порою ставит перед нарратором нестандартные задачи, создающие неопределенность выбора, не разрешаемую сформулированными исследователями правилами. Выбор пишущего в этих обстоятельствах может быть неоптимален, и в силу этого его нельзя предсказать.

Важно учитывать и еще один принципиальный момент: в языковом поведении, относящемся к построению нарратива, много индивидуального. Несколько упрощая, можно сказать, что одно и то же содержание один ав-

тор передаст одним образом, а другой — другим. Разные авторы пользуются разными нарративными стратегиями, и различия могут затрагивать здесь не только стилистические нюансы, но и основные характеристики нарратива: репертуар используемых синтаксических построений (ср. в начале настоящей работы о текстах с разной интенсивностью использования ДС), репертуар служебных единиц, таких, как анафорические местоимения (ср. выше об отсутствии анафорического *тъ* в ДС в ПВЛ и его наличии в ЖФ) и т. д. Начальная эпоха восточнославянской книжной письменности вряд ли менее разнообразна в данном отношении, чем множество оригинальных стилистических решений современных авторов, в существенной степени связанных литературной нормой.

При всей индивидуальности решений, принимаемых в нестандартных коммуникативных ситуациях, проведенное исследование позволило хотя бы предварительно идентифицировать ряд возмущающих стандартные построения факторов. Одна группа факторов, воздействующих и на выбор анафорического местоимения, и на его расположение относительно предиката, состоит в неопределенности трактовки вторгающихся между анафорическим местоимением и антецедентом предикативных единиц. Такая неопределенность может создаваться предикациями, субъект которых характеризуется неполной агентивностью (см. примеры 16, 44, 50, 63, 64), равно как прямой речью: референтные связи могут миновать ее, перескакивая через нее как через инородную вставку, а могут так или иначе взаимодействовать с нею (см. примеры 21, 32, 36, 38, 59, 63, 66, 71). Этого же типа неоднозначность, ведущая к отклонениям, возникает и тогда, когда субъект предшествующей предикативной единицы не совпадает со смысловой темой данного пассажа (см. примеры 14, 15, 20, 21, 33, 44, 47, 48, 73). Другой тип факторов влияет на выбор анафорического местоимения и состоит во взаимодействии различных анафорических местоимений. В ряде случаев выбор местоимения может осуществляться как повторение предшествующего местоимения с тем же антецедентом вне прямой связи с особенностями референтной структуры всего фрагмента (ср. примеры 51, 71, 72, 74, 80). Третий тип факторов влияет на взаимное расположение субъекта и предиката и связан с действием различных нарративных коннекторов. Коннекторы осуществляют нарративное фокусирование и могут сдвигать субъект предикативной единицы в инициальную позицию или, иными словами, притягивать его к себе (см. примеры 25, 26, 27, 49, 53, 54, 57, 58, 81, 85, 86). Состав этих коннекторов (не совпадающий в разных текстах) не до конца ясен, а механизмы их действия требуют дальнейшего анализа. Более пространное исследование необходимо и для других создающих коммуникативную неопределенность факторов. При этом следует иметь в виду, что не все отклонения объясняются действием трех перечисленных типов факторов, но, как уже говорилось, какая-то часть отклонений в принципе не поддается объяснению. Я надеюсь, что дальнейшие исследования позволят более четко определить объем и характер поставленных проблем.

Литература

БЛДР, I—XX — Библиотека литературы древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева и др. Т. I—XX. СПб., 1997—2003 (продолжающееся издание).

Богатырева 1968 — Г. Д. Богатырева. Основные семантико-синтаксические значения местоимений *сь*, *тъ*, *онъ* (*и*) в древнерусском языке XI—XIV вв. Кишинев, 1968.

Бугославский 1914 — С. Бугославский. К вопросу о первоначальном тексте жития вел. кн. Александра Невского // Изв. Отд. русского языка и словесности Имп. Академии наук. XIX (1914). Кн. 1. С. 261—290.

Ворт 1994 — D. S. Worth. The Dative Absolute in the *Primary Chronicle*: Some Observations // Harvard Ukrainian Studies. XVIII (1994). № 1/2. P. 29—46.

Гиппиус 2006 — А. А. Гиппиус. Новгородская владычная летопись XII—XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2004—2005. М., 2006. С. 114—252.

Дёрфи 2005 — Б. Дёрфи. Дательные самостоятельные конструкции в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку // Studia Slavica Academiae scientiarum hungaricae. Vol. 50 (2005). № 3/4. P. 343—360.

Живов 2006 — В. М. Живов. Восточнославянское правописание XI—XIII века. М., 2006.

Зализняк 1986 — А. А. Зализняк. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 89—218.

Зализняк 2004а — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк 2004б — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.

Исаченко 1980 — A. Issatschenko. Geschichte der russischen Sprache. Bd. 1. Von den Anfängen bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. Heidelberg, 1980.

Ковтунова 1969 — И. И. Ковтунова. Порядок слов в русском литературном языке XVIII — первой трети XIX в. Пути становления нормы. М., 1969.

Коллинс 2004 — D. Collins. Distance, Subjecthood, and the Early Slavic Dative Absolute // Scando-Slavica. 50 (2004). P. 161—177.

Корин 1995 — A. Corin. The Dative Absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic // Der Welt der Slaven. Vol. 40. 2 (1995). S. 251—284.

Майоров 2006 — А. П. Майоров. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М., 2006.

Молдован 2000 — А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

НГБ 2004 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 гг.). Т. XI. М., 2004.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

ПСРЛ, I—XLI — Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографическою комиссиею. Т. I—XLI. СПб.; М., 1841—1995.

Сабельфельд 2002 — Н. М. Сабельфельд. Оборот «дательный самостоятельный» в повествовательных текстах XVII века (на материале сибирских летопи-

сей) // Труды гуманитарного фак-та. Сер. II. Сб. науч. тр. Новосибирского гос. ун-та. История языка. Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2 / Под ред. Л. Г. Панина. Новосибирск, 2002. С. 65—77.

Серебрянский 1915 — Н. С е р е б р я н с к и й. Древне-русские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты) // Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских. 1915. Кн. 3 (254). Исследования. С. 1—296, 1—186.

Тернер 2006 — S. T u r n e r. Post-Verbal Subjects in Early East Slavonic // Transactions of the Philologucal Society. Vol. 104: 1 (2006). P. 85—117.

Тернер 2007 — S. T u r n e r. Methodological Issues in the Interpretation of Constituent Order in Early East Slavonic Sources // Russian Linguistics. Vol. 31 (2007). P. 113—135.

Тимберлейк 2004 — A. T i m b e r l a k e. A Reference Grammar of Russian. Cambridge, 2004.

Успенский 2002 — Б. А. У с п е н с к и й. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд. М., 2002.

Успенский сборник 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.

Холлидей и Хасан 1976 — M. A. K. H a l l i d a y, R. H a s a n. Cohesion in English. London; New York, 1976.

Христова 2006 — D. S. H r i s t o v a. Dative Absolute Revisited: Subject Coreferentiality in Rusian // Die Welt der Slaven. LI (2006). S. 275—290.

Шахматов 1896 — А. А. Ш а х м а т о в. Несколько слов о Несторовом Житии св. Феодосия. СПб., 1896. [Сборник Отд. русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. LXIV. № 1].

Шахматов и Лавров 1899 — Сборник XII века Московского Успенского собора. Вып. 1 / Изд. под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова // Чтения в Имп. Обществе истории и древностей российских. 1899. Кн. 2. Раздел II. Мат-лы историко-литературные. С. 1—167.

Элсберг 1967 — И. Я. Э л с б е р г. Склонение и употребление атрибутивных указательных местоимений в русском языке XII — начала XVIII в. (на материале языка хождений и путешествий русских людей). Л., 1967.

А. В. МАЛЫШЕВА

ВАРИАТИВНОСТЬ ГЕНИТИВА И АККУЗАТИВА ПРИ ГЛАГОЛАХ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ ‘БЕРЕЧЬ, ЗАЩИЩАТЬ’ В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ[1]

Введение

Проблема альтернативного управления аккузативом и генитивом объекта глаголов с общим значением ‘беречь, защищать’ в истории русского языка неоднократно привлекала внимание исследователей[2]. К этой группе причисляются глаголы **берегти**, **блюсти**, **боронити**, **стеречи**, **хранити**, в периферийных значениях — глаголы **съмотрити**, **вѣдати**, **дозирати** [Булаховский 1953: 264; Гурьева 1963: 239; Попова 1969: 33—34; Историческая грамматика 1978: 348; Крысько 2006: 199—201, 219, 227—228, 253—254; Майер 1997: 91]. Во многих индоевропейских языках эти глаголы управляют объектным генитивом. Так, в русском языке генитивное управление фиксируется с древнерусского периода вплоть до XVII и даже до XVIII в. [Попова 1969: 34; Таубенберг 1967: 27]. Постепенно генитивные формы вытесняются аккузативными (например, по материалам «Вестей-Курантов», уже в первой половине XVII в. при этих глаголах в целом преобладает аккузатив [Крысько 2006: 228; Майер 1997: 91]).

Поскольку генитив при глаголах с общим значением ‘беречь, защищать’ исконно является преобладающей формой управления, в трудах по историческому синтаксису существует традиция считать его в этом случае чисто грамматическим — синтаксическим, а не семантическим падежом [Попова 1969: 33]. Отмечается, что какая-либо «мотивированная связь с прямым значением генитива (аблативным, частичным)» полностью утрачена [Историческая грамматика 1978: 348].

Однако уже в ранних памятниках при глаголах с общим значением ‘беречь, защищать’ на фоне примеров с генитивом встречаются примеры ак-

[1] Автор благодарит Ю. Д. Апресяна, В. М. Живова и А. К. Петрову за обсуждение статьи и высказанные советы и критические замечания.

[2] В лингвистических трудах такие глаголы называются «глаголами охраны» [Попова 1969] или «глаголами внимания и заботы» [Крысько 2006].

кузативного управления [Там же; Крысько 2006: 199—200]. Есть данные о том, что распределение управляемых форм при отдельных глаголах этой группы в древнерусском языке носит лексикализованный характер: при **съмотрити**, **стрещи** (**стеречи**), **назирати**, **блюсти**, **призирати** преобладает генитив, при **хранити** — аккузатив [Крысько 2006: 200].

Представляется интересным более подробно рассмотреть функционирование и семантику объектных форм при этих глаголах на материале большого корпуса текстов одного жанра. Русские летописные своды, существующие в многочисленных, различающихся по времени создания списках, предоставляют для этого обширный материал, а также дают возможность проследить эволюцию управления объектными актантами на протяжении значительного отрезка времени.

Для исследования привлечены следующие летописи: Лаврентьевская летопись (далее ЛЛ; в качестве основы взят Лаврентьевский список 1377 года с разночтениями по Радзивиловскому (далее — Р) и Академическому (А) спискам XV в.); Ипатьевская летопись (далее — ИЛ: Ипатьевский список около 1425 года с разночтениями по Хлебниковскому списку XVI в. (далее — Х) и Погодинскому списку XVII в. (П); I Новгородская летопись по Синодальному списку XIII—XIV вв. (далее — 1НЛ СС) и Комиссионному списку XV в. (далее — 1НЛ КС: Комиссионный список исследовался с разночтениями по Академическому XV в. (А) и Толстовскому XVIII в. (Т) спискам); частично II Новгородская летопись (2НЛ) и IV Новгородская летопись XV—XVI вв. (4НЛ), V Новгородская летопись (5НЛ), Софийская первая летопись старшего извода XV в. (Соф), I Псковская летопись XVI—XVII в. (1Псков), II Псковская летопись XV в. (2Псков), III Псковская летопись XVI в. (3Псков); Патриаршая, или Никоновская летопись XVI в. (Ник) с разночтениями по спискам (при необходимости они указываются в скобках).

Следует отметить, что частотность употребления рассматриваемых глаголов различна в разных летописных сводах. Так, глагол **блюсти** с генитивным управлением, чрезвычайно употребительный в ранних летописях, в поздней Никоновской летописи более редок. И наоборот, глагол **беречи** с объектным актантом практически отсутствует в ранних летописях, но широко употребляется в Никоновской. Глагол **стеречи** с генитивным управлением регулярно употребляется в Ипатьевской летописи (особенно часто в сочетании с существительным **землѧ**: **стеречи землѣ** (**земли**) **своеꙗ**), в остальных летописях он встречается реже.

Только в Псковских летописях при констатации факта счастливого избавления от стихийных бедствий — пожаров, заморозков — регулярно употребляется глагол **ꙋблюсти**, управляющий генитивом (например, в сочетании с существительным **дѣтиньць**: **дѣтинца ꙋблюдѣ богъ**). Такого рода контексты встречаются многократно. Возможно, эти повторяющиеся, «формульные» контексты — отражение определенной письменной традиции в системе отдельно взятой летописи, а не факт живого языка. Однако, несмотря на известную ограниченность, обусловленную книжной тради-

цией, летописный материал все-таки позволяет установить некоторые особенности управления глаголов рассматриваемой группы.

Для исследования привлекаются следующие глаголы с общим значением ‘беречь, защищать’: **беречи** (**брещи**, **бречи**), **блюсти**, **боронити** (**бранити**), **пасти**, **стеречи** (**стрещи**), **хранити**, а также однокоренные префиксальные глаголы: **поберечи**, **поборонити**, **постеречи**; **съберечи**, **съблюсти**, **съпасти**, **съхранити**, **съблюдати**, **съхранѧти**; **оборонити**, **оборонѧти**; **ѹблюсти**, **ѹпасти**, **ѹстеречи**; **небречи**. Непрефиксальные и префиксальные глаголы рассматриваются отдельно, поскольку прослеживается зависимость управления глагола от наличия приставки и ее семантики.

1. Формы генитива и аккузатива при непрефиксальных глаголах с общим значением ‘беречь, защищать’

Анализ летописного материала подтверждает сделанный ранее вывод о том, что распределение управляемых форм различается полексемно, то есть уже с самого раннего периода некоторые глаголы рассматриваемой группы обнаруживают устойчивое генитивное управление, а другие — аккузативное. Далее подробно анализируются различия в структуре значений глаголов «генитивной» и «аккузативной» групп, которые с большой степенью вероятности предопределяют и различия в управлении[3].

1.1. Непрефиксальные глаголы с общим значением ‘беречь, защищать’, управляющие преимущественно генитивом

Среди бесприставочных глаголов преимущественно генитивное управление имеют глаголы **блюсти**, **стеречи** (**стрещи**), **беречи** (**брещи**, **бречи**).

Б Л Ю С Т И

Глагол **блюсти** с генитивным управлением встречается во всех рассмотренных летописях[4]. Чаще всего он имеет значение ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’. В роли объекта в этом случае могут выступать

---

[3] С методологической точки зрения очень полезным для описания сходства и различия между синонимами оказался материал современного русского литературного языка, представленный в словарной статье ЗАЩИТИТЬ 1 [НОС 1997: 127—129].

[4] В Синодальном списке I Новгородской летописи есть один пример употребления генитива при глаголе в форме супина: **И посла княꙁь Мьстиславъ Дмитра Якѹниця на Лѹкы съ новгородьци города ставитъ, а сам иде на Тържекъ блюстъ волости** (1210, 1НЛ СС, 7 об.). В более позднем Комиссионном списке форма супина уже отсутствует. Соответственно меняется форма актанта при инфинитиве глагола **ставити**, но у глагола **блюсти** сохраняется генитивное управление: **и посла княꙁь Мьстиславь Дмитра посадника на Лѹкы с новгородци городъ ставити, а самъ иде на Торжокъ блюсти волости** (1211, 1НЛ КС, 133).

существительные **землѧ, волость, отьчина, отьчьство: ты кнѧже чюжеꙗ земли ищеши и блюдеши. а своеꙗ сѧ ѡхабивъ. малы бо насъ не взѧша Печенѣзи** (968, ЛЛ, 20 — то же: ИЛ, 26 об.; 1НЛ КС, 38; 5НЛ, 464); **тако на томъ цѣловаша хр҃стъ оу ст҃омъ Сп҃сѣ ворождоу про Игорѧ ѿло жити. а Роускои** (ХП **роускыа) земли блюсти** (1148, ИЛ, 133 об.); **а велю тобѣ Игорю сдѣ ѡстати съ Ꙗрославомъ. блюсти Чернигова. и всеѣ волости своеи** (1180, ИЛ, 217 об.); **бѧшеть Іѡа^н^ кнѧ^з^ сн҃ъ Дмитриевъ ида в Ворду приказалъ Михаилу кн҃зю. блюсти ѡч҃ины своее и Переꙗславлѧ** (1297, ЛЛ, 171 об.); **ꙗкоже бѣ лѣпо жити бра^т^и единомыслено. оукоупѣ. блюдоучи ѡцьс҃тва** (ХП **о(т)чьства) своего** (1146, ИЛ, 121 об.).

Часто в форме объектного генитива при глаголе **блюсти** в значении ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’ употребляются имена собственные — названия городов, подлежащих охране: **и здумаш^а^ пре^ж^ ити к Переꙗславлю. блюда Переꙗславлѧ кн҃зь бо Переꙗславьскыи Глѣбовичь. Володимеръ. в то времѧ бѧшеть малъ. ꙗко ·в҃і· лѣ^т^** (1169, ЛЛ, 120 об.); **ѿтоле же поусти Изѧславъ брата своего Ст҃ополка во Володимиръ Володимира блюсть** (1150, ИЛ, 149) и др.

В роли объекта при глаголе в этом значении возможны и другие исчисляемые существительные: **а от князя великаго приихалъ на Двину в засаду князъ Федоръ Ростовьскыи городка блюсти и судити и пошлинъ** (АТ **пошлины) имати с новгородскых волостии** (1398, 1НЛ КС, 236 об. — то же: **а отъ великого князя приѣхалъ въ заставу на Двину князь Ѳедоръ Ростовьскій городка блюсти и судити и пошлины имати Новогородцкіа** (Ник. 11, 170).

Интересна группа сходных контекстов из Ипатьевской, Новгородской и Псковских летописей, где причастие управляет генитивом исчисляемого существительного во мн. ч.: **Москьвлѧни же слышавше. ѡже идеть на нѣ Ꙗрополкъ. и възвратившисѧ въспѧть блюдуче домовъ своихъ** (1177, ИЛ, 211 об.); **такоже и псковичи возвратишяся с ними, блюдуще своихъ домовъ, женъ и дѣтеи от Литвы** (1341, 2Псков, 173 — то же: 1Псков, 29 об., 3Псков, 24; 1342, 5НЛ, 608 об.); **и псковичи с посажяны своихъ хоромовъ блюдоучи, и заложиша стѣну деревяноу от Великой рѣке... да и до Пскови рѣки** (1465, 3Псков, 115).

В этом значении возможны также отвлеченные существительные в роли объекта: **Ахматъ ѡставѧ брата своꙗ .в҃. блюсти и крѣпити свободъ свои^х^** (1263, ЛЛ, 170).

Наряду с вышеприведенными примерами бесспорно генитивного управления в некоторых контекстах наблюдаются колебания. Так, в нескольких случаях генитивная форма исправляется на аккузативную в более поздних списках Лаврентьевской и Ипатьевской летописей и в Комиссионном списке I Новгородской летописи: **Всеволожаꙗ же и митрополитъ придоста к Володимеру. и молистасѧ ѥму. и повѣдаста молбу Кыꙗнъ. ꙗко творити миръ. и блюсти землѣ Русьскиѣ** (РА **рускую**) (1097, ЛЛ, 89); **да то ты а то Киевъ и Роускаꙗ ѡбласть а комоу еси в неи часть далъ. с**

тем же еи (ХП **ю**) **и блюди и стережи. да како ю** (ХП **ея**) **с нимъ оудержишь. а то оуꙁрю же. а мнѣ не надобѣ** (1195, ИЛ, 236); **нь идоша в Торъжокъ новгородци блюсти Торжьку** (АТ **тръжекъ**) (1304, 1НЛ КС, 192 об.)[5].

Только в Псковской летописи в этом значении один раз зафиксирован бесспорный аккузатив: **отъидоша, не учинивше граду ничто же; богъ бо святыи спасъ блюдяше градъ** (1426, 2Псков, 191).

Другое значение глагола **блюсти** — ‘иметь попечение о чем-н.’, например: **чадо се предаю ти манастырь. блюди с опасьемь его**[6]**. такоже оустроихъ и вь служьбахъ. то держи преданьꙗ манастырьскаꙗ. и устава не измѣнꙗи но твори всѧ по ꙁакону. по чину манастырьскому** (1074, ИЛ, 69 — то же: Соф, 175).

Генитив при глаголе **блюсти** отмечается также в сочетании **блюсти головы (главы) своее (своеꙗ)** со значением ‘заботиться о сохранении своей жизни’: **и рѣше болꙗре и людье. тобѣ кнѧ[же] достоить блюсти головы своее** (1097, ЛЛ, 87 об. — то же: ИЛ, 89); **и реч Стополкъ ꙗко повѣда ми Двдъ Игоревичь. ꙗко Василко брата ти оубилъ Ꙗрополка и тебе хоче оубити. и ꙁаꙗти волость твою... а неволѧ ми своее головы блюсти и не ꙗзъ его слѣпилъ но Двдъ** (1097, ЛЛ, 88 об. — то же: ИЛ, 90).

В своем третьем значении ‘следить, наблюдать за чем-н., остерегаясь чего-н.’ глагол **блюсти** в летописях последовательно управляет генитивом: **Изꙗславъ же слышавъ то поиде по неи блюда того дабы сѧ не снѧлъ с Володимеркомъ** (1152, ЛЛ, 111 — то же: ИЛ, 157); **кнꙗзи людстіи собрашеся вкупе на Господа и на Христа Єго. Блюдите** (Н **соблюдите**) **же и сего, да не когда услышатъ сіа вѣрніи ꙗзыци православіа, еже отмещете правду, а лестная и ложная любите** (1439, Ник. 12, 28)[7].

---

[5] Однако в более поздней V Новгородской летописи в этом контексте, наоборот, без всяких колебаний воспроизводится форма генитива: **но идоша Новгородци в Торжокъ блюсти Торжьку** (5НЛ, 594).

[6] Этот контекст не очень показателен для изучения глагольного управления, так как нельзя с полной достоверностью определить, какая форма местоимения здесь употреблена: РП или ВП=РП. Он приводится для иллюстрации наличия у глагола данного значения.

[7] Приведем также некоторые другие значения, которые встречаются достаточно редко. В Псковских летописях в одном контексте отмечено значение ‘бояться’: **единою ключися ему выехати, и побѣди 7 ратни единѣмъ выездомъ... и начаша оттолѣ блюсти** (в издании **блюстися**) **имени его** (980, 2Псков, 160); а также значение ‘сохранять в целости’: **Бысть во Пскове градъ великъ над градом, какъ садовое яблоко, ис тучи молниа блистаниа, а вꙁялися тучи со озера; да на Кромоу костер ꙁагорѣлся против Лубянского въсхода, что снѣтъ блюли собакам на ядь** (1487, 1Псков, 646). В Никоновской летописи отмечено еще одно значение глагола **блюсти** в сочетании **блюсти пяту** с аккузативным управлением ‘наблюдать, следить за кем-н., замышляя что-н.’: [Роман Диоген] **всѣхъ непщуя, и всѣмъ ꙁаꙁирая, яко своимъ, и яко навѣтникомъ, яко пяту ему блюдущихъ** сирѣчь **ꙁлая на нь помышляющихъ** (Ник. 9, 110) [СлРЯ XI—XVII: вып. 1, 248]). Здесь и далее, воз-

стеречи (стрещи)

В роли объекта при глаголе **стеречи** (**стрещи**) в значении ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’ выступают существительные **ꙁемлѧ**, **волость** (преимущественно в Ипатьевской летописи): **и еще есмь и Роускои ꙁемли приказалъ стеречи тобѣ** (1149, ИЛ, 136); **а ѡдиного себе ѡставимъ стеречи ꙁемлѣ своеꙗ** (1149, ИЛ, 140); **а Межькоу ѡстависта стеречи ꙁемли** (ХП **ꙁемлѣ) своеꙗ. ѿ Прусъ** (1149, ИЛ, 140 об.); **и стоꙗша. оу Канева все лѣто. стерегоучи ꙁемли Роускиѣ** (Х **роускія**, П **роускыя)** (1192, ИЛ, 233); **пакы ли хочемь своеꙗ ꙁемлѣ стеречи. а такоже ны повѣжь** (1193, ИЛ, 234); **а нынѣ поиди в Роусь. стерези же своеꙗ ꙁем^л^ѧ** (1193, ИЛ, 234 об.); **Тое же ꙁимы воеваша Половци. по Оубережи поимаша Торкы С҃тосла^в^ бо и Рюрикъ много стоꙗша оу Василева. стерегше ꙁемлѣ своеꙗ** (Там же); **ѡстависта же в Берестии. Володимера Пиньского. и Оугровьчаны и Берестьѧны. стеречи ꙁемлѣ** (ХП **ꙁемли**) **ѿ Ѧтьꙗꙁь** (1229, ИЛ, 256); **Василько же кнѧꙁь. ѡсталъ бѣ. стеречи ꙁемлѣ ѿ Литвы** (1241, ИЛ, 267); **и послоушавъ же Иꙁѧслава Мьстислалича. Ростиславъ и поча стеречи волости его. Дюргеви же бы^с^ вѣсть ѡже Ростиславъ воюеть волость его** (1146, ИЛ, 122 об.).

Реже встречается генитив других существительных: **пѣшцѣ же ѡстави противоу врато^м^ гра^д^. стрещи** (ХП **стеречи) вратъ. да не иꙁиидоуть на помощь Данилоу** (1249, ИЛ, 269 об.); **а ставил государь в Новѣгородѣ пятсотъ стрѣлцов каꙁны своей стеречи на всякую ночь** (1572, 2НЛ, 39 об.)[8].

Так же, как при глаголе **блюсти**, в форме генитива при глаголе **стеречи** может выступать имя собственное — название города: **Данилъ же посла ко брату си. стерези Володимѣра** (1235, ИЛ, 262), а также отвлеченное существительное: **на томъ же и моужи ею цѣловаша хр^с^тъ ако межи има добра хотѣти. и ч^с^ти ею стеречи. а не сваживати ею** (1150, ИЛ, 145).

В значении ‘иметь попечение о чем-н.’ глагол **стеречи** с генитивным управлением фиксируется в Псковской летописи: **а велѣлъ им в соуду седѣти с намѣсники и съ ихъ тиуны, правды стеречи** (1510, 1Псков, 661 об.). В Никоновской же летописи, по нашим данным, в этом значении употребляется глагол **стрещи** и только с аккузативным управлением: **идохомъ и поклонихомся образу великого архангела Михаила, иже явися отроку, стрегущему скоты** (1389, Ник. 11, 100); **великій стражь Тѳерскаго града, иже тако всегда стрегый, якоже орелъ гнѣꙁдо свое, и тобою сынове Тверстіи въ странахъ честни и необидими бываху** (1399, Ник. 11, 181) и др.

можно, имеются и другие периферийные значения, которые могли остаться за пределами рассмотрения в случае отсутствия при глаголе объектного актанта.

[8] Приведем также контекст с колебаниями в выборе объектных форм существительного и согласованного с ним числительного: **стоꙗщю же ѥму при краи морѧ стрежаше^т^ ѡбою** (РП) **пути** (ВП). **и пребы^с^ всю нощь во бдѣньи** (1263, ЛЛ, 169 — то же: 1240, 1НЛ КС, 163 об.; 2Псков, 158).

Только генитивное управление имеет глагол **стеречи** в значении ‘следить, наблюдать за чем-н., остерегаясь чего-н.’: **а дроугии полчи стоѣахоу недвижими. стерегоучи внезапнаго наѣзда ѿ Лѧховъ** (1281, ИЛ, 294)[9].

беречи (брещи, бречи)

Глагол **беречи (брещи, бречи)** активно употребляется в поздней Никоновской летописи, где он управляет преимущественно генитивом[10].

Генитивное управление имеет глагол **беречи** в значении ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’ в сочетании с существительными **украины** (мн. ч.), **отьчина**; в этом значении глагол **беречи** так же, как глаголы **блюсти** и **стеречи**, может управлять генитивом имени собственного: **а велѣлъ воеводамъ своимъ беречи своихъ украинъ отъ Крымьского царя и отъ короля** (1534, Ник. 13, 83); **послалъ слугу своего князя Михаила Глинского... беречи своеа отчины града Смоленска и иныхъ градовъ отъ своего недруга отъ Жихдимонта короля Полскаго** (1514, Ник. 13, 21 — то же: Соф. II, 256 [СлРЯ XI—XVII: вып. 1, 146]). В роли объекта могут выступать и другие существительные: **посылалъ ихъ князь великiй на Волгу пятсотъ человѣкъ беречи въ Казань и ис Казани посылокъ и въ иные орды и из ыныхъ ордъ присылокъ** (1536, Ник. 13, 113); **и престa сѣча, а отъ града не отступиша, самъ бо окаанный стоя, брегуче своихъ градовъ** (деревянные укрепления. — *А. М.*) **и иныхъ козней** (орудия, в частности стенобитные. — *А. М.*), **не дадуще гражданомъ зажещи** (1453, Ник. 12, 93).

Другое значение глагола **беречи** — ‘иметь попечение о чем-н.’: **бояре крестъ цѣловали всѣ на томъ, что имъ великой княгинѣ и сыну ея, великому князю Ивану, прямо служити и великаго княженiа подъ нимъ беречи** (1534, Ник. 13, 77); **ты же, господине отець мой Макарiй... подщися, елико тобѣ Богъ дасть, во всемъ беречи царства сего Владыку нашего Христа моли** (1552, Ник. 13, 186); **а велѣлъ имъ прити въ Мамаилусъ, промыслити надъ** (С **промыслити и на**) **стада послати Крымскiе, а самимъ того беречи** (1555, Ник. 13, 256).

---

[9] У **глагола стеречи (стрещи)** в летописях отмечается также значение ‘сторожить, караулить’, но только с одушевленным объектом: **не бѡшеть бо емоу лзѣ бѣжати в дн҃ь и в нощь. имъ же сторожевѣ стрежахоуть его** (ВП=РП) (1185, ИЛ, 226 об.); **и приставомъ повелѣ стрещи его** (ВП=РП) (1142, 1НЛ КС, 258 об.) и др.

[10] Глагол **беречи** встречается иногда и в других летописях, например в Псковской, но употребляется либо без объектных актантов, либо с одушевленным объектом: **И влѣзли в полату, и бояре [рекоша] посадником и бояром и купцом псковским: поимани де естя богом и великим князем Васильем Ивановичем всеа Русии; и тутo посадники седѣша и до своих жон, а молодших людеи переписавъ и подаваша наугородцом по улицам беречи и кормити до управы** (1510, 1Псков, 658 об.); **И прикаа великое княжение сыноу своемоу большому князю Ивану, и нареченого сам при своем животе великим князем; и прикаа его** (ВП=РП) **беречи до 15 лѣтъ своим бояром не многимъ** (1534, 1Псков, 670 об.).

В этом значении глагол **беречи** имеет вариативное управление (например, в сочетании с существительным **землѧ**). Обычно он управляет объектным генитивом: **И великая княгини, берегучи сына и земли, прикаꙁала бояромъ: «вчера естꙗ крестъ цѣловали сыну моему великому князю Ивану и добра хотѣти...»** (1534, Ник. 13, 78); **и князь велики, берегучи земли Каꙁанскые и жалуючи людей Каꙁаньскихъ, чтобы кровопролитіа не было** (1531, Ник. 13, 54 — то же: **берегучи земли Каꙁанскія** 55); **а насъ государь хочетъ жаловать и беречи земли Каꙁаньской и дати намъ на Каꙁань Шигалѣа царя** (1531—1532, Ник. 13, 57). Однако имеются также примеры управления аккузативом: **какъ было государево жалованье при Магмедъ-Аминѣ царѣ, такъ же и нынѣ хочетъ ихъ государь жаловати и беречи землю Каꙁаньскую** (1531—1532, Ник. 13, 56); **а князѣй бы Каꙁаньскыхъ и всю землю Каꙁаньскую жаловалъ и берегъ** (1534, Ник. 13, 81); **магистра и всю землю Ливоньскую хочетъ жаловати и беречи** (1535, Ник. 13, 93).

Генитивом объекта управляет глагол **беречи** в сочетании **беречи дѣла** в значении ‘выполнять или следить за выполнением какого-н. дела, обязанности’: **а велѣлъ ему на то дѣло учениковъ отставити, а самому болшего дѣла беречи** (1552, Ник. 13, 210); **идетъ на свое дѣло на земьское х Каꙁани и дѣла своего земьскаго беречи, сколко ему милосердый Богъ поможетъ и Пречистая** (1550, Ник. 13, 159).

Сочетание **беречи (бречи) дѣла** (*чьего-н.*) часто имеет также более узкое значение ‘защищать интересы кого-н., участвуя в военных действиях на его стороне’: **послалъ на Дрютскіе поля... конюшего и боярина своего Ивана Андрѣевича и иныхъ воеводъ своихъ съ людми своего дѣла беречи** (1514, Ник. 13, 21); **да велѣли городъ крепити... и дѣла великого князя беречь со владыкою и съ намѣстники ꙁаодинъ** (1535—1537, Ник. 13, 96); **и повелѣ имъ совокупитися... и дѣла великого князя беречи и Пронѣ пособляти** (1536—1541, Ник. 13, 112); **а велѣлъ людей укрѣпити и дѣла своего беречи: будетъ князь похочетъ Новъградъ ꙁасѣсти, и владыка бы и намѣстникы Новгородцкіе они бы того не учинили, что князю Андрѣю Новъгородъ ꙁдати** (1537, Ник. 13, 118); **и ѣздить по полкомъ, такожде кругъ города и по всѣмъ туромъ, и велитъ крѣпити воеводамъ, да со опасеніемъ брегутъ дѣла его государева** (1553, Ник. 13, 210); **велѣлъ государь князю Дмитрею стояти на Днѣпрѣ и беречи своего дѣла надъ Крымъскымъ царемъ, сколко ему Богъ поможетъ** (1558, Ник. 13, 288 — другие примеры: 1519, Ник. 13, 32 (2 примера); 1531, Ник. 13, 55; 1533, Ник. 13, 67; 1552, Ник. 13, 178).

Один раз в сочетании **беречи дѣло** (*кем-н.*) зафиксировано аккузативное управление (без заметной семантической дифференциации): **ино съ царемъ и съ воеводами будутъ многіе люди просити у Бога милости, а есть кѣмъ великого князя дѣло беречи и Москвѣ пособляти** (1536—1541, Ник. 13, 105).

Третье значение этого глагола — ‘следить, наблюдать за чем-н., остерегаясь чего-н.’: **а велѣлъ князь того беречи: вылѣꙁутъ люди конные на**

кнѧзя Михаила, и кнѧзю Ивану дѣлать, сколко Богъ поможетъ (1552, Ник. 13, 205); **а велѣлъ того беречь накрѣпко, чтобы одноконечно въ Немцы не ходили великого кнѧзя люди войною, ни татьбою** (1555, Ник. 13, 260)[11].

Таким образом, глаголы **блюсти**, **стеречи**, **беречи** очень похожи по структуре своих значений и являются в летописях близкими синонимами. В трех основных значениях (‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’; ‘иметь попечение о чем-н.’; ‘следить, наблюдать за чем-н., остерегаясь чего-н.’) данные глаголы имеют в летописях преимущественно генитивное управление.

В первом значении, которое является для этих глаголов наиболее широко представленным, предполагается обычно активный способ действия: речь чаще всего идет о защите при помощи оружия, путем военных действий; реже имеется в виду защита с помощью каких-то стратегических мер, например возведения военных укреплений. Таким образом, особенностью этого значения у всех трех глаголов в летописях является его предельная конкретность, что обусловливает сочетаемость с определенным кругом существительных, выступающих в значении объекта (*земля*, *отчина*, *город* и др.).

Все синонимы «генитивной группы» в первом значении имеют, кроме объектной валентности, валентность антагониста, которая заполняется именной группой **отъ** + РП (**блюдуще от Литвы**; **стеречи ѿ Литвы**; **беречи отъ Крымьскаго царя**).

Вариативное управление генитивом и аккузативом в первом значении отмечается лишь в очень небольшом количестве контекстов и только у глагола **блюсти.**

Чаще генитивное управление меняется на аккузативное во втором значении ‘иметь попечение о чем-н.’, причем это происходит, как правило, в более поздних летописях (преимущественно в Никоновской).

В третьем превентивном значении ‘следить, наблюдать за чем-н., остерегаясь чего-н.’ все три глагола без колебаний сохраняют управление объектным генитивом.

1.2. Непрефиксальные глаголы с общим значением ‘беречь, защищать’, управляющие аккузативом

Среди бесприставочных глаголов с общим значением ‘беречь, защищать’ преимущественно аккузативом управляют уже в самых ранних летописях глаголы **боронити** (**бранити**), **пасти**, **хранити**.

---

[11] Отметим также более редкие значения — ‘искать’: **Магметъ же окаанный паки, въскорѣ ѹрядивъ, раꙁсылаше всю свою рать по всѣмъ ѹлицамъ и по вратамъ царя бречи** (1453, Ник. 12) — и ‘прятать, держать в засаде’: **А отъ сторонъ государь съ лѣсовъ велѣлъ беречи полковъ, и для силной вылаꙁки изъ города и пробиваніа на лѣсы, на Арьскомъ полѣ и на дорогахъ на Арскыхъ и на Чювашьскыхъ велѣлъ государь быти царю Шигалѣю** (1553, Ник. 13, 214).

боронити (бранити)

Согласно словарным данным, в древнерусский период у глаголов **боронити** и **бранити** отмечается два основных значения: 1. ‘возбранять, запрещать’; 2. ‘оборонять, защищать’ [СДРЯ: I, 297—298; 304]. Отметим, что интересующее нас второе значение ‘оборонять, защищать’ не является первичным и представлено в словаре меньшим количеством примеров (в словаре И. И. Срезневского второе значение у глагола **бранити** вообще не зафиксировано [Срезн.: I, 166]). В более поздний период глагол **боронити** сохраняет эти два основных значения, у глагола же **бранити** развивается еще ряд значений: ‘воевать, сражаться’; ‘враждовать, ссориться’; ‘ругать, упрекать’ [СлРЯ XI—XVII: вып. 1, 297—298; 315—316].

В Лаврентьевской летописи употребляется только глагол **бранити** в первом значении ‘возбранять, запрещать’, например: **но аще кто хотѧше кр^{с}титисѧ не бранѧху но ругахусѧ тому** (955, ЛЛ, 18 об. — то же: ИЛ, 25; другие примеры: 1036, ЛЛ, 51 — то же: ИЛ, 56 об.; 1168, ЛЛ, 119).

В Ипатьевской летописи употребляются оба глагола в первом значении: **Приде Лестько. на Данила. к Щекаревоу. боронѧ ити емоу на помощь. Мьстиславоу. тестеви своемоу** (1219, ИЛ, 250 об. — другой пример: 1154, ИЛ, 170); **Данилови же бранѧщю емоу не помогати королеви** (1226, ИЛ, 254 об.) и др.

Только один раз глагол **бранити** употребляется в Ипатьевской летописи во втором значении (при этом управляет объектным генитивом): **Данилови же и Василкови. съехатн бѣ со высокихъ горъ. и инии же бранѧхоу. да быхомъ стали на гора^{х} бранѧхоу. сохода** (1232, ИЛ, 260).

Глагол **боронити** во втором значении ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’ с объектным управлением встречается в Псковских, Новгородских, Никоновской летописях.

В Псковских летописях этот глагол имеет безусловно аккузативное управление; в роли объекта часто выступает существительное **отьчина** (**вотьчина**), а также сочетание **домъ святыа Троици** (Троицкий собор): **аз васъ, свою отчину, хощу жаловати и боронити от поганых** (1461, 1Псков, 72 об.); **язъ вас свою отчиноу хощу жаловати и боронити** (1510, 1Псков, 657 об.); **честно боронивъ отчиноу свою град Кыевъ от силнеи себѣ ординскых цареи и от Тотарь** (1470, 3Псков, 130 об.); **И князь великии врѣклъся стояти и боронити дом святыа Троици и мужеи пскович** (1462, 2Псков, 204 об.); **рад есмь стояти и боронити дом святыа Троицы и вас свою вотчину Псковъ** (1473, 3Псков, 159).

В Никоновской летописи глагол **боронити** также управляет аккузативом: **боронити свое отечество отъ безсерменьства** (1481, Ник. 12, 204); **тебѣ, государю, подобаетъ христьяньство отъ насилія боронити** (1535, Ник. 13, 81).

Имеется, однако, и пример генитивного управления при этом глаголе из списка Новгородской летописи: **поиди, господине, к нам оборонять** (АТ **боронити**) **своея отчины**; **идеть на нас король свѣискыи на крестъномъ цѣловании** (1348, 1НЛ КС, 214 об.).

Таким образом, глаголы **бранити** и **боронити** в своем втором значении демонстрируют значительное сходство с глаголами «генитивной группы» в аналогичном значении: здесь также предполагаются активные военные действия, наблюдается значительное сходство объектов защиты, есть валентность антагониста, которая реализуется в именной группе ***отъ*** + РП.

Однако значение ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’ не является у этих глаголов первичным; первичное значение глаголов **бранити** и **боронити** вообще не имеет семы ‘защищать’, что отличает их от всех остальных рассмотренных глаголов.

пасти

В словарях в качестве первого значения глагола **пасти** указывается значение ‘пасти (скот)’ [СДРЯ: VI, 355; СлРЯ XI—XVII: вып. 14, 164]. В летописном материале это значение также представлено: **инии же ловы дѣюще и скоты пасуще** (1015, 5НЛ, 497 об.).

Чаще употребляется этот глагол во втором значении ‘иметь попечение о ком-н., чем-н.’: **и всѣх҃ ꙗже почиша пасше ст҃ую црк҃овь** (1231, ЛЛ, 158 об.); **се бы҃с истинныи пастырь пасъ стадо люди ꙁемлѧ Ростовьскыꙗ с кротостью** (1262, ЛЛ, 168); **хотѣньем же ѡц҃а же и дх҃а свою пасти тварь... сше^д** (988, ИЛ, 42 об.); **се сбы҃сѧ прорѣченье блж҃наго ѡц҃а нашего Федосьꙗ. добраго пастуха. їже пасѧше словесныꙗ ѡвца** (1091, ИЛ, 78 об. — то же: ЛЛ, 71об.)[12]; **добрѣ пасяще свое стадо и поживъ в целомудрѣи** (1353, 2НЛ, 161 об.). Это значение предполагает защиту объекта не от внешних врагов, а от его собственных ошибок и заблуждений; в качестве объектов охраны и заботы почти всегда выступают живые существа.

В значении ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’ глагол **пасти** с аккузативным управлением, согласно нашим данным, употребляется в летописях в единственном контексте: **и да ѥму ѿць кр҃стъ ч҃стны и мечь. река се ти буди схраньникъ и помощникъ. а мечь прѣщенье и ѡпасенье. иже нынѣ даю ти. пасти люди своꙗ ѿ противныхъ** (1206, ЛЛ, 142).

хранити

Основное значение глагола **хранити** в летописях — ‘выполнять, соблюдать’. Реализация действия в этом случае зависит исключительно от воли субъекта. При этом не подразумевается никакой угрозы извне и не предполагается защита от внешних врагов, то есть сема ‘защищать’ присутствует в этом значении, но «угроза» исходит изнутри, от самого субъекта. В роли объекта здесь часто выступают отвлеченные существительные: **ꙁаповѣди**, **уставы**, **любовь** и др.

Приведем примеры: **клѧхомъсѧ... предлежащемъ ч҃стнмъ кр҃стомъ и харатьею сею. хранити все. еже есть написано на неи** (945, ЛЛ, 13 об. —

[12] Ср. известные евангельские слова Христа (Ин. 21: 17), например в Мстиславовом евангелии: **паси овьца моꙗ** (цит. по: [Невоструев 1997: 281]).

то же: ИЛ, 20 об.; 5НЛ, 456 об.); **да аще бꙋдеть добрѣ Игорь великии кнѧзь. да хранить си любовь** (мир, согласие. — *А. М.*) **правꙋю** (Там же, 14 — то же: ИЛ, 21; 5НЛ, 457); **но аще потщимсѧ заповѣди ѥго схранити** (Р **хранити**). **тогда ꙗвимсѧ Ба любѧще. любѧи бо мѧ реч заповѣди ѥго хранить… ѡн же заповѣдь Бью хранѧ добро творѧше врагом своимъ** (1125, ЛЛ, 97 об.); **потщасѧ Бжьꙗ заповѣди хранити. и Бии страх прис имѣꙗ в срдци** (1239, ЛЛ, 163 об.); **да храните таку же любовь. къ кнѧземъ же свѣтлымь нашим Рускымъ** (912, ИЛ, 13 об. — то же: 5НЛ, 447); **ꙗко же и клѧхсѧ азъ к цсрмь Грѣцьскымъ. и со мною боꙗре и Русь всѧ. да хранимъ праваꙗ свѣщаниꙗ. аще ли ѿ тѣхъ самѣхъ. и преджеречныхъ не храним** (972, ИЛ, 29); **ѡни же рѣша. ѡбрѣзатисѧ и свинины не ꙗсти. ни заꙗчины. суботу хранити** (986, ИЛ, 33 об. — то же: 5НЛ, 472 об.); **еппъ же повелѣ ему ѡдину недлю порозную ѣсти мѧса. въ среду и в пѧтокъ. а прочею добрѣ** (благочестиво, добродетельно. — *А. М.*) **хранити** (1162, ИЛ, 186); **наказай и укрепляй чяда своя боятися Господа Бога и заповѣди Єго хранити** (1389, Ник. 11, 113); **храняше уставъ правила иноческаго непорочно и неподкновенно убо и незазорно** (1392, Ник. 11, 133); **и постави имъ игумена вмѣсто себя Никона, и заповѣдавъ ему хранити преданіа и уставы манастырьскіа** (1392, Ник. 11, 147) и др.

Второе значение ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’ представлено сравнительно небольшим количеством примеров: **да входѧть в городъ ѥдинѣми вороты. со црвмъ мужемъ. безъ ѡружьꙗ. мужь. н. и да творѧть куплю. ꙗкоже имъ надобѣ. [и] паки да исходѧть. н. мужь цртва вашего. да хранить ꙗ** (945, ЛЛ, 12 — то же: ИЛ, 19; 5НЛ, 455); **Аще ли безъ грамоты приидуть и предани будуть намъ, да держимъ ихъ и хранимъ дондеже възвѣстимъ князю нашему** (945, 5НЛ, 454 об.). В роли субъекта действия здесь часто выступают существительные, обозначающие высшие инстанции: **не великихъ ли чстии достоини суть нашю жизнь хранѧще** (об ангелах) (1111, ИЛ, 100 об.); **но Богъ храняше градъ и люди, сущия в немъ** (1341, 1Псков, 30 — то же: 5НЛ, 608 об.); **и много всоуе троудишяся погании, богъ бо и святыи Никола храняше град** (1480, 2Псков, 214 — то же: 3Псков, 198).

На основании приведенного материала можно заключить, что глаголы, имеющие аккузативное управление, отличаются по структуре значений от глаголов, управляющих генитивом. Во-первых, в значениях глаголов с аккузативным управлением **хранити**, **пасти**, **боронити** (**бранити**) отсутствует компонент превентивности: они, в отличие от глаголов **блюсти**, **стеречи**, **беречи**, не имеют значения ‘следить, наблюдать за чем-н., остерегаясь чего-н.’. Значение ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’ не является у глаголов «аккузативной группы» первичным. При этом у них имеются другие значения, не зафиксированные в летописях у глаголов «генитивной группы»[13].

[13] У глагола **блюсти** в древнерусском языке есть и не отмеченные в летописях значения ‘выполнять, соблюдать’, ‘сохранять в целости’: **блюсти заповѣди**, **блю-**

Как кажется, значение ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’ имеет количественный компонент: защищать Русскую землю можно в какой-то ее части (а также в течение некоторого времени), и это все равно будет восприниматься как защита. В то же время значение ‘выполнять, соблюдать’, наиболее характерное в летописях для глагола **хранити,** не допускает такого количественного компонента: неисполнение заповеди хотя бы в некоторой ее части равнозначно нарушению заповеди.

Представляется закономерным, что глаголы, первичное значение которых ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’, могут управлять количественным генитивом. Постепенно, как было сказано выше, глаголы **блюсти**, **стеречи**, **беречи** утрачивают генитивное управление. Однако, как кажется, это обусловливается не просто влиянием грамматической аналогии и экспансией винительного падежа. Процесс изменения управления должен был сопровождаться, а возможно, и провоцировался изменением структуры значений рассматриваемых глаголов, появлением новых употреблений, изменением сочетаемости[14].

2. Аккузатив и генитив при префиксальных глаголах с общим значением ‘беречь, защищать’

Синтаксис приставок, под которым понимаются в первую очередь общие управляющие свойства однопристaвочных глаголов, которые отсутствуют или могут отсутствовать у соответствующих беспристaвочных, является предметом отдельного изучения (об истории вопроса см.: [Кронгауз 1998: 60—64]); различие сочетаемостных свойств приставочного и мотивирующего беспристaвочного глагола подробно описано на материале современного русского литературного языка, например: [Русская грамматика 1980: 372—374]).

сти тайнꙋ [СДРЯ: I, 242]. Значение ‘сохранять в целости’ представлено, например, в контексте из сборника XIV в.: **да иже блюдетъ тайнꙋ. то блюдетъ головы своея**, который приводится как пример параллельного использования РП и ВП при одном глаголе [Крысько 2006: 200]. Однако разница в управлении здесь может объясняться различием значений глагола в первой и второй частях фразы; сочетание **блюсти головы** с генитивным управлением имеет другое значение — ‘заботиться о сохранении своей жизни’. В сочетании **блюсти тайнꙋ** употребляется форма аккузатива, так же как в близких по значению сочетаниях типа: **хранити ѕаповѣди**.

[14] Эволюция значений глаголов «генитивной группы» требует отдельного исследования. Но в качестве примера изменения значения и сочетаемости можно привести факт, что глагол *блюсти* в современном русском литературном языке сочетается чаще всего с отвлеченными существительными: *Симпсоны блюдут безопасность*; *блюсти баланс интересов государства и недропользователей*; *заповедей не блюла, не ходила к причастию*; *депутаты блюдут нравственность СМИ* и др. (примеры получены путем запроса в поисковой системе Rambler).

Далее анализируется управление объектными актантами глаголов семантической группы ‘беречь, защищать’ с приставками *съ-*, *о-*, *у-*, *по-*, *не-*.

2.1. Глаголы с приставкой *съ-* (**съблюсти**, **съпасти**, **съхранити**) в летописях управляют преимущественно аккузативом. Особенно ярко это прослеживается на примере тех глаголов, которые при отсутствии приставки управляют генитивом (**блюсти** РП — **съблюсти** ВП).

Противопоставление генитива и аккузатива объекта при непрефиксальном глаголе и глаголе с приставкой *съ-* удобно проиллюстрировать на примере соседних контекстов или одного и того же контекста в разных списках. Например, если глагол **блюсти** с генитивным управлением в списках Лаврентьевской летописи заменяется на **съблюсти**, то соответственно меняется и форма объекта: **почто губи^м Русьскую землю... да нонѣ ѿселѣ име^мсѧ въ едино ср^дце. и блюде^м Рускыѣ земли** (РП) (РА **соблюдемъ рускую землю** (ВП) (1097, ЛЛ, 86 об.).

Приведем другие контексты с аккузативом при глаголе **съблюсти**: **и тако сблюдше землю свою ѿ поганыхъ** (1192, ИЛ, 233); **о, пречистая царице богородице, мати христа бога нашего, сблюди церковь свою неподвижиму о имени твоемъ, госпоже, святемъ** (1339, 1НЛ КС, 239); **и богъ градъ соблюде и люди сущая в немъ** (1408, 1Псков, 41 — то же: 3Псков, 53 об.); **тѣло же свое чисто до женитвы съхрани, церковь себе нескврънy Святому Духу съблюде** (1389, Ник. 11, 109); **и порученые ему государства съблюсти** (1556, Ник. 13, 267 — другие примеры: 1204, 1НЛ СС, 71; 1518, 1Псков, 665; 980, 2Псков, 160 об.; 1389, Ник. 11, 114; 1389, Ник. 11, 119 и др.).

При этом при глаголе **съблюсти** имеются незначительные колебания в выборе формы объекта. Генитивное управление зафиксировано в одном из списков I Новгородской летописи (примечательно, что в других списках этот контекст опущен): **Се же горе бысть не в нашеи одинои области. нь во всей Рускои земли** (АТ **области рускои кромѣ кыева единого**)... **А кыевьскаго града богъ съблюде** (АТ нет) (1230, 1НЛ КС, 154 об.). В данном случае не исключено влияние категории одушевленности (существительное **градъ** (**городъ**) в значении ‘население города’ может употребляться в форме ВП=РП, ср.: [Вайан 1952: 206]). Однако наличие в летописях множества контекстов с объектным аккузативом данного существительного препятствует однозначной интерпретации подобных форм как форм ВП=РП.

Префиксальные глаголы, образованные с помощью приставки *съ-* от глаголов с исконно аккузативным управлением (**съпасти**, **съхранити**), также управляют аккузативом: **хотѣньем же ѡц҃а и Дх҃а. свою спас^сти тварь ѡч҃ескихъ ꙗдръ. ихъже не ѡступи съшедъ** (988, ЛЛ, 39 — то же: 5НЛ, 487); **хощемъ съ тобою на мѣстѣ семъ жити и душа своя спасти** (1392, Ник. 11, 133) и др.; **но аще потщи^мсѧ заповѣди ѥго схранити. тогда ꙗви^мсѧ Б҃а любѧще** (1125, ЛЛ, 97 об.) и др.

2.2. Глагол с приставкой *о-* **оборонити**, согласно нашему материалу, управляет только аккузативом: **да быхо͡м͡ wборонили Рꙋсьскꙋю зємлю w̃ поганы͡х͡** (1096, ЛЛ, 76 об.); **чтобы оборонили градъ Псковъ** (1480, 2Псков, 215); **оборонилъ свою отчину отъ поганыхъ Нѣмцов** (1480, 2Псков, 216 об.); **и порꙋченые емꙋ государства съблюсти... и оборонити отъ всѣхъ иновѣрныхъ бꙋсꙋрманъ и Латынъ** (1556, Ник. 13, 267—268 и др.).

Таким образом, приставки *съ-* и *о-* с результативным значением поддерживают и генерируют аккузативное управление (о результативном значении приставки *с-* [Кузнецов 1953: 226]). Это объясняется, как кажется, разным потенциалом воздействия на объект, который имеют непрефиксальные глаголы со значением длящегося, незавершенного действия и глаголы, обозначающие действия, достигшие результата. В сочетаниях с непрефиксальными глаголами (**блюдя Переꙗславлѧ**, **wставимъ стеречи зємлѣ своеꙗ**, **послалъ беречи дѣла**) присутствует количественный компонент, здесь допускается возможность совершения действия не в полном объеме, а также в течение некоторого времени. Глагольное воздействие предстает как длящееся, незавершенное, не достигшее результата и, соответственно, не может распространяться на объект в полном объеме. Поэтому в этом случае возможно употребление объектного падежа «неполного охвата» — количественного генитива [Малышева 2004]. Приставки с результативным значением вносят в значение глагола компонент завершенности действия. Действие, достигшее своего результата, предполагает воздействие на объект в полном объеме, и вместо количественного генитива появляется объектная форма со значением полного охвата объекта действием — аккузатив (о выражении значения «антирезультативности» средствами не глагольной, а именной морфологии в разных языках см.: [Плунгян 2001]).

В типологических трудах рассматривается влияние глагольного вида на степень транзитивности глагола. При этом используется понятие перфективность / имперфективность глагола: перфективный глагол имеет более высокую степень транзитивности; транзитивность имперфективного глагола, напротив, снижена [Hopper, Thompson 1980: 271]. В качестве иллюстрации часто приводится ситуация в финском языке, где перфективный глагол с высокой степенью транзитивности управляет аккузативом, а «сниженная» транзитивность имперфективного глагола маркируется употреблением партитивного падежа объекта [Там же]. Корреляция глагольного вида и степени транзитивности глагола отмечается также в русском языке [Томмола 2006].

2.3. Отдельного упоминания заслуживают вторичные имперфективы с приставками *съ-* и *о-* (**съблюдати**, **съхранѧти**, **оборонѧти**).

Вторичные имперфективы с приставкой *съ-* управляют аккузативом, например: **то бо сблюдаютъ зємлю Рꙋсскꙋю** (1138, ЛЛ, 101 об. — то же: 1139, ИЛ, 112; 5НЛ, 525 об.); **Ба̀ боитася всею дш̀ею. заповѣди кго во все͡м͡ сблюдающа** (1218, ЛЛ, 151 об.); **да соблюдаютъ. кꙋюжьто зємлю** (1110,

ИЛ, 98 об.); **мряхѹ бо многие священницы и дияконы, младые, а старые богъ съблюдаше** (1551, 3Псков, 214); **главѹ же свою всею силою соблюдаетъ** (1380, Ник. 11, 50); **соблюдаяй стєжю тѹ, и врата желѣзна** (1392, Ник. 11, 152); **отчину свою крѣпко соблюдаа повсюду** (1399, Ник. 11, 176); **сохраняй є** (стадо. — *А. М.*) **невредимо** (1380, Ник. 11, 68); **съхраняющи царствующій градъ Москву и вся грады и страны Русскыя дръжавы** (1395, Ник. 11 и др.).

Глагол **оборонѧти** также имеет аккузативное управление: **да быхомъ обороняли Рускую землю отъ поганыхъ** (1096, 5НЛ, 519); **не точию обороняхѹ Русскую землю отъ поганыхъ, но и иныа страны пріимахѹ подъ себе** (1481, Ник. 12, 207). Однако при этом глаголе отмечено также несколько случаев управления объектным генитивом: **и како обороняхоу Рускіа земля, и иныя страны приимая подъ ся** (4НЛ, 9); **а ко кнѧзю Семеону Ивановичю послаша послы, рекуще: поиди, господине, к нам оборонять своея отчины** (1348, 1НЛ КС, 214 об.).

Таким образом, вторичные имперфективы могут вести себя по-разному. При преобладании аккузативного управления здесь все-таки отмечаются и генитивные формы. Как кажется, это связано с тем, что в этом случае вступают в противоречие два фактора: результативная семантика приставки, которая поддерживает управление винительным падежом, и свойственное несовершенному виду значение длящегося, незавершенного действия, которое может провоцировать управление объектным генитивом.

2.4. Глаголы с приставкой *у-* (**ѹблюсти, ѹстеречи, ѹпасти**) в летописях управляют обеими объектными формами — как генитивом, так и аккузативом.

Глагол **ѹблюсти** в разных летописях имеет вариативное управление — аккузативное и генитивное. В Лаврентьевской и Ипатьевской летописях отмечается аккузативное управление: **и єдва Мстиславны товаръ оублюдоша** (1127, ЛЛ, 99 — то же: 1128, ИЛ, 109); **и погребоша воєводѹ своєго Семеѳабѣка жива в землю. хотяще жива оублюсти** (1223, ЛЛ, 231 об.).

В Новгородских летописях при глаголе **ѹблюсти** в целом также преобладает аккузативное управление: **и погрѣбоша воеводѹ своего Гемябега жива в земли, хотяще животъ его ѹблюсти** (1224, 1НЛ СС, 98); **толко Новъгород ѹблюде богъ и святая Софья** (1327, 1НЛ СС, 165 — то же: 1327, 1НЛ КС, 200; 5НЛ, 599 об.); **и погорѣ в Новѣгородѣ Торговая сторона вся и церкви вси, толко ѹблюде богъ святѹю Богородицю на Михалицѣ** (1385, 1НЛ КС, 228 об.).

Но встречаются и генитивные формы: **и погорѣ весь коньць Славьньскыи... нъ ѹблюде богъ святыхъ церквъ** (1231, 1НЛ СС, 114 об. — то же: 1231, 1НЛ КС, 155; 5НЛ, 567); **Погорѣ городъ весь Пьсковъ, толко ѹблюде богъ святая** (АТ **святыа**) **Троица** (1385, 1НЛ КС, 228 об.)[15].

[15] Есть также один контекст, в котором форма генитива может быть обусловлена семантикой отрицания: **а города ѹблюде богъ и святыи архистратигъ Миха-**

В Псковских летописях преобладает генитивное управление (часто в сочетании с существительными **дѣтиньць**, **Креомъ**): **толко дѣтиньца святая троица оублюде** (1320, 1Псков, 24 — так же: 1328, 1Псков, 27 об.; 1386, 1Псков, 30 об.; 1465, 1Псков, 639 об.; 1503, 1Псков, 652 об.); **а Дѣтинца ублюдѣ богъ святаа троица своего мѣста** (1449, 1Псков, 64 — то же: 1450, 3Псков, 85 об.); **погорѣ весь Псковъ и посади около города, мало богъ Детинца оублюде** (1396, 2Псков, 178); **мало богъ оублюлъ святыа Троицы, дѣтенца града** (1386, 3Псков, 39 об.); **а Креому богъ оублюде, святаа троица своего мѣста** (1454, 1Псков, 66 — то же: 1459, 1Псков, 70 об.) и др.

Однако есть примеры генитива и других существительных: **а городка богъ оублюде и святыи Николае** (1480, 1Псков, 643 — то же: 2Псков, 213 об.; 3Псков, 197; 1503, 1Псков, 652 об.); **а Пантелѣмона святого на Красном дворѣ монастыря богъ оублюл** (1544, 1Псков, 676 об.); **а церкви богъ оублюде, поне же камена** (1470, 3Псков, 128); **а Роуского конца и святыих церквеи божиих богъ оублюде, христианскых дворовъ и своихъ храмовъ** (1471, 3Псков, 139); **обилья богъ оублюде всякого, а доубиа младое и ясень и папороть вся мразъ призноби** (1471, 3Псков, 140).

Встречаются разночтения в летописях, например под 1426 годом: **мало богъ града оублюде** (1426, 1Псков, 46); ср.: **мало богъ оублюде град** (3Псков, 62).

Аккузативное управление при глаголе **ублюсти** в Псковских летописях встречается значительно реже: **а град Опочку спасъ оублюде Преображение** (1518, 1Псков, 664 об.); **а град богъ оублюде, святыи мученикъ Димитрии** (1480, 2Псков, 212 об.); ср. пример генитивного управления несколькими строками ниже: **а града богъ оублюде и святыи Никола** (2Псков, 213 об.); **и псковичи богъ оублюде** (1480, 3Псков, 199).

Таким образом, можно говорить о том, что управление глагола **ублюсти** различается по летописям: в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях фиксируется аккузатив объекта, в Новгородских — аккузатив и генитив, в Псковских же летописях преобладает генитивное управление.

Глагольное управление различается по летописям и у глагола **устеречи.** В Ипатьевской летописи есть примеры как генитивного, так и аккузативного управления. Генитивное управление отмечается у этого глагола в значении ‘защитить, сохранить’: **Стославъ же рѣ нынѣ братѣ... абы нынѣ земля своя** (ХП **своея земля**) **устеречи** (1193, ИЛ, 234); аккузативное — в значении ‘заметить, выследить’: **диции Половци устерегоша рать. и пригнаша къ Изяславу. и повѣдаша ему рать велику** (1162, ИЛ, 185). В Новгородской летописи в этом значении также фиксируется управление аккузативом: **помози вамъ Богъ, дажь есте устерегли рать велику, поидита с конь доловь** (1266, 5НЛ, 583).

илъ, не взяша, а самыхъ Нѣмець много паде под городомъ (1444, 1НЛ КС, 260 об.).

Глагол **оупасти** в значении ‘защитить, сохранить’ в Никоновской летописи управляет аккузативом: **и добре оупасе Богомъ порученную ему паствy града Ростова** (1392, Ник. 11, 143); **и много лѣтъ поживъ въ добродѣтелехъ, и стадо Христово богоугодно оупасе** (Там же); **и свои ученики постави въ тѣхъ манастырехъ начялствовати, добродѣтелны и разумны, и богоугоднѣ оупасоша стада своя** (Н стадо свое) (1392, Ник. 11, 145); **добре оупасъ Богомъ порученное ему стадо** (1396, Ник. 11, 165) и др., а в Псковских — генитивом: **тогды было и Кромоу от того пожароу притоужно силно, и богъ оупасе святаа живоначалнаа троице своего мѣста** (1458, 3Псков, 91 об.); **мало богъ и самого града Вилна оупасе** (1471, 3Псков, 139); **и тако едва богъ оукроти, и домъ святыя Троица оупаси своего мѣста от мѣжиоусобныа рати** (1476, 3Псков, 174 об.)[16].

Таким образом, глаголы с приставкой *у-* чаще имеют аккузативное управление, чем генитивное. Это закономерно, так как приставка *у-*, так же, как рассмотренные выше приставки *съ-* и *о-*, имеет результативное значение. Отмечается словообразовательная обусловленность генитива при глаголах с префиксом *у-*, поскольку глагольное управление в данном случае дублирует падежную сочетаемость соответствующего предлога [Крысько 2006: 181].

Генитивное управление при глаголах с приставкой *у-* (**оублюсти**, **оупасти**) преобладает в Псковских летописях. Это можно объяснить с большей или меньшей долей вероятности влиянием категории одушевленности (в тех случаях, когда в роли объекта выступают, по выражению В. Б. Крысько, «идеологически важные» существительные: **дѣтиньць**, **монастырь**, **цьркы** и т. п., а также существительное **городъ** (**градъ**).

2.5. С приставкой *по-* зафиксированы в летописях глаголы **постеречи**, **поберечи**, **поборонити**. Глаголы **постеречи**, **поберечи** сохраняют в летописях генитивное управление, то есть приставка *по-* не меняет управляющих свойств данных глаголов по сравнению с производящими бесприставочными: **и еще есмь и Роускои земли приказалъ стеречи тобѣ. а то ти есмь рекълъ се та брате идоу на wц҃а твоего. а на своего стрыа. а тъ постереzи Роускои земли** (ХП землѣ) **любо сѧ с нимъ оумирю** (1149, ИЛ, 136).

Приведем другие примеры из Ипатьевской и I Новгородской летописей (для глагола **постеречи**) и Никоновской (для глагола **поберечи**): **и пребоуди же тамо. доколѣ та схожю на wц҃а твоего. пакы ли. а како сѧ с ни҃м оулажю. а ты постереzи землѣ Роускон** (ХП роуское) **w҃толѣ** (1148, ИЛ, 134 об.); **постереzи же землѣ** (ХП земля) **своеа. юже Гюрги поиде҃т на тѧ. а газъ къ тобѣ поиду** (1152, ИЛ, 164); **а поеди брате постереzи** (ХП постережем) **землѣ Роускиѣ** (ХП земли роуское) (1185, ИЛ, 225 об.); **пакы ли хочемь**

[16] Этот глагол в другом значении также может управлять РП в роли второго объекта: **а за малымъ Богъ упаслъ кровопролития, и разъѣхашася кождо въ свояси** (1296, 5НЛ, 592 об.).

своеꙗ (Х **своея**, П **своеи**) **ꙁемлѣ стеречи** (ХП **постеречи**). **а такоже ны повѣжь** (1193, ИЛ, 234); **идеже бы всякому християнину, хотя бы и свои дом повергя, а церквии постереци** (1340, 1НЛ КС, 208); **поберегите подъ нимъ его государства Рускіа ꙁемли и всего крестьянства отъ всѣхъ его недруговъ** (1534, Ник. 13).

Таким образом, префикс *по-* поддерживает генитивное управление. Надо думать, это связано с тем, что приставка *по-*, в отличие от рассмотренных выше приставок *съ-*, *о-*, *у-*, не вносит в значение глагола компонента результативности, завершенности действия. В приведенных летописных примерах приставка *по-* имеет ограничительно-длительное, или делимитативное, значение. Это значение для древнерусского языка является достаточно редким, и до конца XVII в. способность сочетаться с префиксом *по-* в его ограничительном значении проявляют лишь некоторые семантические группы глаголов преимущественно с непредельным значением [Дмитриева 2000: 29—32]. Согласно летописному материалу, глаголы **стеречи** и **беречи** в своем первом значении ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’ сочетаются с префиксом *по-* с ограничительно-временной семантикой (то же можно сказать про глагол **блюсти** (ср.: [СДРЯ: VI, 448]). Это, как кажется, способствует сохранению генитивного управления, так как ограничительное значение префикса является количественным и сочетается с семантикой количественного генитива.

Аккузативное управление в Псковской летописи обнаруживает, однако, глагол **поборонити**: **и биша чоломъ**: **чтобы ты**, **господарь**, **поборонил свою отчиноу псковичь от поганых Немець** (1460, 2Псков, 203). Скорее всего, это связано с тем, что приставка *по-* в данном случае имеет не делимитативное, а пространственно-результативное значение: бьющие челом великому князю хотят, чтобы он защитил их; для них важен не процесс, а результат. Пространственно-результативное значение характерно для большинства древнерусских глаголов с приставкой *по-*: значение результативности в данном случае представлено как «крайний предел постепенного, последовательного распространения действия по поверхности (по отдельным стадиям процесса)» [Дмитриева 2000: 30].

2.6. В языке XI—XVII вв. приставка *не-* обусловливает генитивное управление в силу своего общего отрицательного значения. Например, глагол **ненавидѣти** наряду с аккузативом регулярно управляет генитивом (ср.: [Сл. XI—XVII: вып. 11, 180; СДРЯ: V, 306], но, в подтверждение тезиса о том, что приставки с результативным значением способны изменять генитивное управление на аккузативное, глагол с двойной приставкой **въꙁненавидѣти** имеет преимущественно аккузативное управление, ср.: [СДРЯ: II, 89]).

В летописях широко распространены глаголы **неберечи**, **небречи** (**-щи**), управляющие генитивом (об исконно генитивном управлении глагола **небрещи** см.: [Крысько 2006: 144]).

Так, генитивом управляет глагол **неберечи** в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях: **призва шюрина своꙗ и да има Берестии река Новагорода не березѣта** (РА **не брезѣта**) (1140, ЛЛ, 102 об. — то же: ИЛ, 114); **Романъ же не бережеть тоꙗ волости ловѧ изѵѣта на тѣстѣ своемъ** (1195, ИЛ, 236 об.); а также глагол **небречи** (**-щи**): **лютъ се мѵжь хоче быти. ꙗко имѣниа не брежеть, а ѡрѵжьє емлеть** (971, ЛЛ, 22 — то же: 1НЛ КС, 40 об.; 4НЛ, 20; Соф, 49.); **и ѵчаше его мати креститися, нь небрежаше того словесѣ** (955, 1НЛ КС, 36 — то же: ЛЛ (РА); **и небрежаше того** (958, 4НЛ, 16 — то же: Соф, 42); **новгородци же того небрежахѵ и ѵбиша посадника Захарью и Неревина и Несдѵ бирица** (1167, 1НЛ КС, 112); **а новгородци всего того не брѣгоша, а на перѣчинѵ псковичем** (1409, 2Псков, 185; другие примеры: 1465, 3Псков, 114; 1409, 3Псков, 55 об.); **и ѵкаряше ихъ и ѳилософовъ ихъ, и царевыхъ и патрiарховыхъ словесъ небрежаше** (1440, Ник. 12, 31)[17].

В Никоновской летописи, однако, при глаголе **небречи** (**-щи**) уже встречается аккузативное управление: **а осмаго собора не нарицаю, а папы Ѳвгенiа не поминаю, а ꙁаповѣди его небрегѵ** (1439, Ник. 12, 29).

3. Выводы

Итак, материал летописей дает достаточно неоднородную картину употребления форм объекта при глаголах охраны и заботы. Несмотря на семантическую близость этих глаголов, они имеют разные управляющие свойства: некоторые из них последовательно управляют в летописях аккузативом (глаголы **боронити** (**бранити**), **пасти**, **хранити**), другие — генитивом (**блюсти**, **беречи**, **стеречи**). У глаголов «генитивной группы» обнаруживается значительное сходство в структуре значений и употреблениях. Первичное, наиболее широко представленное в летописях значение глаголов **блюсти**, **стеречи**, **беречи** ‘охранять, защищать от кого-н., чего-н.’ может иметь количественный компонент, что и предопределяет возможность генитивного управления.

В плане формального выбора варианта управления можно выделить фактор префиксальности. Наличие приставки, а также семантика приставочного компонента оказывают существенное влияние на управляющие свойства глагола. Глаголы с приставками, вносящими в значение глагола компонент законченности действия, достигнутого результата (*съ-*, *о-*), имеют, как правило, аккузативное управление. Приставки с другими значениями — ограничительно-временным, отрицательным (*по-*, *не-*) — поддерживают управление генитивом. Глаголы с префиксом *у-* управляют как аккузативом, так и генитивом.

[17] Альтернативной формой генитиву является сочетание предлога *о* с формой местного падежа существительного: **а они о всемь том небрѣгоша** (1408, 2Псков, 184); **а о великихъ княꙁѣхъ, отчинѣ своей, небрежахѵ** (1476, Ник. 12, 162).

Различие в управлении генитивом и аккузативом в рассмотренных летописях может использоваться для семантической (прагматической) дифференциации. Генитивное управление соотносится с фокусом на процессе, аккузативное — на результате. Вместе с тем эта дифференциация остается факультативной, колебания в управлении могут и не иметь семантической нагрузки.

Потенциал вариативности управления у рассмотренных глаголов в летописях достаточно велик. Только глаголы **пасти** и **хранити** не имеют колебаний при выборе формы объекта и управляют исключительно аккузативом. В целом наблюдается тенденция к замене генитивного управления аккузативным в более поздних летописях — Псковских (за исключением глаголов с префиксом *у-*) и Никоновской, но эта тенденция проявляется достаточно слабо.

Летописные источники

ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. Л., 1927).

ИЛ — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1908).

ІНЛ СС, ІНЛ КС — І Новгородская летопись по Синодальному и Комиссионному спискам // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.

2НЛ — Новгородская вторая летопись // ПСРЛ. Т. 30. М., 1965.

4НЛ — Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. М., 2000.

5НЛ — Новгородская пятая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 2. Пг., 1917.

Соф — Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. VI. Вып. 1. М., 2000.

1Псков — Псковская 1-я летопись // Псковские летописи. ПСРЛ. Т. V. Вып. 1. М., 2003.

2Псков, 3Псков — Псковские 2-я и 3-я летописи // Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955.

Ник. 11 — Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XI. М., 2000 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1897).

Ник. 12 — Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XII. М., 2000 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1901).

Ник. 13 — Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000 (Репринтное воспроизведение издания ПСРЛ. СПб., 1904).

Литература

Булаховский 1953 — Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка. Т. 2. Киев, 1953.

Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Гурьева 1963 — Е. И. Гурьева. Объектные родительный и винительный падежи в истории русского языка // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 139. 1963. № 6.

Дмитриева 2000 — О. И. Дмитриева. Формирование системы русских делимитативных глаголов // Предложение и слово: парадигматический, текстовый и коммуникативный аспекты: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 28—33.

Историческая грамматика 1978 — Историческая грамматика русского языка: синтаксис, простое предложение / Под ред. В. И. Борковского. М., 1978.

Кронгауз 1998 — М. А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.

Крысько 2006 — В. Б. Крысько. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М., 2006.

Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Майер 1997 — И. Майер. Русское глагольное управление XVII в.: проблема своего и чужого (на материале «Вестей-курантов») // ВЯ. 1997. № 5. С. 87—101.

Малышева 2004 — А. В. Малышева. Родительный падеж прямого объекта при глаголах несовершенного вида в русских летописях и современных архангельских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии II (VIII) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М., 2004. С. 170—184.

Невоструев 1997 — К. И. Невоструев. Исследование о Евангелии // Мстиславово Евангелие XII века. Исследования. М., 1997. С. 5—649.

НОС 1997 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1997.

Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории / Под ред. В. А. Плунгяна. М., 2001. С. 50—88.

Попова 1969 — З. Д. Попова. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII в. Воронеж, 1969.

Русская грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1 / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): В 10 т. Т. I—VII. М., 1988—2004. Т. I—VII.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—2006. Вып. 1—27.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 2003. Т. 1—3.

Томмола 2006 — Х. Томмола. Сниженная переходность и управление: акционально-аспектуальные свойства глагола // Проблемы типологии и общей лингвистики. СПб., 2006. С. 154—158.

Таубенберг 1967 — Л. И. Таубенберг. Заметки об управлении некоторых глаголов в памятниках XVII в. // Вопросы грамматики и стилистики. Рига, 1967.

Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in Grammar and Discourse // Language. Vol. 56. 1980. № 2. P. 251—299.

Х. КАЙПЕРТ (Бонн)

ГРАММАТИКА И ТЕОЛОГИЯ: ПО ПОВОДУ ЯЗЫКА-ОБЪЕКТА СЛАВЯНСКОГО «ТРАКТАТА О ВОСЬМИ ЧАСТЯХ СЛОВА»*

Ангелине Минчевой к 30 декабря 1998 г.

1

Известная статья В. М. Живова и Б. А. Успенского о претеритных формах глагола *быти*, которые стали камнем преткновения во время книжной справы на Руси в XVI и XVII веках, с полным правом была озаглавлена авторами «Grammatica sub specie theologiae» [Живов, Успенский 1986]. Эта лаконичная формула, несомненно, могла бы послужить заголовком и для общего очерка грамматических учений в пределах Slavia ortodossa, поскольку о многих таких грамматиках хорошо известно, что они обязаны своим возникновением не столько филологическому любопытству или стремлению к национальной идентичности, сколько мотивированным языковой проблематикой спорам о правой вере. Так, из частных преподавательских заметок Дмитрия Герасимова потому смогла вырасти традиция (и притом, при ближайшем рассмотрении, весьма значительная) «русского Доната», что в конце XV и начале XVI вв. для борьбы с еретическими движениями в Новгороде и для более ясного представления о христианской письменной традиции, которая на Руси была известна, очевидно, с некоторыми пробелами, представлялось необходимым определенное знание латинского языка[1]. Подобным образом век спустя в Западной и Юго-Западной Руси были напечатаны первые на восточнославянской почве грамматики, поскольку представители православия испытывали в польско-литовском государстве сильное давление со стороны миссионеров, для отпора которым даже у ду-

---

* Перевод статьи: *Keipert H.* Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile // Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 58, 1. Heidelberg 1999. S. 19—42 выполнен К. А. Максимовичем.

[1] Ср. [Буланин 1995: 45—46, 58—61; Keipert 1996: 112—113] и особенно о вновь открытой традиции «Доната» [Tomelleri 1995].

Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 79—97.

ховенства не было необходимых знаний о языковых основах собственного вероучения (ср. [Keipert 1988a: 333—337]). Даже зарождение русской грамматики в России конца XVII — начала XVIII вв. имеет религиозные корни, если связывать его с такими именами, как Х. В. Лудольф, И. Э. Глюк, И. В. Паус и кружком Франке в Халле (ср. [Keipert 1999]).

Помимо этих общеисторических, а также историко-культурных параллелей, церковно-теологический контекст, в котором создавались у православных славян древнейшие трактаты по языку и грамматике, заслуживает самого пристального внимания еще и потому, что разбираемые в этих трудах языковые проблемы часто оказываются — хотя об этом и не говорится прямо — проблемами конкретных текстов древнеславянской книжности. При этом поражает, что, очевидно, даже многократно исследованные тексты, относящиеся в истории славянской филологии к постоянному фонду регулярно читаемых и изучаемых произведений, позволяют иногда делать открытия. Так, двадцать лет назад Ф. Марешу удалось показать, что странные (и, видимо, далеко не случайно во многом совпадающие) лексические примеры, на которых анонимный автор «Македонского кириллического листка» и Иоанн Экзарх в Предисловии к своему «Богословию» демонстрируют непреодолимые различия в языковой структуре греческого и славянского языков, происходят, по всей вероятности, из 15 и 16 глав Апокалипсиса. Это наблюдение интересно не только потому, что оно объясняет, каким образом в предисловии к сочинению с заглавием «Богословие» могло появиться такое презираемое в средние века животное, как *жаба* — *βάτραχος*. Оно также возвращает нас к известному тезису о связи славянского перевода Апокалипсиса с именем Св. Мефодия и тем самым пробуждает сомнения в справедливости традиционной атрибуции этого предисловия Св. Кириллу [Mareš 1983][2]. Вероятно, в будущем можно будет ввести в контекст теологических споров того времени также представленную в обоих текстах цитату из Дионисия Ареопагита, поскольку едва ли случайно, что именно это место из Ареопагита присутствует в важнейших догматических флорилегиях древней Церкви, а также в компендиях по догматике последующего времени [Keipert 1980: 334—335][3]. Мы должны также вновь прийти к осознанию того, что даже в XVIII в. слова, которыми Ломоносов в своем «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» иллюстрировал так называемую «теорию трех штилей», он не подбирал сам, а черпал большей частью из церковнославянского текста Псалтыри — точнее, из конкорданса к Псалтыри А. Кантемира. Эта лексическая опора на «церковный круг», о которой в «Предисловии» свидетельствует также незамеченная аллюзия на предисловие к Елизаветинской (точнее, Острож-

[2] Ср. также по поводу обоих текстов с указанием более ранней литературы, например, [Минчева 1985; Hansack 1986; Мечковская/Супрун 1991: 130—132, 136; Минчева 1995; Bujukliew 1995].

[3] Ср. далее по поводу данной цитаты из Ареопагита [Соломоновская 1995].

ской) библии, подтверждает, вопреки сомнениям советских исследователей, оправданность избранного Ломоносовым заглавия — более того, якобы чисто «лексикологическая» классификация словарного фонда, на которой строится так называемая «теория трех штилей», оказывается теперь совершенно конкретным вкладом в понимание текста Псалтыри на Руси [Keipert 1994].

2

Еще одним «классическим» произведением ранней эпохи славянской филологии, место которого в книжности того времени нам, очевидно, не совсем понятно, является хорошо известный благодаря изданию Ягича (и его репринтному переизданию) «Трактат о восьми частях слова», восходящий, вероятно, к XIV в.[4] В этой связи следует напомнить, что данный текст в средневековой рукописной традиции часто приписывался Иоанну Дамаскину и потому также нередко сопровождался в рукописях конвоем из сочинений этого отца Церкви; иногда копиисты приписывали его Иоанну Экзарху. Поскольку данный трактат не представлен в корпусе Дамаскина, а принадлежность его болгарскому автору маловероятна по языковым соображениям, в настоящее время ни одна из этих атрибуций не имеет сторонников[5]. Большинство исследователей присоединились к точке зрения Ягича, что этот древнейший славянский грамматический текст возник в XIV в. в Сербии. После Горского, Невоструева и Ягича общим местом стало также мнение, что этот трактат представляет собой всего лишь перевод — или, по крайне мере, перевод-адаптацию — какого-то греческого компилятивного труда по грамматике[6]. В отличие от этих взглядов, лишь изредка встречающееся утверждение о том, что речь в данном случае мо-

[4] В настоящей работе цитируется по изданию древнейшей рукописи [Weiher 1977] (W) со ссылками также на, возможно, более доступное издание [Jagić 1896/1968] (J). Контекст приводится по переводу Вайера, поскольку таким образом легче выделяются формы языка-объекта, важные для последующего изложения. Ср. заключительную часть трактата, сохранившуюся только в русской традиции, в работе [Жуковская 1982: 39—42].

[5] См. обзор мнений, высказанных на протяжении XIX в., в работе [Малинин 1883].

[6] Из новой литературы ср.: [Worth 1983: 14—21; Мечковская 1984: 35—38; Німчук 1985: 18—31; Добрев 1985: 533; Мечковская/Супрун 1991: 147— 150; Славова 1992; Daiber 1992: 25—44; Захарьин 1995б: 1—6; Kosta 1995: 299; Добрев 1995; Steinke 1997: 189]. Предшествующая греческая традиция детально реконструирована для случаев, исследованных Тоскано [Toscano 1982; 1988], ср. обобщающее изложение в работе [Toscano 1990: 258—260], на которую мне любезно указал доктор Дж. Дзиффер (Удине, Италия).

жет идти о некоей славянской компиляции[7], насколько мне известно, никогда не было подкреплено конкретными доказательствами.

Сколь бы очевидной ни представлялась сегодня зависимость «Трактата о восьми частях слова» от развития грамматической теории в Византии, тем не менее не все в нем можно объяснить только лишь переводом с греческого. Кое-что, вероятно, восходит к культурно-языковому окружению анонимного редактора, которому мы обязаны появлением данного текста. Использованная при переводе грамматическая терминология частично происходит, очевидно, из славянской среды. Насколько велика ее доля, трудно сказать, поскольку пока отсутствуют надежные данные о том, какие термины использовались в предшествующей рукописной традиции переводных святоотеческих текстов. Однако для некоторых специальных выражений — таких как **съѹзъ** ‘союз’, **множ’но** (**число**) ‘множественное число’, **име моуж’ско** ‘имя мужского рода’ — можно с определенностью утверждать, что они не были впервые созданы в XIV в. при переложении данного трактата, но уже тогда имели за собой определенную традицию употребления.

Однако еще больший интерес, чем эти очевидно традиционные метаязыковые выражения, представляет то обстоятельство, что заимствования, сделанные редактором-переводчиком из современной ему книжности, обнаруживаются прежде всего в объектном языке трактата. Несомненно, из языковой среды славянского редактора происходят многократно используемые в тексте грамматики славянские собственные имена **Милошь** и **Драгошь** (J 43 и 49; W 398), приводимые в качестве примеров простых имен, **Доброславь**, **Радославь** и **Добромирь** как примеры композитов (J 43 и 49; W 398), а также суффиксальные образования **Манишакь** и **Шоуме**, точнее **Шюмякь** (J 43 и 49; W 396), указывающие на происхождение. Особенно два первых примера способствовали тому, что в науке укоренилось мнение о создании этого текста в Сербии[8]. Впервые подчеркнутая Ягичем близость этого ряда имен к ономастикону документов Дечанского монастыря может быть в настоящее время легко проверена на основе факсимильного издания и ономастического исследования этих документов [Jagic 1896/1968: 57; Grković 1983]. Правда, до сих пор, кажется, не найдены точные

[7] Ср. [Колесов 1991: 209] («Эта грамматика не закончена и представляет собою скорее компиляцию славянского автора, чем перевод с греческого языка»), иначе [Kolesov 1984: 91] («a Slavic version of the treatise by the ‘Pseudo-Damascene’, which was translated [or compiled] by Southern Slavs in the middle of the fourteenth century»); [Захарьин 1995а: 3] («Речь идет о переводе неизвестного византийского источника или, скорее, о компиляции многих источников»), иначе [Захарьин 1995б: 1] («Речь идет, безусловно, о переводе неизвестного греческого источника»).

[8] Уже Малинин попытался доказать наличие имен *Милош* и *Драгош* за пределами сербского языкового ареала и таким образом ослабить тезис Горского и Невоструева о локализации данного текста в Сербии [Малинин 1883: 181, 186—187], ср. также [Німчук 1985: 8—21].

параллели для двух образований, указывающих на происхождение[9]. В любом случае следует прямо сказать, что частичное совпадение ономастического фонда в разных источниках не обязательно объясняется прямым заимствованием, но свидетельствует лишь о происхождении из географически близкого ономастического ареала.

С другой стороны, приходится иметь дело с конкретным текстом (точнее, группой текстов), когда речь заходит о том вокабуляре трактата, который, по всей видимости, восходит к Библии, или, вернее, к Новому Завету. На основе конкорданса П. А. Гильтебрандта можно[10] легко установить, что многие слова, отмеченные в индексе к изданию Х. Вайера, имеются также у Гильтебрандта. Поскольку для меня не является первостепенно важным возведение любого объектно-языкового свидетельства трактата к одному-единственному источнику, я не буду приводить результаты этого сравнения и лишь для наглядности укажу, что имена **Петрь** и **Павьль** (наряду с **чловѣкъ** или **моужь**) или **Сар'ра** и **Ан'на** (наряду с **жена**, ср. J 42 и 48; W 392), приводимые для иллюстрации различия между именем собственным и именем нарицательным, восходят непосредственно или опосредованно к Новому Завету: непосредственно, когда редактор-переводчик сам заимствовал их из славянских рукописей Евангелия и Апостола, и опосредованно—когда имена происходят из какого-то другого славянского источника или из греческого оригинала. Во всяком случае, совпадение с текстом церковнославянских Евангелий яснее всего заметно там, где заимствовались целые словосочетания. Х. Вайер (W 402, ср. J 44 и 50) выделил в своем кратком комментарии два таких чтения, а именно:

сльнце помрьче, ср. вариантное чтение к Лк. 23.45: *ἐσκοτίσθε ὁ ἥλιος*
и
каменик распаде се, ср. Мф. 27.51: *αἱ πέτραι ἐσχίσθησαν*.

Однако бесспорно, что и первый пример так называемого пассивного глагола в конечном счете восходит к тексту Евангелия, хотя здесь и восстановлено **Христось** по Textus receptus:

Христось распѣть се, ср. Ио. 19.41: *ἐσταυρώθη*.

Поскольку пассивные формы глагола в этих трех цитатах имеются лишь в греческом, славянский редактор-переводчик, вероятно, всего лишь присоединил к ряду примеров из своего греческого образца соответствующие комментарии в славянском переводе. Этим легче всего можно объяснить тот факт, что он даже форму **помрьче** называет «пассивной» (**страдал'наго ꙁалога**). Однако, как представляется, в данном тексте име-

[9] Ср. [Grković 1983: 73] к образованиям с *-ак*; [Німчук 1985: 20—21].

[10] [Гильтебрандт 1882—1885]. При использовании этого удобного справочника приходится мириться с тем, что сравнение проводится с *современным* церковнославянским текстом Нового Завета; во избежание этого недостатка можно провести сопоставление, используя пражский «Slovník jazyka staroslověnského».

ются и другие библейские выражения. Интерес представляет фраза, которую Вайер (там же) еще не «запатентовал» указанием на источник:

> **тии вамь сѹдетъ**.

Странное пояснение, что глагольная форма показывает «актив будущего времени» (**дѣиство боудоущаго врѣмене**), приобретает ясный смысл, только если видеть в этих (двух или) трех словах отголосок Мф. 7.2. Правда, насколько мне известно, этот источник для данного выражения никем еще не был назван. Например, Д. Ворт замечает без дальнейших комментариев, что писец нашел только этот пример для иллюстрации футурума[11]; Дайбер, который, исследуя описания глагола в грамматиках в соответствии с языковым восприятием, специально разделяет «богословскую» и «лингвистическую» сторону, также выражается в этом месте не вполне конкретно:

> С другой стороны, пример, приведенный в качестве иллюстрации футурума активного залога, является грамматически формой презенса и лишь по содержанию указывает на будущее: **тии вамь сѹдетъ**. Пока происходит суд, собственная цель суда — приговор — находится еще в будущем; в эсхатологическом контексте примеров из христианской книжности устремленность суда в будущее понятна сама собой. В отличие от темпорального горизонта актива и пассива (открытого у одного и узко ограниченного у другого), использование формы презенса для иллюстрации активного футурума вполне объяснимо [Daiber 1992: 33 слл.].

Под «эсхатологическим контекстом» подразумевается, вероятно, что процитированный пример «актива будущего времени» следует непосредственно за сочетаниями **Петрь ѹчаше/ѹчитъ**, **Павьль посилаше/посилаѥтъ**, **Мат'ѳѣи благовѣствоваше/благовѣствѹѥтъ**, иллюстрирующими актив прошедшего/настоящего времени, и, в свою очередь, сопровождается уже приведенными фразами, драматическое соположение которых напоминает о событиях Великой Пятницы [Daiber 1992: 28]. Образованный средневековый копиист, однако, едва ли исходил из этих соображений, как их излагает Дайбер, — скорее, он просто знал, что слова (**тии**) **вамь сѹдетъ** отсылают к Евангелию от Матфея и потому вполне могут служить для славян примером актива в футуруме или футурума в активе, тем более что в соответствующем стихе греческого Нового Завета стоит форма будущего в пассиве:

> (**тии**) **вамь сѹдетъ** (W 402, ср. J 44 и 50), ср. Мф. 7.2 (*ἐν ᾧ γάρ κρίματι*) *κριθήσεσθε* ‘ибо каким судом вы судите, (таким) вы будете и судимы’.

В отношении данного места из Матфея в традиции церковнославянского Евангелия издавна существуют расхождения. Только у Горалка, помимо «стандартного» варианта, отмечены также **сѫдѧтъ вамъ**, **сѫдитъ вамъ** и

[11] [Worth 1983: 17] («the scribe can find only the illustration *ti vamъ sudetъ* [the Serbian text also gives *tii vamъ budutъ sudije*]». Объяснить имеющиеся вариантные чтения пытается Німчук [1985: 22 ссл.], однако при этом он никак не оговаривает, что здесь мы имеем дело с цитатой из Евангелия.

сѫдѧтъ сѧ вамъ [Horálek 1954: 193]. Этот ряд можно дополнить другими чтениями, если привлечь для сравнения больше рукописей, чем у Горалка[12]. Тот факт, что все древнейшие чтения содержат презентные формы, послужил основанием для гипотезы о наличии у глагола **сѫдити** в старославянском функций перфектива и, следовательно, его способности служить соответствием греческим формам будущего времени [Dostál 1954: 135]. Однако главной проблемой в те времена была, безусловно, не темпоральность, а передача пассивной конструкции, доставлявшая писцам и копиистам видимые трудности. Анонимный автор славянского грамматического трактата не просто заполняет этой цитатой пробел в своей темпоральной парадигме — он в то же время занимается конкретной (по сути, грамматической) экзегезой фразы из Евангелия, понимание которой в славянской традиции вызывало трудности. Автор (или копиист) демонстрирует «активное» восприятие традиционной неопределенно-личной конструкции (ср. [Златанова 1990: 28 слл.]), поставив перед ней местоимение **тии**. Независимо от того, существуют ли евангельские рукописи с этим спорным дополнением или нет, получилось, что для некоторых его читателей данный пример перестал быть буквальной цитатой из евангельского текста; только этим можно объяснить тот факт, что другие писцы исправляли это место совсем иначе: ср. бесспорный футурум **имоуть соудити** (W 402) или парафразу **тїи вамь боудоу[ш]ть соудїе**, **ли ти вамь сѫдеть** (J 44). Однако интереснее всего поступил копиист, который написал здесь **соудеть се** (W 402), употребив тем самым контаминированный вариант, представленный уже в материале Горалка. Этот писец понимал, что имеет дело с библейской цитатой и знал, с какой именно — соответственно, он попытался в меру сил исправить «испорченное» чтение. Если бы возникла нужда в еще одном доказательстве того, что славянский трактат «О восьми частях слова» не в последнюю очередь имел своей целью правильное понимание традиции христианских текстов, то это доказательство, очевидно, содержится в данном «возврате» к одному из многих чтений славянского Евангелия, поскольку это чтение никак не может быть интерпретировано как «актив».

3

Весьма богатую информацию дают также интертекстуальные связи, которые можно наблюдать в этом трактате при объяснении грамматического рода имен. Как уже было сказано, Дайбер обратил внимание на то, что в

[12] Ср. в «Апракосе Мстислава Великого» (М., 1983: 65): **то** [sic!] **отъсоудитсѧ вамъ**. Коллега Бергер обратил мое внимание на то, что выражение в языке идеи ‘быть объектом суда’ было проблемой и в Slavia Romana: для перевода лат. *non iudicatur* (Ио. 3.18) Ян Гус рассматривает варианты *nesúdie ho* и *nesúdí sě*, чтобы в конце концов остановиться на первом из них, ср. [Havránek 1966: 9].

тексте содержится, строго говоря, «два изложения глагольной системы», «которые отчетливо демонстрируют два типа восприятия языка: теолого-философский и чисто грамматический» (ср. W 400—409 = 4b4—6b15 или W 408—411 = 6b15—7a12) [Daiber 1992: 27]. Однако грамматический род также трактуется двояко: с одной стороны, в начале трактата, где речь идет о «разновидностях» (разделении) имени (W 386—388 = 1a18—1b18), и, с другой стороны, в конце большинства списков в связи с введением артикля (различии), на значимость которого для определения рода указывается уже в начале (W 414—417 = 8a1—8b19, ср. W 389 = 1b10—13). Симптоматичен сам выбор иллюстративных примеров в обеих частях трактата. В одном случае приводится следующий набор:

> Имя называется так потому, что в его основе лежит некая субстанция, в соответствии с которой оно является именем. Имя мужского рода проявляется следующим образом: **богъ**, **отъць**, **сынъ**, **доухъ светъ**, **господь**, **аггелъ**, **человѣкъ**, **Петръ**, **Павьлъ**, **вьздоухъ**, **вѣтръ**, **мѣсець**, **свѣтъ** и им подобные, а имя женского рода: **троица**, **светаꙗ Богородица**, **дѣва**, **доуша**, **лоуна**, **землꙗ**, **вода** и подобные, а имя среднего рода: **ѥстьство**, **соущьство**, **цѣсарьство**, **владичьство**, **небо**, **человѣчьство** и прочие подобные (W 386, 388).

В этих списках примечательно то, что имя мужского рода **доухъ** и имя женского рода **богородица** сопровождаются прилагательными (**светъ** и **светаꙗ**), отсутствующими у других имен, хотя их грамматический род, разумеется, также мог быть обозначен окончаниями соответствующих прилагательных[13]. Как показывает внутренняя логика, на которой строится последовательность приводимых примеров, автор-переводчик, вопреки его позднейшим рассуждениям об артикле, не собирался давать в этом месте определение грамматического рода как согласовательного класса, но имел какие-то иные причины для употребления названных прилагательных. Их иерархическая соподчиненность настолько прозрачна, что с некоторой вероятностью можно предполагать лежащий в основе некий текст, имеющий своим предметом описание тварного мира, но начинающийся рассуждениями о Боге и Св. Троице. Первое, что приходит в связи с этим на ум, — это «Изложение (Ἔκθεσις) правой веры» Иоанна Дамаскина, которое было известно славянам уже с X в. в сокращенном переводе Иоанна Экзарха и, вероятно, в середине XIV в. было переведено на церковнославянский язык полностью. В самом деле, все приведенные существительные (кроме **владичьство**) обнаруживаются уже в тексте Иоанна Экзарха — прежде всего, разумеется, внутри глав (в помещенных ниже таблицах это вторая колонка), но также и в «надписаниях», четко показывающих структуру целого[14];

[13] [Німчук 1985: 23] отделяет **с(вѣ)таꙗ** от **богородица** запятой, аналогично поступает [Toscano 1982—84: 40] (вероятно, следуя пунктуации Ягича).

[14] В дальнейшем цифры, стоящие в скобках рядом со словоформой, обозначают страницы в словоуказателе [Sadnik, т. 4, 1983]; заголовки собраны у [Sadnik, т. 1, 1967: XIII—XV] и в [ВМЧ 4.12, кол. 139—141].

в полном переводе XIV в. представлены уже все без исключения лексемы[15].

Ср. имена мужского рода:

	Первая фиксация в тексте	Надписание	Полный перевод
богъ (11)	14b6	Гл. 3	(646)
отьць (135)	15a1		(706)
сынь (213)	14b7		(745)
доүхъ (светъ) (52)	15a3	Гл. 6	(669)
господь (42)	16a4		(665)
аггель (2)	15b3	Гл. 17	(642)
човѣкь (239)	15a5	Гл. 26	(755)
Петрь (138)	76b5		(708)
Павьль (137)	76b5		(707)
вьздоүхь (27)	28a7	Гл. 22	(659)
вѣтрь (39)	146c5	Гл. 22	(664)
мѣсець (102)	132c5		(690)
свѣть (189)	24b3	Гл. 21	(732)

имена женского рода:

	Первая фиксация в тексте	Надписание	Полный перевод
троица (222)	47b7	Гл. 8	(747)
(светаıа) богородица (11)	20b2	Гл. 87	(646)
дѣва (54)	20b2		(670)
доүша (52)	15a4		(669)
лоүна (91)	123b3		(686)
зємлıа (65)	28a7	Гл. 24	(674)
вода (23)	28a7	Гл. 23	(655)

и имена среднего рода:

	Первая фиксация в тексте	Надписание	Полный перевод
ѥстьство (247)	15a6		(761)
соүщьство (217)	19b6		(737)
цѣсарьство[16] (327)	49a5		(754)
владичьство (—)			(655)
нєбо (109)	2164	Гл. 20	(693)
човѣчьство (240)	21a5		(756)

[15] Указания страниц для примеров из второго перевода приводятся по словоуказателю [Weiher 1987: 642—762].

[16] Словоформы под титлом раскрываются единообразно как **цѣсарьство**, несмотря на то, что в указателях приводятся **цѣсарьство** и **царьство**.

Восхождение 26 существительных к славянскому переводу «Изложения» Иоанна Дамаскина доказывается не только тем, что они обнаруживаются в словоуказателях к его славянским версиям X в. (за одним исключением) и XIV в. (целиком), — оно проявляется также в некоторых «внутренних связях» этого списка. Так, примечательно, что имена мужского рода, помещенные вверху таблицы, встречаются уже в первой главе трактата (в изданной Л. Садник рукописи «Богословия» лл. 14b1—17b3). Также не случайно, что за **чловѣкь** следуют **Петрь и Павьль**, поскольку это соответствует переводу 49 (48) главы «Изложения», которая в версии XIV в. звучит следующим образом:

> **Ꙗко оубо ино ѥ(с҃) соущьство и ино сьставь, многащи рѣхомь. и ꙗко оубо соущьство ѡб'щи и ѡбьдрьжни видь ѥдиновид'ни(х҃) сьставь, наꙁнаменꙋѥть. ꙗкоже. б҃ь. чл҃вкь. сьстав' же непрѣсѣкомоѥ ꙗвлꙗѥть. сирѣчь. ѡц҃а. сн҃а. дх҃а ст҃го. петра. павла**[17].

Итак, в грамматическом трактате названные слова потому выступают совместно, что уже в изложении Иоанна Дамаскина они образуют тесную группу; точно так же непосредственное соседство **вьꙁдоухь** и **вѣтрь** можно объяснить их совместным употреблением в заглавии гл. 22 «Изложения».

Кроме того, весьма показательно, что группы примеров в той части трактата, которая описывает род имен на этот раз с помощью артикля, содержат трижды по три существительных мужского, женского и среднего рода:

> Артикль же единственный из восьми частей речи указывает сам для себя падеж. Так, когда мы говорим **иже**, мы указываем на им. п. ед. ч. имени мужского рода, как например: **чловѣкь**, **конь**, **воль** и прочие имена мужского рода. Если же мы говорим **ꙗже**, мы указываем на им. п. единиц (= форм ед. ч.) имени женского рода, как например **слава**, **ꙁемлꙗ**, **жена** и прочие имена женского рода. Если же мы говорим **ѥже**, то мы указываем им. п. у единиц имени среднего рода, как например **небо**, **чоувьство**, **дрѣво** и прочие имена среднего рода (W 415 = 8a1—11).

И в данном случае все существительные (кроме **конь**) отмечены уже в переводе Иоанна Экзарха (см. номера страниц в словоуказателе Л. Садник) и все без исключения — в тексте перевода XIV в. (см. словоуказатель Э. Вайера):

	Первый перевод	Второй перевод
чловѣкь	(239)	(755)
конь	(—)	(683)
воль	(23)	(656)
слава	(193)	(734)

[17] [Weiher 1987: 296] («Что сущность — это нечто иное и нечто иное — ипостась, мы говорили много раз, а также то, что сущность (субстанция) обозначает общее и всеобъемлющее свойство однородных ипостасей, как например: Бог, человек; а ипостась обнаруживает индивидуальное — например, Отца, Сына (и) Св. Духа, Петра, Павла»).

ꙁемлꙗ	(65)	(674)
жена	(59)	(671)
небо	(109)	(693)
чоувьство	(241)	(756)
дрѣво	(51)	(669)

И здесь у имен мужского рода отчетливо проявляется внутренняя связь с трудами Иоанна Дамаскина; ср., например, славянский текст «Изложения»:

Ѥже Хс҃ име, ниже прѣ(д)ла силоу имать, или коѥ соущьство наꙁнаменоуѥть. ꙗкоже оубо чл҃вкь, или конь, или воль[18].

Итак, пока не обнаружены более тесные текстуальные параллели, придется удовлетвориться возведением объектно-языковых примеров грамматического рода в трактате «О восьми частях слова» к славянскому переводу «Изложения» Иоанна Дамаскина, а именно — как показывают обе приведенные здесь группы примеров с отличиями всякий раз в одно существительное — скорее всего, к *младшему* переводу XIV в.

Однако имеются данные в пользу того, что это мог быть не единственный источник, использованный автором при составлении трактата, — об этом свидетельствует третье по счету место, в котором он трактует проблему определения грамматического рода в славянском. При этом речь идет о таких существительных, которые не подчиняются его простейшему правилу, что «ер» в конце слова обозначает имя мужского рода, «аз» — женского и «он» — среднего. В качестве примеров он приводит 4 имени женского рода, оканчивающиеся на «ерь», три имени среднего рода с окончанием «есть», три имени женского рода с окончанием **-и**, и, наконец, три имени мужского рода на **-и** (W 390, 392 = 2a11—2b9)[19]. Лучше всего представлен в этом списке лексикон Нового Завета, отраженный в справочнике Гильтебрандта, но и там отсутствуют **соль** и **гвоꙁди(и)**, тогда как в славянских версиях «Изложения» не представлены уже 5 лексем:

	Гильтебрандт	Первый перевод	Второй перевод
крьвь	**кровь** 971	**крьвь** 86	**крьвь** 684
соль	— (2022)	— (197)	— (735)
трьсть	**трость** 2188	— (223)	— (747)
прьсть	**персть** 1454	**прьсть** 168	**прьсть** 722

сльнце	**солнце** (2019)	**сльньце** 195	**сльньце** 735

[18] [Weiher 1987: 468] (= л. 335b1—6: «Имя *Христос* не имеет силы термина и не обозначает сущность чего-либо, как например *человек* или *конь* или *вол*…»). Трехчленная группа **чловѣкь/конь/воль** неоднократно встречается также в «Диалектике» Иоанна Дамаскина (ср. [Weiher 1969, лл. 15a9, 16a7, 26a/b10, 63a5]) и в других экзегетических произведениях этого времени (ср. [Kakridis 1988: 159]).

[19] Ср. [Worth 1983: 15слл.; Німчук 1985: 19сл., 24].

ѡрꙋжиѥ	**ѡроужиѥ** 1359	**ѡрѫжиѥ** 129	**ѡроужиѥ** 703
копиѥ	**копиѥ** 956	**копиѥ** 85	**копиѥ** 684
мати	**мати** 1038	**мати** 95	**мати** 687
свекри	**свекровь/свекры** 1837	— (188)	— (731)
дьщи	**дщерь/дщи** 587	— (53)	— (670)

ками	**камень** 922	**камы** 83	**камень** 683
гвоꙁди(и)	— (433)	**гвоꙁдии** 39	**гвоꙁдии** 664
чрьви(и)	**червь** 2365	— (240)	— (756)

Несмотря на наличие некоторых пробелов в примерах, этот список исключений из всеобщих правил определения рода также может восходить к наблюдениям над языком славянской книжности. В будущем необходимо поразмышлять над тем, какие еще тексты могли быть использованы автором трактата, поскольку и в других частях читаются примеры, которые едва ли возникли исключительно благодаря языковой компетенции автора или его фантазии. Так, настоящий камень преткновения представляют собой четыре композита, на примере которых он иллюстрирует словосложение из нескольких основ:

> Многократно сложенным является то, что составляется из трех частей речи, как например **бл҃гоповѣстникь**, **бл҃гопроиꙁвольнь**, **бѣдноѿѥмлѥмь**, **ꙁлоприѥтьнь** и прочие таковые (W 398 = 4a10—14)[20].

Приведенные сложения примечательны в том отношении, что **благо-повѣстьникь**, **бѣдно-от-ѥмлѥмь**, **ꙁло-при-ѥтьнь** можно истолковать как «состоящие из трех частей речи», тогда как **благо-про-иꙁ-вольнь** демонстрирует с точки зрения славянского языка *четыре* составные части[21]. Не менее загадочным является то, что ни одно из этих слов не обнаружилось в доступных мне словарях или словоуказателях к изданиям[22], — речь, следовательно, должна идти об очень редких композитах, и можно задать вопрос, почему славянский автор трактата полагал, что именно они пригодны для иллюстрации структурного типа «**прѣсложно начрьтаниѥ**». Данные слова, без сомнения, не так уж нехарактерны для славянского книжного языка XIV в.: так, не составит никакого труда отыскать похожие сложения с по-

[20] Ср. [Worth 1983: 16].

[21] Трехчленным это сложение может считаться лишь в том случае, если понимать **проиꙁ-** как эквивалент греч. *προ-*, поскольку образцом для этой кальки послужило, видимо, греч. *εὐπροαίρετος*.

[22] Благодарю проф. Христиана Ханика (Вюрцбург) за содействие в этих — к сожалению, в конечном счете неудачных — поисках. Большой благодарности заслуживает за свою помощь также проф. Румяна Павлова (София): благодаря ее посредничеству я узнал, что в материалах доктора Марии Спасовой (Велико Тырново) имеется по крайней мере один случай употребления **ꙁлоприѥтьнь.**

мощью списков композитов, приводимых у Цетта[23]. Точно так же не представляет трудности найти в греческой лексике композиты, ставшие образцами для создания славянских имен, ср. *εὐαγγελιστής* (двучленный композит) для **благовѣстьникъ**, *εὐπροαίρετος* для **благопроизволь**, *δυσαφαίρετος* (или *δυσκάθεκτος*) для **бѣдноотѧмлѣмь** и *δυσπαράδεκτος* (или *δυσπρόσδεκτος*) для **злоприѧтьнь**, — однако пока трудно сказать, встречаются ли эти сложные слова в одном и том же тексте[24], славянский перевод которого наш анонимный грамматик использовал как источник примеров. Дело осложняется еще и тем, что категория *παρασύνθετον* в греческой грамматической традиции иллюстрируется совершенно другими примерами, такими как (Μέμνων > ᾽Αγαμέμνων >) ᾽Αγαμεμνονίδης, (φρονῶ > εὐφρονῶ >) εὔφρων или (θεός > θεόλογος >) θεολογικός[25]. Таким образом, если процитированный пассаж был переведен из какого-то греческого трактата по грамматике, последний следовало бы сначала найти. Пока остаются довольно загадочными также некоторые другие феномены в языке-объекте трактата «О восьми частях слова», которые могут быть объяснены, несомненно, только на славянской почве. Давно известно, что славянский редактор-переводчик включил в свои парадигмы склонения существительных в родительном падеже некоторые формы притяжательных прилагательных:

NSg. **чловѣкь**	NSg. **жена**	NSg. **ѥстьство**
GSg. **чловѣковь**	GSg. **женина**	GSg. **ѥстьствово**
…	…	…
	NDu **женѣ**	
	GDu **женинѣ**	
	…	(ср. W 390—396)

Как ни заманчиво объяснять эту особенность характерными функциями, которые выполняет приименной родительный в греческом и притяжательные прилагательные в славянском[26], кое-что здесь выглядит странно: так, едва ли правомерно образовывать притяжательное прилагательное от **ѥстьство**, адъективом к **чловѣкь** служит обычно **чловѣчь** или **чловѣчьскь**, а в качестве посессива к **жена** гораздо чаще выступает **женьскь**, чем сто-

[23] Ср. [Zett 1970: 139—154] на **благо-**, 312—316 на **ꙁъло-**. Удивительным образом отсутствующие у Цетга композиты с первым элементом **бѣдьно-** (в соответствии с *δυσ-*) фиксируются сравнительно редко, ср. сложения, приведенные в работе [Будилович 1871], о слитном или раздельном написании которых могут быть различные мнения: *δυσπορία* — **бѣдьнонеимѣниѥ** (91), *δυσθεράπευτον* — **бѣдьноцѣлениѥ** (91), *δυσάλωτος* — **бѣдьно оудрьжимъ** (105), *δυσανάκλητος* — **бѣдьно вьꙁдвижень** (105), *δυσκάθεκτος* — **бѣдьно вьꙁдрьжьнь** (106), **бѣдьнѣ дрьжимь** (106).

[24] Благодарю за справку проф. Эриха Траппа (Бонн).

[25] Ср. соответствующие пассажи и словоуказатели в различных разделах издания «Grammatici graeci»; подробнее о славянской традиции [Мечковская 1984: 62—63].

[26] Ср. [Weiher 1972: 154] о варьировании в передаче посессивного генитива; позднее также [Worth 1983: 15; Німчук 1985: 24].

ящее в тексте **женинь**, не говоря уже о механическом присоединении окончаний номинатива **-ь**, **-а**, **-о**, **-ѣ** к соответствующим основам прилагательных. Поскольку демонстрируемый здесь языковой узус не имеет соответствия ни в славянском Новом Завете, ни в переводе «Изложения» Иоанна Дамаскина, придется искать другие тексты, в которых, может быть, найдется что-либо подобное. В свете установленных нами тесных связей трактата с текстом славянского перевода «Догматики» неудивительно, что в качестве одной из парадигматических лексем выступает как раз **ѥстьство**, поскольку это слово было необходимо для разъяснения богословски значимого вопроса о двух природах Христа в формах всех трех чисел (даже редко фиксируемые у абстрактных имен формы двойственного числа неоднократно встречаются здесь на очень небольшом отрезке!)[27]. Однако для прилагательного ***ѥстьствовь** / ***ѥстьствова** / ***ѥстьствово** (иногда даже с род. мн. ***ѥстьствовьѣ**?![28]) следовало бы еще отыскать параллели в текстах.

4

Если верно изложенное здесь наблюдение, что группы примеров на грамматический род имен в славянском трактате «О восьми частях слова» опираются на лексикон младшего перевода «Изложения» Иоанна Дамаскина, то из этого соотношения между двумя текстами можно сделать интересные выводы, касающиеся их датировки. В настоящее время полагают, что древнейшая рукопись трактата, в которой уже содержатся эти группы примеров, «возникла, вероятно, около середины XIV в.» [Daiber 1992: 25; ср. Weiher 1977]. Наличие в данном тексте цитат из «Изложения» подтверждает предположение, что младший перевод этого догматического трактата должен восходить «самое позднее к середине XIV в.» [Weiher 1987: XVII], при том, что имеющиеся рукописи не старше второй половины XIV в. Однако, с другой стороны, в свете этих данных о состоянии источников можно сделать вывод, что знаменитый грамматический трактат — по крайней мере, в некоторых своих частях — предполагает существование более позднего славянского «Изложения»; если же он, как таковой или в других своих частях, окажется старше, то содержащиеся в нем цитаты свидетельствуют, по меньшей мере, о новом слое редакционных изменений. Возможно, благодаря этому источнику (а также другим, которые, можно надеяться, еще будут идентифицированы), найдут свое убедительное объяснение и некоторые внутренние противоречия в рассуждениях.

---

[27] Ср. [Weiher 1987: 302—303] = л. 252Ь8—18: **двѣ ѥстьствѣ** (*δύο φύσεις*), **отъ двою ѥстьствоу** (*ἐκ τῶν φύσεων*), **обѣма ѥстьствома** (*τὰς δύο φύσεις*). Когда опорное числительное отсутствует, переводчик нередко механически воспроизводит греческую форму мн. ч.

[28] Ср. W 394 = л. 3а21 и приведенные варианты.

Каждое слово в процитированных группах примеров наглядно показывает, что средневековые писцы имели все основания для того, чтобы при чтении трактата «О восьми частях слова» вспоминать о трудах Иоанна Дамаскина или Иоанна Экзарха. Ярко выраженные интертекстуальные связи легко объясняют то обстоятельство, что этот трактат так часто переписывался в конвое из текстов Дамаскина, точнее, вместе с «Богословием» Иоанна Экзарха. Филологическая наука XIX—XX вв. интерпретировала этот небольшой и во многом несовершенный текст прежде всего как грамматику[29], не заметив при этом, что содержащаяся в нем грамматическая информация была собрана и систематизирована не ради нее самой, а должна была служить правильному пониманию христианского вероучения. Не только общая рукописная традиция привела к «ошибочному, лишь в 1859 г. окончательно отвергнутому мнению о принадлежности трактата Иоанну Дамаскину или его болгарскому переводчику»[30]; неточная атрибуция оказалась возможной скорее из-за многочисленных (и в данной статье еще далеко не исчерпанных) формально-содержательных параллелей между этими текстами, что и повлекло за собой переписку трактата «преимущественно в составе сборников, содержащих „Догматику“ Иоанна Дамаскина в переводе болгарского экзарха Иоанна»[31]. Таким образом, вновь и вновь выясняется, что писцы в средневековых монастырях смотрели на тексты другими глазами и в некотором смысле знали их лучше, чем мы.

Наконец, ввиду столь ярко выраженной интертекстуальности возникает вопрос, не обязан ли трактат «О восьми частях слова» своим возникновением (или известной нам сегодня редакцией) тому кружку переводчиков, в котором была проведена в XIV в. новая и окончательная славянизация

[29] Вполне типичной для доминирующих в наши дни подходов представляется следующая характеристика трактата в одной из обзорных работ: «Особое место в рамках этой эпохи занимает перевод с греческого трактата „О восьми частях слова“, который, вероятно, был сделан около середины XIV в. в Сербии, затем часто переписывался на Руси и в 1586 г. даже был напечатан в Вильне [Weiher 1977]. Здесь мы вновь имеем дело с ФГТ [филолого-грамматическим трактатом. — *Х. К.*] учебного характера или, учитывая композицию и особенности трактовки темы, с руководством по грамматике. Остается неясным его место и значение в практическом преподавании, поскольку данные о регулярном преподавании церковнославянского и об использовании данного текста в учебных целях отсутствуют» [Steinke 1997: 189]. Ср. также особую трактовку филологических трактатов как отдельного жанра древнейшей славянской литературы у [Svane 1989: 273—293] («Filologiske skrifter»), который не рассматривает трактат «О восьми частях слова» по хронологическим причинам. Впрочем, о значении трактата для преподавания свидетельствуют не только некоторые термины современной русской грамматики, но также, например, следы обращения к нему в т. н. Казанском списке «русского Доната».

[30] Ср. [Daiber 1992: 25]; ранее [Weiher 1977: 368—369].

[31] Там же. Э. Вайер указывает на то, что образование конвоя с присоединением перевода «Диалектики» можно наблюдать уже в XIV в.

«Изложения» и, возможно, сделаны переводы других произведений богословско-патристической литературы на славянский язык. Возможно, совсем не является случайностью, что две рассмотренные здесь особенности трактата, для которых были установлены связи со славянским текстом «Изложения», встречаются также в глоссах к богословским переводам Дечанской рукописи № 88 (начало 60-х гг. XIV в.): как в этом трактате греческие и славянские антропонимы даются в качестве примеров индивидуализирующих имен собственных, так и глоссатор Дечанской рукописи ставит с той же целью рядом с **Никола** славянские имена **Радослав**ь и **Боговьць**, и в той же самой глоссе читается также приведенный выше пример **чловѣкь** / **конь** / **воль** для иллюстрации понятия логического вида [Kakridis 1998: 161—162]. Поскольку такой кружок переводчиков мог работать в то время не только в одном из сербских или болгарских монастырей, но с еще большей вероятностью может быть локализован на г. Афон, установленное здесь богословское измерение древнейшего славянского грамматического трактата дает повод еще раз подвергнуть критическому испытанию тезис о сербском происхождении трактата, принятый в науке со времен Ягича.

Литература

Будилович 1871 — А. Будилович. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи Императорской публичной библиотеки XI века. СПб., 1871.

Буланин 1995 — Д. М. Буланин. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Drevnjaja Rus'. XVIII век. Том 1. Проза. СПб., 1995. С. 17—73.

ВМЧ — Великие минеи четьи, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Декабрь, дни 1—5. М., 1901.

Гильтебрандт 1882—1885 — П. А. Гильтебрандт. Справочный и объяснительный словарь к Новому Завету. 1—6. С.-Петербург, 1882—1885. Переиздание: München, 1988—1989.

Добрев 1981 — И. Добрев. За текста на Македонския кирилски лист и неговия автор // Старобългарска литература 9. 1981. С. 3—19.

Добрев 1985 — И. Добрев. Грамматически съчинения // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. I. София, 1985. С. 530—534.

Добрев 1995 — И. Добрев. Осемте части на грамматиката // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. II. София, 1995. С. 880—882.

Живов, Успенский 1986 — В. Живов, Б. Успенский. *Grammatica sub specie theologiae.* Претеритные формы глагола *быти* в русском языковом сознании XVI—XVIII вв. // Russian Linguistics 10. 1986. S. 259—279 (то же: Б. А. Успенский. Избранные труды. Т. III. Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 363—388).

Жуковская 1982 — Л. П. Жуковская. Барсовский список грамматического сочинения «О восьми частях слова» // Східнослов'янські граматики XVI—XVII ст. Матеріали симпозіуму. Київ, 1982. S. 29—51.

Захарьин 1995а — Д. Б. З а х а р ь и н. Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик XV — сер. XVIII века. АКД. М., 1995.

Захарьин 1995б — Д. Б. З а х а р ь и н. Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV — сер. XVIII в.). München, 1995.

Златанова 1990 — Р. З л а т а н о в а. Структура на простото изречение в книжовния старобългарски език. София, 1990.

Колесов 1991 — В. В. К о л е с о в. Развитие лингвистических идей у восточных славян эпохи средневековья // История лингвистических учений. Позднее средневековье. СПб., 1991. С. 208—254.

Малинин 1883 — В. М а л и н и н. Грамматика Иоанна, экзарха болгарского // Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ломанского. С.-Пб., 1883. С. 179—195.

Мечковская 1984 — Н. Б. М е ч к о в с к а я. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984.

Мечковская/Супрун 1991 — Н. Б. М е ч к о в с к а я, А. Е. С у п р у н. Знания о языке в средневековой культуре южных и западных славян // История лингвистических учений. Позднее средневековье. СПб., 1991. С. 125—181.

Минчева 1985 — А. М и н ч е в а. За преводаческите принципи на Константин-Кирил // Изследвания по Кирило-Методиевистика. София, 1985. С. 116—128.

Минчева 1995 —А. М и н ч е в а. Македонски кирилски лист // Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. II. София, 1995. С. 595—598.

Німчук 1985 — В. В. Н і м ч у к. Мовознавство на Україні в XVI—XVII ст. Київ, 1985.

Славова 1992 — Т. С л а в о в а. Грамматически съчинения и знания // Старобългарска литература. Енциклопедичен речник. Съст. Д. Петканова. София, 1992. С. 107— 109.

Соломоновская 1995 — А. Л. С о л о м о н о в с к а я. Некоторые наблюдения над лексическими и другими особенностями различных переводов одного памятника // Язык памятников церковнославянской письменности. Новосибирск, 1995. С. 58—86.

Томеллери 1995 — В. Т о м е л л е р и. Опыт изучения рукописной традиции Доната // Ricerche slavistiche 42. 1995. С. 183—237.

Bujuikliew 1995 — I. B u j u i k l i e w. Przekład w rozwoju myśli filologicznej bułgarskiego średniowiecza // Tradycje Cyryla i Metodego w językach i literaturach słowiańskich. Język piśmiennictwa słowiańskiego do XIV wieku / Pod red. A. Bartoszewskiego i R. Pawłowej. Warszawa, 1995. S. 183—189.

Daiber 1992 — Th. D a i b e r. Die Darstellung des Zeitworts in ostslavischen Grammatiken von den Anfangen bis zum ausgehenden 18. Jahrhundert. Freiburg i. Br. 1992.

Dostál 1954 — A. D o s t á l. Studie o vidovém systému v staroslověnštině. Praha, 1954.

Grammatici 1867—1910 — Grammatici graeci recogniti et apparatu critico instructi. 1—4. Lipsiae, 1867—1910.

Grković 1983 — M. G r k o v i ć. Imena u Dečanskim hrisovuljama. Novi Sad, 1983.

Hansack 1986 — E. H a n s a c k. Das Kyrillisch-mazedonische Blatt und der Prolog zum „Bogoslovie des Exarchen Johannes“ // Die Welt der Slaven 31.1986. S. 336—414.

Havránek 1966 — B. H a v r á n e k. Ceský jazyk Husův // Slovo a slovesnost 27. 1966. S. 1—16.

Horálek 1954 — K. H o r á l e k. Evangeliáře a čtveroevangelia. Příspěvky k textové kritice a k dějinám staroslověnského překladu evangelia. Praha, 1954.

Jagić 1896/1968 — Codex slovenicus rerum grammaticarum edidit V. Jagić. Berlin, 1896. Nachdruck des Separatdrucks Berlin 1896. München 1968.

Jelitte 1972 — H. Jelitte. Altrussische Traktate über die Sprache (Thematik, Methodik, Terminologie) // Die Welt der Slaven 17. 1972. S. 27—66.

Kakridis 1988 — I. Kakridis. Codex 88 des Klosters Dečani und seine griechischen Vorlagen. Ein Kapitel der serbisch-byzantinischen Literaturbeziehungen im 14. Jahrhundert. München, 1988.

Keipert 1980 — H. Keipert. *Velikyj Dionisie sice napisa:* Die Übersetzung von Areopagita-Zitaten bei Euthymius von Tarnovo // Търновска книжовна школа. Т. II. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. Втори международен симпозиум. София, 1980. С. 326—350.

Keipert 1988a — H. Keipert. Die Christianisierung Rußlands als Gegenstand der russischen Sprachgeschichte // Tausend Jahre Christentum in Rußland. Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus'. Göttingen, 1988. S. 313—346 [то же: Крещение Руси и история русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1991. № 5. С. 86— 112].

Keipert 1988b — H. Keipert. Traditionsprobleme im grammatischen Fachwortschatz des Russischen bis zum Ende des 18. Jahrhunderts // Die Welt der Slaven 32/2. 1987. S. 230—301.

Keipert 1994 — H. Keipert. Die *knigi cerkovnye* in Lomonosovs «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» // Zeitschrift für slawische Philologie 54/1. 1994. S. 21—37. [то же: *Церковные книги* в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» М. В. Ломоносова // Русистика сегодня. 1995/4. С. 31—46].

Keipert 1996 — H. Keipert. Das Lateinische in der Geschichte der russischen Sprache // Eurolatein. Das griechische und lateinische Erbe in den europäischen Sprachen / H. H. Munske, A. Kirkness (Hrsg.). Tübingen, 1996. S. 106—128.

Keipert 1999 — H. Keipert. Der deutsche Beitrag zur Entwicklung der Russisch-Grammatik vor Lomonosov // Geburtstag von O. Müller. Rostock 1998 [1999]. S. 167—190.

Kolesov 1984 — V. V. Kolesov. Traces of the Medieval Russian Language Question in the Russian Azbukovniki // Aspects of the Slavic Language Question. Vol. II. East Slavic. New Haven, 1984. S. 87—123.

Kosta 1995 — P. Kosta. Zur Forschungsgeschichte und Forschungssituation bezüglich der Temporalität in slavischen Sprachen // Temporalität und Tempus. Studien zu allgemeinen und slavistischen Fragen. Wiesbaden, 1995. S. 297—365.

Mareš 1983 — Fr. V. Mareš. Porekloto na tekstot na Makedonskoto kirilsko livče // Slovo 32—33. 1982—1983. S. 5—14.

Sadnik 1967—1983 — Des Hl. Johannes von Damaskus «Ἔκθεσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως» in der Übersetzung des Exarchen Johannes. Bd. 1—4. Wiesbaden (bzw. Freiburg i. Br.) 1967—1983.

Steinke 1997 — K. Steinke. Die *grammatischen Traktate* der Slavia Orthodoxa (Zur Entwicklung der slavischen Philologie) // Zeitschrift für Slawistik 42, 2. 1997. S. 184—191.

Svane 1989 — G. O. Svane. Ældre kirkeslavisk litteratur. 9.—12. århundrede. Aarhus, 1989.

Toscano 1982—1984 — S. Toscano. L'articolo nel trattato slavo *Sulle otto parti del discorso* // Ricerche slavistiche 29—31. 1982—1984. P. 21—55.

Toscano 1988 — S. T o s c a n o. I ‘modi verbali’ nel trattato slavo *Sulle otto parti del discorso* e le fonti greche // Europa orientalis 8. 1988. S. 559—572.

Toscano 1990 — S. T o s c a n o. La Slavia ortodossa // Storia della linguistica / A cura di G. C. Lepschy. Vol. II. Bologna 1990. P. 256—275, 307—312.

Weiher 1969 — E. W e i h e r. Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung. Wiesbaden, 1969.

Weiher 1972 — E. W e i h e r. Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchenslavischen // Anzeiger für slavische Philologie 6. 1972. S. 138—159.

Weiher 1977 — E. W e i h e r. Die älteste Handschrift des grammatischen Traktats «Über die acht Redeteile» // Anzeiger für slavische Philologie 9. 1977. S. 367—427.

Weiher 1987 — Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der kirchenslavischen Übersetzung des 14. Jahrhunderts / Hrsg. von E. Weiher unter Mitarbeit von F. Keller und H. Miklas. Freiburg i. Br. 1987.

Worth 1983 — D. S. W o r t h. The Origins of Russian Grammar. Notes on the state of Russian philology before the advent of printed grammars. Columbus (Ohio), 1983.

Zett 1970 — R. Z e t t. Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode. Köln; Wien, 1970.

Ж. Ж. ВАРБОТ

ФАКУЛЬТАТИВНАЯ ДИФТОНГИЗАЦИЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО *У* В РУССКИХ ГОВОРАХ

Связь этимологии с исторической фонетикой (включая развитие фонетики диалектов) является генетически обусловленной, исторически непрерывной и методически двусторонней. Движение в конкретной этимологизации предполагает не только опору на все известные фонетические закономерности, но и учет исторической реальности нерегулярных фонетических (равно как и морфонологических, и морфологических) изменений. Вряд ли можно принять в качестве руководства к этимологической практике допускаемый Ю. С. Степановым так называемый «нестрогий» сравнительно-исторический метод [Степанов 1995], но крупнейшие теоретики и практики этимологии многократно обосновывали право этимологов на учет (и даже обнаружение) в процессе этимологизации, достаточно надежной в прочих аспектах, ранее неизвестных изменений звуков, предполагаемых вначале для узкого лексического круга (или даже одной лексемы), но заслуживающих внимания исторической фонетики как потенциальные свидетельства реальных фонетических изменений [Malkiel 1962: 212—214; Трубачев 1972: 3—4, 8].

Таким случаем является возможность этимологического сближения ряда русских диалектных лексем, в структуре которых представлена вариантность этимологического *у* с сочетаниями гласных, которую условно назовем «дифтонгизацией» (речь не идет, разумеется, о ситуациях утраты интервокальных согласных, типа *оголовушить* > *оголоушить*).

Диалектологическая экспедиция под руководством Л. Л. Касаткина обнаружила в 1992 г. в говоре села Леки Рязанской области несколько случаев появления на месте этимологического *у* сочетания *оу*: например, *роушыл'и*, *слоушыт'*, с неслоговой первой частью дифтонга и слоговой второй; в том же говоре отмечены разнообразные дифтонги на месте других гласных («всего шесть из семи гласных фонем могут быть представлены дифтонгами»); в севернорусском говоре на месте литературного *у* после мягкого согласного был обнаружен дифтонг *иу*; эти явления толкуются как следствие архаизма вокалической системы соответствующих говоров ([Касаткин 1999: 378, 384, 388]; там же см. о наблюдениях других ученых относительно дифтонгической реализации этимологических *ѣ*, *о* и *е*). С. С. Высотский,

Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 98—105.

исследовавший дифтонгические реализации *ѣ* и *о* в севернорусских говорах, пришел к заключению о справедливости оценки Л. В. Щербой этих сочетаний звуков как ложных дифтонгов и о подчинении распределения силы звука в них условиям фразовой интонации [Высотский 1967: 29—32].

Знакомство с региональными словарями (в процессе сбора материалов для этимологического исследования русской и славянской лексики) привело к выявлению фиксации словарями различных регионов довольно значительного количества лексем, в которых представлена вариантность *у* с сочетаниями гласных, при том что дифтонгическая реализация других гласных, как правило, не фиксируется. Есть случаи тождества лексем, записанных с *у* и с сочетаниями гласных, по прочим (структурным и семантическим) характеристикам. Очевидна существенность этих фактов как основы для этимологизации «темных» лексем, равно как и необходимость анализа материала с точки зрения фонетических характеристик и в отношении возможности вмешательства в фонетические явления иных факторов.

Разумеется, используя словарные фиксации слов, следует считаться с возможностью и проявления гиперграмматизма, и отражения других (помимо дифтонизации) фонетических характеристик вокализма говоров.

Далее представлены лексические варианты / сопоставления, содержащие различные типы дифтонгизации *у*. Сначала приводятся наиболее ясные (этимологически) случаи.

Преобладает вариантность *ý* / *оý* (то есть запись с подударным *ý*).

Арханг. *бродоýха* ‘топкое место’ [СлРСев I: 187] — ср. *бродýша* ‘человек, который бродит’ [СРНГ 3: 192], а также (в семантическом отношении) арханг. *бродь* ‘труднопроходимое, неудобное для ходьбы место (глубокий снег, высокая трава, вода)’ [Арханг. сл. 2: 130].

Урал. *полоýшка* ‘половинка обожженного кирпича’ [СРНГ 29: 128] — ср. *полýшка*; сюда же явно относится и диал. *полоýшки* мн. ‘почки’ (Быковка, Липецкая область, Елецкий р-н) [М-лы ОЛА].

Орл. *рогоýлинка* ‘деталь прялки (какая?); речная ракушка’ [Сл.орл. 12: 177] — ср. *рогýленка* ‘деталь прялки’ [Там же].

Яросл. *опроýдить* ‘опрокинуть, пролить’ [СРНГ 23: 302] — ср. арханг. *опрýдить* ‘опрокинуть; уронить; сломать, уничтожить, лишить жизни’, волог., твер. *опрýдить* ‘то же’ [Там же].

Скосоýриться карел.‘наклонить голову’ [Сл.Карел. 6: 128], пск. ‘скоситься’, краснодар. ‘скривить рот, скривиться’ [СРНГ 38: 112] — ср. пск., твер. *скосýрить* ‘скосить, искривить, перекосить что-либо’ [Там же].

Иногда *оу* возможно в безударном положении: новосиб. *оглоумнéть* ‘поглупеть’ [СРНГ 22: 319] — ср. новосиб., курск. *оглумнéть*, курск., орл. смол., твер. *оглумéть* ‘перестать соображать, одуреть’ [Там же: 320] и *оглумúть* зап.-брян. ‘сильным ударом по голове лишить сознания, рассудка; лишить способности слышать, оглушить’, пск., смол. ‘лишить способности соображать; о с м е я т ь, о д у р а ч и т ь для потехи окружающих’

[Там же: 320]. Последнее значение обнаруживает исходную производность от *глум*.

Реже, чем *ý* / *оý*, представлено *ý* / *аý* (в некоторых случаях *а* может быть отражением аканья).

Амур. *охаýльник* ‘хулиган, бездельник, лодырь’ [СРНГ 25: 27] — ср. *охýльник* ‘кто хулит’ [Даль^2 II: 774, *охуждать*].

Новг. *обраýшиться* ‘упасть куда-л., обрушиться’ [Новг. сл. 6: 106] — ср. *обрýшиться*.

Влад. *лаýдить* ‘есть или пить с особенным аппетитом’ [СРНГ 16: 292] — ср. *лýдить* ворон., орл., краснодар. ‘бить, колотить кого-л.’, ряз. ‘ругать, бранить кого-либо’ [СРНГ 17: 179].

Ворон. *лаýзить* ‘красть, воровать’ [СРНГ 16: 293] — ср. костр. *лýзить* ‘хлебать’ [СРНГ 17: 185].

Редко встречается ударение на первом гласном этого дифтонга.

Свердл. *набáучить* ‘много положить чего-либо’ [СРНГ 19: 108] — ср. *набýчить* влад. ‘много настирать’, яросл. ‘налить чего-либо слишком много’ [Там же: 142].

Возможно появление на месте *ý* (после мягкого согласного!) *еý*.

Оплеýха литер. ‘пощечина’, иркут. ‘уровень воды в реке’ [СРНГ 23: 265], арханг. ‘большой кусок чего-нибудь скользкого, мягкого’: Вот такой был *оплеýха* (о рыбе) [Нефедова 2001: 79] — ср. *плю́ха* ‘пощечина’, *плю́хать* сарат. ‘шлепать по грязи’, тверс., пск. ‘лить, плескать’ [СРНГ 27: 172], *плюх* межд. означает звук, издаваемый при всплеске, харкании, плевании [Там же: 171], блр. *плю́хнуць* ‘ударить ладонью’, сербохорв. *пљу̑ска* ‘оплеуха’, словен. *pljûska* ‘пощечина’ [Фасмер III: 289, *плюснуть*]. В словаре Фасмера есть почти весь лексический материал, обосновывающий принадлежность слова *оплеуха* к гнезду *плюснуть* / *плюхнуть*, но он разобщен, помещен в разные словарные статьи, что, вероятно, и способствовало принятию в словаре версии Брандта о производности *оплеуха* от *плевать* [Фасмер III: 145]. Сопоставление *оплеуха* с *плюхать* ‘ударять’ см. [Мокиенко 1980: 46, прим. 1]. Дальнейшим преобразованием дифтонгизированной формы путем разбиения дифтонга вставным йотом является новгор. *плею́ха* ‘пощечина’ [СРНГ 27: 138], вставным *в* — блр. *плявуха*, *апляв уха* (если только это не результат подстановки корня глагола *пляваць*, ср. толкование О. М. Младеновой в [НовРусЭтим: 151—152]).

Новг. *обреýшиться* ‘упасть куда-либо, обрушиться’ [Новг.сл. 6: 106] — ср. др.-русск. *обрюшитисѧ* — ‘разрушиться, погибнуть’ [ДРС V: 549], при *обрýшиться* и *обраýшиться* (выше).

Новосиб. *обеýшки* мн. ‘щипцы для выдергивания гвоздей’ [СРНГ 22: 40] — ср. *обух*, орл. *обýшки* ‘тупые концы зубьев бороны’ [Там же: 257].

Возможно, иногда реальна вариантность *у* / *иу* (в безударном положении): сиб. *клиушáть* ‘делать изгибы (о реке)’: *клиушает* где река, петлями… [Сл. Сибири 2: 72] — ср. сиб. *клюшка* ‘кочерга…, изгиб дороги’ [Там же] (если только запись *иу* не отражает исходное *еу*; впрочем, как уже было сказано выше, дифтонг *иу* на месте этимологического *у* под ударением отмечен Л. Л. Касаткиным [Касаткин 1999: 384]).

К достаточно надежным случаям, приведенным выше, мною были ранее присоединены толкования в этом же плане нескольких «темных» лексем. Ниже они приводятся с некоторым дополнительным материалом.

Костр. *ощеу́лить* ‘насмехаться, издеваться’ [СРНГ 25: 103], ряз., тул. *ащеу́лить* ‘то же’ [СРНГ 1: 300], *ащеу́льник* твер., ряз., тул., влад. ‘тот, кто издевается над кем-, чем-либо, насмешник, зубоскал’, тул. ‘негодяй, бездельник’ [СРНГ 1: 300] — ср. словен. *ščúliti* ‘науськивать’, чеш. диал. ю.-вост. *štoulet se*, *uštulovat se* ‘усмехаться’ [Machek^2 1968: 627), к **ščul-* / **skul-* (ср. чеш. *skulina* ‘трещина, щель’), в соответствии с мотивационной моделью *скалить зубы* [Варбот 2001: 8; Варбот 2003: 56]. Толкование *ощеульник* как результата сложения корней слов **sьcati* и **ulica* (с мотивацией ‘тот, кто мочится в публичных местах’ [ЭССЯ 30: 152]), при учете приведенного славянского материала, маловероятно.

Перм. *ощеу́рничать* ‘насмехаться, издеваться’ [СРНГ 25: 104] — к **ščur-* ‘драть, раздирать’, ср. чеш. диал. *ščóřet, čóřet se* ‘скалиться’ [Utěšený 1979: 32], русск. нижегор. *щура* ‘лукавый, хитрый человек’ [Даль^2 IV: 659], дон. *ощу́рья* ‘короткая шерсть на животе и ногах овцы’ [Сл. дон. II: 219], далее (от другого варианта того же корня — **skyr-*) урал. *выскúрь* ‘клок одежды, осколок битого стекла’ [СлСрУрД: 71], белор. *зубы скірыць* ‘смеяться’ [Сл.Брэст.: 276]. Предполагается та же семантическая мотивация, что для *ощеульник* — ‘оскаливаться’[Варбот 2001: 8; Варбот 2003: 56].

Моск., ряз., казан. и др. *обреу́тка, обреу́ток* ‘толстяк’ [СРНГ 22: 226] — ср. моск., яросл., курск. *обрю́ток* то же, при словен. *obruten* ‘неуклюжий, неловкий’, к праслав. **r’utiti* / **rutiti* ‘сыпать’, с мотивацией ‘осыпанный’ > ‘увеличившийся, толстый’ [Варбот 1998: 36—37].

Волог. *плау́дить* ‘разливать воду (на полу, на столе и т. п.)’ [СРНГ 27: 100], новг. *наплау́дить* ‘сильно обмочить мочой постель, себя’ [Новг.сл. 5: 161], орл. *расплау́дить* ‘заставить разбежаться, разойтись в разные стороны, разогнать’ [Сл.орл. 12: 96] — ср. казан. *плудить* ‘увеличивать в числе, количестве’ [СРНГ 27: 164; Варбот 2003: 56—57].

Аналогичным образом может быть объяснено происхождение еще нескольких лексем с сочетаниями *оу, ау, еу*.

Новг. *хлау́зить* ‘ходить’ [Новг.сл. 12: 13] — ср. *хлы́зить* ‘ходить’ [Там же, 17], при вероятности родства с *хлюздать, хлюстать* ‘хлюпать, брести’ [Даль^2 IV: 553]. Возможное родство подтверждает этимологическое корневое *у* для рассматриваемого *хлаузить*.

Оттоу́рить волог. ‘оттопырить, надуть (губы и т. д.)’ [СРНГ 24: 339], арханг. ‘выдвинуть вперед, выпятить’ [Нефедова 2001: 81] — ср. *оттури́ть, оттоу́ривать* тул., курск. ‘отгонять, прогонять от кого-, чего-либо (птиц, скотину)’, ‘относить, перемещать (судно, лодку) ветром, течение в сторону от берега’ [СРНГ 24: 342].

Новг. *облау́читься* ‘упасть’ [Новг.сл. 6: 88] — ср. смол. *лучáть* ‘целиться, метить’ [СРНГ 17: 209], яросл. *лукну́ть* ‘отбросить в сторону; угораздить, подтолкнуть, сделать что-либо вредное или ненужное’: Как это тебя нелегкая туда *лукнула*? [СРНГ 17: 188].

Свердл. *полоу́шный* ‘открытый, растворенный настежь’ [СРНГ 29: 128] — к *полый*, вероятен суф. *-ух-*, ср. *полынья* — с суффиксальным гласным *ы* того же апофонического ряда, что *у* в *-ух-*. Ср. выше случай *хлаузить*.

Ранее этот тип изменений рассматривался мною в связи с действием народной этимологии: появление зияния превращает в ряде случаев простое слово в сложение, с ремотивацией по второй части сложения [Варбот 2001: 7—8]. Например, *оплеуха* явно получило вторичную мотивацию по связи с *ухо*, отсюда дальнейшее изменение значения: волог. *оплеу́шка* ‘меховая шапка-ушанка с закрывающей шею задней частью’ [СРНГ 23: 265]. Связь с *ухо* обнаруживается и в рассмотренном выше *бродоу́ха* ‘топкое место’ приведенным в словаре контекстом: Если топко место, говорим — *бродоуха*, брод до уха, значит [СлРСев I: 187]. В *оглоум(н)еть* появляется ассоциация с *ум*. *Ощеулить* ‘насмехаться, издеваться’ (см. выше), кажется, преобразуется далее и формально, и семантически в направлении сближения с *искать, ищу* (без создания сложения): см. казан. *ищау́лить* ‘вымогать, недоплачивать, плутовать’, *ищау́л* ‘скряга, вымогатель, обманщик; притворщик’ [СРНГ 12: 275], костр. *ищеву́л* ‘тот, кто хорошо собирает грибы, ягоды’ [Там же].

К числу случаев фиксации *оу* на месте этимологического *о*, также рассмотренной Л. Л. Касаткиным [Касаткин 1999: 377], относится формально и *облоу́м* моск. ‘глупый, упрямый человек’, калин. ‘упрямый, хитрый человек’ [СРНГ 22: 110]: ср. *облóм* твер., пск., смол., новг., волог., тамб., влад. ‘грубый, прямой резкий человек, неосторожный в словах и поступках’, костр., твер. ‘упрямый, не поддающийся уговорам человек’ [СРНГ 22: 108], но в конечной структуре *облоум* вероятно отражение действия народной этимологии — ремотивации по связи с *ум*.

Народной этимологией можно объяснить также появление *ои* на месте этимологического *и* в случаях новг. *колдобóина* ‘колдобина’ [Новг.сл. 4: 79] — ср. *колдобина* и *колотобóить* ‘браниться, ругаться, ссориться’ [СРНГ 14: 182, без указания территории] — ср. *колотóбить* перм., урал. ‘обмолачивать, молотить (лен, коноплю, реже — хлеб)’, перм. ‘стучать, лязгать (зубами)’ [Там же]: в обоих случаях вполне вероятна ремотивация по *бой*.

Однако в прочих рассмотренных выше случаях появления неэтимологических *оу, ау, еу* трудно усмотреть народную этимологию.

Обращаясь к общим чертам приведенной лексики, следует отметить, что дифтонгизация представлена как в составе суффиксов (*-ух-*, *-уш-*, *-ур-*), так и (и даже преимущественно) в корневых морфемах. Последнее, возможно, увеличивает вероятность фонетической природы явления. Примечательна широкая география явления в говорах, что позволяет думать о фиксации реальных фонетических характеристик лексем — дифтонгов. Вместе с тем, весьма существенными особенностями анализированного лексического материала представляются случаи параллельной фиксации в одних и тех же говорах вариантов с дифтонгами и с монофтонгами (см. выше пары *оглоумнеть — оглуметь*, *рогоулинка — рогуленка*, *обреуток — обрюток*), а также более или менее отчетливо проявляющаяся экспрессивность большинства соответствующих лексем. Для подтверждения этой характеристики дифтонгизации существенно появление дифтонгов с участием *у* в этимологически некорректных позициях. Так, среди производных от *шлея* находим пск., влад. *ошля́ть* ‘ударить’ [СРНГ 25: 92], твер., новг., пск. *ошлеи́ть* ‘ударить, хлестнуть’ [Там же: 91], волхов.-ильмен. *ошлеять* ‘то же’: ватаман веревкой *ошлеял* [Там же; с реконструкцией инфинитива *ошлеи́ть*], пск. *ошлея́шить* ‘сильно ударить’ [Там же: 92] и ср.-урал. *нашлеу́шить* ‘побить, поколотить’, том. *нашлеуша́ть* ‘то же’ [СРНГ 20: 300]. В том же плане представляют интерес *треу́шить* ‘бить по ушам, по щекам’ [Даль^2 IV: 433], ‘наносить удары, бить’ [Сл. перм. 2: 448], перм., пск., новг., костр. *затреу́шить* ‘ударить по уху, по щеке’ [СРНГ 11: 106], перм., арханг. *натреу́шить* ‘бить, колотить’ [СРНГ 20: 231]. В сопоставлении с пск., твер., костр. *затре́щить* ‘сильно ударить по уху, дать затрещину’ [СРНГ 11: 106] вариант *затреу́шить* представляется экспрессивным преобразованием (с неэтимологическим *еу*) первичного *затре́щить*. Правда, здесь можно предположить ремотивацию по *ухо*, но есть еще и арханг. *треу́шить* ‘частыми, повторяющимися движениями, дергать, теребить, трепать’: Йа-та картошку *треу́шу*, полю [Нефедова 2001: 119] и пск. *затрея́шить* ‘сильно ударить по шее’ [СРНГ 11: 106], для которых ассоциация с *ухо* сомнительна.

Отмеченные характеристики лексических материалов с дифтонгами на месте этимологического *у* и даже, кажется, в этимологически некорректных позициях, а именно — широкая распространенность дифтонгов, фиксация вариантности форм с дифтонгами и монофтонгами и эспрессивность значительной части соответствующей лексики, позволяют высказать предположение об экспрессивной природе дифтонгизации. Это предположение соотносится, кажется, с отмеченной С. С. Высотским зависимостью распределения силы звука в дифтонгах от фразовой интонации (см. выше) [1].

[1] Приношу глубокую благодарность А. В. Тер-Аванесовой за указание на исследование С. С. Высотского о севернорусском вокализме.

Источники и литература

Арханг.сл. — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1—12. М., 1980—2004.

Варбот 1998 — Ж. Ж. Варбот. К славянским обозначениям изобилия и тучности // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. Т. I. М., 1998. С. 34—38.

Варбот 2001 — Ж. Ж. Варбот. Перспективы изучения явлений народной этимологии в русской диалектной лексике // Этимологические исследования. Вып. 7. Екатеринбург, 2001. С. 3—8.

Варбот 2003 — Ж. Ж. Варбот. Народная этимология в истории языка и в научной этимологии // Славянское языкознание. XIII Междунар. съезд славистов. Любляна, 2003 г. Докл. рос. делегации. М., 2003. С. 49—62.

Высотский 1967 — С. С. Высотский. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах (по материалам экспериментально-фонетического исследования) // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967. С. 5—82.

Даль[2] I—IV — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. Т. I—IV. М. 1955 (= СПб., 1880—1882).

ДРС I—VII — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. I—VII. Гл. ред. чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесов (Т. I—V), И. С. Улуханов (Т. V, VI), В. Б. Крысько (Т. VII). М., 1988—2004—.

Касаткин 1999 — Л. Л. Касаткин. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

М-лы ОЛА — Материалы к изданию: «Общеславянский лингвистический атлас», т. 9 «Человек» (рукоп.).

Мокиенко 1980 — В. М. Мокиенко. Славянская фразеология. М., 1980.

Нефедова 2001 — Е. Ф. Нефедова. Экспрессивный словарь диалектной личности. Изд. Моск. Ун-та, 2001.

Новг.сл. 1—13 — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1—13. Новгород, 1992—2000.

НовРусЭтим — Новое в русской этимологии I. М., 2003.

Сл. Брэст. — Дыялектны слоўнік Брэстчыны / Складальнікі: М. М. Аляхновіч, У. У. Барысюк, В. М. Емельяновіч и др. Мінск, 1989.

Сл. дон. I—III — Словарь русских донских говоров / Авторы-сост. З. В. Валюсинская, М. П. Выгонная, А. А. Дибров и др. Т. I—III. Изд-во Ростовского ун-та, 1975—1976.

Сл. Карел. 1—6 — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1—6. СПб., 1994—2005.

Сл. орл. 1—12 — Словарь орловских говоров / Науч. ред. Т. В. Бахвалова. Вып. 1—12. Ярославль; Орел, 1989—2001.

Сл. перм. 1—2 — Словарь пермских говоров / Сост. Г. В. Бажутина, А. Н. Борисова и др. Вып. 1—2. Пермь, 2000—2002.

СлРСев I—III — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Т. I—III. Екатеринбург, 2001—2005.

Сл. Сибири 1—3 — Словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Т. 1—3. Новосибирск, 1999—2002.

СлСрУрД — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

СРНГ 1—41 — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24—40). Вып. 1—41. Л. = СПб., 1966—2007.

Степанов 1995 — Ю. С. С т е п а н о в. *Баба-яга*, *Янус*, *Ясон* и другие. К вопросу о «нестрогом» сравнительно-историческом методе // ВЯ. 1995. № 5. С. 3—16.

Трубачев 1972 — О. Н. Т р у б а ч е в. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология 1970. М., 1972. С. 3—20.

Фасмер I—IV — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого языка и дополнения О. Н. Т р у б а ч е в а. Т. I—IV. М., 1964—1973.

ЭССЯ 1—33 — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1—31), О. Н. Трубачева и А. Ф. Журавлева (вып. 32), А. Ф. Журавлева (вып. 33). Вып. 1—33. М., 1974—2007.

Machek^{2} 1968 — V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.

Malkiel 1962 — Y. M a l k i e l. Etymology and General Linguistics // Word. V. 18. № 1—2. 1962. C. 198—219.

Utěšený 1979 — Sl. U t ě š e n ý. Slovník zabřežské hanáčtiny. Šumperk, 1979.

А. А. СОКОЛЯНСКИЙ

ИЗМЕНЕНИЕ СОЧЕТАНИЯ *ТС* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

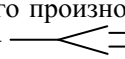
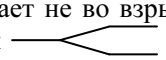
0. Изменение согласных в сочетании *тс* в современном русском языке является закономерным фонетическим чередованием, но крайне редко пытаются определить природу этого фонетического процесса, а еще реже рассматривают его в диахроническом аспекте. В настоящей статье предпринимается попытка описать и истолковать взаимодействие между [т] и [с] в истории русского языка.

1.1. Прежде чем обратиться к истории сочетания *тс*, опишем характер этого стыка в современном русском языке, в котором реализация последовательности /тс/ в потоке речи регулируется «законом Касаткина». Впервые этот закон был описан им в учебнике 1982 года: «Взрывные согласные перед щелевыми того же места образования заменяются аффрикатами: *отсыпать — о*[ц]*сы́пать*, *пяться — пя́*[ц’]*ся, отщипнуть — о*[ч’]*щипну́ть*, *ветшать — ве*[ч]*ша́ть*. Понять это легко. Последняя фаза взрывного — резкий и достаточно широкий отход сомкнутых органов речи один от другого. Но перед щелевыми того же места образования этого не происходит. После смычки активный орган речи (уже готовясь к образованию следующего щелевого) лишь слегка отодвигается от пассивного, создавая узкую щель. Образуется аффриката. Так, [т] перед [с] меняется на [ц]: *де*[ц]*са́д, бра*[ц] *Са́ши* (*брат*), *бу́*[ц]*сы* (*бутсы*); [т’] перед [с’] меняется на [ц’]: *ме́*[ц’]*ся* (*меться*), *пя*[ц’] *селёдок* (*пять*)» [Касаткин 1982: 106—107].

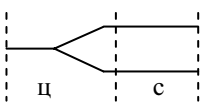
Л. Л. Касаткиным также были предложены способы графического обозначения согласных разной артикуляционной природы, что позволило ему наглядно представить особенности взаимодействия контактирующих звуков, см. [Касаткин 1999]. Щелевой согласный может быть обозначен как две параллельные линии, призванные показать, что между органами речи не происходит смычки . Артикуляция взрывного согласного ясно разделяется на две фазы: смычную, обозначаемую с помощью прямой линии, и взрывную, обозначаемую с помощью двух расходящихся в стороны линий: . При этом надо помнить, что зачастую наше представление о «взрыве» при артикуляции взрывного согласного сильно преувеличено внутренней формой самого термина. На самом деле энергия взрывного согласного не столь велика, как это может показаться из его названия. «При

Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 106—132.

произнесении глухих согласных интервал смычки не несет никакой энергии» [Кодзасов, Кривнова 2001: 164].

Сочетание взрывной и щелевой согласной дает такой конструкт (конструкт потому, что это не отражение реального произношения, а только логическое соположение двух артикуляций) —  . В процессе приспособления взрывного согласного к артикуляции щелевого происходит следующий процесс: взрыв согласного [т] несколько ослабляется, смычка перерастает не во взрыв, а в щель, что схематически может быть отображено как  . Возникает тот случай, когда «… акустическая картина шума взрывных сближается с аффрикатами» [Кодзасов, Кривнова 2001: 167]. В современном русском языке, как уже говорилось, в этом случае осуществляется «закон Касаткина», который приводит к тому, что сочетание [тс] изменяется в [цс]. Обозначение возникшей последовательности звуков как [цс] может породить иллюзию того, что между [ц] и [с] существует акустико-артикуляционная граница, обозначенная тем или иным способом: заканчивается артикуляция [ц] и начинается артикуляция [с]. На самом деле [цс] представляет собой артикуляционную целостность.

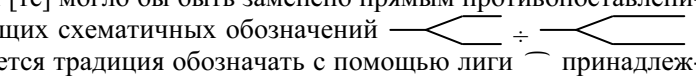
Последовательность [цс], согласно предложенному М. А. Штудинером различению двух видов долгих аффрикат [Штудинер 1983], можно представить как аффрикату с долгим щелевым элементом, то есть как [т͡с̄]. Почему данный способ предпочтительнее, чем обозначение [тс] или [цс]? Обозначение [тс] не принимает во внимание факта взаимодействия между двумя звуками. Транскрипция [цс] это взаимодействие отражает, но не принимает во внимание того, что [с] представляет собой часть единой артикуляции: никакой границы, кроме сугубо условной, между фрикативным элементом [ц] и звуком [с] не существует. Схематически этот комплекс можно обозначить как



см. [Касаткин 1999].

Схема наглядно иллюстрирует, что граница между [ц] и [с] носит сугубо условный характер. Действительно, [цс] = [т͡сс], при этом [с], входящий в состав аффрикаты, и [с], находящийся за ее пределами, неизбежно сливаются друг с другом. При использовании обозначения [т͡с̄] не возникает иллюзии того, что один [с], входящий в состав аффрикаты, заканчивается, а потом начинает произноситься другой, «отдельный» [с].

1.2. Помимо аффрикаты с долгим щелевым компонентом в русском языке употребляется аффриката с долгим затвором, она произносится в словах типа *бра́ться*, *бра́тца* и др. и может быть обозначена как [т͡с̄]. Тогда обычная аффриката должна обозначаться как [т͡с]. Таким образом, вслед за М. А. Штудинером можно различать три типа аффрикат в русском языке: одна обычная аффриката [ц] = [т͡с] и две долгие — одна с долгим затвором [тц] = [т͡с̄], другая с долгим фрикативным элементом — [цс] = [т͡с̄], см. [Штудинер 1983].

Здесь необходимо сделать некоторые пояснения, касающиеся вопросов транскрипции. В статьях М. А. Штудинера нет предлагаемого нами способа обозначения долгих аффрикат. Возможно, это связано с тем, что предлагаемый нами способ графического противопоставления двух видов аффрикат может породить представление о том, что отстаивается и новое транскрибирование описываемых сочетаний, то есть вместо транскрипции *о*[цс]*ади́ть* предлагается транскрипция *о*[т͡с]*ади́ть*. Такая задача не ставится. Для нас важно подчеркнуть, что сочетание [т] + [с] образует более глубокое единство, чем сочетания других звуков. В принципе противопоставление [ц] = [т͡с] и [т͡с] могло бы быть заменено прямым противопоставлением соответствующих схематичных обозначений  . Сейчас формируется традиция обозначать с помощью лиги ‿ принадлежность сложных звуков к одной фонеме. На этом настаивает Л. Л. Касаткин, но этого нет, к примеру, в работах М. В. Панова. В принципе с подходом Л. Л. Касаткина можно согласиться, но «одноразово» мы позволим себе отступить от этого принципа, исключительно с целью решения конкретных задач, стоящих перед нами в данном исследовании.

2.1. Описав реализацию последовательности /тс/ в современном русском языке, обратимся к истории. В праславянском языке были возможно сочетания **ts* и **ds*, которые затем упрощались, что имело место, например, в истории слова *русый* из праславянского **roų̯ds-* (**ds* > **ts* > **s*), производное от **roų̯d-* «руда» [Фасмер 1996: 521—522]. Такой же процесс, судя по всему, пережило слово *Русь*, см. [Соколянский 2004: 241—246]. Это упрощение происходило еще до того, как в системе праславянского языка сформировалась аффриката **c'*, возникшая вследствие 2-й, а несколько позднее и 3-ей палатализации заднеязычных. В тех славянских говорах, где 2-ая палатализация не дошла до стадии аффрикаты (псковско-новгородский ареал), складывается цоканье, то есть вторая аффриката не появляется в языковой системе, см. [Соколянский 2003; Попов 2004: 208—217].

2.2. До падения редуцированных древнерусский язык не знал сочетания [т + с]. Состояние интересующих нас фонетических явлений в XI в. до падения редуцированных представляет следующая таблица.

период	качество *ц*	*т* + *с* внутри морфемы	*т* + *с* на стыке корня и суффикса	*т* + *с* на стыке приставки и корня	3 лицо без *ся*	3 лицо с *ся*	инфинитив без *ся*	инфинитив с *ся*	императив	императив на *-тися*
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
XI в.	ц’	д’эс’	т’ьс	тъс	т’ь	т’ьс’а	т’и	т’ис’а	-и	т’ис’а

Прокомментируем каждый пункт предложенной таблицы.

1. В данном случае XI в. — это условное обозначение периода от появления аффрикаты [ц’] в системе восточнославянских диалектов и до падения редуцированных. Не отражен в предлагаемых обозначениях процесс так называемого смягчения полумягких, который, по нашему мнению, протекал в доисторический период. Впрочем, для решаемых нами проблем этот фактор не является принципиальным.

2. В этой графе отражен характер аффрикаты *ц* по твердости-мягкости в соответствующую эпоху.

3. Внутри морфемы сочетание фонем /тс’/, /дс’/ и под. в словах современного русского языка не представлено (подробнее см. [Соколянский 2007]). Аналогом отсутствующего сочетания /тс/ внутри морфемы может служить последовательность *дц* в с словах типа *два́дцать*, *три́дцать* (из древнерусских **дъвадесѧть**, **тридесѧть**) и др.

4. Суффиксальные образования типа **дѣтьскыи**, **братьскыи**, **богатьство** (современные *де́тский*, *бра́тский*, *бога́тство*).

5. Приставочные образования типа **отъсылати**, **подъсыпати** (современные *отсыла́ть, подсыпа́ть*).

6. Глаголы 3-го лица ед. и мн. числа настоящего-будущего времени типа **молитъ — молѧтъ**, **любитъ — любѧтъ**, **несетъ — несѫтъ** (современные формы *мо́лит — мо́лят*, *лю́бит — лю́бят*, *несёт — несу́т*). Буква **ѧ** обозначает не носовой гласный, а гласный [а] после мягкого согласного.

7. Возвратные глаголы 3-го лица ед. и мн. числа настоящего-будущего времени: **молитьсѧ — молѧтьсѧ**, **боитьсѧ — боѧтьсѧ**, **каетьсѧ — каютьсѧ** (современные формы *мо́лится — мо́лятся*, *бои́тся — боя́тся*, *ка́ется — ка́ются*).

8. Инфинитивы с ударением на основе, имеющие перед *-ти* гласный: **молити**, **любити**, **носити** (современные формы *моли́ть*, *люби́ть*, *носи́ть*).

9. Инфинитивы на *-ся* с ударением на основе, имеющие перед *-ти* гласный: **молитисѧ**, **боятисѧ**, **каятисѧ** (современные формы *моли́ться*, *боя́ться*, *ка́яться*).

10. Императивы с ударением на основе: **броси**, **встани**, **постави**, **присѧди** (современные формы *брось*, *встань*, *поста́вь*, *прися́дь*).

11. Императивы с ударением на основе типа **пѧтисѧ**, **мѣтисѧ** и др. (современные формы *пя́ться*, *ме́ться*).

Первое изменение, которое произошло в интересующих нас формах, — это падение редуцированных. Существуют разные датировки этого процесса, но для нас важно сейчас проследить не абсолютную, а относительную хронологию. Для нас самым главным является только то, что падение редуцированных происходило ранее других явлений, которые мы будем рассматривать в дальнейшем.

3.1. Вследствие падения редуцированных появились сочетания [тс], [т’с] и [т’с’] которые были невозможны в предшествующую эпоху:

— внутри морфемы в словах типа **д(ъ)ска**;

— на стыке «корень + суффикс» в словах типа **дѣт(ь)скыи**;
— на стыке «приставка + корень», «предлог + слово» в словах типа **от(ъ)сылати**, **от(ъ) саду**;
— на стыке «окончание глагола 3 лица настоящего времени + постфикс» в словах типа **молѧт(ь)сѧ**.

Кроме того, появление сочетания [т'с'] вскоре после падения редуцированных стало возможным вследствие утраты *и* в некоторых формах:
— на стыке «показатель инфинитива + постфикс» в словах типа **молит'(и)сѧ**;
— на стыке «финаль глагола в повелительном наклонении + постфикс» в словах типа **мѣт'(и)сѧ**

Рассмотрим последовательно историю возникших сочетаний.

3.2. Реализация сочетания /тс/ внутри морфемы. О сочетании /тс/ внутри морфемы говорить крайне трудно, так как количество примеров весьма ограничено и судьба редуцированных в словах, которые содержат это сочетание, как правило, необычна. Все примеры подобного рода А. А. Шахматов отнес к числу «интересных случаев»: «Отмечу несколько интересных случаев: тъскливо перешло в цкливо и далее в скливо Арханг. (Лян. 64), тьсти перешло в цти, ср. цтя Виленск. сп. Лит. лет., ко цтю Ипат. 230а, аки стѧ ib. 85б, оу цтѧ Супр.сп. Лит. лет. 46… тъснутися в цнутися, ср. не цнѣтася Ипат. 156г… дъска в цка, ср. совр. цка в значении деревянной части иконы, дску Лавр. под 1097… Дьсна (параллельная форма при Десна?) перешло в Тсна, Цна, совр. Цна (назв. многих рек в средней и западной России)…» [Шахматов 1915: 219—220].

В Ипатьевской летописи встречаем: **а вы сн҃у не цнѣтасѧ** [Ипатьевская летопись 1998: 433]. Над строкой приписано **тъ**, то есть в результате получается слово **тъцнѣтасѧ**. Это гиперкорректная форма повелительного наклонения двойственного числа от глагола **тъснꙋтисѧ** 'спешить, торопиться', см. [Срезневский 1893: III, 1057]. Первоначально писец написал слово по произношению, а потом он сам или кто-то другой привел его к более привычной форме, при этом не устранив «лишнее» *ц*. В другом месте летописи эта форма написана правильно: **тъснѧсѧ оугодити ѡц҃ю своєму сотонѣ** [Ипатьевская летопись 1998: 585]. Итак, можно предположить, что в начале XV в. тенденция к взаимодействию между [т] и [с] уже имела место, но не проявляла сколько-нибудь заметно себя в письменности и вряд ли была господствующей в устной речи. То же следует сказать и о других формах, приведенных А. А. Шахматовым. Все приведенные А. А. Шахматовым примеры приходятся на начальную позицию, в которой противопоставление /тс/ и /ц/ отсутствует в современном русском языке, см. [Соколянский 2007].

3.3. Еще один пример появления сочетания [тс] (фактически [д'с']) внутри морфемы наблюдается в словах, образованных с помощью числи-

тельного **десѧть**, в котором появление сочетания *дс* произошло не вполне закономерным путем. Имеются в виду такие современные слова, как *двенадцать*, *двадцать*, *тридцать* и др. Изменение в этом слове — процесс довольно ранний. Фонетическую аномалию в истории числительного *десять* отмечал еще А. И. Соболевский: «Выпадение гласных *в середине слов,* более или менее общее всем русским наречиям, очень редко и может быть указано прежде всего в слове *десять*, которое в сложении с другими числительными и при потере ударения очень рано начинает появляться в сокращенном виде: *дьсять,* откуда *тцять, тцать*» [Соболевский 1907: 97]. А. А. Шахматов не исключал возможности, что появление формы **dьsętь* восходит еще к праславянской эпохе: «Упомяну здесь о появлении дсяѓ в энклитическом употреблении вместо десяти, хотя возможно, что dьsętь вм. desęti восходит еще к общеслав. праязыку» [Шахматов 1915: 266]. Если довериться предположению А. А. Шахматова, то слово **дьсѧть** самым непосредственным образом должно отражать последствия взаимодействия между [д’] и [с’] сразу после падения редуцированных в интервокальной позиции. В интервокальной потому, что преобразования происходили не с изолированным числительным **дьсѧть**, а с формой, участвующей в образовании других числительных: **дъвадьсѧть**, **тридьсѧть** и др.

Интересный материал обнаруживается в берестяных грамотах, в которых в большинстве случаев написание числительного **десѧть** в составе сложных числительных не отражает процесса взаимодействия согласных. В тех же случаях, когда берестяные грамоты все-таки показывают утрату корневого гласного, написания числительных следующие: **вѯ ксме пѧть наца** (**те**…) (497) — кон. XIII в.; **поло третиѧ нацате локти** (597) — XIV в.; **(оди)н(о)го нацате рꙋбла** (599) — XIV в.; **wсминацтѧте** (530) — нач. XIV в.; **поло цтеверты натцѧ** (538) — XIV в.; **трицать і три** (648) — XIV в.; **с трицѧ**... (684) — XV в. [Зализняк 2004].

В целом материал берестяных грамот указывает на изменение *д’ес’* (или *д’ьс’*) > (*д’с’*) > *т’ц’* > *ц’*. Если целиком опираться на этот материал, то стадия *т’ц’* была пройдена достаточно быстро (так как отразилась только в одном примере). Вместе с тем можем предполагать, что единичность написаний **тц** связана в целом с ограниченным объемом материала.

В древнерусских текстах XI—XIV вв. числительное *двадцать* встретилось всего шесть раз, и во всех случаях на месте **с** употреблено **ц**: **дватцать** (×2), **дватцати**, **дватцѧ(т)** (×3) [Словарь XI—XIV: III, 111]. Все употребления зафиксированы в грамотах московских князей конца XIV в. Выявление написаний числительных осложняет то, что чаще всего они обозначались с помощью букв в числовом значении.

В грамотах середины XV в. на месте старого сочетания *д’с’* встречаются написания **тц** или **дц**: **старцю рꙋсаню дватцѧ^{т} рꙋбле^{в} новꙋгородьскы^{х}** [Хрестоматия 1990: 185]. «Уложение 1649 года» представляет на месте интересующих нас форм либо *дц* (по двадцати рублевъ, по пятинадцети рублевъ, по тридцати и др.), либо *тц* (осминатцати лѣтъ, дватцать, тритцать

и др.). [Черных 1953: 233]. Московская деловая письменность XVII в. отражает тот же фонетический результат: два*т*цеть (38), три*т*це*т* 2× (40), пя*т*на*т*це*т* 2× (41), два*т*це*т* 2× (41) [Московская письменность 1968].

Приведенных примеров вполне достаточно, чтобы прийти к выводу, что закономерным результатом преобразования сочетания *д'с'* (= *т'с'*) внутри морфемы в интервокальной позиции является звуковая последовательность, обозначаемая буквами *тц*. Правда, этот результат лексически ограничен сложными числительными, имеющими в своем составе элемент *-дцать*. Какая фонетическая реальность скрывается за написанием **тц** и какие механизмы способствовали этому преобразованию? Со значительной долей вероятности можно предположить, что написание **тц** фонетически равно [т'ц'], или в предлагаемой нами системе обозначений [т̄'с'], то есть это аффриката с долгим затвором. Очевидно, что в данном случае преобразование осуществлялось не в соответствии с «законом Касаткина». Согласно этому закону, их объединение должно было дать аффрикату с долгим щелевым компонентом (как это происходит в современном русском языке). Такой результат мог бы быть обозначен на письме как **двацсать*, **трицсать* и т. п., однако написания свидетельствуют об обратном: объединение [т'] и [с'] приводило к образованию аффрикаты с долгим затвором, что отражалось в написаниях типа **дватцать**, **тритцать** и др.

3.4. Реализация сочетания /тс/ на стыке «корень + суффикс». Схожие преобразования происходили на стыке суффикса и корня, но они имели свою специфику. Дело в том, что и в современном русском языке, и в древнерусском этот стык существует только в позиции перед согласным. Примеры из современного русского языка: *сове́*[ц]*кий*, *бра́*[ц]*кий*, *солда́*[ц]*кий*, *де́*[ц]*кий*, *азиа́*[ц]*кий*, *заво*[ц]*ко́й*, *горо*[ц]*кой*, *лю*[ц]*ко́й*; *бога́*[ц]*тво*, *бра*[ц]*тво* и др. [Аванесов 1984: 181]. Согласно «закону Панова», в современном русском языке долгота согласного не может сохраняться в соседстве с другими согласными: «В соседстве с другими согласными долгий теряет свою долготу (т. е. долгий замещается кратким согласным). Слова *классный, трехбалльный, программный* и подобные произносятся с кратким согласным: [кла́сныи̯] и т. д. В словах *белорусский*, *черкесский*, *индусский*, *французский* соединяются два согласных [с] — в конце основы и в начале суффикса *-ск-*, так что ожидался бы долгий согласный; но на самом деле в естественном произношении согласный не удлинен. Таким образом, между *матросской* (прилаг.) и *матроской* (сущ.), *киргизской* и *киргизкой* — произносительной разницы нет» [Панов 1979: 136]. Открытие М. В. Панова касается и аффрикат, которые не могут быть долгими в сочетании с другими согласными.

В древнерусском языке в большинстве слов, в которых на стыке корня и суффикса возникало сочетание [т' + с'], длительное время после падения редуцированных не отражается на письме процесс взаимодействия между этими согласными (написания типа **беꙁстѵдьство**, **блѧдьскыи**, **блѧдьство**,

богатьство, **братьскыи**, **братьство**, **городьскыи**, **господьство** и др.). Редкие случаи иных написаний начинают встречаться уже в XIII—XIV вв. В просмотренных нами материалах обычно процесс взаимодействия отражался в слове **дѣтьскыи**, чаще всего в значении ‘княжеский отрок’: **нищелюбиѥ въꙁлюбивъ иꙁ дѣцьска** (Пролог «Лобковский» XIII в.) [Словарь XI—XIV: III, 169]. Другие слова также встречаются в таком написании: **и приходити болѧро҃ и гриде҃ и съцьскы҃мъ и десѧцьскы҃ и нарочитымъ мѵже҃** [Лаврентьевская летопись 1997: 126].

Можно предположить, что следующая последовательность написаний отражает эволюцию произношения после падения редуцированных (для примера использованы формы именительного падежа слова **дѣтьскыи**): **дѣтьскыи** > **дѣцьскыи** > **дѣцскыи** > **дѣцкыи**. Написание **дѣтьскыи** традиционно, при заведомом отсутствии редуцированного оно могло обозначать сохранение мягкости [т’], то есть произношение [д’е́т’скыи̯]. Следующий тип написаний — **дѣцьскыи**, оно может обозначать сохранение мягкости согласного, подвергшегося воздействию следующего [с] в соответствии с «законом Касаткина», тогда произношение такое: [д’е́ц’скыи̯]. В принципе данное произношение не сильно отличается от предыдущего, дело тут в первую очередь не в языковой реальности, а в ее интерпретации. Появляется зона мягкого [с’]. Но ведь [т’ + с’] = [ц’], именно эта стадия процесса обозначается на письме в виде написания **дѣцьскыи**. Так как [ц’] на данном этапе является только мягким, то обозначением этого свойства можно и пренебречь, что естественным образом приводит к написанию **дѣцскыи**. Следующая стадия — поглощение «остатка» [с], которое полностью захватывается мягкостной артикуляцией, что отражается в написании **дѣцкыи**.

Таким образом, можно восстановить такую последовательность фонетических преобразований: [т’ьс] > [т’с] > [ц’с] > [ц’с’] > [ц’]. Данное изменение целиком укладывается в действие «закона Касаткина»: сближение [т’] и [с] дает аффрикату с долгим щелевым элементом — [т’с̄’] = [ц’с’]. Далее, уже в соответствии с действием «закона Панова», могло происходить сокращение длительности фрикативного элемента и появление обычного [ц’] = [т’с̄’]. Обращает на себя внимание, что большинство примеров приходится на субстантивированные формы прилагательных, чему трудно найти собственно фонетическое объяснение.

В более позднее время в деловой письменности сложилась несколько иная традиция обозначения описываемого стыка. В московской деловой письменности XVII в. отмечены такие написания: бра*т*цкая грамо*т*ка (15), на лю*т*цкие хлебы (41), поса*д*цкими лю*д*ми (42), поса*д*цки*х* люде*и* (42) [Московская письменность 1968]. Аналогичные написания предлагают Вести-Куранты: ниме*т*цки*м* кнѕямъ (128), Да*т*цкѹю (128), да*т*цко*и* коро*л* (128), Но*р*ве*т*цкѹю ѕемлю (128), [ав]три*ц*скихъ (129) [Вести-Куранты 1996].

Такое написание противоречит «закону Панова», который запрещает соседство долгих согласных с другими согласными. Конечно, можно объяснить появление *т* в слове «бра*т*цкая» действием морфологического

фактора: пишущий стремился сохранить словообразовательные связи со словом *брат* и «восстановил» пропавшую букву *т*. Однако в любом случае написание указывает на аффрикату, а не на раздельное произнесение [т] и [с], так как «опорной» буквой здесь является именно *ц*.

Как видим, первоначально развитие взаимодействия [т’] и [с’] шло в соответствии с «законом Касаткина». Написания типа **десѧцьскыи** отражают появление произношения [ц’с’] = [т’͡с’], а позднее происходит перенос долготы на первый элемент аффрикаты [т͡с] > [т͡с] (наиболее полно этот процесс проявляет себя уже после отвердения аффрикат), что отражается в написаниях типа **десѧтцкои**. Правда, сохранению долгой аффрикаты препятствовал «закон Панова», который требовал устранения долготных характеристик согласного в сочетании с другими согласными: [т͡с] > [т͡с] = [ц].

3.5. Реализация сочетания /тс/ на стыке «приставка + корень», «предлог + слово». Процессы на стыке приставки и корня (а также предлога и слова) в словах типа **отъсылать**, **отъсѣсть**, **отъ сада** имели свою специфику. В этом случае взаимодействие происходило в интервокальной позиции, поэтому повода к сокращению долгих элементов возникающей аффрикаты согласно «закону Панова» не было. Поэтому должна была появляться аффриката с долгим фрикативным элементом: [отъсыла́т’ь > отсыла́т’ > оцсыла́т’]. Однако, несмотря на сближение артикуляций двух звуков, они в сознании говорящих оставались вполне разделенными, так как в этом случае образовывалась твердая аффриката, которой на тот момент в системе языка еще не существовало. И тогда, когда ожидалось возникновение мягкой аффрикаты (в словах типа **отсѣсти**, **отселити**), написания не отражали ее появления. Даже в тех случаях, когда после сочетания [т + с] следовала согласная, письмо не отражало процесса появления аффрикаты (**отступать**, **отслужить** и др.).

Можно уверенно сказать, что в таких случаях пишущими ясно осознавалась морфемная граница. Русская графика в данном случае позволяла обозначить эту границу: почти все слова такого рода писались либо с редуцированным (независимо от того, был ли он утрачен к этому времени или нет), то есть как **отъсылать**, **отъсѣсть**, либо с использованием особой буквы **ѿ**: **ѿсылать**, **ѿсѣсть**, которая и призвана была обозначать приставку.

Таким образом, морфемный стык «приставка + корень» в большей степени препятствовал образованию аффрикаты, чем морфемный стык «корень + суффикс». Аффриката с долгим фрикативным элементом в сознании говорящих того времени (впрочем, как и нынешнего) связывалась с последовательностью фонем /тс/, вопреки сближению артикуляций контактирующих звуков. Можно было бы предположить, что различия в реализациях на разных морфемных стыках связаны не столько с фонетикой, сколько с чисто графическими явлениями. Действительно, письменность никогда не сможет отразить произношение во всех его оттенках. Это не всегда удается даже тем, кто специально занимается проблемами произ-

ношения и стремится отразить его в транскрипции. Тем не менее наш вывод основан не только на анализе данных письменных памятников, но и данных современного русского языка. На стыке «приставка + корень» и «корень + суффикс» в современном русском языке реализуются разные закономерности. Это общеизвестно и описано в разных работах. Материал памятников письменности позволил нам предположить, что и в прошлом эти стыки проявляли себя различно. Поэтому видеть в данных примерах исключительно графические процессы было бы не вполне правильно.

4.1. Анализ истории стыка глаголов 3 лица, инфинитива и формы повелительного наклонения с постфиксом *-ся* требует предварительного рассмотрения фонетической истории этих форм без взаимодействия с названным постфиксом, а именно:

— процесса «отвердения» глагольных окончаний 3 лица;

— процесса утраты конечного *и* в инфинитиве;

— процесса утраты конечного *и* в формах повелительного наклонения.

4.2. «Отвердение» глагольного окончания 3 лица. Древнерусский язык в формах глаголов 3 лица знал «мягкое» окончание: **несеⷮть** и **несѹⷮть**. Исследователи называют разные причины изменения «мягкого» произношения на «твердое», которое произошло только в севернорусских и среднерусских говорах. Но нас сейчас в первую очередь интересуют не причины этого изменения, а его хронология. «В северной части русских говоров *t’* в рассматриваемом окончании сменяется *t* твердым. Эта смена отражается в северных русских памятниках, не затронутых церковнославянским влиянием, посредством написания ъ вместо прежнего ь, начиная с XIII в.» [Борковский, Кузнецов 1965: 312—313]. Ср. мнение П. Я. Черных: «В Москве твердое окончание в 3-м л. установилось во второй половине XIV в. В подлинной духовной (второй) грамоте Дмитрия Донского 1389 г.: «*вѣдаетъ* свою треть»; «Володимеръ *дастъ*», «волостели *судятъ*» и т. д. (тогда как в более ранних московских грамотах и даже в первой духовной того же князя имеется только ***-ть***)» [Черных 1962: 248].

Таким образом, с известной долей условности можно датировать это изменение XIII—XIV вв., то есть временем, вплотную приближенным к эпохе падения редуцированных.

4.3. Утрата конечного *и* в инфинитиве. Утрата конечного *и* в инфинитиве не имеет однозначного объяснения. А. А. Зализняк связывал этот процесс с отпадением гласных на конце слова, которое последовало вскоре после утраты редуцированных, а возможно, и одновременно с ним: «В истории русского языка со времени падения редуцированных (XII век) в течение нескольких веков (по крайней мере, до конца XVI века) действовала следующая закономерность: безударная конечная гласная фонетического слова, не составляющая самостоятельного морфа, факульта-

тивно (а в части случаев и окончательно) исчезала, если ей предшествовала одиночная согласная (или сочетание *ст*)» [Зализняк 2002: 552]. До Зализняка об этом процессе писали А. И. Соболевский, Н. Н. Дурново, П. С. Кузнецов [Соболевский 1907: 93—97; Дурново 2000: 163—164; Борковский, Кузнецов 1965: 157—158].

Уже в памятниках XI в. отмечены формы инфинитива на *-ть*: **не придохъ разорить**, **нъ напълнить** (Остромирово ев. 1057 г.); **придѣяхѫ почрьпать** (Изборник 1073 г.); **не имѫть въкусить съмьрти** (Архангельское ев. 1092 г.) [Соболевский 1907: 165—166]. Понятно, что до падения редуцированных не должно было происходить фонетического изменения *-ти* > *-ть*. На наш взгляд, следует согласиться с В. М. Живовым, который объясняет эти формы следующим образом: «В то же время бросается в глаза, что в двух из трех приведенных примеров (в Остромировом Евангелии и в Изборнике 1073 г.) аномальная форма инфинитива стоит на месте супина. Едва ли не большинство примеров форм на *-ть* из рукописей XII—XIII вв. также представляют собой замены супина… ⟨Приводятся примеры из памятников⟩. Если эти примеры не рассматривать как формы инфинитива, инфинитив на *-ть* в книжных рукописях XII—XIII вв. оказывается редчайшим явлением» [Живов 2004: 133]. По данным В. М. Живова, впервые формы инфинитива на *-ть*, отражающие живой фонетический процесс, а не взаимодействие между инфинитивом и супином, встречаются в Смоленских грамотах начала XIII в., приблизительно к этому же времени относится появление «усеченных» форм и в новгородских грамотах на бересте [Живов 2004: 134]. Специальное исследование истории форм инфинитива также указывает на схожую датировку: «На основании всех приведенных соображений мы полагаем, что утверждение новых вариантов форм инфинитива на -ТЬ (-СТЬ) в качестве ведущей нормы живого употребления в конце XIV—XV вв. происходило на всей основной территории распространения русского языка» [Макеев 1972: 11].

Таким образом, изменение *-ти* > *-ть* — это длительный процесс, наиболее интенсивно протекавший в XIV—XV вв. Т. В. Попова по этому поводу замечает: «Считается, что в живом языке инфинитивы на /т'/ уже являлись господствующими. Однако в памятники письменности они проникали еще довольно ограниченно» [Попова 2000: 121]. Протекание этого процесса незначительно отстает от процесса «отвердения» согласных в окончаниях 3 лица глаголов настоящего времени, но в то же время максимально приближено к нему.

4.4. Утрата конечного *и* в формах повелительного наклонения. Поведение форманта *-и* в формах повелительного наклонения не вписывается в «закон Зализняка», поэтому сразу же попадает под «уточняющее» правило: «В императиве и вокативе ограничение «не составляющее самостоятельного морфа» не действует… Эта особенность явно связана с тем типологическим обстоятельством, что именно императив и во-

катив обнаруживают в громадном большинстве языков мира нулевое выражение… Соответственно, в этих случаях морфологическое сопротивление переходу флексионного морфа в нуль минимальное» [Зализняк 2002: 552].

По поводу утраты суффикса повелительного наклонения К. В. Горшкова и Г. А. Хабургаев пишут: «Судя по показаниям памятников письменности, преобразование форм повелительного наклонения в живой речи началось достаточно рано, хотя в текстах книжно-литературных этот процесс получил отражение лишь с XV в. (см. в Ипат. лет. *будь*, *видь*, *оставь*, *поѣдь*; *не ѣздь*, *лязьте*, *не правьте*, *станьте*, *молъвьте*). Памятники бытового и делового письма отражают такие формы значительно раньше, хотя, разумеется, и здесь они до XVI в. не являются господствующими. Старейший пример зарегистрирован в новгородской берестяной грамоте XII в.: *Не ходь ко Шедьре*; все остальные известные случаи относятся к XIV и последующим столетиям: *прикаж*, *да сыпль съби в клить*, *не обидьте*, *не двиньте* в Новг. гр. XIV; *будь* в Гр 1391; *поедь* в Гр. 1409» [Горшкова, Хабургаев 1997: 366].

Возможно и наиболее вероятно, что утрата *-и* в повелительном наклонении происходила по говорам в различное время, но в целом следует признать, что это весьма ранний процесс, вплотную приближенный к эпохе падения редуцированных.

Таким образом, можно прийти к выводу, что все три процесса (в окончаниях глаголов 3-его лица, в составе показателя инфинитива и в императивах) начались по говорам приблизительно в одно время (после утраты редуцированных), но интенсивность их протекания была различной.

5.1. После приведенных наблюдений можно обратиться к истории анализируемых форм с учетом их употребления с возвратным постфиксом *-ся*. Фонетическая судьба окончаний глаголов 3 лица и инфинитива в сочетании с постфиксом *-ся* большей частью совпадает, поэтому целесообразно имеющиеся примеры рассмотреть совместно. Предполагаемая история форм повелительного наклонения с постфиксом *-ся* будет рассмотрена отдельно ввиду отсутствия соответствующего материала в памятниках письменности.

5.2. Реализация сочетания /тс/ на стыке «окончание глагола 3 лица настоящего времени + постфикс» и «инфинитив + постфикс». Сразу же после падения редуцированных памятники письменности не показывают каких-либо изменений в возвратных глаголах 3 лица ед. и мн. числа типа **молитьсѧ** — **молѧтьсѧ**, **боитьсѧ** — **боѧтьсѧ**, **каѥтьсѧ** — **каютьсѧ**. Правда, написания, как правило, не содержат утраченного редуцированного: **молитсѧ**, **молѧтсѧ** и др., что является вполне естественным, так как фонетического повода писать **ь** или **ъ** не было. В формах на *-ся*, скорее всего, сохранялось мягкое произношение согласного [т’], но мягкость его уже была ассимилятивной.

Написания типа **молѧтца** отсутствуют, на основании чего можно предположить, что звуки [т’] и [с’] сохраняли свою отдельность. Это можно связывать с тем, что элемент **сѧ** оставался еще достаточно подвижным и мог не восприниматься однозначно как неотъемлемая часть финальной части глагольной формы. Только к середине XVII в. происходит окончательное прикрепление *ся* к форме глагола [Соболевский 2006: 224; Кузнецов 1953: 273; Черных 1962: 220; Борковский, Кузнецов 1965: 309; Древнерусская грамматика 1995: 472].

5.3. Методом сплошной выборки нами был выписан материал из новгородских грамот на бересте, отражающий написания в формах настоящего времени и в формах инфинитива. В связи с тем, что датировка написания с точностью до десяти лет в нашем случае не является принципиальной, ограничимся только указанием на век. Все цитаты даются по работе А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» (2004), в скобках указаны страницы по этому изданию.

Формы окончаний 3 лица ед. и мн. числа возвратных глаголов: **а вьжники творѧтесѧ** (401) — XII в.; **али ти не пригодитьсѧ** (451) — XII в.; **да исповѣдѧтьсѧ го[сп]одеви** (463) — XII в.; **оурекываютсѧ бебры** (471) — XIII в.; **[сль]ꙁы проливаюстѧ** (558) — XIV в.; **кто изгодидце тамо** (598) — XIV в.; **а не ѹгодице с кымъ прислать** (650) — XV в.; **мнѣ сѧ не можетсѧ** (657) — кон. XIV в.; **а на вхыхъ се грозитьце** (659) — XV в.; **ѹвѣдаѥтсѧ стоике** (672) — XV в.; **ѧвлѧютсѧ позовницѣ** (678) — XV в.; **а творѧтьсѧ печатале** (678) — XV в.; **а на дн҃ь ни луба не продасци** (684) — XV в.

Первая фиксация взаимодействия — форма **изгодидце**, относящаяся к 80—90 гг. XIV в. Форма нетипичная: позднее так не принято было писать — с **д**. Другие примеры относятся уже к XV в. Нетипичной является и форма **не ѹгодице**, так как здесь употреблено одиночное *ц* для обозначения слияния *т* и *с*. Ближе к поздним формам написание **грозитьце**, однако и здесь сохранена буква *ь*, которую позднее в таких случаях писать не будут, а также отражено изменение конечного гласного *а* > *е*. Примечательно, что это же изменение отражено в постфиксе, который повторен перед словом: **сѥ грозитьце**. Для древненовгородского диалекта вообще была характерна постановка глагольного постфикса *-ся* как перед глагольной формой, так и после нее, см. [Зализняк 2004: 189]. Интересна форма **продасци**. Сначала автор написал инфинитив **продать**, но потом исправил на возвратную форму глагола настоящего времени и записал **продасци**. В этом примере должно быть написано **продастсѧ**, стало быть, **ц** написано на месте фонемного сочетания /т’с’/, следовательно, отражает процесс слияния этих фонем в звуке [ц’] или близком к нему (с учетом новгородского цоканья).

Формы инфинитива в берестяных грамотах довольно рано отражают изменение *-ти* > *-ть*. Первые примеры, как уже говорилось, относятся к середине XIII в., см. [Зализняк 2004: 141], однако формы на *-ся* это изменение фиксируют позднее.

Формы инфинитива возвратных глаголов: **и оркадь выльли бь себь жьнитисѧ** =(386) — XII в.; **а тыхъ бы хотѧ и непостыдѣтисѧ** (558) — XIV в.; **вамо наболи[т]исѧ** (579) — XIV в.; **ведатис[ѧ бра](т)ии моки** (619) — XIV в.; **а нинеце проносится ѿ кюрьяка** (628) — XIV в.

Берестяные грамоты показывают, что процесс взаимодействия в группе *тс* относится к XV в., если не принимать во внимание единственный не бесспорный пример конца XIV в.

Новгородский диалект — это специфическое явление восточнославянского языкового ареала. Выводы, сделанные на основе наблюдений над новгородскими берестяными грамотами, не всегда могут соответствовать фактам, зафиксированным на других территориях. В то же время берестяные грамоты — это более надежная гарантия, чем другие памятники, того, что мы имеем дело с живой речью.

5.4. С целью уточнения этого предварительного вывода в качестве контрольных нами были произведены выписки из «Жития Феодосия Печерского», рукопись которого относится к XII—XIII вв. (в скобках даются страницы по: [Успенский сборник 1971]). Примеры показывают, что изменения в данном сочетании еще не было, что подтверждает вывод о том, что до XV в. взаимодействия между *тс* в глагольных формах еще не произошло: **и стадо разидеть ся** (76), **насытити ся** (74) и многие другие. Схожая картина и в таком графически раскованном памятнике, как «Торговый договор смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом» (1229) (цит. по [Хрестоматия 1990], в скобках указаны страницы данного издания): **починаѥться правда** (61); **Аже извинитьсѧ роусинъ** (63); **Роусиноу не зъвати • латина битъсѧ** (63); **А латининоу не зъвати роусина на полѣ битосѧ** (63).

Интересно то, что именно формы инфинитива указывают на «отвердение» согласного в составе *-ти*. Возможно, перед нами отражение форм супина, так как в обоих случаях с инфинитивом мы имеем дело с целевыми отношениями: **не зъвати** (с какой целью?) **битъсѧ**. Во втором случае твердость согласного даже обозначена с помощью буквы **о**: **битосѧ**. Графического изменения *тс* > *тц* в памятнике не наблюдается.

«Судебник» 1497 г. также не содержит написаний, отражающих процесс взаимодействия согласных на стыке постфикса и глагольных финалей. В тексте «Судебника» инфинитив сохраняет исконное *ти*. Если предположить, что это не только отражение книжной традиции, но и реального произношения, то тогда можно было бы ожидать того, что формы глаголов 3 лица настоящего времени на *-ться* и инфинитивы на *-тися* будут различными, так как при таком решении сочетание *тс* в формах настоящего времени появляется на несколько веков раньше, чем в формах инфинитива. В действительности расхождения отсутствуют. На основании чего можно заключить, что хронологический фактор не играл решающей роли в фонетической истории этих форм.

В «Повести о Петре и Февронии» середины XVI в. Ермолая-Еразма употребление этих форм такое же, хотя оформление с точки зрения выносных букв своеобразное (цит. по [Хрестоматия 1990]).

Формы 3 лица ед. и мн. числа возвратных глаголов: кто оурвéтсѧ (268); не вѣ́мы ка́ко именꙋю᷑тсѧ (268); сотчéтсѧ полотно (270).

Формы инфинитива возвратных глаголов: нача́ трепетати᷑ (267); мы́слѧ абы не оурва́ти᷑ с высоты́ (268); нача́ша мно́ги стрꙋпы расходи́ти᷑ (270).

Только в «Молении царю» 60-х гг. XVI в. того же автора отмечаются формы, отражающие взаимодействие *тс*. Формы 3 лица ед. и мн. числа возвратных глаголов: ωгненое ωроужіе ꙗвитца (275); да вмени᷑ца в мире се᷒ часть моѧ (276).

Судя по материалу этого памятника, а также по данным новгородских грамот на бересте, можно предположить, что только в XV—XVI вв. происходит процесс взаимодействия между [т] и [с] в формах глагола настоящего времени. Сегодня не всеми признается факт изменения [т’с’] > [т’ц’]. Так, В. Б. Крысько к утверждению А. И. Соболевского: «А в формах 3-го лица и неопредел. накл. *тс* дало *тц*: великор. несе*тц*а», — [Соболевский 1907: 108] делает такое примечание: «Написание *тц* в *несетца* и под. едва ли передает произношение, но скорее отражает контаминацию исконного написания флексии с *т* и *ц* [ц], возникшего в результате соединения этого [т] с согласным [с] постфикса» [Крысько 2004: 43]. Вряд ли с этим замечанием можно согласиться, так как, образно говоря, на наших глазах происходит утрата признака долготы при произношении глагольных форм на *-тся, -ться* и слова *молодица* и *молодиться* начинают произноситься одинаково, см. [Каленчук 1986: 138—157]. Изменение *тс* > *тц* хронологически «накладывается» на процесс отвердения аффрикаты [ц’]. Возможно, что перед нами случайное совпадение, но нельзя исключать и того, что эти процессы находятся в связи друг с другом.

6.1. Проследим употребление интересующих нас форм в более позднее время.

Весьма широко интересующие нас написания представлены в «Уложении 1649 года». «Отметим появление *ц* из *с* после *т* (сочетание *тс* изменилось в *тц*). Сюда относятся прежде всего глагольные формы (инфинитив, 3-е лицо ед. числа и мн. числа) на *тца*: они встречаются очень часто, начиная с 25-й страницы: крестьяне… женятца, 25, доведетца до вѣры, 26; доведетца целовать крестъ, 26 об.; власти помирятца, 26 об.; землями не менятца, 30 об. …» [Черных 1953: 223].

6.2. Удивительную картину дает распределение написаний форм инфинитива и форм настоящего времени «Житие протопопа Аввакума» (цит. по [Пустозерский сборник 1975]). Это тот редкий случай, когда написание возвратных форм глаголов 3 лица настоящего времени и возвратных форм

инфинитива последовательно не совпадает. Во вступительных частях текста, где Аввакум дает общие назидания и не рассказывает непосредственно о своей жизни, употребление форм инфинитива и настоящего времени соответствует книжной традиции: все инфинитивы заканчиваются на *-тися*, а формы настоящего времени на *-тся*. Здесь Аввакум часто цитирует Священное писание.

Совсем иная картина в основном тексте Жития, в котором Аввакум непосредственно повествует о себе.

Формы 3 лица ед. и мн. числа возвратных глаголов: сочетается (18); г(о)*с*(по)дь го*р*дымъ противится (21); отлучится (23); людие снемлются (23); оди*н* онъ… верти*т*ся (26); отпу*с*ти*т*ся ему (27); блюде*т*ся (28); претыкаются (28); соблажняются (28); кто преткне*т*ся (28); о каме*н*(ь)… сокрушится (28) и др. Всего 67 примеров.

Формы инфинитива возвратных глаголов: обыко*х*… молитися (17); пришелъ… бл(а)гослови*т*ца (22); радоватися (22); не захотѣли образуми*т*ца (27); принужден… крести*т*ца (27); добра научи*т*ца (30); кланятися не смогъ (31); ста*ли* волочи*т*ца (33); пущи стали бѣси*т*ца (35). Всего 49 примеров, из них 9 на *-тися,* а 40 на *-тца*.

Примеры чрезвычайно показательны. Формы настоящего времени Аввакум последовательно пишет в соответствии с традицией как *тся*. Формы инфинитива он пишет двояко. С одной стороны, он может сохранить инфинитив на *-ти*, тогда его написание традиционно, с другой стороны — он может использовать форму инфинитива с утратой конечного *и*, тогда он последовательно отображает его на письме как *тца*. В одних случаях *т* пишется в строке, в других — оно становится выносным. Только в одном случае Аввакум нарушает свое правило, а именно во фразе «надобно бы что доброе-то здѣла*т*(ь) и с че*м* бы появи*т*(ь)ся пре*д* вл(а)д(ы)ку». Отступление легко объяснимо. Перед нами текст книжного регистра. В этих случаях Аввакум часто (но не всегда) употребляет инфинитив на *-ти*. И в этом примере, скорее всего, первоначально планировалась именно книжная форма на *-ти*, однако по какой-то причине она не была написана. Возможно, перед нами простая описка.

6.3. Как следует интерпретировать написания Аввакума?

Предположим, что данные написания отражают его произношение, то есть он говорил *он моли*[тс’]*я*, но *надо моли*[тц]*я*. Тогда необходимо признать, что в его речи была представлена чрезвычайно редкая диалектная черта, которая неизвестна основному массиву говоров русского языка. Правда, совсем недавно Л. Л. Касаткин обратил внимание на различия в произношении возвратных форм инфинитива и глаголов настоящего времени 3-го лица в речи русских старообрядцев, проживающих в штате Орегон: «В сочетании фонем /тц/ в корне и у возвратных глаголов в формах инфинитива и 3-го лица произношение [цс] в результате продления щелевой фазы аффрикаты: *ацса́*, *два́цэ̄т’*, *см’ијо́цса*, *в’ирну́цса*, *пэ̄луч’а́цсэ̄* (*по-*

лучается); но в форме инфинитива мягкость [т’] и [с’] может сохраняться, в результате произносится [т’ц’]: *нэч’ál’и с’йежжа́т’ц’э, б’ис’и́т’ц’а*. Такое различение форм инфинитива и 3-го лица говорит о том, что это произношение возникло на основе севернорусского различения форм с [т’] в инфинитиве и [т] в 3-м лице» [Касаткин 2006: 277]. Дополнительное желание сблизить эти факты возникает и ввиду того, что в случае и с Аввакумом, и с русскими, проживающими в Америке, речь идет о старообрядцах. Поэтому вполне возможно, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же фонетическим явлением, истоки которого еще предстоит выяснить.

Помимо фонетического возможны и другие объяснения. Нельзя исключать, что в данном случае мы имеем дело с графико-фонетическим явлением. Церковнославянский язык знал формы 3 лица **молитсѧ**, **молѧтсѧ** — с одной стороны, и форму **молитисѧ** — с другой. В формах 3 лица Аввакум сохраняет традиционные написания. Формы инфинитива *молиться* церковнославянский язык не знал. При ее написании можно было ориентироваться на форму без *-ся*, то есть на форму *молить*. Однако в разграничении букв ъ и ь Аввакум был весьма своеобразен: «для Аввакума характерно написание ъ в виде ь с вытянутой мачтой и написание ь, напоминающее скорописный ъ. Такой принцип «обратного» графического изображения ъ и ь весьма часто встречается в рукописях XVII в.» [Пустозерский сборник 1975: 3]. У Аввакума встречаются церковнославянские формы инфинитива на *-ти*, но в большинстве случаев они стилистически мотивированы. Разговорные формы он пишет либо с ь на конце (говорить), либо с выносной согласной на конце, но в этом случае ни ъ, ни ь не употребляются (пуска*т*). Возможно, жесткой соотнесенности между формами с *-ся* и без него в сознании Аввакума не было, поэтому в написании «разговорных» инфинитивов на *-ся* он был вынужден довериться произношению и писать *молитца*. В связи с тем, что противопоставление написаний инфинитива и форм настоящего времени проведено чрезвычайно последовательно, можно предположить, что оно имело для Аввакума грамматический смысл и сознательно им поддерживалось. Иначе трудно объяснить, почему ни разу Аввакум не «сбился» в написании форм глаголов настоящего времени и не написал *молятца*.

6.4. В памятниках московской деловой письменности XVII в. написание *тц* в интересующих нас формах становится фактически нормативным (исключения крайне редки и легко объясняются влиянием книжнославянской традиции, которая не допускала подобного рода написаний).

Материалы «Московской бытовой и деловой письменности XVII века» [Московская письменность 1968] содержат многочисленные примеры таких написаний: буде де что зделае*т*ца (18); на свѣ*т* глядет не хоче*т*ца (18); што в деревняхъ ѳ на*с* дѣе*т*ца (39); в сапоги обѳва*т*ца (40); што*б* имъ бе*д*нымъ напра*с*но вконе*ц* не розари*т*ца (42) и др. Схожую картину представляют и «Вести-Куранты»: до*л*го протяне*т*ца (128); прямая ведомость носи*т*ца (128); а кнѧь А*н*ха*л*тъско*и* остане*т*ца (128); делае*т*ца вездѣ (128);

не стави*т*ца (128); не ведомо что о*б*ѧви*т*ца (129); оказа*т*ца (130) [Вести-Куранты 1996].

В XVIII в. происходит нормализация интересующих нас написаний в соответствии с церковнославянским написанием, а также под давлением морфологического принципа письма. Осуществляется обратная замена в правописании: вместо *ца* начинают писать *ся*. Однако в деловой письменности продолжают господствовать написания на *тца*.

Так, деловая письменность XVIII века демонстрирует принципиально ту же картину, что и письменность XVII в. Примеры столь многочисленны, что позволяют ограничиться только незначительным иллюстративным материалом: мои дол*л*гъ сестре и причитаетца (22); нужды ево изправляютца ево даходомъ (23); надивитца не магу (23); нада тем же ползоватца (23) и др. [Памятники 1981].

Таким образом, материал памятников показывает, что в деловой письменности последовательно использовали написание *ца*, которое отражало живое произношение того времени. Поэтому надо согласиться с Л. Л. Касаткиным и М. Л. Каленчук, которые считают, что в современном русском языке в настоящее время, как и в прошлом, в этих формах употребляется постфикс /ца/, являющийся алломорфом по отношению к постфиксу /с'а/. О фонемном составе финали слов типа *смеяться, смеется* Л. Л. Касаткин пишет: «Здесь фонема ⟨ц⟩, так как [ц] выступает перед гласным, то есть в сигнификативно сильной позиции» [Касаткин 1999: 252]. Та же точка зрения у М. Л. Каленчук: «Звук [ц] … стоит в сильной позиции — перед гласным, следовательно, им реализуется фонема ⟨ц⟩» [Каленчук 1998: 137]. Поэтому фонематическая интерпретация слова *смеется* выглядит как /$\frac{с}{с'}$м'эјо́$\frac{т}{д}$ца/.

7.1. Реализация сочетания /т'с'/ на стыке «финаль глагола повелительного наклонения + постфикс *-ся*». Данный стык представляет особый случай. Впервые на его особую природу в современном русском языке обратил внимание А. А. Реформатский. В научной литературе его наблюдения получили известность как «парадокс Реформатского». В статье «Фонологические заметки» (1957) он писал:

> Что в примерах *купаться* [купа́ц:л] и *пяться* [п'а́т'с'л] (где различие [ц:] и [т'с'] — очевидно): 1) разный состав фонем в тех же «условиях» или же 2) тот же состав фонем в разных «условиях»? Мы вотируем за второе.
>
> Казалось бы, что «условия» одинаковы. [т'] предшествует [с'] на стыке морфем, и фонетический результат этого стыка оказывается различным: *купаться* (*-ц-*), но *пяться* (*-т'с'-*) — здесь аффрикаты не получилось ⟨…⟩.
>
> В данном случае, на наш взгляд, секрет в том, что в *купаться* налицо стык инфинитивного аффикса [т'] с начальным [с'] возвратного аффикса, и это стык фузионный, а *пяться* — стык конечной согласной корня [т'] с таким же аффиксом, но это стык агглютинирующей тенденции. Поэтому при фузионном стыке в *купаться* [т' + с'] дают долгую аффрикату [ц:], а при агглютинирующем стыке в *пяться* [т' + с'] не дают аффрикаты, а остаются

> «каждый сам по себе». Следовательно, одинаковые фонемы, находясь в разных м о р ф о н о л о г и ч е с к и х позициях, дают различный результат при той же линейной расположенности [Реформатский 1970: 483—484].

В последующем А. А. Реформатский возвращался к своему анализу и остался на прежних позициях, см. [Реформатский 1970: 115—116].

7.2. Иное решение в отношении рассмотренного А. А. Реформатским случая было предложено М. Л. Каленчук в статье «Об одном из лингвистических парадоксов А. А. Реформатского». Она исходит из того, что «в русском языке нет других примеров, подтверждающих, что при стыке постфикса с корнем налицо агглютинирующая тенденция, а при стыке постфикса с аффиксом — фузионная» [Каленчук 1998: 135]. О характере стыков А. А. Реформатский делает выводы только на основе поведения фонем в анализируемых им формах. «Получается логическое противоречие: мы узнаем о том, что здесь агглютинация и фузия по тому, что фонемы себя ведут не одинаково, а затем объясняем их различное поведение тем, что они находятся в разных позициях — фузии и агглютинации. Это замкнутый круг» [Каленчук 1998: 135]. Такую же позицию занимает Л. Л. Касаткин (см. выше).

В принципе подход А. А. Реформатского и Л. Л. Касаткина — М. Л. Каленчук не сильно отличаются друг от друга. Л. Л. Касаткин и М. Л. Каленчук не признают фонетической обусловленности изменения [с] > [ц] и «передают» его в ве́дение морфонологии. С их точки зрения, сочетание [ца] — это всегда /ца/. При таком подходе постфикс *-ся* рассматривается в двух фонематических разновидностях: /с’а/ и /ца/. Последнее выступает в позиции после глагольных показателей /т/ и /т’/. В целом данному постфиксу к модификациям не привыкать, если учесть возможность его реализации в виде /с’/, а в старомосковском произношении еще и как /са/ и /с/. С точки зрения А. А. Реформатского, напротив, изменение [с] > [ц] вполне закономерный фонетический процесс, осуществляемый в условиях фузионного стыка.

Решение Л. Л. Касаткина и М. Л. Каленчук можно изложить так: в позиции после глагольных показателей, заканчивающихся на /т/ и /т’/, постфикс /с’а/ реализуется в своем алломорфе /ца/. Решение А. А. Реформатского выглядит так: в позиции после глагольных показателей, заканчивающихся на /т/ и /т’/, фонема /с’/, входящая в состав глагольного постфикса /с’а/, реализуется как [ц]. Следовательно, проблема в том, какой статус имеет чередование с’//ц — морфонологический или фонологический? С нашей точки зрения, в связи с тем, что условия чередования в принципе формулируются одинаково, проблема интерпретации этого чередования переносится в плоскость терминологии. Думается, что необходимо признать этот процесс морфолого-фонетическим, так как сохраняется связь как с особой морфологической позицией (после глагольных показателей), так и с фонетической позицией (эти глагольные показатели должны иметь определенное фонетическое строение).

7.3. Несмотря на то, что к «парадоксу Реформатского» обращались неоднократно, до сих пор не выяснено, насколько велико количество форм типа *пяться* в современном русском языке и каково было их количество в прошлом. Такой список был составлен нами по «Грамматическому словарю» А. А. Зализняка. Это глаголы, относящиеся к типу 4а: *пяться*, *отметься*, *позаботься*, *пресыться*, *насыться*, *скопыться*, *охотьс*я, *разохотьс*я, *отохотьс*я, *обанкротьс*я, *заботьс*я, *озаботьс*я, *размагнитьс*я, *встретьс*я, *обесцветьс*я, *утратьс*я, *поистратьс*я, *излохматьс*я, *косматьс*я, *горбатьс*я и др., см. [Зализняк 1987]. Всего около 50 слов.

К сожалению, ни в просмотренных текстах, ни в научных работах, ни в материалах словарей не удалось обнаружить примеров употребления этих форм в повелительном наклонении с утратой показателя императива *-и*.

Значительная часть глаголов из «Грамматического словаря» явно появилась поздно (*обанкротиться*, *размагнититься*, *припомадиться*), другие редки, поэтому мало надежды найти их в каком-либо тексте. Многие из этих глаголов впервые зафиксированы только в памятниках XVII в. (*пятиться*, *заботиться*, *охотиться*), см. [Словарь XI—XVII].

7.4. При анализе этих форм, реально не обнаруженных нами в текстах, но, безусловно, существовавших в прошлом, приходится опираться на следующие соображения. В современном русском языке они произносятся как *пя́*[ц’с’]*я* = *пя́*[т’$\widehat{\text{с}}$’]*я*. Нет никаких серьезных оснований предполагать, что в прошлом здесь был какой-то иной тип произношения. Сомнительно, что первоначально возникло произношение ***пя́*[тц]*я*, а потом по какой-то причине произошел откат назад. Вряд ли в прошлом здесь было историческое чередование и говорили что-то вроде ***пячься*. Тогда можно было бы предполагать, что формы типа *пя́*[т’с’]*я* вытеснили формы типа ***пячься*. Анализ доступных нам материалов показал, что формы с историческим чередованием не зафиксированы.

Можно прийти к выводу, что формы *пяться* и *купаться* «разошлись» приблизительно в XV—XVI вв. Это расхождение состояло в том, что формы типа *купаться* стали изменяться (*тс* > *тц*), а формы типа *пяться* сохраняли фонетическую отдельность постфикса. «Что-то» воспрепятствовало изменению в форме повелительного наклонения в том же направлении, в каком изменилось произношение слов типа *купаться, смеётся*. Можно предположить, что препятствие было морфологического свойства.

Очень важным для понимания специфики происходивших процессов является следующее наблюдение: «…при образовании формы 2 л. ед. ч. от глаголов с основой на твердый согласный (кроме заднеязычных) возникла морфонологическая альтернация ⟨t//t’⟩, где ⟨t⟩ — любой парный твердый в исходе производящей основы, а ⟨t’⟩ — соответствующий мягкий в исходе основы формы пов. накл. Следовательно, в период после падения редуцированных и сформирования соотносительности согласных по твердости — мягкости в образовании форм пов. накл. стали принимать участие не толь-

ко суф. *-и-*, но и фонемное чередование» [Историческая грамматика 1982: 139]. Следовательно, мягкость конечного согласного основы глагола повелительного наклонения стала функционировать как аналог утраченного *и*: *встани > встан’ , забуди > забуд’, удари > удар’*. В современном русском языке «формы 2 л. ед. ч. образуются от основы наст. вр. одним из следующих способов: путем присоединения к основе наст. вр. 1) флексии *-и* или 2) нулевой флексии при чередовании согласных в конце основы по твердости — мягкости» [Русская грамматика 1980: 620]. Таким образом, для современного русского литературного языка финальные *и*, j и мягкость — обязательные показатели повелительного наклонения. Исключение представляют собой формы на непарные по твердости — мягкости согласные типа *режь*, *услышь*, *ляг*. Говоры более демократичны: в некоторых из них в формах на заднеязычный представлены мягкие согласные: *л’ак’* (= *ляг*), см. [Русская диалектология 2005: 58]. Строго говоря, в формах типа *забудь*, *ударь* показателем повелительного наклонения является мягкость конечного согласного основы. Именно поэтому в формах типа *пяться*, *отметься*, *охоться* не произошло того изменения, которое осуществилось в формах *пятится*, *отметится*, *охотится*.

Таким образом, аномальная, с точки зрения А. А. Реформатского, форма *пя́*[ц’с’]*я* является фонетически закономерной в современном русском языке. Фонетически неожиданной является форма *пя́ти*[тц]*а* = *пя́ти*[т͡с]*я*. Разные позиции в отношении интерпретации этих форм в современном русском языке уже были нами описаны. Возникает вопрос, каков механизм появления такого произношения в диахронии.

7.5. Достоверные случаи изменения *тс* > *тц* отмечены нами в XVI в. Это время, когда по говорам русского языка начался интенсивный процесс отвердения *ц’*. Прежде всего укажем на то, что исследователи несколько расходятся в датировке этого процесса, относя его то к XIV, то к XVI вв. А. И. Соболевский полагал: «Звук *ц* имел ту же судьбу, что и *ж*, *ш*; старшие данные, указывающие на отвердение, относятся также к XIV в.: киевская Псалтырь 1397 г.: язы*цы* 84 об.» [Соболевский 1907: 138]. Н. Н. Дурново писал: «В памятниках написания „цы“, „цъ“, указывающие на отвердение *ц*, появляются очень поздно, не раньше XVI в.» [Дурново 2000: 171]. По данным В. И. Борковского и П. С. Кузнецова, «в памятниках московских и писанных близ Москвы отвердение *ш*, *ж* ясно отражается уже в XIV в., отвердение же *ц* — не раньше второй половины XV в.» [Борковский, Кузнецов 1965: 161]. Итак, XIV—XVI вв. — время, когда происходило отвердение *ц* по говорам русского языка, хотя некоторые говоры сохраняют мягкое *ц’* и сегодня. Поэтому можно говорить о незавершенности этого процесса по говорам русского языка. Приблизительно этой же эпохе принадлежит описываемое нами изменение.

В связи с тем, что процесс отвердения аффрикаты *ц’* оказал влияние на произношение возвратных глагольных форм, можно прийти к выводу, что

в глагольных формах ко времени начала процесса отвердения аффрикаты произносилась аффриката той же фонетической природы, что и обычное *ц'*. А. И. Соболевский отмечает прямую связь между отвердением *ц* и историей интересующих нас форм: «Оно (отвердение *ц*. — *А. С.*) особенно сильно распространилось в великорусских говорах и здесь повело к отвердению согласного *с* в возвратном местоимении при глаголах. Последнее во многих случаях (в формах 3-го лица ед. и множ. ч. и в неопределенн. накл.), находясь после глагола, как бы слилось с ним, причем под влиянием конечного *т* этих форм *с* местоимения стало звучать как *ц*: берет*ц*я, дерет*ц*я, жмут*ц*я. Это новое *ц* разделило судьбу древнего *ц*, т. е. с течением времени также отвердело (берет*ца* и т. д.), и затем оказало свое влияние на возвратное местоимение там, где оно стояло после глагольных форм 1-го и 2-го лица, и в некоторых других случаях; результатом этого влияния было отвердение *с* в *ся*, или переход *ся* в *са*. Отвердение звука *с* в *ся* известно в памятниках XIV в.» [Соболевский 1907: 138—139].

Таким образом, А. А. Соболевский предполагает такую последовательность фонетических процессов:

1. Изменение *т'с'* > *т'ц'*.
2. Отвердение аффрикаты *ц'*.
3. Включение «новой» аффрикаты в процесс отвердения.
4. Распространение отвердения на постфикс *ся*.

В целом можно принять схему А. И. Соболевского, которая диахронически поддерживает синхроническое решение Л. Л. Касаткина и М. Л. Каленчук. Действительно, отвердение аффрикат могло распространиться на формы типа *купаться* только в том случае, если в них уже была аффриката.

8.1. Рассмотрев всесторонне взаимодействие [т] + [с] в истории русского языка, можно прийти к выводу, что там, где морфология не препятствовала изменению *тс* > *тц*, оно произошло. Морфология «остановила» этот процесс в следующих случаях: на стыке «предлог + слово» (*от соломы*), «приставка + корень» (*отсадить*), «форма повелительного наклонения + ся» (*пяться*). Морфология не «вмешивалась» в процесс в следующих случаях: внутри корня (*тридцать*), на стыке «корень + суффикс» (*братский*), на стыке «конечный *т* или *т'* глагола настоящего времени или инфинитива + *-ся*» (*купаться*, *купается*). Переход *тс* > *тц* противоречит «закону Касаткина», но именно он представлен в истории русского языка в тех случаях, когда к этому не было морфологических препятствий. Замеченное отступление от ожидаемого изменения требует своего объяснения.

8.2. Объяснение было предложено самим Л. Л. Касаткиным, см. [Касаткин 1999а: 246—264]. Изменение *тс* > *тц* он связывает с постулируемым им для праславянского, а частично и для древнерусского, языка противопоставлением согласных по напряженности / ненапряженности. Вероятно, сохранение противопоставления согласных по напряженности / ненапря-

женности в севернорусских говорах было поддержано со стороны финского субстрата.

В последовательности согласных *tt* в случае напряженных согласных более долгим является первый.

В позиции перед щелевым согласным того же места образования удлинение взрывного не могло реализовываться путем возникновения аффрикаты (то есть преобразования [тс] > [цс] = [т͡с]. — *А. С.*), так как это приводило бы в действительности к удлинению не первого, а второго согласного: сочетание ⟨ts⟩ в этом случае произносилось бы как [t͡ss]. А в системе противопоставления согласных по напряженности / ненапряженности, как указывалось выше, второй согласный консонантного сочетания короче первого. Поэтому в таком сочетании у смычного согласного увеличивалась фаза смычки: [t̪t͡s].

При переходе от системы противопоставления согласных по напряженности / ненапряженности к системе противопоставления по глухости / звонкости в русском языке судьба сочетания [t̪t͡с] была различной в разных положениях в слове.

Стык приставки и корня, стык разных основ обычно хорошо осознается говорящими. Здесь фонемный состав сочетания согласных ⟨тс⟩, ⟨дс⟩ не менялся, а происходило лишь ослабление первого согласного и как следствие этого — сокращение долготы фазы смычки: [t̪t͡] > [т]; ср.: *отсыпать, надсадить, подсолнух, пятьсот*. Таков же был стык корня и возвратного постфикса в повелительной форме глагола, где выступает сочетание ⟨т’с’⟩: *пяться, меться, позаботься* и т. п.

На стыке же ⟨т⟩ окончания 3-го лица глаголов с ⟨с’⟩ возвратного постфикса произошла трансфонологизация, сама же последовательность звуков осталась прежней: [t̪t͡с’] — ⟨тс’⟩ > [t̪т͡с’] — ⟨тц’⟩. Очевидно, что при этом произошло и смягчение зубного перед мягким зубным: [t̪t͡с’] > [t̪’т’͡с’]. Последующее отвердение [т’͡с’] (= [ц’]) > [т͡с] (= [ц] произошедшее во многих русских говорах, в том числе и легших в основу литературного языка, привело к ⟨тц⟩: *смеется — смее*[t̪ц]*а*. В инфинитиве, как и при произношении [т’] в окончании 3-го лица, характерного для древнерусского языка, позднее лишь для южнорусских говоров, конечный результат был тот же: [t̪т͡с’] — ⟨тс’⟩ > [t̪т͡с’] — ⟨тц’⟩. В связи с отвердением [ц’] во многих говорах это сочетание изменялось в [t̪т͡с] — ⟨тц⟩: *смеяться — смея*[t̪ц]*а.* Такое же изменение происходило с этим сочетанием звуков и в других случаях, когда его фонемный состав был затемнен; ср. *дъвѣ на десяте > двенадцать*» [Касаткин 1999а: 251—252].

8.3. Нельзя исключать и того, что, помимо описанных Л. Л. Касаткиным причин, на протекание интересующих нас процессов оказали влияние и другие факторы. По нашим наблюдениям, соотношение длительности согласных в последовательности *atta* меняется в зависимости от ударения. Так, при сравнении длительности согласных в словах типа *мошка́* и *мо́шка*,

нами было установлено, что в словах первого типа соотношение длительности согласных составляет 42,4 % и 57,6 %, а в словах второго типа — 48,8 % и 51,2 %. Наблюдения носят предварительный характер, но различие в 6—7 % вряд ли случайно даже при возможных погрешностях в измерении и ограниченном количестве примеров. За редким исключением глагольные *тся* или *ться* оказывались в заударной части слова, а в этом случае первый согласный склонен быть более длительным, поэтому долгота смещалась по направлению к первому согласному. О возможности связать процессы удлинения согласных с ударением писал и А. И. Соболевский. Рассмотрев различные примеры удвоения согласных в славянских языках, он замечает: «Это удвоение согласных во многих случаях связано с ударением» [Соболевский 2006: 219].

9.1. В заключение хотелось бы подвести итоги:

1. В современном русском языке на фонетическом уровне существует три вида аффрикат: обычной длительности — [т͡с] = [ц], употребляемая на месте фонемы /ц/ (*цапля*, *лисица*, *конец*) и сочетания /тс/ в позиции соседства с другими согласными (*детский*); с долгим фрикативным элементом — [т͡с̄] = [цс], употребляемая на месте фонем /тс/ (*отсыпать*, *от сада*, *жилет Саши*); с долгим затвором — [т̄͡с] = [т̰ц], употребляемая на месте фонем /тц/ (*отца*, *отцедить*, *от цели*, *смеется*, *смеяться*).

2. В праславянском языке сочетание **ts* упрощалось до **s*, поэтому вновь в русском языке данная звуковая последовательность стала возможной только после падения редуцированных.

3. В позиции начала слова внутри морфемы последовательность /тс/ давала [ц] (*цка*, *Цна*), а в интервокальной позиции — [т̄͡с] = [т̰ц] (*двадцать, тридцать*).

4. На стыке корня и суффикса последовательность /тс/ пережила следующие изменения: [т’с] > [ц’с] > [ц’с’] > [ц’] (*детский*), нельзя исключать того, что ближе к XVII в. имел место перенос длительности на затвор, что отражают написания типа *тысятцкой*.

5. На стыке приставки и корня, предлога и слова памятники письменности не отражают взаимодействия в последовательности /тс/ (*отсылать*, *от сада*), это можно объяснить как фонетически (морфологическая граница препятствовала этому взаимодействию), так и преимущественно графически (осознание морфологической границы препятствовало отражению на письме фонетических процессов).

6. Процессы взаимодействия глагольных финалей с постфиксом *-ся* могут быть описаны только после того, как будет установлена хронология следующих процессов: «отвердение» окончания глаголов 3 лица настоящего времени (*несут’ > несут*), изменение *ти > т’* в формах инфинитива, утрата *-и* в формах повелительного наклонения глагола. Все эти процессы по говорам русского языка начинаются после падения редуцированных (XIII в.), но в дальнейшем интенсивность их протекания была различной.

7. Памятники письменности регулярно фиксируют процесс взаимодействия в последовательности /тс/ на стыке окончаний глагола 3 лица настоящего времени и показателя инфинитива *т'* с постфиксом *-ся* только в XVI в. (написания типа *молитца*).

8. Результат взаимодействия в сочетании /тс/ на стыке окончаний глагола 3 лица настоящего времени и показателя инфинитива *т'* с постфиксом *-ся*, как правило, одинаковый. Исключение представляют написания, принятые Аввакумом.

9. Написания типа *молитца* свидетельствуют о формировании алломорфа для постфикса *-ся* в виде /ца/.

10. Материал письменных памятников не дает примеров употребления форм типа *меться*, однако с большой долей вероятности можно предполагать, что в этом случае мягкость согласного [т'] стала заменителем утраченного морфологического показателя повелительного наклонения *-и* и воспрепятствовала фонетическому развитию в том же направлении, что и у форм *молится*, *молиться*.

11. Изменение *тс* > *тц* происходило в тех случаях, когда ему не препятствовали морфологические факторы.

12. Вслед за Л. Л. Касаткиным можно признать, что причины изменения *тс* > *тц* связаны с наличием в древнерусском языке противопоставления согласных по напряженности / ненапряженности. Нельзя исключать и действия других факторов.

Литература

Аванесов 1984 — Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., 1984.

Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.

Вести-Куранты 1996 — Вести-Куранты: 1651—1652 гг., 1654—1656 гг., 1658—1660 гг. М., 1996.

Горшкова, Хабургаев 1997 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

Древнерусская грамматика 1995 — Древнерусская грамматика XII—XIII вв. М., 1995.

Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 1—337.

Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.

Зализняк 1987 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М., 1987.

Зализняк 2002 — А. А. Зализняк. Правило отпадения конечных гласных в русском языке // А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 550—558.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Ипатьевская летопись 1998 — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998.

Историческая грамматика 1982 — Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Каленчук 1986 — М. Л. К а л е н ч у к. Особенности реализации согласных фонем на стыках морфем в современном русском литературном языке: Дис. … канд. филол. наук. М., 1986.

Каленчук 1998 — М. Л. К а л е н ч у к. Об одном из лингвистических парадоксов А. А. Реформатского // Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию Л. Л. Касаткина. М., 1998. С. 134—140.

Касаткин 1982 — Л. Л. К а с а т к и н. Фонетика // Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. М., 1982. С. 80—127.

Касаткин 1999 — Л. Л. К а с а т к и н. Аффрикаты на месте взрывных согласных перед щелевыми в русском языке // Проблемы фонетики. III. М., 1999. С. 78—84.

Касаткин 1999а — Л. Л. К а с а т к и н. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Касаткин 2006 — Л. Л. К а с а т к и н. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН // Общеславянский лингвистический атлас: Мат-лы и исслед. 2003—2005: Сб. науч. тр. М., 2006. С. 273—298.

Кодзасов, Кривнова 2001 — С. В. К о д з а с о в, О. Ф. К р и в н о в а. Общая фонетика. М., 2001.

Крысько 2004 — В. Б. К р ы с ь к о. Комментарий к «Лекциям» // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 1: Лекции по истории русского языка. М., 2004. С. 17—65.

Кузнецов 1953 — П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.

Лаврентьевская летопись 1997 — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М., 1997.

Макеев 1972 — Л. Н. М а к е е в. История форм инфинитива в русском языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1972.

Московская письменность 1968 — Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968.

Новгородская первая летопись 2000 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ Т. III. М., 2000.

Памятники 1981 — Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981.

Панов 1979 — М. В. П а н о в. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Попов 2004 — М. Б. П о п о в. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб., 2004.

Попова 2000 — Т. В. П о п о в а. Формы инфинитива от глаголов с основой на гласный типа рус. лит. *ходить*, *видеть*, *гнать*, *писать* // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 3. М., 2000. С. 120—127.

Пустозерский сборник 1975 — Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

Реформатский 1970 — А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. М., 1970.

Русская грамматика 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. I. М., 1980.

Русская диалектология 2005 — Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.

Словарь XI—XIV — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—7 (продолжающееся издание). М., 1988—2004.

Словарь XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—27 (продолжающееся издание). М., 1975—2006.

Соболевский 1907 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907.

Соболевский 2006 — А. И. Соболевский. Из истории русского языка [1901] // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 2: Статьи и рецензии. М., 2006. С. 218—225.

Соколянский 2003 — А. А. Соколянский. Происхождение цоканья в древненовгородском диалекте // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское образование. М., 2003. С. 97—98.

Соколянский 2004 — А. А. Соколянский. Введение в славянскую филологию. М., 2004.

Соколянский 2007 — А. А. Соколянский. О статусе звука [ц] и фонемы ⟨ц⟩ в русском литературном языке // ВЯ. М., 2007. № 3.

Срезневский 1893 — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I.—III. СПб., 1893—1912.

Успенский сборник 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

Фасмер 1996 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. М., 1996.

Хрестоматия 1990 — Хрестоматия по истории русского языка / Авторы-сост. В. В. Иванов, Т. А. Сумникова, Н. П. Панкратова. М., 1990.

Черных 1953 — П. Я. Черных. Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей уложенной книги. М., 1953.

Черных 1962 — П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1962.

Шахматов 1915 — А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии. Вып. 11. Пг., 1915.

Штудинер 1983 — М. А. Штудинер. О двух типах долгих аффрикат в русском языке // Филол. науки. М., 1983. № 1. С. 80—83.

В. Л. ВАСИЛЬЕВ

ИЗМЕНЕНИЕ *ДН* > *НН* > *Н* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ОНОМАСТИКИ И ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ)*

При изучении регионального языкового ландшафта постоянно открываются новые случаи проявления разнообразных фонетических процессов, пережитых в истории языка как ономастикой, так и диалектной лексикой. Приходится сталкиваться с нерегулярными изменениями фонетического облика, с «фонетическими отклонениями» в сферах nomina propria и nomina apellativa, которые проявляются на материале достаточно ограниченного, но открытого для дальнейших поисков круга лексем. В одних случаях нерегулярные изменения имеют выраженный региональный характер, в других — спорадически всплывают в разных отдаленных друг от друга областях общеславянского языкового пространства. Источники «отклоняющихся» форм различны. Их количество существенно пополняется благодаря тому, что результаты различных фонетических изменений, обычно редких или случайных, отмирающих или отмерших, хотя иногда достаточно активных в прошлом, по разным причинам избирательно закрепляются за отдельными лексемами. Фонетические явления, реализация которых незакономерна и ограничена небольшим кругом слов, обычно называют лексикализованными [Филин 1966: 27]. Вместе с тем наблюдения показывают, что не все случаи лексикализации, как представлялось ранее, связаны с явлениями отмирающими или отмершими, нередко их существование обязано явлениям живым и действующим. К примеру, отпадение начальных гласных наблюдатели характеризуют как живое фонетическое явление современных юго-западных русских говоров, но при этом замечается, что оно не носит регулярного характера, факультативно, наблюдается не во всех формах слова [Кузнецова 1994: 18]. Благодаря лексикализации порождаются лексико-фонематические варианты (*альняной*, *гумага*, *гурец*, *енерал*), которые со временем могут далеко разойтись и устояться как отдельные слова со своими особыми значениями. Поэтому понятие лексикализации, традиционно используемое в описательной диалектологии, представляется существенно значимым и в историко-этимологическом изуче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 05-04-04120а).

Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 133—147.

нии как апеллятивной, так и проприальной лексики. При этимологической интерпретации таких лексем не последнюю роль играет учет ономастических данных.

Далее следует этимологический анализ фактов диалектной лексики и ономастики, которые тесно связаны с живым фонетическим процессом *дн* > *нн*, хорошо известным во многих русских диалектах, характерным в наибольшей степени для Северо-Западной диалектной зоны [Захарова, Орлова 1970: 70]. Большинство рассмотренных ниже случаев отражает ассимилятивное изменение *дн* > *нн* с последующим сокращением удвоенного сочетания *нн* > *н*. Новообразованная форма при этом теряла семантико-деривационную связь с исходной лексемой. Таким образом, можно сказать, что сокращение *нн* > *н* приводило к деэтимологизации слов. Диалектные слова и топонимы, закрепившие такие процессы, сосуществуют в одних и тех же группах говоров с большим количеством слов, которые при наличии тех же самых фонетических условий не показывают подобного преобразования.

Неподалеку от р. ц. Шимск Новгородской обл. (западное Приильменье) несколько близлежащих селений носят название ***Прихóн***: *Верхний Прихон-I*, *Верхний Прихон-II* (Медведский с/с), *Нижний Прихон* (Старомедведский с/с) — деревни по р. Мшаге, лев. пр. Шелони; в XIX — начале XX в. они числились в Медведской волости Новгородского уезда [СНМНГ I: 40—43]. Кроме того, в Новгородском же уезде в среднем течении Волхова при рч. Ваула (неподалеку от г. Чудово Новгородской обл.) этот же источник начала XX столетия отмечает деревню с близким названием ***Прихонь*** (иначе — *Графская Слобода*, бывшее владение графа Аракчеева в Грузинской волости) [СНМНГ I: 22—23]. Указанные ойконимы выглядят изолированными: средневековых сведений (ранее XVIII столетия) о них как будто нет, надежные межтерриториальные соответствия не выявлены, если не считать сомнительное *Приханцы Малые* дер. на р. Устя под Ельней Смоленской губ. [Vasm. RGN: VII 2, 391].

Наиболее достоверное объяснение данных новгородских ойконимов — через сближение с глаголом *приходить*, существительным *приход*, особенно с адъективной основой *приходн-* (ср. *приходный*). Следовательно, речь должна идти о закреплении перехода *дн* > *нн* с дальнейшим сокращением *нн* > *н* в исходе слова. Геогр. *Прихóн*, *Прихонь* показывают результат сращения корня *ход-* с суффиксом *-н-*, причем нужно исходить из того, что фонема *ь* на стыке морфем (*-дьн-*) не прояснилась в *е*, а оказалась утраченной. Условия утраты редуцированной не совсем ясны, видимо, нужно допустить отадъективную деривацию этих названий: от некоего диал. **прихоный*, обособившегося из др.-рус. *приходьныи* в одном из значений. Главное, что следует подчеркнуть: ойконимы *Прихóн*, *Прихонь*, как и их вероятный источник — диал. **прихоной*, с точки зрения фонетических преобразований как раз не уникальны и продолжают целый ряд русских апеллятивных и топонимических фактов преимущественно северо-западного диалектного распространения.

Среди них, в частности, лексема ***пóхонь*** (< **походнь*) в новгородском идиоматическом сочетании *ветер в пóхонь* — ‘ветер с запада, со стороны озера Ильмень’: «А мокрик (ветер) маленько поозернее, в пóхонь. С горы всё голодной ветер, рыбы с его никогда нету. Гора — тамотка у нас озера нету, а это озерный бок», Ст. р-н [НОС: 8, 161]. Ср. объясняющие это сочетание диал. *пóходный ветер* пск. ‘ветер, дующий по ходу рыбы (в основном угря); ветер *от озера’*, арх. ‘попутный ветер’, *ветер в пóхóдь* ‘по ходу движения, по пути кого-, чего-л.’ наряду с *походь* ‘попутный ветер; попутное течение’ и др. [СРНГ: 30, 358—359]. Из параллельных тополексем нужно привести геогр. ***Похóнь*** дер. к востоку от р. ц. Струги-Красные Псковской обл., = дер. *Похонька* на руч. Макеевец в конце XIX в. (по карте-трехверстке Генштаба), = *Похоня* дер. Боротенского погоста Шелонской пятины 1498 г. [НПК: V, 73, 75]. Из средневековой документации известна пара дер. ***Похоня*** в соседнем с Боротенским Которском погосте 1498 г. [НПК: VI, 97]; позднее эти пункты исчезли, на месте одного из них карта XIX в. показывает ур. *Похонька* на рч. *Похонька* (по [Шан. РЛЛО: 352] — рч. *Пахонька*, приток Плюссы) юго-восточнее дер. Малые Льзи, см. [Андрияшев 1914: 147]. Еще одной вероятной новг. межтерриториальной параллелью является ***Похеня*** (искаж. *Похоня*?; ударение на последнем слоге) — название луга в Валдайском р-не [НОС: 8, 159]. Перечисленные топонимы вовсе не обязательно осмыслять по отношению к озерному или попутному ветру, поскольку дериваты на базе приставочного глагола *походить* несомненно полисемантичны (см. семантически разнообразный материал о диал. *походный*, *походня* и др., собранный в [СРНГ: 30, 357—359]).

Образованием, идентичным по корню и по структуре, но с иным глагольным префиксом (: *находить*) является новг. ***нáхонь*** собир. ‘посторонние люди, не местные’: «Ходит всякая нахонь» (о парнях в общежитии — Дем. р-н) [НОС: 6, 25]. Это существительное эксплицирует понятие о случайно приходящих людях и ближайше соотносится с новгородским же наречием *находно* ‘изредка, от случая к случаю’ (Новг. р-н — [Там же]).

Формой *отходный* (< *отъходьныи*) объяснимо пск., твер. ***отхóный*** ‘отходчивый’ [СРНГ: 24, 357], новг. ‘незлобивый, добрый, не помнящий зла’, исходная глагольная семантика которого отчетливо проявляется в иллюстративных контекстах: «Вспылит человек, злой, а потом о т о й д е т. Коля-то у них отхоный»; «Отхоный, это человек рассердился и о т о ш е л»; «Отхоный, о т х о д ч и в ы й человек, быстро обиду забывает» [НОС: 7, 62]. Новг., пск., смол. ***отхóный*** ‘отлогий, покатый’ [НОС: 7, 62; СРНГ: 24, 357] указывает на берег, который п о с т е п е н н о о т х о д и т от воды, т. е. пологий. Многозначность глагола *отходить* способна привести к энантиосемии производных образований: так, арх. *отхóдный* означает не ‘добрый’ или ‘отходчивый’, а ‘вспыльчивый, горячий’, смол. *отхóдный берег* — это уже не ‘пологий’, а, напротив, ‘крутой берег’ [СРНГ: 24, 355] (который к р у т о о т х о д и т от воды); вместе с тем семантическая поляризация диал. *отхóный* и *отхóдный* отражает не только изначальную связь, но и в

наиболее явном виде расхождение данных лексем. Сиб. (забайкал., иркут.) ***отхóн***, ***отхóнек***, ***отхóнчик*** ‘младший ребенок в семье’, ‘последний ребенок в семье’, ***отхóнка*** ‘младшая дочь в семье’ манифестируют понятие о законченности, содержащееся в семантической структуре глагола *отходить* и его дериватов; ср. в забайкальских же говорах *отхóдничать* ‘завершать, кончить что-либо делать’, *отхóдничанье* ‘завершение, конец какого-либо дела’ [СРНГ: 24, 355, 357]. Нельзя при этом не обратить внимания на структурно-деривационное тождество новг. геогр. *Прихóн* и забайкал., иркут. *отхóн*: обе лексемы, видимо, выступают ранними субстантивами отглагольных прилагательных в краткой (древнерусской) форме.

К ряду соответственных образований относятся далее названия двух новгородских средневековых пунктов Обонежской пятины: дер. ***Прохона*** Мытенского погоста и починка ***Прохное***, поставленного неподалеку, в соседнем Пречистенском погосте в Деревах; оба эти пункта, указанные писцовой книгой под 1564 г., были во владении Горнецкого монастыря [ПКНЗ: 2, 136—137, 151]. Ойконимы *Прохона* и *Прохное* (< *Прохоное*) осмысляются путем сближения с *проход*, *проходить*, и в этом конкретном случае они явно указывают на местоположение поименованных селений у проходов через сенокосные угодья (полосы). Такой вывод позволяет сделать текст документа, содержащего описание этих пунктов и прилегающей к ним округи: «Да в Мытенском погосте на Вишере пожня у п р о х о д а Угловая, сена косят 60 копен. ⟨…⟩ Да через другую полосу п е р е ш е д сена косят 40 копен. К деревне к П р о х о н о й сена косят на речке на Вишере в болотах в Мытенском погосте от Обуйских полос через Папоротцкую полосу п р о ш е д Линото полоса, сена косят полпятадесят копен» [ПКНЗ: 2, 136—137]. К новг. геогр. *Прохона*, *Прох*(*о*)*ное* добавляется еще белорусский гидроним ***Прохоница***, приток оз. Орехи в Оршанском уезде Могилевской губ. [Vasm. WRG: III, 798], который объясняется из сочетания **проходьн-* + *ица*, указывавшего на ‘проходную речку’). Однако апеллятивные корреляты приведенных географических названий — диал. ***прóхóный*** ‘редкий, негустой, рыхлый, пористый’ (Курск., Южн., Зап., Орл., Брян., Смол.), ‘вкусный’ (Пск., Осташ. Твер.), ***прохóно*** ‘редко’, ‘прохладно, свежо’ (Твер.) [СРНГ: 33, 35] семантически, очевидно, далеки от слов *проходить*, *проходной*. Скорее всего, нужно исходить из того, что рус. диал. *прóхóный*, *прохóно* возникли благодаря давней лексикализации фонетического изменения *дн* > *нн* > *н* (из *проходьныи*), но семантически контаминировались с диал. *прóхóвый* ‘редкий, негустой’, ‘рыхлый, пористый’, ‘жидкий, тонкий, непрочный’, *прохóво* ‘прохладно, свежо, довольно холодно’ [СРНГ: 33, 28], превратившись в их междиалектные синонимические эквиваленты.

С глаголом *всходить*, прилагательным *всходный* соотносятся несколько ойконимов, отмеченных писцовой книгой Торопецкой земли 1540/41 г.: село ***Всхонье*** («люди с села со Всхонье»), или, с искажением, — *Всвохонье* («В Старцовой ж волости село Всвохонье на реке на Вертле, а перевара

Всхонская»); селище ***Всхоное*** («на селище на Всхоном места дворовые пусты») в этой же Старцовской волости; дер. ***Всхоная Лука*** в Лаширской переваре Торопецкой волости [ПКНЗ: 4, 564, 577, 580, 584]. Материалы показывают, что последний ойконим явно был закреплен по названию озерного мыса — луки *Восходная* на оз. Язце, локализуемой как раз в этом микрорайоне; ср.: «Да Николского ж манастыря ⟨…⟩ в Лаширской переваре и в озере в Язце лука Восходная да лука Тина да лук Реница» [ПКНЗ: 4, 510]. Скорее всего, писец XVI столетия уже не ощущал семантической связи геогр. *Всхонье* с апеллятивом *всходный* / *восходный*, коль скоро допускал искаженные написания типа *Всвохонье*.

Диал. (моск.) ***охóнный*** ‘безнравственный, плохой, дурной (о человеке)’ становится понятнее при наличии диал. *оход* ‘лентяй’ (Перм.), но и ‘задний проход’ (Пск., Осташ. Твер., Север., Вост.), ‘задняя часть тела, зад’ (Вят., Костром., Нижегор.) и т. п., сюда же бранное обозначение старика — *старый оход* [СРНГ: 25, 43, 45]. Думается, название дер. ***Охона*** Пестовского р-на Новгородской обл. (исторических сведений об этом селении нет) тоже допустимо трактовать на фоне приведенной лексики; но ср. и пск. *охоный* ‘изъявляющий желание, готовность к чему-либо, охочий’ (Холм.) [СРНГ: 25—45] (скорее к *охотный*: *хотеть* с лексикализацией гиперкорректного упрощения *тн* > *н* явно под воздействием перехода *дн* > *нн*, типичного для псковских говоров этого района).

Наличие моск. *охóнный* (< *оходный*) говорит о спорадическом проявлении рассматриваемого изменения и в говорах Русского Центра, хотя, по материалам ДАРЯ (Вып. 1, карта 81), эти говоры лежат в стороне от современного сплошного ареала *дн* > *нн*. В связи с этим процессом получает, на мой взгляд, исчерпывающее объяснение один из известных московских городских топонимов — *Выхино* (ст. *Выхино* Рязанского направления Московской ж. д.; М. «*Выхино*»; р-н *Выхино-Жулебино* в Юго-Восточном АО Москвы). По спискам селений 1862 г. здесь значилась дер. *Выхонь* (*Выхино*), по документации 1645 г. — дер. Стафурово, а *Выхино* тож, причем ойконимная форма *Выхино* была получена по названию смежной рч. ***Выхонь***, упоминаемой в этом же документе XVII в. [Поспелов 1999: 155]. Дальнейшая этимологизация гидронима заводила исследователей в тупик, однако если элемент *-хонь* трактовать как продукт модификации *-ходн-*, то геогр. *Выхонь* приемлемо объясняется из внутриславянских языковых ресурсов: из формы **Выходнь*, первоначально обозначавшей реку, по которой суда в ы х о д и л и, т. е. спускались вниз до Москвы-реки. Аналогичная структурная модель гидронима в районе Москвы хорошо известна: таково название р. *Сходня*, пр. пр. Москвы-реки, которое имеет исторические, письменно засвидетельствованные, варианты, различающиеся меной префиксов, — *Всходня*, *Входня* и особенно интересный в данном случае вариант *Выходня*. Расхождение вариантов гидронима убедительно трактуют движением судов вверх и вниз по этой реке, связывавшей г. Москву с Владимиром и Суздалем: суда либо поднимались, в с х о д и л и до волока на

Клязьму, либо в обратном направлении спускались, выходили от волока до р. Москвы, см. [Поспелов 1999: 128].

Подобное закрепление результата ассимиляции *дн* > *нн* наблюдается, возможно, и в названии подмосковного г. ***Бронницы***, продолжающем историческую письменную форму *Бронничи* XV в. Из всех существующих трактовок предпочтительной (особенно на фоне сопредельного *Выхонь*) видится та, которая связывает ойконим не с *броня*, *бронники* (никаких свидетельств, подтверждающих древнее производство брони в этом пункте, нет), а с формой **Бродничи*, ввиду поселения у брода, бродного места, входящей во множество топонимов и апеллятивов *Бродно*, *Бронно*, *Бродница*, *бродница* и т. п., см. [Мурз. СНГТ: 1, 102]; об иных версиях см. [Никонов 1966: 65—66; Нерознак 1983: 28; Поспелов 1999: 122; 2001, 82]).

Обнаружение рассматриваемой черты, разумеется, не исключено в материале русской антропонимии. Так, новгородская берестяная грамота № 112 (кон. XII — 1230 гг.) содержит словоформу ***Хоня*** («*Хоня* жена»), комментирование которой вызывает повышенные трудности. А. А. Зализняк полагает, что *Хоня* в принципе может быть притяжательным прилагательным от незасвидетельствованного личного имени *Хонъ* (по тексту грамоты — ‘*Хонова* (жена)’), но с учетом др.-новг. перехода *мл’* > *н’* можно возводить *Хоня* и к *Хомля* — от *Хома* (из *Фома*), тогда соответствующее место в тексте грамоты переводится ‘Фомина (жена)’ [Зализняк 2004: 443—444]. Возведение к имени *Хома* / *Фома*, на мой взгляд, выглядит менее вероятным, ибо требует серьезных допущений. Нужно предположить деривацию йотового посессива от личного имени жен. морфологического рода, причем от имени христианского (насколько известно, все немногочисленные йотовые посессивы на базе христианских имен связаны с именами муж. морфологического рода: *Ивань*, *Яковль*, *Иевль* и нек. др.), несмотря на то, что русский фамильный ономастикон от имени *Фома* знает лишь формы с суффиксом *-ин-* типа *Фомин*, а в новгородских писцовых книгах XV—XVI вв. многажды повторяется ойконимия *Фомино*, *Фомкино* и т. п. Для вероятной отантропонимной формы *Хомля* (которую можно предполагать в качестве промежуточной к личн. *Хоня*) обнаруживается как будто внешне безупречная ойконимная параллель из НПК — *Хомля*, дер. «надъ ключемъ» в Любытинской волости в Ильинском погосте Бежецкой пятины 1501 г. [НПК: VI, 21]. Однако приведенный ойконим имеет вариант *Вхомля*, связанный с тем же самым пунктом и с близлежащими селениями в среднем течении Мсты; ср. дер. *Вхомля* «у ключа» в погосте Никольском в Шереховичах 1564 г. и неподалеку дер. *Вхомля* в погосте Ильинском в Любытинах на Белой 1564 г., кроме того, три дер. *Вхомля* значились в соседнем Богородицком погосте на Белой, см. материал из [НПК: VI, 6, 857, 862, 870, 873, 892]. Облик ойконима *Хомля* / *Вхомля* склоняет не к отантропонимной, а к отгидронимной трактовке его: перед нами вариантная форма, отражающая современный смежный гидроним *Охомля*, пр. пр. Мсты, 26 км длиной, указанный справочниками о новгородских во-

доемах [Шан. РЛЛО: 230; Воды НО] и на топографических картах. При допущении отантропонимного посессива *Хомля* следует допустить и наложение на него нерегулярного фонетического перехода *мл'* > *н'*, что, конечно, лишь увеличивает степень гипотетичности этимологического решения словоформы *Хоня* на основе личн. *Хома* / *Фома*. Добавим к сказанному, что единичное название пустоши *Фонево* в погосте Волок Держков, известное по писцовой книге Бежецкой пятины 1564 г. [НПК: VI, 1022], не обязательно считать «дваждыпритяжательным» образованием от личн. *Фома* (> **Фомлево* > *Фонево*), скорее его следует сопоставить с (*А*)*фоня*, одним из вариантов имени *Афанасий*; ср. варианты *Фанасий*, *Фонасий*, фамилии *Фонин*, *Фоняков* и т. п., см. также [Унбегаун 1989: 58; Суп. СРЛИ: 126].

Ввиду всех отмеченных трудностей больше оснований объединить прилагательное *Хоня* из берестяной грамоты № 112 с предполагаемым антропонимом **Хонъ*, а по моему мнению, скорее — с личным именем **Хонь* / **Хоня*, от которого образованы и средневековое новг. ***Хониха***, название нивы и починка в погосте Никольском в Слезкине Бежецкой пятины 1545 г. [НПК: VI, 547, 561], и новг. патроним ***Хонев***: *Хоневы* Тимофей и Иван, помещики в Островском погосте Деревской пятины, по сообщению Платежной книги 1542/43 г. [ПКНЗ: 4, 438, 440]. Личн. **Хонь* / **Хоня*, думается, было лексически обособлено из более ранней формы имени **Ходнь* / **Ходня* (< **Ходьнь* / **Ходьня*), которая удостоверяется ст.-рус. производными *Ходнев*, *Ходневич* (Иван Алексеев сын *Ходнев*, смольнянин, рейтар 1681 г.; Федор *Ходневич*, судья в Стародубе 1669 г. [Туп. СДЛСИ: 807], *Ходневы* 1624 г. [Вес. Он.: 340]) и особенно др.-рус. личн. *Ходень* (см. [Суп. СРЛИ: 331]), находящимся в кругу прочих архаических славянских имен от **chod*-: др.-рус. *Ходко*, *Ходыка*, *Ходырь*, *Хода*, *Ходута*, *Ходына*, болг. *Ходин*, *Ходина*, серб. *Ходина*, польск. *Chodуła*, *Chodko*, чеш. *Chodata*, *Chod* и др., подробнее о них см. [Васильев 2005: 98—99].

Можно поэтому предполагать, что и диал. (пск., твер.) ***хóня*** 'ротозей' выступает современным продолжением др.-новг. личн. **Хонь* / **Хоня*, вопреки Фасмеру, видевшему в диал. *хоня* уменьшительное от *Ховронья*, *Февронья* [Фасм. ЭСРЯ: IV, 261]. Но в любом случае речь может идти лишь об апеллятивизации личного собственного имени, закреплении за ним пейоративного смысла[1].

[1] Впрочем, применительно к современному апеллятиву *хóня* вполне конкурентоспособным оказывается возведение его к личн. *Хоня* (< *(А)фоня*) как сокращенной форме имени *Афанасий*. Выявлен целый спектр коннотаций, присущих различным вариантам этого календарного имени, в том числе такие сходные характеризующие смыслы, как 'простофиля; ротозей; неудачник' (ср. наряду с пск. *хóня* также пск. *пóнас* 'лентяй, увалень; невежа, ротозей' [Доп.: 199; Даль СЖВЯ: III, 283], краснояр. *афоня малохольный* 'неудачник, горемыка' [СРНГ: 17, 319]), подр. см. [Березович 2007: 359—391]. Что же касается весьма ранней, др.-новг. словоформы *Хоня* конца XII в., возможность ее трактовки на базе современных вариантов календарного личн. *Афанасий* не выглядит убедительной.

Присутствие словоформы *Хоня* в берестяной письменности рубежа XII—XIII вв. удостоверяет древность случаев изменения *дн* > *нн* > *н* в русских говорах Северо-Запада, которое, как выясняется, стало спорадически возможным сразу после падения редуцированных гласных. Действительно, обнаружение лексем, охарактеризованных рассматриваемой чертой, в исторической топонимии (с XV в.) и диалектной лексике Северо-Запада и далеко за его пределами, в том числе проникновение в говоры поздних территорий заселения (забайкал., иркут. *отхóн* и т. п.), почти полный семантический отрыв таких лексем от дериватов, объединяемых корневым элементом *ход-* (тем не менее с привлечением парадигматического и синтагматического контекстов изначальность семантической связи зачастую довольно легко восстанавливается), предполагает вероятность их обособления начиная с древнерусского времени.

Закрепление за отдельными лексемами результата изменения *дн* > *нн* > *н* на стыке корня и суффикса не ограничивалось только дериватами основы *ходн-*. Найдется также немало слов с корнем *вод-*, фонетически сросшимся с суффиксом *-н-*. В русской народной гидрографической номенклатуре известна лексема ***зáвонь***, семантическая амплитуда которой в общих чертах совпадает с амплитудой общерус. *заводь*: ‘омут с водоворотом’, ‘залив в реке; заводь’, ‘тихое место в реке’, ‘низкое место, затопляемое в период половодья’, ‘овраг’, ‘пруд, сажалка’ и нек. др.; сюда же примыкают микротопонимы: новг. ***Зáвонь*** — небольшая бухта на оз. Ильмень с искусственной насыпью для защиты от волн, в которой останавливаются баржи (дер. Любоежа на северо-западном побережье Ильменя, Новг. р-н) [А, 1994], твер. ***Зáвынь*** — большой тихий омут на р. Торопа неподалеку от пос. Старая Торопа, Западнодвинский р-н [А, 1994]. Ареал диал. *зáвонь* и производных (*зáвоня*, *зáвонка* и др.) хорошо очерчен: юго-запад Новгородской обл., юг Псковской, вся территория Смоленской с примыкающими к ней отдельными районами Тверской и Калужской обл., северная и центральная Белоруссия; подр. об этом см. [Васильев 2001: 164—165, карта 15 на с. 250]. Следует согласиться с М. Фасмером, возводящим *зáвонь* к *заводнь* [Фасм. ЭСРЯ: II, 72], ср. отражающие последнюю форму пск. *зáводень* ‘заводь’ [СРНГ: 9, 323], *заводня* ‘залив’ (Кун.) [КПОС]. Кроме *зáвонь*, существует пск. ***úзвонь*** ‘залив реки’ (Порх.) [Доп.; Мурз. СНГТ: 1, 216] (от **изводнь*, соотносимого с псковским же *изводь* ‘заводь’, ‘весенний разлив реки, половодье’ [СРНГ: 12, 109], устар. ***пóвонь*** ‘наводнение’ [Мурз. СНГТ: 1, 216] (от **поводнь*, ср. *пáводок*). Во всех перечисленных случаях слова с элементом *вон-* маскируют былое сращение корня *вод-* (: *вода*, *водный*) и суффикса *-н* (< *-ьн-*). Неприемлемо суждение С. Б. Бернштейна (вслед за Эккертом) о том, что рус. диал. *завонь* (< **zavodnь*) выступает отражением еще древнеиндоевропейского т. наз. гетероклитического типа основ с чередующимися элементами [*r* / *l*: *n*], представленного в прасл. **vědro* — **voda* — **vydra* — **vodnь* [Бернштейн 1974: 133]. В свете других, смежных с рус., блр. *зáвонь*, приведенных фактов (и особенно при наличии

хон- / *хон'-* < *ходн-* / *ходн'-*, см. также лексемы, приведенные ниже) такое предположение выглядит неоправданной архаизацией явления, связанного с относительно поздними периодами развития языка.

В связи с рассмотренной группой слов интересны некоторые польские факты, особенно польск. геогр. ***Zawonia***, местность близ Требницы (= *Sawona* под 1236 г., *Savon* под 1250 г., *Zawon* около 1300 г.), о котором см. [Rospond 1984: 401]. С. Роспонд возводит это название к др.-польск. *wonia* (из **wod-nia*, к **woda*) и предполагает данную основу также в др.-луж. названии болота *Vona* рядом с р. *Vonja* (нем. *Fona*), в названии села и озера *Vonieść* в Поморье, в польск. геогр. *Wansk* 1293 г. [Там же]. Трудно судить об этимологическом тождестве всех перечисленных Роспондом топонимов, но по крайней мере польск. геогр. *Zawonia* вполне можно интерпретировать в единстве с рассмотренной выше русской и белорусской гидрографической терминологией *завонь*, *завоня* и т. п., геогр. *Завонь*. Запись польского топонима под 1236 г. позволяет уточнить хронологию появления соответствующих терминов.

Сращение корня *вод-* (: *вода*) с суффиксом показывает далее др.-рус. ***възвонитися*** ‘разлиться (о реке)’, ср.: «възвонибося [*в др. сп.* възводнибося] река, и не може преити ея» из памятника XIII—XIV вв. ([СДРЯ: II, 19—20], см. исправление в т. V, 594). В этом глаголе реализовано весьма раннее, видимо еще праславянское, упрощение *dn* > *n*, которое также отражают встречающиеся по многим русским говорам глаголы ***охолонýть(ся)***, ***охолонéть(ся)***, ***охолонúть(ся)*** ‘охладить(ся), остудить, остыть, освежиться’, собственно новг. (Новг., Кр., Мош., Ок.) ***охóлнуть*** ‘охладиться, остыть’, распространенный в говорах глагол ***ослобонúть(ся)*** ‘освободить(ся)’ наряду с отглагольным производным диал. (курск.) ***ослобóна*** ‘освобождение от работы, отдых’ (ср. диал. *ослободить(ся)*, *ослободно* ‘свободно’); материал дан по [СРНГ: 24, 23, 24; СРНГ: 25, 44; НОС: 7, 26, 72].

Корневой элемент, появившийся благодаря сращению *вод-* (: *вести*, *водить*) с суффиксом *-н-* (< *-ьн-*), содержит новг. ***повóный***, которое отмечено во многих новгородских говорах в нескольких значениях: ‘уступчивый, сговорчивый; покладистый, послушный’, ‘ловкий, примерный’, ‘пологий’ [НОС: 8, 10]. Это слово восходит к диал. (сев.-зап., сев.) *повóдный* ‘легко управляемый, легко идущий на поводу; послушный, смирный’, ‘покорный, уступчивый; обходительный, мягкий’, ‘покладистый, послушный; общительный’ [СРНГ: 27, 250—251], далее к *повод*, *поводить*. Точно так же со словами *отвод*, *отводить* через прилагательное *отводный* связаны распространенные, судя по [СРНГ: 24, 145; НОС: 7, 42—43; СРГК: 4, 282], во многих говорах Русского Северо-Запада, Севера диал. ***отвóный***, ***отвóнный*** ‘отлогий, покатый’, но и ‘снисходительный, уступчивый’, ‘удалой, ловкий’ (почти тождественный комплекс значений наблюдается у структурно и фонетически подобных диал. *отхóный*, *повóный*, см. выше), ***отвóно*** ‘отлого, покато’, но и мурм. ‘слабо, неплотно, нетуго’, сущ. ***отвóн***

‘некрутой, отлогий подъем’ отадъективного образования (ср. аналогично образованные забайкал. *отхóн*, новг. геогр. *Прихóн*). Пожалуй, наиболее отчетливо исходную глагольную семантику ‘того, что отводится’ показывают примыкающие к данному лексическому ряду новг. *отвóдный* ‘отлогий, не крутой (о месяце, луне)’ [НОС: 7, 42], мурм. *отвóнный* ‘отдельный, специально отведенный для кого-н.’ (Тер.) [СРГК: 4, 282].

Хорошо знакомое прежде всего русским говорам Северо-Запада, проникшее и в литературный язык слово ***зáпань*** ‘плавучая преграда поперек реки при сплаве леса’ [Ожегов 1987: 187], диал. ‘загородка; преграда’ (Волог., Новг.), ‘подъемная дверь, закрывающая ход в подполье; ход в подполье’ (Устьян. Арх.) и др. (см. [СРНГ: 10, 302]), без сомнения, развилось из **западнь* [Фасм. ЭСРЯ: II, 78], ср. особенно такие междиалектные синонимические эквиваленты, как новг. *западня* ‘заграждение на реке из бревен’ (Тихв.), ‘входное отверстие в подполье, погреб, на чердак’, ‘подъемная дверь в подполье, погреб’ и другие значения в сев.-рус. и сиб. говорах, см. [СРГК: 2, 168; СРНГ: 10, 297—298].

Обозначения яровой ржи, иногда ячменя на Русском Северо-Западе (новг., пск., ленингр., твер., смол. говоры) представлены большим количеством вариантов. Основной, первичный из них — *овыдь* ‘яровая рожь’ (по О. Н. Трубачеву, заимствовано из балтийского источника типа лит. *javìde* ‘житница, хлебный амбар’, к *javai* ‘хлеба’, А. Е. Аникин не исключает и исконного происхождения: из **obvydь*, ср. рус. *удить* ‘зреть, наливаться (о зерне)’ [Аникин 2005: 230—231]) зафиксирован берестяной грамотой из Новгорода № 755 (XIV или XV в.) [Зализняк 2004: 636—638] и документацией 1600 и 1658 гг. из новгородского региона [СлРЯ XI—XVII: 12, 230], см. еще *овыть* в акте Иверского монастыря на Валдае 1654 г. [АИСМ: 1034, № 427]. Современные диалектные собрания дают *овидь* (Прионежский р-н Карелии), ленингр. *овыдь* (Кириш.), новг., твер., ленингр., волог. *óводь*, твер., пск., новг., смол., блр. полоцк., северск., городок. *óвод*, ленингр. *óбодь*, *óвуть*, *оведь*, твер. *óбуть*, новг., ленингр. *óвудь*, новг. *óудь* и варианты с суффиксальным *-н-*: пск. *овидня*, новг., пск. *овыдня* [СРГК: 4, 131; СРНГ: 22, 157, 256, 297, 301, 306; СРНГ: 25, 20; НОС: 5, 122, 124; ПОС: 1, 48][2]; сюда же производное *овыдница* ‘яровая рожь’ из новоторжского акта 1430 г. [Зализняк 2004: 638] (со ссылкой на Л. А. Бассалыго). Средневековые новгородские названия нескольких деревень: *Обути* в Бежецкой пятине 1564 г. [НПК: VI, 861] (ср. вышеприведенное *обуть*, которое по говорам служит не только обозначением яровой ржи, но и льна, гороха [СРНГ: 22, 256]), *Овыдница* Влажинского погоста Деревской пятины 1496 и 1539 г. [НПК: I, 735; ПКНЗ: 4, 166], *Овыденка* в погосте Петровском Борисоглебском в Боровичах Бежецкой пятины 1564 г. [НПК: VI, 950], *Овыденная* в погосте Рождественском на усть Северы Шелонской пятины

[2] В [СРГК: 4, 131] лексикализовавшиеся варианты *óводь*, *óведь*, *óвидь*, *óвыдь*, *óвудь* сведены в одну словарную статью.

1539 г. [НПК: IV, 282], возможно, связаны по происхождению с перечисленными апеллятивами[3].

В соотносительный ряд обозначений яровой ржи входят и такие варианты, как новг. ***овынь*** (Холм., Дем., Под.), ***овынка*** (Молв.), твер. ***ове́нь*** (Тороп.), пск. ***аве́нь*** [НОС: 6, 124; ПОС: 1, 48; СРНГ: 22, 293, 309]. Все они компактно локализованы к югу от Ильменя на территории нескольких соседних районов Новгородской и Тверской обл. В свое время С. А. Копорский, опираясь на расхождение форм *оводь* (*овыдь*) в осташковских и *овынь* в торопецких говорах, предположил в данном конкретном случае очень редкое, локальное изменение *д' > н'* на конце слова, не дав никакой характеристики этому фонетическому процессу [Копорский 1946: 147]. Сегодня обнаружение диалектных форм, осложненных суффиксальным *-н-* (*овыдня*, *овидня*), подсказывает иное решение: *овыдня* > *овыння* > *овыня*, далее *овынь* (под влиянием *оводь*, *овыдь*), *овынка*.

Поиск лексем, апеллятивных и ономастических, закрепивших ассимиляцию с дальнейшим упрощением группы *-дн-* на стыке корня и суффикса, очевидно, далеко не завершен. Вместе с тем очевидно, что не все случаи проявления *дн* > *нн* в письменном материале ономастики и диалектной лексики действительно лексикализованы. Так, новгородский гидроним ***Ка́ння***, связанный с лев. пр. Сохлой, пр. пр. Каширки, пр. пр. Мсты [Воды НО], воспроизводит результат ассимилятивного произношения формы *Кадня*. Однако отражение удвоенных согласных *нн* (не сократившихся в *н*) говорит скорее о фонетическом изменении, не закрепленном в конкретной тополексеме, тем более что в материалах начала XX в. — на картетрехверстке и в гидронимическом справочнике 1929 г. [Шан. РЛЛО: 224] — это название записано в форме *Кадняя* (< *Кадьняя*). Впрочем, есть и гидроним ***Каний***, приток р. Вяницы в бассейне р. Воронеги, впадающей в Ладожское оз. [Шан. РЛЛО: 224], относительно которого уже можно говорить о лексикализации, судя по отражению *н* (< *нн* < *дн*) на стыке основы и форманта. К этимологической трактовке приведенных гидронимов (на-

[3] Впрочем, ойконимы *Овыдница*, особенно *Овыденка*, *Овыденная*, могут быть объяснены также на фоне волог., свердл. *овыдённый*, *овыденный* ‘сделанный в течение одного дня’, волог., арх., сев.-двин., перм., вят., костром. *овыдень* ‘в течение одного дня, за один день’ и нек. др. при наличии широко рассеянных по разным говорам *обыдённый*, *обыденный*, *обыдень* и др. в тех же самых значениях, см. [СРНГ: 22, 284—285, 308—309]. При сближении с этим кругом лексем новг. *Овыдница*, *Овыденка*, *Овыденная* должны были первоначально указывать на постройки, поставленные за один день (и скорее всего, на церковные строения, если вспомнить о существовании т. наз. *обыденных церквей*, строившихся всем миром в течение дня или нескольких суток). Эта, вторая версия значительно ослабляется тем, что *овыденный*, *овыденка*, *овыдень* и др. с лексикализовавшимся изменением *б* > *в* обнаружены в континууме только северо-восточных русских говоров и ни разу не зафиксированы в говорах Русского Северо-Запада, в регионе бывшей Новгородской земли.

ряду с новг. геогр. *Ка́дница*, *Кадь*, *Ка́дной*, *Ка́двиша* и т. п.) ср. др.-рус. *кадний*, *кадной*, прилагательные от *кадь* в сочетаниях *каднее молоко* — ‘молоко, которое накапливают в кадках’, *кадной набат* — ‘название большого медного барабана’ [СлРЯ XI—XVII: 7, 13], рус. диал. *ка́днее молоко* — ‘молоко, скисшее без заквашивания’ [СРНГ: 12, 299]. В случае с новг. *Ка́дняя* / *Ка́ння*, *Каний* исходный адъектив имел конкретный топографический смысл, будучи образованием от термина *кадь* с вероятным значением ‘углубление русла, потока’; ср. родственное словен. диал. *kadíca* ‘вырытая водой котлообразная яма’, приведенное в [Толстой 1969: 27].

Итак, изложенный выше материал свидетельствует об изменении, проявляющемся спорадически, в некотором ограниченном (но, очевидно, не исчерпанном) количестве апеллятивных и ономастических лексем. Его можно характеризовать как упрощение сочетания *дн* > *н*, однако ассимилятивный характер этого упрощения очевиден: оно опосредовано процессом *дн* > *нн* и наблюдается прежде всего в тех русских говорах, в которых такая ассимиляция и в настоящее время достаточно регулярна. Тесная связь с современным диалектным членением (с современным ареалом ассимилятивного изменения *дн* на Русском Северо-Западе), равно как преимущественная реализация на месте бывшего *-дьн-*, свидетельствуют об относительно позднем характере данного упрощения, приводившего к слиянию корня и суффикса (*хон-* / *хон’-*, *вон-* / *вон’-*, реже *брон-* / *брон’-*, *кан-* / *кан’-* (< *ходьн-*, *водьн-*, *бродьн-*, *кадьн-*)) и далее к деэтимологизации слов. Вместе с тем это изменение в хронологическом отношении выглядит словно «растянутым» (панхроническим), причем некоторые факты предполагают возможность еще праславянского перехода *dn* > *n* (*възвонитися*, *охолоню́ть*(*ся*), *охо́лнуть*, *ослобони́ть*(*ся*)).

Условия для рассматриваемого изменения *дн* > *нн* > *н* складывались прежде всего в тех случаях, когда гласная *ь*, разделявшая согласные на стыке морфем, имела слабую фонетическую позицию и утратилась. Одни из приведенных выше лексических фактов действительно предполагают слабое фонетическое положение для бывшей гласной *ь* (*Прохо́на*, *Прохо́ница*, *отво́ный*, *отхо́ный* и др.), другие же — сильное (*на́хонь*, *по́хо́нь*, *за́вонь*, *за́пань* и др.). Однако в сильном положении *ь* прояснялась в *е* (*-дьн-* > *-ден-*), что исключало ассимиляцию. Поэтому в таких случаях следует учесть мену сильной и слабой позиций для *ь* в сочетании *-дьн-* в зависимости от принадлежности одних и тех же основ к разным классам родственных слов, их способности перемещаться из одного класса в другой. Лексемы, оканчивающиеся на согласную (*Прихо́н*, *по́хо́нь*, *на́хонь*, *повонь*, *отво́н*, *запань* и др.), в качестве исходных, скорее всего, имели полные формы прилагательных: **прихоной*, **похоной*, **нахоной*, *повоной*, *отвоной* (< раннедр.-рус. **приходьныи*, **походьныи*, **находьныи*, **поводьныи*, *отъводьныи*), либо, по крайней мере, формы существительных на гласную типа **похоня*, **нахоня* (< **походьня*, **находьня*, **западьня*), — и в первом, и во втором случае редуцированная утрачивалась фонетически закономерно. Др.-рус.

**Ходьнь* закономерно дало личное имя *Ходень*, отмеченное письменностью, а иной вариант этого имени — **Ходьня* — явился источником др.-новг. *Хоня* / *Хонь*.

Предпосылки для закрепления *н* (< *нн* < *дн* < *дьн*) за отдельными лексемами создавались также различиями падежных словоформ и взаимовлиянием основ в рамках одной и той же парадигмы склонения. К примеру, диал. *за́вонь* ‘заводь’ допустимо возводить и прямо к др.-рус. *заводьнь*, имевшему сильную редуцированную в Им. ед. (отсюда пск. *за́водень* ‘заводь’), но слабую редуцированную в косвенных падежах (скажем, в форме Род. ед. *заводьни*, давшей *заводни* > *завони*). Впоследствии именно основа косвенных падежей, закрепившая результат ассимиляции (*завон*’-), могла обобщиться по всей парадигме, вытеснив основу начальной формы (*заводен*-).

В заключение остается заметить, что учет и оценка разнообразных лексикализованных фонетических явлений (которые, как кажется, в целом сравнительно редко попадают в поле зрения диалектологов и историков языка) открывает большие возможности для этимологизации диалектной апеллятивной лексики и, разумеется, ономастической, особенно топонимической. В ономастике такого рода нерегулярных случаев явно не меньше, чем в nomina apellativa.

Литература

А, 1994 — собственные полевые записи автора в 1994 г.

АИСМ — Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582—1706), собр. архимандритом Леонидом / Русская историческая библиотека, изд. Археографическою комиссиею. Т. 5. СПб., 1878.

Андрияшев 1914 — А. М. Андрияшев. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. Вып. 1: Списки селений. СПб., 1914.

Аникин 2005 — А. Е. Аникин. Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке. Новосибирск, 2005.

Березович 2007 — Е. Л. Березович. «Афанас, Афанас провалился нынче в квас…» (О формировании коннотативного спектра одного личного имени) // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007. С. 359—391.

Бернштейн 1974 — С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.

Васильев 2001 — В. Л. Васильев. Новгородская географическая терминология (Ареально-семасиологические очерки). Великий Новгород, 2001.

Васильев 2005 — В. Л. Васильев. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.

Вес. Он. — С. Б. Веселовский. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.

Воды НО — Приложение к распоряжению Новгородского облисполкома от 22.08.89 г. «Об утверждении перечня рек, озер и водохранилищ Новгородской области для установления водоохранных зон до 2000 года».

Даль СЖВЯ — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской России. Вып. 1: Фонетика / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. М., 1986.

Доп. — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом мат-ла находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Захарова, Орлова 1970 — К. Ф. З а х а р о в а, В. Г. О р л о в а. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Копорский 1946 — С. А. К о п о р с к и й. О говорах Торопецкого и Холмского районов в их отношении к говорам Осташковского района // Учен. зап. Калининского гос. пед. ин-та. Т. 10. Вып. 3. Калинин, 1946. С. 144—163.

КПОС — Картотека Псковского областного словаря (хранится в Межкафедральном словарном кабинете им. Б. А. Ларина на филол. ф-те СПбГУ).

Кузнецова 1994 — О. Д. К у з н е ц о в а. Слово в говорах русского языка. СПб., 1994.

Мурз. СНГТ — Э. М. М у р з а е в. Словарь народных географических терминов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1—2. М., 1999.

Нерознак 1983 — В. П. Н е р о з н а к. Названия древнерусских городов. М., 1983.

Никонов 1966 — В. А. Н и к о н о в. Краткий топонимический словарь: около 4000 названий. М., 1966.

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1—12. Новгород, 1992—1995; Вып. 13. Великий Новгород, 2000.

НПК — Новгородские писцовые книги, изд. императорской Археографической комиссией. Т. 1—6. СПб., 1859—1910. Новгородские писцовые книги. Указатель к первым шести томам (1—6). Имена географические. Пг., 1915.

Ожегов 1987 — С. И. О ж е г о в. Словарь русского языка: около 57000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стеоретип. М., 1987.

ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли / Сост. к. В. Баранов. Т. 1—5. М., 1999—2004.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—14. Л.; СПб., 1967—2004.

Поспелов 1999 — Е. М. П о с п е л о в. Названия подмосковных городов, сел и рек. М., 1999.

Поспелов 2001 — Е. М. П о с п е л о в. Географические названия мира: Топонимический словарь. 2-е изд., стереотип. М., 2001.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): в 10 т. / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1988.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—2002. Вып. 1—26.

СНМНГ — Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В. А. Подобедова. Вып. 1—8. Новгород, 1907—1912.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Т. 1—6. СПб., 1994—2004.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. 2-е изд., испр. / Ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 2002—2004. Вып. 1—38.

Суп. СРЛИ — А. В. С у п е р а н с к а я. Словарь русских личных имен. М., 1998.

Толстой 1969 — Н. И. Т о л с т о й. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М., 1969.

Туп. СДЛСИ — Н. М. Т у п и к о в. Словарь древнерусских личных собственных имен / Вступ. ст. и подгот. текста В. М. Воробьева. М., 2004.

Унбегаун 1989 — Б. О. У н б е г а у н. Русские фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред. Б. А. Успенского. М., 1989.

Фасм. ЭСРЯ — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. Т. 1—4. М., 1986—1987.

Филин 1966 — Ф. П. Ф и л и н. О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1966. С. 25—29.

Шан. РЛЛО — Д. Ф. Ш а н ь к о. Реки и леса Ленинградской области. Л., 1929.

Rospond 1984 — S. R o s p o n d. Słownik etymologiczny miast i gmin PRL. Wrocław etc., 1984.

Vasm. RGN — Russisches geographisches Namenbuch / Begr. von M. Vasmer. Bd. I—X. Wiesbaden, 1962—1980.

Vasm. WRG — Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M. Vasmer. Bd. I—V. Berlin; Wiesbaden, 1961—1969.

Е. С. СКАЧЕДУБОВА

ПРОИЗНОСИТЕЛЬНАЯ ПОДСИСТЕМА СЛОЖНЫХ И СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Введение

Современная лингвистика, и фонетика в частности, проявляет все бóльшее внимание к выявлению не универсальных, а частных закономерностей языка, фокусируясь на детальном описании явлений различных подсистем, к которым относится и подсистема сложных и сложносокращенных слов.

В начале XX века в русском литературном языке появилась большая группа лексем, образованных по модели сложных и сложносокращенных слов. За прошедшее столетие, и в особенности за последнее десятилетие, в русском языке возникло много новых композитов, связанных с появлением новых реалий. В связи с этим возникает необходимость детального изучения звукового облика сложных и сложносокращенных слов.

Неоднократно высказывалось предположение, что композиты на самом деле являются не словами, а словосочетаниями [Русский язык и советское общество 1968; Панов 1971; Реформатский 1999]. В связи с этим первая основа стремится подчеркнуть свою самостоятельность, в том числе и фонетическими средствами: 1) в слове могут быть два ударения: основное и побочное; 2) гласные первой основы могут не подчиняться обычной схеме редукции; 3) возможно нарушение законов позиционных чередований согласных на конце первой основы.

Методика исследования

Для выяснения вопроса об особенностях звукового оформления сложных и сложносокращенных слов был проведен эксперимент, в ходе которого 80 информантов, москвичей во 2—3-ем поколении, носителей русского литературного произношения, прочитали специально составленные тексты, состоящие из отдельных фраз, содержащих 350 проанализированных впоследствии слов. В общей сложности получено около 14 000 дикторских ответов.

Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 148—158.

Информанты обоих полов были разделены на три возрастные группы: старшую — 60 лет и старше, среднюю — 30—59 лет и младшую — 17—29 лет.

Факторы, которые предположительно могут влиять на распределение орфоэпических вариантов, разделяются на несколько групп: фонетические (просодический фактор, длина слова, место стыка морфемной границы по отношению к ударению), грамматические (степень членимости слова, самостоятельность / несамостоятельность второй основы, наличие двух или более основ), лексические (степень освоенности слова и частотность его употребления, русская или заимствованная основа). Можно было бы предположить существование и других причин, влияющих на произношение сложных и сложносокращенных слов, например степень артикуляционной близости звуков на стыке основ, но выделение таких факторов вне влияния на них других, вышеперечисленных, оснований представляется весьма затруднительным.

С целью исключить возможные разночтения в терминах, необходимо остановиться подробнее на понятии «просодический фактор». Современные исследователи неоднократно указывали на просодическую структуру высказывания как на один из факторов, который может нарушать обычный порядок чередования согласных [Каленчук, Касаткина 1993; 1999; 2003; Kasatkina 1999; Гусева 2002]. В фонетической литературе термины «побочное ударение» и «акцентное выделение» [Николаева 1982] еще не так давно использовались как синонимы, ср. [Каленчук, Касаткина 1993]. В последние годы в работах ряда лингвистов эти понятия были разведены, что позволило внести бóльшую ясность в научную терминологию.

Во-первых, побочное ударение проявляет себя на уровне отдельного слова, причем обычно можно указать принципиальную возможность или невозможность его появления в конкретном слове. Приметой слова побочное ударение может быть только в том случае, если произнесение с одним, основным, ударением затруднительно. В первую очередь это касается слов, образованных сложением трех или более основ, а также слов, в которых между основным ударением и местом потенциального побочного ударения более трех слогов. Так, во фразе: *Я хочу поступить в пединститут* — при отсутствии семантического подчеркивания первой основы и, как следствие, акцентного выделения — слово *пединститут* может быть произнесено как с побочным ударением, так и без него, причем побочное ударение будет слабее основного. В некоторых же словах сложной структуры побочное ударение невозможно, и его появление говорит о нелитературном произношении, например: *òбщежи́тие, дèвятьсо́т*.

Что же касается акцентного выделения, то оно, в отличие от побочного ударения, проявляется не на уровне отдельного слова, а реализуется только в условиях фразы, при наличии теневого контекста, поэтому любая первая основа в слове сложной структуры может быть выделена акцентом.

Во-вторых, побочное ударение выделяет слог в слове, т. к. его появление обусловлено только ритмически, никак не связано со смыслом выска-

зывания; акцентное выделение маркирует значимые единицы языка (морфемы, слова, словосочетания); это выделение семантическое, а не ритмическое.

Таким образом, первый компонент слов сложной структуры может находиться либо в нейтральной просодической позиции, либо в позиции просодической маркированности, при этом просодическая выделенность может быть разных типов: основа может стоять под побочным ударением или под акцентом, который обязательно сопровождается выделенностью семантической.

Фразы в проведенном эксперименте были составлены таким образом, чтобы первый компонент одних и тех же сложных и сложносокращенных слов стоял то в позиции семантической выделенности, что провоцирует возникновение акцентного выделения, то в немаркированной просодической позиции.

Нижеследующий анализ построен на результатах многократного прослушивания магнитофонных записей.

Реализация конечных согласных фонем первой основы композитов

Делимитативная сила стыка — это восприятие стыка либо как между самостоятельными словами, либо как между морфемами. Поведение согласных фонем в первой основе композитов зависит от силы проявления делимитативности на стыке основ, т. к. на границах морфем действуют одни фонетические закономерности, а в позиции середины морфемы — другие. Поэтому в подобных словах согласные фонемы, входящие в состав первой основы, могут реализовываться не так, как в других морфемах. Орфоэпические варианты согласных фонем в композитах отмечаются в позиции сандхи, на стыках агглютинативного характера: *со*[вы]*нформбюро́* и *со*[фы]*нформбюро́*, *ме*[жв]*у́зовский* и *ме*[шв]*у́зовский*, *гла*[вв]*ра́ч* и *гла*[фв]*ра́ч*, *го*[зб]*юджéт* и *го*[сб]*юджéт*, *Мо*[шш]*вейпро́м* и *Мо*[сш]*вейпро́м*, *спор*[цс]*éкция* и *спор*[тс]*éкция*.

Помимо этого, в фонетической литературе неоднократно отмечалось, что наличие или отсутствие ударения или акцента на первой основе может влиять на плотность границы между основами: при акцентировании возможность появления орфоэпических вариантов на стыке основ сложных и сложносокращенных слов возрастает.

Закономерности, определяющие чередования согласных звуков русского литературного языка как по глухости / звонкости, так и по месту и способу образования, детально описаны. Между тем в фонетической литературе последних десятилетий неоднократно отмечалось, что в сложных и сложносокращенных словах, вопреки общему правилу, могут нарушаться внутрисловесные правила чередования звуков, т. е. согласные фонемы на

стыке основ композитов могут вести себя то как в позиции середины слова, то как в позиции стыка знаменательных слов. Так, М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткина отмечают варианты произношения на конце первой основы сложных и сложносокращенных слов: *Мо*[жж]*илконто́ра* и *Мо*[сж]*илконто́ра*, *ли*[цс]*отру́дник* и *ли*[тс]*отру́дник*, *го*[ш'ч']*ино́вник* и *го*[сч']*ино́вник* [Каленчук, Касаткина 2003]. Однако современные орфоэпические словари если и фиксируют варианты произношения такого рода, то только в одной из позиций по глухости-звонкости: перед гласным, сонорным или /в/, /в′/, за которыми следуют гласный или сонорный: *гла*[вв]*ра́ч* и *гла*[фв]*ра́ч*, в то время как возможные варианты согласных по месту и способу образования в большинстве случаев при кодификации игнорируются [ОС 1989; Каленчук, Касаткина 1997].

В ходе эксперимента были получены следующие результаты:

1. Данные эксперимента показали, что семантическая выделенность первой основы композита во многом способствует восприятию стыка между основами как межсловесного, т. е. сложное слово начинает восприниматься как словосочетание и конечная согласная фонема первой основы может реализовываться по законам конца слова, а не его середины. (Известно, что на конце слова при отсутствии паузы звонкие шумные заменяются глухими перед гласным, сонорным и /в/, /в′/, за которыми следует гласный или сонорный: *ду*[б] — *ду*[п] *огро́мный*, *ду*[п] *рос*, *ду*[п] *вы́рос*; в середине слова такое чередование не наблюдается: *ду*[б]*ра́ва*). При восприятии стыка как межсловесного реализация согласных фонем на конце первой основы является сигналом ее самостоятельности, поэтому резко возрастает вероятность появления орфоэпических вариантов как по глухости / звонкости, так и по месту и способу образования: *го́*[з]*ду́ма* и *го́*[с]*ду́ма*; *Мо́*[ж]*жилрегистра́ция*, *Мо́*[з]*жилрегистра́ция* и *Мо́*[с]*жилрегистра́ция.*

Отсутствие же какой бы то ни было просодической выделенности, т. е. акцентного выделения или побочного ударения, способствует восприятию стыка как внутрисловесного, что увеличивает вероятность действия позиционных закономерностей.

Так, во фразе *Не ему, а именно вам следует обратиться в госдепартамент* нет условий для появления акцентного выделения первой основы слова *госдепартамент*, оно произносится то с побочным ударением на первой основе, то без него: *го̀сдепарта́мент* и *госдепарта́мент*. На стыке основ при наличии побочного ударения возможны варианты *з*/*с*: *го̀*[з]*департа́мент* и *го̀*[с]*департа́мент,* но «необычных» вариантов с глухим звуком перед следующим звонким оказывается меньше, чем при произношении этого слова с акцентным выделением на первой основе. Случаи произношения с побочным ударением на первой основе занимают промежуточное положение между вариантами с акцентным выделением и просодически нейтральными. Таким образом, побочное ударение оказывается фактором, менее возмущающим привычный порядок, чем акцентное выделение:

го́[с]*бюджéт* (50 %) и *го́*[з]*бюджéт* (50 %), *го̀*[с]*бюджéт* (15 %) и *го̀*[з]*бюджéт* (85 %), но *го*[з]*бюджéт* (100 %); *мā́р*[ш]*бросóк* (90 %) и *мā́р*[ж]*бросóк* (10 %), *мàр*[ш]*бросóк* (30 %) и *мàр*[ж]*бросóк* (70 %), но *мар*[ж]*бросóк* (100 %); *мӯ́*[с]*взвóд* (30 %) и *мӯ́*[з]*взвóд* (70 %), но *му*[з]*взвóд* (100 %).

Между тем представляется, что возможность выделения семантически важного элемента в высказывании может осуществляться не только просодическими средствами, но и чисто сегментными. Информантам были предложены для прочтения две фразы: в одной не было условий для возникновения акцентного выделения, другая же содержала противопоставление, что обычно провоцирует акцентное выделение. (*Я думаю, что главврач больницы легко решит вашу проблему* /теневой контекст отсутствует/; *Только главврач может решить вашу проблему* /подразумевается: и никто иной/). В первой фразе все информанты произнесли *гла*[в]*врáч*, т. е. первая основа озвучена по законам середины слова.

Во второй фразе часть информантов произнесла *глā́*[ф]*врáч*, т. е. первая основа произносилась с акцентным выделением и с реализацией конечной фонемы по законам конца слова перед паузой, что вполне объяснимо при наличии выделенности первой основы, см. [Kasatkina 1999].

Вопреки ожиданиям, вторая часть информантов произнесла во второй фразе *гла*[ф]*врáч*, т. е. без тональной выделенности первой основы, но с реализацией конечной фонемы все же по законам конца слова.

Суммируя наблюдения, можно предположить, что семантическая выделенность морфемы фонетически может быть поддержана разными способами: 1) только просодически (*го́*[ж]*жильё*); 2) одновременно сегментными средствами (нарушением позиционных закономерностей) и различными видами просодического маркирования: тональным выделением и с помощью других просодических средств, например длительности и интенсивности произнесения, ср. [Кодзасов 1989] (*го́*[з]*жильё*, *го́*[с]*жильё*); 3) только сегментно (*го*[з]*жильё*).

2. В ряде современных работ отмечалось, что спаянность компонентов, оформление конца первой основы не по законам конца слова подчеркивает невозможность употребления второй основы как отдельного слова [Русский язык и советское общество 1968]. Если же вторая часть композита употребляется в качестве самостоятельной лексемы, то стык основ чаще оформляется по законам конца слова [Каленчук 1995]. Данные эксперимента подтверждают эту идею: *за*[ф]*мā́г* (20 %) и *за*[в]*мā́г* (80 %), но *за*[ф]*магази́ном* (60 %) и *за*[в]*магази́ном* (40 %); *за*[ф]*лā́б* (30 %) и *за*[в]*лā́б* (70 %), но *за*[ф]*лаборато́рией* (60 %) и *за*[в]*лаборато́рией* (40 %). Однако в данном случае можно предположить и другую причину распределения вариантов таким образом: в более длинном слове, при наличии нескольких слогов между основным ударением и местом потенциального дополнительного ударения, велика вероятность возникновения побочного ударения на гласном первой основы, что способствует звуковому оформлению стыка как межсловесного.

3. В композитах с тремя основами велика вероятность возникновения побочного ударения на первой основе, что способствует ее самостоятельности и, как следствие, отсутствию чередования: *мо*[с]*шиномонта́ж* (10 % ст., 30 % ср. и 10 % мл.).

4. У малоосвоенных слов процент отсутствия чередования на стыке основ достаточно высок у всех возрастных групп: *тру*[т]*шко́ла* (70 % ст., 90 % ср. и 80 % мл.).

5. Отчетливо прослеживается тенденция к произнесению композитов с оформлением стыка по законам середины слова, что говорит о восприятии слова как единого целого, а не как словосочетания. Причем процент таких произнесений у младшей возрастной группы по сравнению со старшей выше: *го*[з]*ба́нк* (80 % ст. и 100 % мл.), *сту*[ц]*сове́т* (50 % ст. и 80 % мл.), *со*[дж]*жильё* (50 % ст. и 70 % мл.), *го*[ш]*шко́ла* (20 % ст. и 40 % мл.), *спор*[дж]*журна́л* (80 % ст. и 100 % мл.).

Реализация гласных фонем в первой основе композитов

Как было показано выше, в сложных и сложносокращенных словах первая основа может находиться либо в нейтральной просодической позиции, либо в позиции просодической выделенности. Р. И. Аванесов считал невозможным произношение качественно нередуцированных гласных в безударном слоге, и наоборот, говоря о наличии побочного ударения, он аргументировал это особым качеством гласного: «Сложные прилагательные, имеющие в первой части *трёх-* или *четырёх-*, произносятся с двумя ударениями… Наличие в этих случаях побочного ударения очевидно уже из произношения гласного [о] после мягкого согласного…» [Аванесов 1956].

Однако многие авторы отмечали, что и при отсутствии побочного ударения безударные гласные могут произноситься без качественной редукции: *к*[о]*мпа́ртия*, *г*[о]*сба́нк*, *с*[п’э]*цку́рс* [Алексеев 1979; Курохтина 1983; Калакуцкая 1991].

В работе М. Я. Гловинской, Н. Е. Ильиной, С. М. Кузьминой, М. В. Панова свойство безударных гласных произноситься без редукции в первой основе сложных и сложносокращенных слов связано с особым статусом первой основы [Гловинская и др. 1971]. А. А. Реформатский и М. В. Панов считали такие образования не сложными словами, а аналитическими конструкциями, состоящими из прилагательного и существительного [Русский язык и советское общество 1968; Панов 1971; Реформатский 1999].

М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткина указывают на возможность произнесения даже редуцированного гласного под побочным ударением в первой основе композитов: *к*[ə]*раблестрое́ние*; *м*[ə]*локозаво́д*; *к*[ə]*ноплеубо́рочный* [Каленчук, Касаткина 1997]

Целью проведенного эксперимента было выяснить, какие факторы влияют на сегментную организацию гласных первой основы сложных и

сложносокращенных слов. Как и в случае с исследованием согласных, фразы были составлены таким образом, чтобы первый компонент композитов стоял то в нейтральной просодической позиции, то в позиции просодической выделенности, при этом контекст в одних случаях провоцировал акцентное выделение, а в других нет. Причем при анализе результатов эксперимента констатировался только сам факт наличия или отсутствия побочного ударения, т. к. исследование причин его возникновения не является целью этой работы. В случае, если для нескольких возрастных групп данные совпадают, приводится одна цифра.

Данные эксперимента позволили сделать следующие наблюдения:

1. Количество употреблений качественно нередуцированных гласных (как просодически выделенных, так и безударных) достоверно увеличивается с удалением от ударного слога: *мн*[о]*гоко́мнатный* (0 %), *мн*[о]*гокана́льный* (10 %), *мн*[о]*гонациона́льный* (30 %), *мн*[о]*гоконфессиона́льный* (100 %); *д*[о]*мово́дство* (0 %), *д*[о]*мохозя́йство* (50 %), *д*[о]*моуправле́ние* (80 %); *с*[т'э]*клова́рочный* (20 %), *с*[т'э]*кловолоко́нный* (80 %); [с'э]*йсморазве́дочный* (70 %) (качество первого согласного здесь и далее не обсуждается: может быть и *с'*, и *с*), [с'э]*йсмоакусти́ческий* (80 %), [с'э]*йсмогеологи́ческий* (100 %); *карт*[о]*фелечи́стка* (80 %), *карт*[о]*фелекопа́лка* (100 %) (данные приведены для старшей возрастной группы, далее — ст.). Для средней (ср.) и младшей (мл.) возрастных групп тенденция сохраняется, хотя, в результате большего процента случаев произнесения с редуцированным гласным, цифры несколько иные (при совпадении указывается одна цифра): *мн*[о]*гоко́мнатный* (0 %), *мн*[о]*гокана́льный* (0 %), *мн*[о]*гонациона́льный* (30 % ср. и 10 % мл.), *мн*[о]*гоконфессиона́льный* (90 % ср. и 40 % мл.); *д*[о]*мово́дство* (0 %), *д*[о]*мохозя́йство* (10 %), *д*[о]*моуправле́ние* (60 %); *с*[т'э]*клова́рочный* (0 %), *с*[т'э]*кловолоко́нный* (40 %); [с'э]*йсморазве́дочный* (60 %), [с'э]*йсмоакусти́ческий* (70 % ср. и 60 % мл.), [с'э]*йсмогеологи́ческий* (60 % ср. и 50 % мл.); *карт*[о]*фелечи́стка* (60 % ср. и 50 % мл.), *карт*[о]*фелекопа́лка* (100 % ср. и 80 % мл.).

2. В словах, находящихся под акцентом, в первой основе чаще встречается гласный полного образования, хотя возможен и качественно редуцированный. Чем сильнее фразовая позиция, тем сильнее маркирована первая основа, что подчеркивает ее самостоятельность. Так, при произнесении фразы: *Из белока́менного собор постепенно превратился в серока́менный*, варианты произношения распределились следующим образом: [б'и̋ᵊ]*лока́менный* (70 %), [б'э̋]*лока́менный* (30 %), но [с'э̋]*рока́менный* (100 %). Ясно, что разница в процентном соотношении в словах *белока́менный* и *серока́менный* обусловлена только фразовой позицией.

Слово *белоэмигра́нт* абсолютно все респонденты произнесли с одинаковым тембральным качеством гласного звука и в сильной фразовой позиции, под акцентным выделением, и в слабой: [б'э̋]*лоэмигра́нт* (100 %) и [б'э]*лоэмигра́нт* (100 %). Отсутствие редукции в позиции без просодической выделенности может быть обусловлено лексически, т. к. само слово,

даже вне контекста, содержит в себе внутреннее противопоставление (не просто эмигрант, но белоэмигрант).

3. Во многих случаях из-за большого количества слогов между основным ударением и потенциальным побочным на первой основе возникает побочное ударение. Редуцированный гласный под побочным ударением чаще наблюдается у средней и младшей групп, чем у старшей: [с’и̯э]*йсмогеологи́ческий* (0 % ст., 40 % ср. и 50 % мл.); *палео*[с’и̯э]*йсмогеологи́ческий* (20 % ст, 50 % ср. и мл.); *карт*[э̀]*фелекопа́лка* (0 % ст. и ср., 20 % мл.); *п*[э̀]*ртсобра́ние* (0 % ст, 30 % ср. и 20 % мл), : *п*[э̀]*ртсобра́ние* (20 % ст., 0 % ср., 10 % мл.); *с*[э̀]*нгигиени́ст* (0 % ст., 10 % ср. и мл.); *мн*[э̀]*готысячеле́тний* (0 % ст. и ср., 10 % мл).

4. Не выявлено разницы в качестве гласного первой основы в сложных словах с опорным компонентом, представляющим собой самостоятельное слово, и композитах со второй основой, представленной связанным компонентом: [б’и̯э]*лока́менный* (100 %), [б’и̯э]*ломра́морный* (100 %), [б’и̯э]*лосне́жный* (100 %), с одной стороны, и [б’и̯э]*логру́дый* (100 %), [б’и̯э]*лобры́сый* (100 %), [б’и̯э]*лошве́йка* (100 %), с другой; *г*[о]*зда́ча* (100 % ст. и ср., 90 % мл.) и г[о]*стра́х* (90 % ст., 100 % ср., 80 % мл.); *с*[п’э]*цфо́нд* (100 %) и *с*[п’э]*цхра́н* (100 % ст. и ср., 90 % мл.).

5. В композитах с тремя основами, при условии четко воспринимающейся границы между частями слова, как правило, первая основа находится под побочным ударением и находящийся в ней гласный не подвергается качественной редукции: *р*[а̀]*йвоенкома́т* (100 %), *р*[а̀]*йжилотде́л* (100 %), *м*[а̀]*ловодопроница́емый* (100 %), *с*[т’э̀]*кложелезобето́н* (100 %). Поведение второй основы в таких словах зависит от степени ее спаянности с опорным компонентом. При слабо воспринимающейся границе побочное ударение обычно отсутствует, гласный же может быть как полного образования, так и подвергшимся качественной редукции: *ма̀лов*[о]*допроница́емый* (50 %) и *ма̀лов*[э]*допроница́емый* (50 %).

В случае, если вторая и третья основы композита так тесно спаяны, что происходит своеобразное «опрощение», в первой основе гласный может подвергаться редукции: *р*[э]*йсобе́с* (0 % ст., 10 % ср. и мл.), *мн*[э]*готысячеле́тний* (60 % ст., 90 % ср. и мл.). Случается, что фонетические процессы способствуют стиранию границ между основами. Так, в слове *райисполком* [и̯], находящийся между гласными, выпадает, первая основа усекается, границы в слове стираются, гласный первой основы редуцируется: *р*[эи]*сполком* (40 % ст., 50 % ср. и мл.).

6. Частотные слова имеют четко прослеживающуюся тенденцию к «фразеологизации», в результате чего происходит «слияние» основ и сложное слово в звуковом плане оформляется как слово элементарной структуры: [мэ]*лоиму́щий* (30 % ст., 80 % ср., 90 % мл.), [мэ]*ловразуми́тельный* 0 % ст., 10 % ср., мл. 30 %.), [м’и̯э]*лкооптóвый* (10 % ст, 40 % ср., 50 % ст), [м’и̯э]*лкомасшта́бный* (0 % ст, 30 % ср., 40 % ст), *с*[т’и̯э]*кловаре́ние* (50 % ст, 70 % ср., 100 % ст), *мн*[э]*гонача́лие* (40 % ст., 60 % ср., 70 % мл.).

Иногда в случае частого употребления слова происходит своего рода «опрощение», чему способствует связанный компонент второй основы. В результате безударные гласные в первой основе подвергаются качественной редукции. Во всех нижеприведенных словах редуцированный гласный был произнесен в 100 % случаев тремя возрастными группами: *м*[ə]*лосóльный*, *д*[ə]*мосéд*, *д*[ə]*мовóдство*, *д*[ə]*мофóн*.

7. В младшей возрастной группе в подавляющем большинстве слов, допускающих варианты произнесений, при любом контексте, с просодической выделенностью и без нее, зафиксирован больший процент гласных с качественной редукцией: [г'и^{э}]*нсéк* (30 % ст., 60 % ср. и мл.), [м'и^{э}]*двытрезвúтель* (0 % ст. и ср., 20 % мл.), *м*[ə]*лосолёный* (30 % ст., 70 % ср., 90 % мл.), *п*[ə]*американúзм* (0 % ст. и ср., 20 % мл.), *г*[а^{э}]*здáча* (0 % ст., 10 % мл.), *ги*[а^{э}]*логоразвéдчик* (0 % ст., 20 % мл.). Примечательно, что это касается не только частотных слов, но и редко употребляющихся и даже окказионализмов: [гə]*сперсóна*, [гə]*счелове́к*, [га^{э}]*счлéн*, [п'и^{э}]*тстудéнт*.

8. Если в двусложных первых основах, содержащих гласные *о* или *а*, место потенциального побочного ударения на втором гласном, например: *загран-*, *погран-*, при отсутствии побочного ударения гласный в слоге зачастую получает редукцию не второй степени, а первой, хотя находится за несколько слогов от ударения: [за^{э}]*граннáспорт*, [за^{э}]*гранрéйс*, [за^{э}]*гранплáвание*, [па^{э}]*гранвойскá*. Однако у младшей группы иногда встречается небольшой процент произнесений с редукцией второй степени: [зə]*гранрéйс* (10 %), [пə]*гранвойскá* (10 %).

Выводы

В массе своей композиты — продукт XX века, явление для языка новое и во многом чуждое. Недаром в русских говорах эти слова плохо «приживаются», редко употребляются, а если и произносятся, то обязательно с ПУ, при этом между основами часто вставляется частица и склоняется первая основа [Савинов 1998]. В середине XX века первые основы сложных и сложносокращенных слов стремились к приобретению «самостоятельности», см. [Русский язык и советское общество 1968; Панов 1971; Реформатский 1999], что до сих пор еще отражается на орфоэпическом оформлении композитов в речи старшего поколения: звуки первой основы стремятся подчеркнуть ее отдельность, суверенность. Данные эксперимента позволяют предположить, что язык «переварил» это чужеродное для него явление, отпала необходимость четкого разграничения основ. В результате в речи младшего поколения четко прослеживается тенденция звукового оформления композитов, даже вновь появившихся и окказиональных, по модели слов элементарной структуры. Это явление можно сравнить с освоением языком заимствованных слов: сначала произносили только р[о]к[о]кóо, теперь же возможно произнесение р[ə]к[а^{э}]кóо.

Литература

Аванесов 1956 — Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Алексеев 1979 — Д. И. Алексеев. Сокращенные слова в русском языке. Саратов, 1979.

Гловинская и др. 1971 — М. Я. Гловинская, Н. Е. Ильина, С. М. Кузьмина, М. В. Панов. О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971. С. 20—32.

Гусева 2002 — М. Е. Гусева. О некоторых фонетических явлениях на стыках слов в современном литературном русском языке // Проблемы фонетики IV. М., 2002. С. 196—200.

Калакуцкая 1991 — Л. П. Калакуцкая. Размышления о русской лексикографии (в связи с выходом в свет Русско-японского словаря) // ВЯ. 1991. № 1. С. 91—115.

Каленчук, Касаткина 1993 — М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. Побочное ударение и ритмическая структура русского языка на словесном и фразовом уровнях // ВЯ. 1993. № 4. С. 99—106.

Каленчук 1995 — М. Л. Каленчук. Фонетика и грамматика: звуковые приметы русских аналитических прилагательных // Проблемы фонетики. Т. II. М., 1995. С. 180—188.

Каленчук, Касаткина 1997 — М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. Словарь трудностей русского произношения. М., 1997.

Каленчук, Касаткина 1999 — М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. Особенности звукового оформления русских приставок. // Russian Linguistics. 23. 1999. P. 1—9.

Каленчук, Касаткина 2003 — М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина. О процессе разрушения позиционных чередований согласных в современной «младшей» норме // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское преподавание: Тезисы междунар. конф. М., 2003. С. 42—43.

Курохтина 1983 — Г. Н. Курохтина. Причины появления или отсутствия побочного ударения в сложносокращенных словах. М., 1983. Деп. В ИНИОН АН СССР 12.10.83. ФН 35804.

Кодзасов 1989 — С. В. Кодзасов. Проект просодической транскрипции для русского языка // Бюллетень фонетического фонда русского языка. № 2. Bochum, 1989. С. 11—28.

Николаева 1982 — Т. М. Николаева. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

ОС 1989 — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова; Под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд. М., 1989.

Панов 1971 — М. В. Панов. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971. С. 240—253.

Реформатский 1999 — А. А. Реформатский. Введение в языковедение. 5-е изд. М., 1999.

Русский язык и советское общество 1968 — Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968.

Савинов 1998 — Д. М. С а в и н о в. Заметки об ударении в онимах юга Московской области // Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию Л. Л. Касаткина. М., 1998. С. 94—97.

Kasatkina 1999 — R. F. K a s a t k i n a. The prosody and the voiced / voiceless consonant correlation in Russian. // Proceedings of the 14th JCPS, San Francisco (California), 1999. Vol. 1. P. 63—75.

Е. Л. АРЗИАНИ

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О РЕАЛИЗАЦИИ ФОНЕМЫ /j/ В НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЯХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

1. Фонема /j/ в современном русском литературном языке может реализоваться различными способами. Основные реализации фонемы /j/ описаны в работах Р. И. Аванесова, М. В. Панова, Л. Л. Касаткина. Так, известно, что [j] обычно произносится перед ударным гласным, в других позициях чаще всего произносится [и] неслоговой, а после гласного перед [и], [и^{э}] фонема /j/ реализуется нулём звука. Существуют и некоторые другие реализации данной фонемы, а также такие позиции, в которых возможна вариативность реализации фонемы /j/. Однако мнения лингвистов по этому вопросу не всегда совпадают; см. [Аванесов 1956: 186—192; 1972: 89—94; 1984: 121—126; Баринова 1973: 99; Матусевич 1976: 157; Панов 1979: 108—110; Бархударова 2002: 35; Касаткин 2003: 150—152; 2006: 169—170, 198; Касаткин, Касаткина 2004: 227—236].

Таким образом, позиционное распределение вариантов, представляющих фонему /j/, остается недостаточно изученным. Кроме того, необходимо более подробно исследовать зависимость реализации фонемы /j/ от различных факторов. Для выяснения вопроса, касающегося реализации фонемы /j/ в различных позициях в спонтанной речи носителей русского литературного языка, было проведено исследование, основная задача которого состояла в выявлении закономерностей, связанных с реализацией данной фонемы, а также в описании факторов и условий, влияющих на произношение.

С целью сбора материала было записано на жесткий диск компьютера и прослушано более 50 часов различных телепрограмм и около 10 часов лекций специалистов по русскому языку. Затем на базе этих записей телевизионных передач и лекций были созданы отдельные звуковые файлы, содержащие анализируемые слова вместе с контекстами. Встретилось 568 слов в 4800 словоупотреблениях.

Звуки, выступающие в этих примерах на месте /j/, были определены по сочетанию слухового анализа с рассмотрением спектрограмм и осциллограмм, полученных с помощью компьютерной программы PRAAT (авто-

Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 159—173.

ры: Paul Boersma & David Weenink, Институт фонетических наук Амстердамского университета). Этот анализ показал, что в 86 % из этих словоупотреблений можно достоверно определить, какой звук произносился: [j] — 11 % (528 словоформ), [и̯] — 44 % (2112 словоформ) или нуль звука — 31 % (1488 словоформ). Однако в 14 % случаев (672 словоформы) представлялось затруднительным определить, какой конкретно звук был произнесен. При этом затруднение при определении на слух реализации фонемы /j/ возникало в примерах, выступающих в позициях после гласного перед согласным, после согласного перед гласным, в конце слова[1].

2. Исходя из этого было принято решение провести эксперимент по восприятию звуков на месте фонемы /j/ носителями русского литературного языка. Целью предпринятого исследования было создание методики, позволяющей определить границы, выраженные в цифрах, в пределах которых звуки, произнесенные в конкретных примерах на месте фонемы /j/, опознаются хорошо, опознаются с трудом и не опознаются.

Для этого была подобрана 21 минимальная пара слов, различающихся наличием или отсутствием фонемы /j/ в конечном слоге. Сами пары отличались местом ударения, количеством слогов, частотой употребления. Четыре слова были созданы искусственно (*ле́карья*, *ко́шатю — ко́шатью* и *хму́рью*). Рассматривались позиции, представляющие наибольшее затруднение:

1) после ударного гласного перед согласным: *ба́ки* и *ба́йки*, *кра́не* и *кра́йне*, *не зна́ки* и *незна́йки, ле́те* и *ле́йте*, *Пе́те* и *пе́йте*, *ре́ки* и *ре́йки*, *со́ки* и *со́йки*, *сто́ки* и *сто́йки*;

2) после согласного перед гласным: а) перед ударным гласным: *крупе́* и *крупье́*, *сесть* и *съесть*; б) перед безударным гласным [а]: *го́стя* и *го́стья*, *ле́каря* и *ле́карья*, *ло́ся* и *ло́сья*, *не На́стя* и *нена́стья*, *оле́ня* и *оле́нья*; в) перед безударным гласным [у]: *ко́шатю* и *ко́шатью*, *ло́сю* и *ло́сью*, *хму́рю* и *хму́рью*;

3) в конце слова: *вздо́ты* и *вздо́тый*, *сла́бы* и *сла́бый*, *сы́ты* и *сы́тый*.

Слова были четко произнесены диктором, одни с [j], [и̯], другие без этих звуков. Все примеры, произнесенные диктором, были записаны на цифровой носитель и перенесены на компьютер.

Проблема, решение которой предстояло найти в ходе данного эксперимента, состояла в том, что в реальной речи слова произносятся в разном темпе, что делает невозможным учет абсолютной длительности произнесения. Следовательно, неправильно было бы просто измерить абсолютную длительность звука, при которой носитель русского литературного языка воспринимает слово как произнесенное с /j/ или без /j/, и воспользоваться полученными данными как критериями для определения реализации фонемы /j/ в каждом конкретном случае. Необходимо было разработать ме-

[1] Более подробному изложению результатов этого исследования будет посвящена отдельная работа.

тод, который позволял бы определять реализацию фонемы /j/ вне зависимости от длительности звука. Поэтому в ходе эксперимента следовало опираться не на абсолютную длительность звука, а на процентные соотношения звуков в исследуемых словах. Но вначале с помощью компьютерной программы PRAAT была определена абсолютная длительность исследуемых звуков.

В связи с тем, что мягкие согласные влияют на соседние гласные, вызывая сдвиг артикуляции гласного вперед и вверх, гласный на протяжении своего звучания становится неоднородным; см.: [Аванесов 1956: 96—97; Бондарко 1961: 7—8; Кузнецова 1965; Касаткин 2006: 147]. Гласные фонемы /а/, /о/, /е/, /и/, стоящие после твёрдой согласной, перед фонемой /j/ реализуются неоднородными гласными звуками с [и]-образным завершением: *бáйки — б*[а-а-а-а-ä-э-и]-[и̯]*ки*, *крáйне — кр*[а-а-а-а-ä-э-и]-[и̯]*не*. Гласный звук, представляющий гласную фонему после мягкого согласного, также неоднороден, начало его [и]-образное. Гласные фонемы /а/, /е/, /у/, стоящие после фонемы /j/, реализуются неоднородными гласными звуками с [и]-образным началом: *ненáстья — ненáсть*[и̯]-[и-э-ä-а-а-а-а], *олéнья — олéнь*[и̯]-[и-э-ä-а-а-а-а].

Между [и]-образным концом или началом звука, представляющего гласную фонему, и соседним [и] неслоговым, представляющим /j/, невозможно провести четкую границу. Поэтому сначала по осциллограммам и спектрограммам в сочетании со слуховым анализом рассчитывалась длительность звука, представляющего гласную фонему без [и]-образного начала или завершения, затем определялась длительность [и], который соответствовал конечной или начальной фазе гласного, реализующего гласную фонему вместе с соседней фонемой /j/. Далее полученные числа переводились в процентные соотношения.

Например: *лéте — лéйте*. Общая длительность звука [е] вместе с его [и]-образным окончанием в произнесенном диктором слове *лéте* составляет 173 мс (100 %). Длительность [е]-образной части (1-й сегмент) равна 131 мс (75,72 %), а [и]-образного окончания (2-й сегмент) — 42 мс (24,28 %). Таким же образом переводились в процентные соотношения и звук [е] с его [и]-образным окончанием вместе с [и] неслоговым в слове *лéйте*. Общая длительность сочетания звуков [е] и [и] неслогового в слове *лéйте* составляет 236 мс. При этом длительность [е]-образной части (1-й сегмент) составляет 130 мс, а [и]-образной части, соответствующей [и]-образному завершению звука [е] вместе с [и] неслоговым, представляющим /j/ (2-й сегмент), — 106 мс.; соответственно — 55,08 % и 44, 92 %.

Далее были искусственно созданы три звуковых стимула: один — модификация слова *лéте*, два — модификации слова *лéйте*. Они были получены в результате увеличения длительности [и]-образной части первого слова и уменьшения длительности этой части второго слова.

Чтобы длительность [и]-образной части всех пяти звуковых стимулов, включая исходные, нарастала пропорционально, следовало найти величину

одного и того же отрезка, на который увеличивалась бы длительность [и]-образной части от слова *лéте* через промежуточные три стимула к слову *лéйте*. Такой отрезок был вычислен сначала в процентном отношении. Разница между длительностью этой части слова *лéйте* и ее длительностью в слове *лéте* (44,92 % — 24,28 % = 20,64) была разделена на 4 — количество промежутков между исходными первым и последним стимулами. Так было получено число 5,16. На это число процентов должна была возрастать [и]-образная часть 2-го, 3-го и 4-го стимулов; а именно: 1) 24,28 — 2) 29,44 — 3) 34,6 — 4) 39,76 — 5) 44,92. С помощью математических вычислений эти процентные соотношения [е]-образной и [и]-образной частей были переведены в мс. У исходных стимулов эти части составляли: 1) 131 — 42 мс; 5) 130 — 106 мс. У промежуточных стимулов они оказались следующими: 2) 131 — 54,65 мс; 3) 130 — 68,77 мс; 4) 130 — 85,80 мс.

Промежуточные стимулы были созданы с помощью компьютерной программы Sound Forge (Sony Picture Digital Inc.). Второй стимул был получен в результате удлинения [и]-образной части слова *лéте* путем ее растягивания. Третий и четвертый стимулы были получены в результате того, что [и]-образная часть слова *лéйте* была уменьшена до необходимой длительности путем удаления конца этой части.

Точно так же были получены промежуточные стимулы у остальных пар слов-парономазов, отличающихся отсутствием / наличием /j/ после согласного перед гласным.

Слова и их модификации были записаны на цифровой носитель в случайном порядке. Этот же случайный порядок был отражен в анкетах, которые были розданы аудиторам: 14 специалистам-фонетистам и 33 другим носителям русского литературного языка. Слова, использованные в эксперименте, и их модификации были разделены на две анкеты, так как представлялось затруднительным для аудиторов прослушать 105 слов за один раз.

Аудиторы, прослушав пример, должны были на слух определить, какое именно слово было произнесено — с /j/ или без /j/. У них также была возможность ответить «не могу определить». Каждый пример демонстрировался три раза. С целью получения статистически достоверных результатов эксперимент был повторен через несколько дней.

Результаты первого и повторного этапов эксперимента были обработаны совместно. 47 аудиторов разного пола и возраста дважды прослушали 105 слов, из них 42 исходных и 63 модифицированных. Было получено 9870 ответов информантов. Если аудитор ошибался более, чем в 15 % случаев при оценке исходных примеров, то все его ответы исключались из подсчета; так из общего количества было исключено 24 анкеты от 12 аудиторов (2520 ответов информантов).

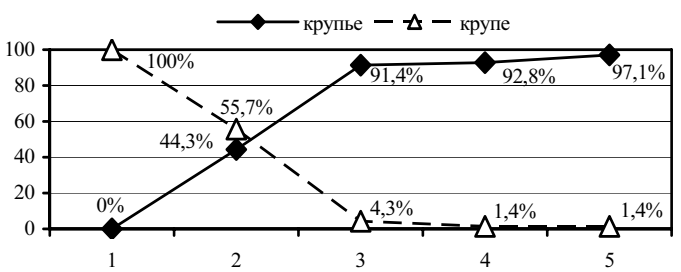
3. На основании полученных данных были составлены графики всех пар слов-парономазов. Каждый график представляет собой пересечение двух линий. Одна линия показывает, сколько процентов аудиторов приня-

ло услышанный стимул за слово без /j/, а другая линия дает информацию о том, сколько процентов аудиторов при прослушивании стимула решило, что было произнесено слово с /j/. На каждой линии отмечено пять фиксированных точек, соответствующих пяти стимулам, представляющим данную пару слов.

Составленные графики были разделены на восемь групп, в каждую из которых вошли графики с близкими показателями, основанием для чего послужило выделение следующих трех зон: зона уверенного различения, когда более 75 % аудиторов склонились к тому или иному варианту при определении того, как было произнесено слово — с /j/ или без /j/[2]; зона неуверенного различения, когда расстояние между обобщенными оценками аудиторов составляло более 15 %, но наивысшая оценка установлена на менее чем 75 % ответов аудиторов; зона неразличения, когда расстояние между оценками аудиторов составляло менее 15 %.

1-я группа. В эту группу входят слова: *крупé — крупьé*, *сéсть — съéсть*, в графиках которых градации 1, 3, 4, 5 находятся в зонах уверенного различения, а градация 2 находится в зоне неразличения.

График 1



Общая длительность в мс	279	295,5	343	372	404
Соотношение длительности сегментов в мс	78—201	94,5—201	127—216	156—216	188—216
Соотношение длительности сегментов в %	27—73	32—68	37—63	42—58	47—53

1-я градация — исходное слово без /j/; 100 % аудиторов решило, что слово было произнесено без /j/.

2-я градация — слово без /j/, но с увеличенной [и]-образной частью гласного; 44,3 % аудиторов определило, что было произнесено слово с /j/, а 55,7 % аудиторов пришло к противоположному мнению.

[2] Об использовании в качестве порога различения 75 % одинаковых ответов в эксперименте см.: [Бардин 1976: 183—184, 367; Касаткин, Чой 2005: 47].

3-я градация — слово с /j/, но со значительно уменьшенной длительностью [и]-образной части, соответствующей /j/ и началу следующего гласного; 91,4 % аудиторов решило, что слово было произнесено с /j/, а 4,3 % аудиторов пришло к противоположному мнению.

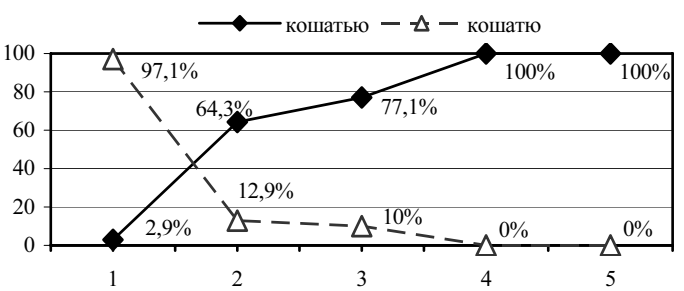
4-я градация — слово с /j/, но с несколько уменьшенной длительностью [и]-образной части, соответствующей /j/ и началу следующего гласного; 92,8 % аудиторов решило, что слово было произнесено с /j/, а 1,4 % аудиторов определило, что произнесенное слово было без /j/.

5-я градация — исходное слово с /j/; 97,1 % аудиторов решило, что слово было произнесено с /j/, а 1,4 % аудиторов определило, что произнесенное слово было без /j/.

На графике примера *крупе́ — крупье́* видно, что во второй градации чуть больше половины аудиторов услышало слово *крупе́* (55,7 % ответов), а чуть меньше половины аудиторов услышало слово *крупье́* (44,3 % ответов), расстояние между оценками 11,4 %. В данном случае вторая градация попадает в зону неразличения.

2-я группа включает логотомы *ко́шатю — ко́шатью*, график которых близок к графикам слов 1-й группы тем, что здесь тоже градации 1, 3, 4, 5 входят в зону уверенного различения. 2-ю же градацию следует оценивать как зону неуверенного различения, так как расстояние между оценками аудиторов здесь 51,4 % и наивысшая оценка 64,3 %.

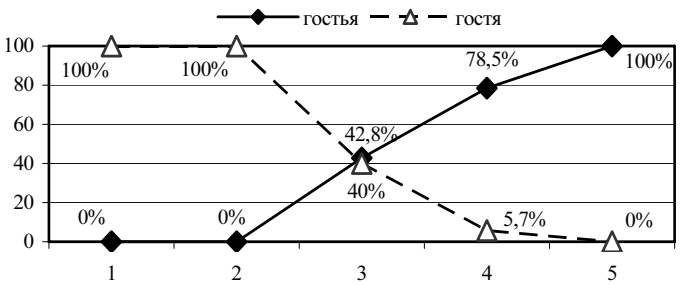
График 2



Общая длительность в мс	223	240,3	241,5	263,8	291
Соотношение длительности сегментов в мс	46—177	63,3—177	77,5—164	99,8—164	127—164
Соотношение длительности сегментов в %	20,6—79,4	26,35—73,65	32,1—67,9	37,85—62,15	43,6—56,4

3-я группа включает слова *го́стя — го́стья*, *ле́каря — ле́карья*, *ло́ся — ло́сья*, *не На́стя — нена́стья*, *оле́ня — оле́нья*; *ло́сю — ло́сью*, *хму́рю — хму́рью*. В зоне уверенного различения находятся градации 1, 2, 4, 5, градация 3 находится в зоне неразличения.

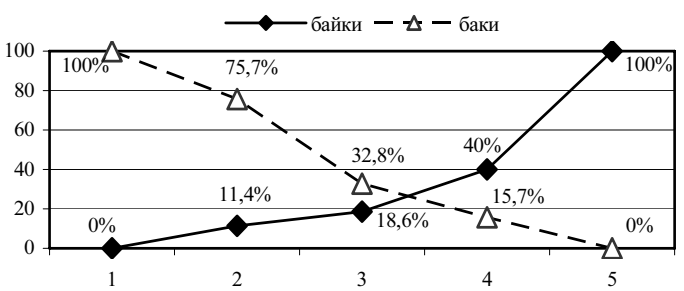
График 3



Общая длительность в мс	182	190,2	217,6	229,3	242
Соотношение длительности сегментов в мс	35—147	43,2—147	57,6—160	69,3—160	82—160
Соотношение длительности сегментов в %	19—81	22,75—77,25	26,5—73,5	30,25—69,75	34—66

4-я группа: слова *ба́ки — ба́йки*, *не зна́ки — незна́йки*. В зоне уверенного различения градации 1, 2, 5, градация 3 в зоне неразличения, градация 4 в зоне неуверенного различения.

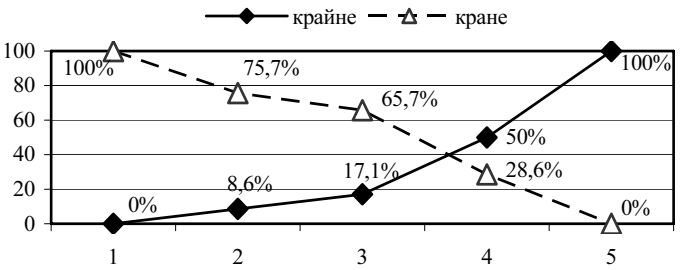
График 4



Общая длительность в мс	150	160	157,3	168,4	180
Соотношение длительности сегментов в мс	128—22	128—32	118—39,3	118—50,4	118—62
Соотношение длительности сегментов в %	85—15	80—20	75—25	70—30	65—35

5-я группа: слова *кра́не — кра́йне*. В зоне уверенного различения также градации 1, 2, 5, градации 3, 4 в зоне неуверенного различения.

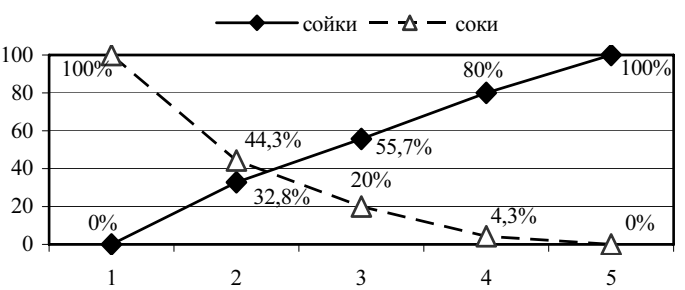
График 5



Общая длительность в мс	156	173,91	172,81	198,24	232
Соотношение длительности сегментов в мс	109—47	109—64,91	96—76,81	96—102,24	96—136
Соотношение длительности сегментов в %	69,8—30,2	62,675—37,325	55,55—44,45	48,425—51,575	41,3—58,7

6-я группа: слова *со́ки — со́йки, сто́ки — сто́йки*. В зоне уверенного различения градации 1, 4, 5, градация 2 находится в зоне неразличения, а градация 3 — в зоне неуверенного различения.

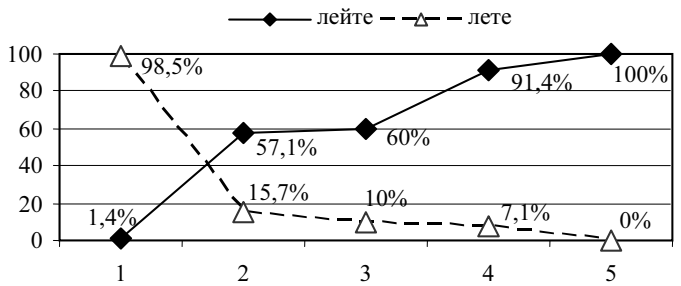
График 6



Общая длительность в мс	162	172,38	196,1	210,44	227
Соотношение длительности сегментов в мс	123—39	123—49,38	131—65,1	131—79,44	131—96
Соотношение длительности сегментов в %	75,9—24,1	71,35—28,65	66,8—33,2	62,25—37,75	57,7—42,3

7-я группа: слова *ле́те — ле́йте*, *Пе́те — пе́йте, ре́ки — ре́йки*. В зоне уверенного различения тоже градации 1, 4, 5, градации 2, 3 в зоне неуверенного различения.

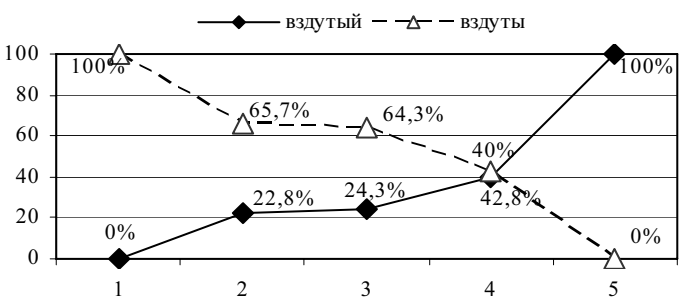
График 7



Общая длительность в мс	173	185,65	198,77	215,8	236
Соотношение длительности сегментов в мс	131—42	131—54,65	130—68,77	130—85,80	130—106
Соотношение длительности сегментов в %	75,72—24,28	70,56—29,44	65,4—34,6	60,24—39,76	55,08—44,92

8-я группа. В эту группу входят слова: *вздýты — вздýтый*, *сы́ты — сы́тый*, *сла́бы — сла́бый*. В зонах уверенного различения находятся градации 1, 5, градации 2, 3 находятся в зоне неуверенного различения, градация 4 — в зоне неразличения.

График 8



Общая длительность в мс	167	187,7	134	156	187
Соотношение длительности сегментов в мс	80—87	80—107,7	50—84	50—106,25	50—137
Соотношение длительности сегментов в %	47,9—52,1	42,6—57,4	37,3—62,7	32—68	26,7—73,3

Распределение примеров по группам в соответствии с характером зон уверенного различения, неуверенного различения и неразличения обнаружило последовательную закономерность: примеры в группах оказались одинаковыми с точки зрения фонетических позиций, в которых выступает /j/, а различие между группами (кроме 2-й группы) связано с разными позициями /j/ в примерах. Это дает возможность описания особенностей реализации /j/ в этих позициях.

В первой группе в словах *крупьé* и *съéсть* /j/ достаточно хорошо опознавалась в градациях 3 и 4, то есть даже при значительном уменьшении длительности представляющего ее звука. Это свидетельствует о том, что в данном случае для аудиторов важна была не длительность звука, а, очевидно, его тембр: в этих примерах перед ударным гласным произносится [j] в отличие от других примеров, где произносится [и̯]. Зона неразличения в этой группе связана со 2-й градацией, где звуковые стимулы представляют собой видоизмененные слова *крупé*, *сесть*, у которых была увеличена длительность [и]-образного начала звука [͡ие]. Неопознаваемость слов при таком видоизменении звуков свидетельствует о том, что эти звуки не характерны ни для слов с /j/, в которых должен выступать [j], ни для слов без /j/, у которых [и]-образное начало гласных после мягких согласных значительно короче.

2-ю группу составляют логотомы *кóшатю — кóшатью*, в которых позиция та же, что и у слов 3-й группы, но распределение ответов ближе к примерам 1-й группы. Объясняется это тем, что эти псевдослова диктор произнес с большей четкостью звуков, чем в других случаях в силу необычности для него этих примеров. В связи с этим [и]-образная часть звука [͡иу] в логотоме *кóшатю* оказалась более напряженной, и ее удлинение во втором стимуле провоцировало ее восприятие аудиторами в 64,3 % как реализацию /j/; в логотоме же *кóшатью* диктором был произнесен не [и̯], как требовала позиция, а [j], как в примерах 1-й группы. Таким образом, показания этого графика должны быть исключены из характеристики обычной реализации /j/ в данной позиции.

В 3-ю группу вошли все слова с /j/, представленной [и̯] перед безударным конечным гласным [а] и [у]. Уверенное различение примеров в 1, 2 и 4, 5 градациях и неразличение их в 3-ей градации дают достаточно определенное представление о диапазоне длительности в этой позиции звука [и̯], представляющего /j/, и [и]-образного начала гласного.

В 4—7-й группах представлены слова с /j/ или мягкой согласной фонемой после ударной гласной: /а/ — группы 4, 5, /о/ — группа 6, /е/ — группа 7. Такое распределение свидетельствует о важности в данном случае в первую очередь следующих параметров этих гласных: собственной силы (интенсивности) и связанных с нею громкости и длительности гласного, а также величине [и]-образного участка гласного.

Как известно, у гласного нижнего подъема [а] интенсивность и длительность больше, чем у гласных среднего подъема [е] и [о], см. [Щерба

1912: 137; Златоустова 1954: 105—107; 1962: 45—47; Златоустова и др. 1968: 89—121; Кузнецов, Отт 1989: 68; Кузнецов 1997: 30; Касаткин 2006: 64], поэтому увеличение длительности [и]-образного участка слов *ба́ки*, *не зна́ки*, *кра́не* мало влияло на характер соответствующих стимулов 2-й градации, которые были опознаны как эти слова более чем в 75 % ответов: *ба́ки* и *кра́не* в 75,7 % ответов, *не зна́ки* в 90 %.

Уменьшение же длительности [и]-образной части у слов *ба́йки* и *незна́йки* приводило к неуверенному различению этих слов с *ба́ки* и *не зна́ки* в 4-й градации и неразличению в 3-й градации. Это свидетельствует о том, что для хорошего опознания /j/ в этой позиции она должна реализоваться достаточно длительным звуком, произносящимся весьма четко.

Небольшое различие между графиками 4-й и 5-й групп связано с тем, что у слов 5-й группы (*кра́не — кра́йне*) в третьей градации зона неуверенного различения: трансформированное слово *кра́йне* определено как *кра́йне* всего в 17,1 % ответов, как *кра́не* в 65,7 % ответов и в 18,2 % ответов «не могу определить». Различие между этими оценками и оценками слов 4-й группы, возможно, связано с разницей в длительности гласных перед глухим и звонким согласным: известно, что перед глухими согласными длительность гласных увеличена по сравнению с длительностью перед звонкими согласными; см., например: [Gimson 1970: 94—95, 152, 179].

В шестой группе увеличение длительности [и]-образной части у слов *со́ки* и *сто́ки* привело к их неразличению с *со́йки* и *сто́йки* во 2-й градации (в отличие от *ба́ки*, *кра́не*, *не зна́ки*, уверенно различавшихся в этой градации); уменьшение длительности [и]-образной части у слов *со́йки* и *сто́йки* в 4-й градации мало влияло на их способность различаться со словами *со́ки* и *сто́ки*, а в 3-й градации приводило к неуверенному их различению, что также отличает эти слова от слов с /áj/.

Ударные гласные [$\widehat{\text{а}^{\text{и}}}$], [$\widehat{\text{о}^{\text{и}}}$], [$\widehat{\text{е}^{\text{и}}}$] отличаются еще одной особенностью — разной длительностью [и]-образной части. А. М. Кузнецова обнаружила, что в позиции С’ГС [и]-образный начальный элемент составляет у гласного [а] 16,5 % длительности всего звука, а у [о] — 12 %. В позиции С’ГС’ [и]-образный начальный элемент составляет у гласного [а] 18 % длительности всего звука, а у [о] — 10 % [Кузнецова 1965: 20, 26]. Что касается [е], то А. М. Кузнецова пишет: «Русский материал, имевшийся в нашем распоряжении, подтвердил известное положение о большой степени изменчивости гласного [е] в позиции t’at» [Кузнецова 1965: 26]. Как известно, «[и]-образное начало гласного сильнее и заметнее, чем [и]-образное окончание, т. е. влияние предшествующего мягкого согласного на гласный сильнее, чем влияние последующего мягкого согласного» [Касаткин 2006: 147]. Поэтому необходимо было установить конкретные параметры [и]-образного окончания гласных [$\widehat{\text{а}^{\text{и}}}$], [$\widehat{\text{о}^{\text{и}}}$], [$\widehat{\text{е}^{\text{и}}}$].

Для этого был проведен дополнительный эксперимент. Пять дикторов различного пола и возраста начитали на цифровой носитель 18 специально подобранных слов, в которых стоящие под ударением гласные [а], [о] и [е]

находились в двух различных позициях: в позиции после твердого согласного перед мягким (СГС') и в позиции после мягкого согласного перед мягким (С'ГС'). Все эти примеры анализировались при прямом и обратном прослушивании с помощью программы PRAAT. По полученным данным, у гласного [а] в позиции СГС' [и]-образный конечный элемент в среднем составляет 11,97 % длительности всего звука, у [о] — 9,00 %, у [е] — 25,18 %, а в позиции С'ГС' [и]-образный конечный элемент в среднем составляет у гласного [а] 16,75 % длительности всего звука, у [о] — 13,03 %, у [е] — 27,23 %.

Эта особенность [е͡и] отразилась и на соответствующих графиках седьмой группы: здесь ни в одной градации нет неразличения /е/ и /ej/. Во второй градации при увеличении [и]-образной части у [е͡и] в словах *лéте*, *Пéте*, *рéки* бóльшая часть аудиторов (не считая их ответы «не могу определить») решила, что были произнесены слова с /j/: *лéйте*, *нéйте*, *рéйки*, хотя расстояние между этими ответами и ответами аудиторов, решивших, что были произнесены слова *лéте*, *Пéте*, *рéки*, свидетельствует о неуверенном различении этих слов. Такое же неуверенное их различение в 3-й градации, а в 4-й градации уже уверенное различение.

К восьмой группе относятся слова с /j/ на конце слова. Здесь уверенно различаются только слова-парономазы в исходном четком произнесении диктора. При небольшом же увеличении и сокращении исходной [и]-образной части слов возникают иные зоны: соотношение [и]-образной части стимула и не-[и]-образной части попадают в зону неразличения в 4-й градации и неуверенного различения с преобладанием восприятия примеров как не содержащих /j/ во 2-й и в 3-й градациях.

Мнения исследователей о реализации фонемы /j/ в данной позиции не всегда совпадают. Так, Л. В. Щерба считал, что в этой позиции [и̯] не произносится [Щерба 1912: 152—153]; Р. Кошутич писал, что [и̯] слышен, но очень слабо [Кошутич 1919: 371]; Р. И. Аванесов полагал, что здесь произносится [и̯] [Аванесов 1956: 188]; а М. В. Панов считал, что в этой позиции [и̯] не произносится, но при этом слоговая интонация закрытого слога сигнализирует о нём. [Панов 1979: 109—110], см. также [Панов 1967: 224—225 сноска; 2002: 31].

Данные эксперимента позволяют утверждать, что конечный [и̯] в слове может представлять реализацию /j/ только при достаточно четком его произнесении, что предполагает обязательное нахождение слова в сильной фразовой позиции. Но и в этой позиции длительность [и̯] должна быть достаточна велика, так как уже при небольшом ее сокращении /j/ перестает опознаваться.

4. Проведенный эксперимент по восприятию звуков на месте фонемы /j/ позволил создать базу данных, содержащую эталонные значения процентных соотношений звуковых сегментов (соответствующих части звука, представляющего гласную фонему без [и]-образного начала или заверше-

ния и сегмента [и], который соответствует конечной или начальной фазе гласного, реализующего гласную фонему и соседнюю фонему /j/) в позициях после гласного перед согласным, после согласного перед гласным, в конце слова.

С помощью созданной базы данных была определена реализация фонемы /j/ в большинстве примеров, в которых звуки, произнесенные на месте фонемы /j/, не были идентифицированы при предварительном слуховом анализе.

Так, например, было необходимо определить, что произносится на месте фонемы /j/ в записанном в одной из телепередач слове *ли́стья* — [и̯] или нуль звука. Для этого с помощью программы Sound Forge была измерена у конечного гласного длительность сегмента [а] — 118 мс. Отдельно была измерена длительность предшествующего [и]-образного сегмента — 71 мс. Таким образом, общая длительность обоих звуковых сегментов составляет 189 мс, длительность сегмента [а] составляет 62,43 %, а длительность [и]-образного сегмента — 37,57 %. Эти цифры были сопоставлены с эталонными значениями процентных соотношений сегмента [а], с одной стороны, и [и]-образной части гласного [$^{\text{и}}\widehat{\text{а}}$] вместе с соседней фонемой /j/, с другой стороны, в паре слов *го́стя — го́стья.* Выяснилось, что слово *ли́стья* было произнесено с [и̯] на месте фонемы /j/.

Также было необходимо определить, что произносится на месте фонемы /j/ в слове *сча́стья*. Длительность конечного гласного сегмента [а] здесь 114 мс (77 %), длительность предшествующего [и]-образного сегмента — 34 мс (23 %). Общая длительность обоих звуковых сегментов составляет 148 мс. Эти цифры были сопоставлены с эталонными значениями процентных соотношений сегмента [а] и [и]-образной части гласного [$^{\text{и}}\widehat{\text{а}}$] вместе с соседней фонемой /j/ в паре слов *не На́стя — нена́стья.* Выяснилось, что слово *сча́стья* было произнесено с нулем звука на месте фонемы /j/.

В записанном слове *гро́здья* у конечного гласного длительность сегмента [а] составляет 166 мс (72,48 %), а [и]-образного сегмента — 63 мс (27,52 %). Общая длительность обоих звуковых сегментов 229 мс. Эти цифры были сопоставлены с эталонными значениями процентных соотношений сегмента [а] и [и]-образной части гласного [$^{\text{и}}\widehat{\text{а}}$] вместе с соседней фонемой /j/ в паре слов *го́стя — го́стья.* Оказалось, что в слове *гро́здья* невозможно определить реализацию фонемы /j/, так как ее параметры попадают в зону неразличения в паре слов *го́стя — го́стья*.

В записанном слове *ежедне́вный* у конечного гласного стимула была измерена длительность сегмента [ы] — 65 мс (29,95 %) и [и]-образного сегмента — 152 мс (70,05 %). Общая длительность обоих звуковых сегментов 217 мс. Эти цифры были сопоставлены с эталонными значениями процентных соотношений сегмента [ы], с одной стороны, и [и]-образной части гласного [$^{\text{и}}\widehat{\text{ы}}$] вместе с соседней фонемой /j/, с другой стороны, в паре слов *сла́бы — сла́бый*. Выяснилось, что слово *ежедне́вный* было произнесено с [и̯] на месте фонемы /j/.

В слове *надёжный* у конечного гласного стимула длительность сегмента [ы] — 79 мс (44,39 %), [и]-образного сегмента — 99 мс (55,61 %). Общая длительность обоих звуковых сегментов 178 мс. При сопоставлении с эталонными значениями этих же сегментов у слов *сла́бы — сла́бый* выяснилось, что слово *надёжный* было произнесено с нулем звука на месте фонемы /j/.

В слове *мы́тый* у конечного гласного стимула длительность сегмента [ы] — 50 мс (35,21 %) и [и]-образного сегмента — 92 мс (64,79 %). Общая длительность обоих звуковых сегментов 142 мс. При сопоставлении с эталонными значениями этих же сегментов у слов *сла́бы — сла́бый* выяснилось, что у слова *мы́тый* невозможно определить реализацию фонемы /j/, так как ее параметры характерны для зоны неразличения в паре слов *сла́бы — сла́бый*.

Таким образом была определена реализация фонемы /j/ в 494 словоформах из тех 672 словоформ, в которых звуки, произнесенные на месте /j/, не были идентифицированы при предварительном слуховом анализе. Оказалось, что 88 слов было произнесено с [и̯], а 406 — с нулем звука на месте /j/. При этом в 178 словоформах невозможно было определить реализацию фонемы /j/, так как звуки, произнесенные на ее месте, характерны для зоны неразличения /j/ и ее отсутствия.

Литература

Аванесов 1956 — Р. И. Аванесов. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.

Аванесов 1972 — Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. 5-е изд. М., 1972.

Аванесов 1984 — Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1984.

Бардин 1976 — К. В. Бардин. Проблема порогов чувствительности и психофизические методы. М., 1976.

Баринова 1973 — Г. А. Баринова. Фонетика // Русская разговорная речь. М., 1973. С. 40—150.

Бархударова 2002 — Е. Л. Бархударова. Явление вариативной реализации фонем и проблемы восприятия русской звучащей речи // Проблемы фонетики. IV / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002. С. 31—36.

Бондарко 1961 — Л. В. Бондарко. Оттенки русских ударных гласных: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1961.

Златоустова 1954 — Л. В. Златоустова. Длительность гласных и согласных звуков русского языка // Учен. зап. Казанского гос. ун-та. Т. 114, кн. 6. 1954. С. 99—123.

Златоустова 1962 — Л. В. Златоустова. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.

Златоустова и др. 1968 — Л. В. Златоустова, И. Г. Фролова, Е. В. Ленина, И. П. Оловянникова, И. Ф. Бывшева. Исследования длительности

неударных гласных в зависимости от фразовых условий // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М., 1968. С. 74—134.

Касаткин 2003 — Л. Л. К а с а т к и н. Фонетика современного русского литературного языка. М., 2003.

Касаткин 2006 — Л. Л. К а с а т к и н. Современный русский язык. Фонетика. М., 2006.

Касаткин, Касаткина 2004 — Л. Л. К а с а т к и н, Р. Ф. К а с а т к и н а. Особенности реализации фонемы /j/ в позиции после согласного перед гласным в русском литературном языке // Russian Linguistics. Vol. 28. 2004. № 2. С. 227—236.

Касаткин, Чой 2005 — Л. Л. К а с а т к и н, М. Ч. Ч о й. Долгота/краткость согласного на месте сочетаний двух согласных букв в современном русском литературном языке. М., 2005.

Кошутич 1919 — Рад. К о ш у т и ћ. Граматика руског језика. 1. Гласови. 2-е изд. Пг., 1919.

Кузнецов, Отт 1989 — В. Б. К у з н е ц о в, А. В. О т т. Автоматический синтез речи. Алгоритмы преобразования «буква-звук» и управление длительностью речевых сегментов. Таллинн, 1989.

Кузнецов 1997 — В. И. К у з н е ц о в. Вокализм связной речи: Экспериментальное исследование на материале русского языка. СПб., 1997.

Кузнецова 1965 — А. М. К у з н е ц о в а. Изменение гласных под влиянием соседних мягких согласных. М., 1965.

Матусевич 1976 — М. И. М а т у с е в и ч. Русское литературное произношение. М., 1976.

Панов 1967 — М. В. П а н о в. Русская фонетика. М., 1967.

Панов 1979 — М. В. П а н о в. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979.

Панов 2002 — М. В. П а н о в. История русского литературного произношения: XVIII—XX вв. М., 2002.

Щерба 1912 — Л. В. Щ е р б а. Русские гласные в качественном и количественном отношении. «Записки историко-филологического факультета С.-Петерб. университета». Ч. 107. СПб., 1912.

Gimson 1970 — A. C. G i m s o n. An Introduction to the Pronunciation of English. London, 1970.

К. А. КРАПИВИНА, В. С. ХРАКОВСКИЙ

ТАКСИСНАЯ КОНСТРУКЦИЯ С ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЕЙ *В… БЫТНОСТЬ*

1. Введение

Очевидно, не требует доказательств тезис о том, что в языке явления, относимые к центру, в отличие от явлений, относимых к периферии, играют более существенную роль и в системе языка, и в процессе речевой деятельности. Вместе с тем, периферийные явления часто представляют исключительную ценность для лингвистической теории, ибо именно на периферии можно встретить уникальные комбинации семантических и грамматических свойств. Обоснованию этого утверждения и служит данная работа, которая посвящена анализу периферийной и соответственно крайне редко встречающейся в текстах таксисной конструкции[1] с лексической единицей *в… бытность*. Эта конструкция в русском языке XIX—XXI вв. представлена двумя основными вариантами: первый вариант, см. (1), второй вариант, см. (2):

(1) ***В бытность*** *Ахматовой* ***в Париже*** *за ней не только Модильяни ухаживал* (Бродский).

(2) *Анатолий Собчак* ***в бытность мэром*** *тоже надеялся похоронить царя, но эти надежды не сбылись* (Не вырубишь топором // «Вслух о.». № 7. 2003) [НКРЯ].

Мы назвали эту конструкцию таксисной, однако уже это утверждение требует пояснений и комментариев, поскольку ни этой конструкции, ни других конструкций подобного типа мы не встретим в перечне конструкций, которые принято считать таксисными. Поэтому, прежде чем обратиться к анализу грамматических и семантических свойств этой конструкции, мы вынуждены совершить небольшой экскурс в историю изучения таксиса и обосновать ту его трактовку, в соответствии с которой интересующая нас конструкция вне всяких сомнений является таксисной.

[1] Подробнее о таксисных конструкциях см. работу [Храковский 2003] и библиографию, приложенную к этой статье.

Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 174—190.

2. Таксис

Термин «таксис» впервые ввел в научный оборот Р. О. Якобсон в своей знаменитой работе «Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb» [Jakobson 1957], где он использовал его для обозначения глагольной категории, которая была маркирована символами E^nE^n [2]. Эту категорию Р. О. Якобсон характеризует следующими словами: «У этой категории нет стандартного названия; термины типа “относительное время” определяют лишь одну из ее разновидностей. Предложенный Блумфилдом термин “порядок” (“order”), или скорее его греческий прообраз “таксис”, представляется наиболее подходящим. **Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения** (выделено нами. — *К. К., В. Х.*). Так, нивхский язык различает, во-первых, три вида независимого таксиса, из которых один непременно предполагает, другой допускает, а третий исключает зависимый таксис, и, во-вторых, **зависимый** таксис, выражающий различные типы отношений к независимому глаголу — одновременность, предшествование, прерывание, уступительную связь и т. п. Аналогичная система в языке хопи описана Уорфом» [Якобсон 1972: 101][3].

Несколько иначе Р. О. Якобсон в той же работе характеризует таксис в русском языке: «**Таксис**: зависимый (выраженный деепричастием и указывающий на E^n, сопутствующее другому, главному E^n) — независимый. При зависимом таксисе категория времени сама выступает в функции таксиса: она выражает временное отношение к главному E^n, а не к E^s, как это имеет место при независимом таксисе. Соотношение прошедшего и настоящего времени превращается в противопоставление, которое, пользуясь терминологией Уорфа, можно назвать противопоставлением временного интервала (sequential) и контакта (concursive) между двумя E^n» [Якобсон 1972: 106—107].

Новацию Р. О. Якобсона трудно переоценить. Предлагая новый термин для обозначения известной, но не имеющей стандартного названия глагольной категории, Р. О. Якобсон решал не простую техническую задачу. Он, насколько мы можем судить, впервые показал, что одна и та же глагольная категория, для обозначения которой и был предложен термин «таксис», может выражаться в бипропозитивной конструкции разных языков и финитными формами относительного времени, и нефинитными деепричастиями. Тем самым Р. О. Якобсон перебросил мостик от господствовавшего в то время структурального подхода, в рамках которого объединение в одной категории и финитных, и нефинитных форм, очевидно,

[2] Ниже мы цитируем русский перевод этой работы «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол», который был опубликован в 1972 г.

[3] Р. О. Якобсон имеет в виду работы Блумфилда [Bloomfield 1946] и Уорфа [Worf 1946].

невозможно, к функционально-типологическому, в рамках которого такое объединение представляется вполне естественным.

Таким образом, по мысли Р. О. Якобсона, таксисной конструкцией на равных правах является и латинское сложноподчиненное предложение, см. (3), и русское предложение с деепричастным оборотом, см. (4):

(3) *Ut sementem fec-eri-s, ita met-e-s*
как посев сделать-FUTII-2SG так пожать-FUTI-2SG
‘Как посев сделаешь, так пожнешь’ [Соболевский 1948: 214].

(4) *Гуляя по парку, я смотрел / смотрю / буду смотреть по сторонам.*

В латинском примере таксисной формой является форма футурума II в придаточном предложении, обозначающая ситуацию, предшествующую ситуации, обозначаемой в главном предложении формой футурума I, которая является абсолютной глагольной формой. В русском примере таксисной формой является деепричастие НСВ, которое обозначает ситуацию, одновременную ситуации, обозначаемой финитным глаголом. Если, сравнивая между собой эти таксисные формы, воспользоваться терминами ‘более таксисная форма’ и ‘менее таксисная форма’, то более таксисной формой Р. О. Якобсон считал нефинитное деепричастие, а менее таксисной — финитный глагол. Такая трактовка определялась тем, что деепричастие сочетается с финитными глаголами любой временной локализации, тогда как финитный глагол, будучи таксисной формой, сочетается с финитным глаголом только определенного временного плана. Таким образом, глагольная форма, выражающая определенное таксисное значение, в то же время не лишена и абсолютного временного значения. Иначе говоря, футурум II, выражая значение предшествования, одновременно относит обозначаемую им ситуацию к плану будущего, тогда как локализация ситуации, обозначаемой деепричастием, определяется исключительно финитным глаголом.

Мы думаем, что Р. О. Якобсон дал бы более осторожную общую оценку деепричастия, если бы знал, что в принципе существуют и такие деепричастия, которые ведут себя точно так же, как финитные таксисные формы. Такое деепричастие есть, например, в эскимосском языке:

(5) (эскимос.) *Кат-йа-ми* *мын’тыг’а-мун* *ук’ых’ми*
приходить-CONV-3SG дом-DAT около
аг’улиг’-ума-лг’и
остановиться-PAST-3SG
‘Приблизившись к яранге, около остановился’ [Вахтин 1995: 226].

По своей формальной структуре эскимосский пример (5) напоминает русский пример (4). Но деепричастие с показателем *-йа-* указывает на то, что обозначаемая им ситуация непосредственно предшествует ситуации, обозначаемой только глаголом прошедшего времени. В этом коренное отличие эскимосского примера (5) от русского примера (4), где деепричастие сочетается с любой временной формой финитного глагола. Тем самым эс-

кимосское деепричастие с показателем *-йа-*, функционируя только как таксисная форма предшествования, в то же время выражает информацию о временной локализации (отнесенность к прошлому) обозначаемой ситуации. Таким образом, это деепричастие ведет себя точно так же, как финитные таксисные формы относительного времени типа латинского футурума II.

Идеи Р. О. Якобсона в отношении изучения таксиса получили дальнейшее развитие в Петербургской (Ленинградской) аспектологической школе [Маслов 1984; Бондарко 1987; 1999]. Ю. С. Маслов, не проводя детального анализа таксиса, в отличие от Р. О. Якобсона, эксплицитно характеризует эту категорию как функционально-семантическую и совершенно справедливо отмечает, что «во многих языках таксис объединен в рамках одной категории либо со временем, либо с видом. Сочетание таксиса и времени дает значение сложной (двух-, а иногда и многоступенчатой) временной ориентации, выражаемой в некоторых языках специальными формами, входящими в систему так называемых относительных времен. Вместе с тем таксисные значения одновременности, предшествования и следования во времени регулярно возникают в результате взаимодействия видовых форм, так что в некоторых языках выражение таксисных отношений может рассматриваться как одна из важнейших функций глагольного вида» [Маслов 1984: 8].

Опираясь на соображения, высказанные Ю. С. Масловым, мы полагаем возможным характеризовать таксис как функционально-семантическую категорию, которая реализуется в бипропозитивных (и шире — полипропозитивных) конструкциях, где различными грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность / неодновременность: предшествование, следование) одной ситуации P_1 относительно другой ситуации P_2, чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т. е. независимо от какой-либо еще ситуации P_n[4]. Если конкретные таксисные значения маркируются с помощью тех или иных специализированных глагольных форм, то в этом и только в этом случае можно говорить о таксисе как о нешифтерной грамматической категории глагола, максимально включающей три граммемы (предшествование, одновременность, следование), которые перечисляются, как нам представляется, по степени их прагматической значимости и маркированности в языке специальными средствами.

Ситуации P_1 и P_2 прототипически представлены глагольными формами, которые составляют **таксисную пару**. Одна из форм этой пары — синтаксически **зависимая** — обозначает ситуацию P_1, которая ориентирована относительно ситуации P_2, а другая форма — **опорная** (прототипически **независимая**) — обозначает ситуацию P_2, которая служит временным ориентиром для ситуации P_1. Термины ‘таксисная пара’, ‘зависимая фор-

[4] За пределами этого определения остаются гномические высказывания типа *Вращаясь вокруг своей оси, земля одновременно вращается вокруг солнца.*

ма’ и ‘опорная (независимая) форма’ принадлежат В. П. Недялкову [Недялков, Отаина 1987: 299].

Если следовать предложенному определению, то мы, очевидно, должны расширить круг конструкций, которые имеют право называться таксисными.

В русском языке, как, впрочем, и в других языках, такими конструкциями являются, в частности, сложноподчиненные предложения с придаточными времени типа (6)—(7):

(6) *Когда Маша сделала* (СВ) *уроки, она написала* (СВ) *письмо подруге*;
(7) *Когда Маша завтракала* (НСВ), *в комнату вошла* (СВ) *мама.*

Формальная специфика таких предложений заключается в следующем. Во-первых, они могут быть как односубъектными, так и разносубъектными. Во-вторых, (видо)временные формы, употребляющиеся в их придаточной части, равно как и (видо)временные формы, употребляющиеся в их главной части, являются абсолютными (видо)временными формами в том смысле, что они сами по себе соотносят называемую ими ситуацию со временем речи, а таксисное прочтение получают только при употреблении в придаточной части этих предложений, и это прочтение прототипически определяют союзы, которые вводят придаточную часть.

Из сказанного вытекает, по крайней мере, следующий важный вывод: все глагольные формы, употребляющиеся в придаточной части сложноподчиненных временных предложений, являются абсолютно-относительными, т. е. не собственно таксисными, а таксисными они становятся только в совокупности с союзами, которые либо детерминируют конкретное таксисное значение, либо создают его совместно с глагольными формами, употребляющимися в зависимой и главной части предложения.

Кроме того, если исходить из предложенного определения, таксисными конструкциями являются простые предложения с обстоятельствами времени, в которых в роли обстоятельств выступают отглагольные имена (типа *отъезд*, *разговор*) и неглагольные предикатные имена (*землетрясение*, *свадьба*). Эти имена, вводимые временными предлогами (*после*, *по*, *со* (*времени*/*момента*) *в*, *во* (*время*/*момент*), *при*, *за*, *до*, *перед*, *накануне*), выражают все три таксисные значения: предшествование, одновременность, следование[5]. Как и деепричастия, эти имена могут сочетаться с любыми (видо)временными формами глагола, но в отличие от деепричастий они являются вариативно референтными. Иными словами, они могут употребляться в том случае, если у ситуации P_1 и у ситуации P_2 один и тот же первый партиципант или эти партиципанты разные. В случае если партиципанты одинаковые, партиципант обязательно обозначается при финитном глаголе и факультативно может выражаться при отглагольном

[5] Необходимо подчеркнуть, что само по себе отглагольное имя не является специализированной таксисной формой, но приобретает таксисное значение только в сочетании с временным предлогом.

имени, см. (8а—10а), а если разные, то они обязательно выражаются при финитном глаголе и при отглагольном имени, см. (8б—10б):

(8) а. *Перед (моим) отъездом я (по)звонил матери.*
б. *Перед отъездом гостей я (по)звонил матери.*
(9) а. *После (моего) отъезда я (по)звонил матери,*
б. *После отъезда друга я (по)звонил матери.*
(10) а. *Во время (моего) разговора с коллегой я (по)звонил матери.*
б. *Во время разговора коллеги с начальником я (по)звонил матери.*

Но если в соответствии с предложенным определением к таксисным конструкциям относятся простые предложения с обстоятельством времени, то именно такими являются предложения с единицей *в… бытность.* В этих предложениях предикатное слово *бытность* выступает в форме вин. падежа, вводимой предлогом *в*, которые совместно обозначают, что ситуация P_1, выражаемая словом *бытность,* происходит одновременно с некоторой другой ситуацией P_2, выражаемой финитным глаголом. Такое предложное оформление могут иметь и другие предикатные имена, употребляющиеся в зависимой части этой группы таксисных конструкций:

(11) ***В приезд*** *Мадлен Олбрайт все обсуждали проблемы, связанные с МВФ, хотя я не вижу в этом ничего важного* (Явлинский).

3. История появления в русском языке лексической единицы *бытность*

Теперь, когда мы убедились в том, что интересующая нас и крайне редко встречающаяся в текстах конструкция является таксисной, мы можем перейти к анализу ее уникальных семантических и грамматических свойств. Однако предварительно мы совершим еще один исторический экскурс и напомним историю появления в русском языке лексической единицы *бытность,* ее употребления и превращения в специфическую связанную единицу *в... бытность.* Сделать это относительно нетрудно, поскольку слово *бытность* уже было тщательно проанализировано В. В. Виноградовым в статье «История возникновения и употребления слова *бытность* в русском языке», опубликованной в журнале Slavia Orientalis [Виноградов 1968] и впоследствии включенной в сборник «История слов» [Виноградов 1999], который был тщательно отредактирован его составителями.

Из статьи В. В. Виноградова вполне определенно следует, что явных признаков бытования этого слова в русском языке до XVII в. нет и что, скорее всего, оно заимствовано из польского языка[6]. Вот как формулирует эту мысль В. В. Виноградов: «Если употребление слова *бытность* не за-

[6] В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» [Словарь XI—XVII вв.] приводится пример на употребление слова *бытность*, датируемый 1604 годом.

свидетельствовано древнейшими памятниками русской письменности феодальной эпохи, то со второй половины XVII в. мы находим значительное количество его применения в разных жанрах литературы. Это слово укрепилось у нас тогда, когда польское влияние на литературно-книжный язык было очень сильно. Польск. bytność обозначает ‘существование, присутствие, пребывание, бытность’ (ср. русское народное *живность* в том же значении). Особенно часто встречается употребление слова *бытность* к концу XVII — началу XVIII вв.» [Виноградов 1999: 68].

Однако утверждение о том, что слово *бытность* заимствовано из польского языка, принадлежит нам, а не В. В. Виноградову, который в полном соответствии с политической конъюнктурой, господствовавшей во время написания статьи, проводил мысль о том, что слово *бытность* было в русском языке еще до XVII в., но бытовало в узкой конфессиональной среде и по этой причине не представлено в памятниках до XVII в. Вместе с тем, те конкретные факты, которыми оперировал В. В. Виноградов, явно свидетельствуют о том, что это слово не «укрепилось у нас тогда, когда польское влияние на литературно-книжный язык было очень сильно», а всего лишь только появилось.

В статье академика В. В. Виноградова представлена обширная подборка примеров, из которой следует, что в текстах XVII—XVIII веков слово *бытность* употребляется в разных падежах ед. и мн. ч. Приведем несколько примеров из этой подборки [Виноградов 1999: 67—70]:

(12) а. *Против 5-го числа* [декабря] *была с моря великая погода, так что от работ отбила;* ***бытность ея*** *с час.*
б. *А* ***при твоей*** *еще государь* ***бытности*** *в Новегороде дважды на Олонец о плотниках писал я.*
в. *Паки за твое... жалованье челом бью, что изволил ко мне* ***о своих бытностях*** *писать.*
г. *Да тебе же бы Яков* ***при своей бытности*** *в Палехе меж крестьяны, меж ими и посторонними всякие ссоры розыскать и по розыску и по челобитью указ им учинить.*

Среди этих примеров особенно важным представляется пример (12г), в котором ситуация, обозначаемая словом *бытность,* одновременна с ситуацией, которая соотносится со временем речи и локализуется в будущем после времени речи. Как мы увидим далее, в современном русском языке возможность локализации в будущем (и настоящем) для ситуации, обозначаемой словом *бытность,* исключается.

4. Становление единицы *в… бытность* и ее трактовка в словарях

По словам академика В. В. Виноградова, «обращает на себя внимание при свободном употреблении разных форм слова *бытность* (в значении

‘пребывание’, ‘нахождение где-нибудь или в какой-нибудь должности’ — ср. в Мат-лах для истории Имп. Акад. Наук, 1730, т. 1: “…выдать... тебѣ ему, Коровину *въ бытности* его при академии наукъ службы заслуженное его, прошлаго 1729 году за сентябрьскую треть…”) — решительное количественное преобладание в деловой речи XVIII в. выражения *в бытность,* сочетающегося с разными определениями. Например, “а нынѣ я *в бытность* свою въ Калугѣ проѣлся…” (Доклады и приговоры в Сенате, 1711. СПб., 1880, 1, стр. 119)» [Виноградов 1999: 69].

«Решительное количественное преобладание выражения *в бытность»* над всеми другими употреблениями слова *бытность* вне всякого сомнения свидетельствует о начавшемся в XVIII в. (а возможно, и раньше) процессе формирования единицы *в… бытность*, который, насколько мы можем судить, в настоящее время либо завершился, либо близок к своему завершению. Аргументом в поддержку этой точки зрения служит то обстоятельство, что в современном русском языке единица *в… бытность* употребляется только в интересующей нас таксисной конструкции.

Обычно считают, что у слова *бытность* других падежных форм, кроме формы вин. падежа, нет[7]. Это зафиксировано в словарях, в частности в МАСе, где относительно этого слова за ромбиком сказано следующее: «**В бытность** *(чью) кем* или *где* — во время пребывания, нахождения в качестве кого-л. или где-л. *В бытность мою на Сахалине при Александровской тюрьме числилось более двух тысяч каторжных*. Чехов. Остров Сахалин» [МАС: I, 130]. Аналогичной точки зрения придерживается и новейший толковый словарь русского языка [БАС: 2, 293]. Таким образом, у нас есть все основания считать, что это имя утратило парадигму падежного словоизменения и «застыло» в форме вин. падежа, управляемого предлогом *в*[8].

Если судить по только что приведенному толкованию, предложенному в МАСе, эта единица, как минимум, двухвалентна. Одно валентностное место заполняет личное имя или притяжательное местоимение, обознача-

[7] Ср.: «Слово *бытность* в современном русском языке уже не употребляется как самостоятельная, обладающая полной системой форм имени существительного единица речи. Она является обычно лишь составной частью обстоятельственного выражения: *в бытность* — (чью-нибудь, где-нибудь) — ‘во время пребывания, нахождения’» [Виноградов 1999: 66].

[8] Впрочем, это слишком сильное утверждение. В текстах художественной литературы, правда исключительно редко, встречаются и другие словоформы этого слова: (13) «*Мы, скобари! — вдруг тонким голосом театрально вскричал он (в его сложной биографии была и* ***бытность*** *драматическим актером). — Все “Войну и мир” написать хотим…*» (Битов). В «Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru)» содержится 336 (100 %) употреблений слова *бытность.* Из них на долю употреблений вне сочетания *в… бытность* приходится 31 (8,1 %). Есть некоторые основания полагать, что в современном русском языке употребления слова *бытность* вне сочетания *в… бытность* можно рассматривать как проявление индивидуального творчества писателей.

ющее субъекта, точнее человека, см. (1)—(2), а другое заполняет имя, обозначающее местонахождение субъекта, см. (1), либо должность или звание этого субъекта, см. (2)[9]. Крайне редко валентности на имя, обозначающее местонахождение субъекта, и на имя, обозначающее должность или звание субъекта, реализуются совместно, не внося диссонанса в толкование:

(15) *В июле 1917 г. формирование польского корпуса было возложено Ставкой на Западный фронт, в бытность мою* ***там главнокомандующим*** (Деникин).

Таким образом, единица *в… бытность,* не будучи «прямым родственником» глагола *быть*, вместе с тем является в известной степени его синонимом. В частности, в МАСе относительно глагола *быть* говорится, что как самостоятельный он имеет следующее второе значение: «Находиться, присутствовать где-л. *И* ***там*** *я был, и мед я пил; У моря видел дуб зеленый.* Пушкин. Руслан и Людмила» [МАС: I, 130]. Там же говорится, что, будучи вспомогательным, глагол *быть* «употребляется в значении связки между подлежащим и именным сказуемым» и среди прочих приводится пример «*Вы были тогда* ***поручиком***. Чехов. Три сестры» [МАС: I, 130]. Иными словами, у глагола *быть* есть те же значения, которые являются основными для единицы *в… бытность.*

Однако единица *в… бытность* принципиально отличается от глагола *быть* тем, что она, будучи книжной и нарративной, может употребляться только в бипропозитивной таксисной конструкции (глагол *быть* может употребляться и в бипропозитивной, и в монопрепозитивной конструкции), и тем, что она может локализоваться только во временном отрезке, предшествующем времени речи (у глагола *быть* полная парадигма временных форм, включающая личные нулевые формы настоящего времени). При этом данная единица по умолчанию обозначает длительную ситуацию, отделенную заметным интервалом от времени речи.

(16) *Помнится, в бытность мою охранником на центральной автобусной станции в израильском городе Натания из близлежащего зоомагазина среди бела дня украли большого говорящего попугая* (Бородин).

---

[9] Изредка в текстах встречаются примеры типа

(14) *И наконец, это последний из саратовских ректоров, который не был заменен в бытность* ***губернаторства Дмитрия Аяцкова*** (Александр Крутов. Губернатор ищет ректору преемника // «Богатей» (Саратов), 2003.04.10) [НКРЯ].

Такие примеры, на наш взгляд, следует рассматривать как трансформированные варианты примеров типа (2). Ср.:

(14) а. *И наконец, это последний из саратовских ректоров, который не был заменен в бытность* ***Дмитрия Аяцкова губернатором***.

Наличие заметного временного интервала может акцентироваться словом *еще*, предшествующим единице *в… бытность*:

(17) *В близости к руководству компании он был замечен **еще** в бытность первым замом председателя, затем председателем Госкомрезерва* (Логинов).

Впрочем, что встречается исключительно редко, контекст может ликвидировать интервал:

(18) *По крайней мере, в мою бытность строителем — **от прораба до сегодняшнего дня** — ничего подобного не было* (Салтыков).

В литературе XIX в., а именно у Достоевского, встречаются отдельные примеры, в которых фиксируется небольшой временной интервал до времени речи:

(19) *Жена моя **вчера**, в бытность нашу у Семена Алексеича, весьма кстати подшутила над вами* (Достоевский).

Однако такое употребление, очевидно, невозможное в современном языке, скорее всего, следует рассматривать как индивидуальное авторское и противоречащее общему значению конструкции.

5. Формальные и семантические особенности таксисной конструкции с единицей *в… бытность.*

5.1. Оформление опорного глагола

Хотя опорный глагол в этой таксисной конструкции прототипически является финитным, он может также выступать и в нефинитной форме деепричастия, см. (20), и причастия, см. (21):

(20) ***Пройдя** большую школу выживания в бытность свою, как он говорил, «действующим ученым», Суханов считал, что маленьких денег не бывает* (Андрей Белозеров. Чайка (2001)) [НКРЯ]

(21) а. *С борта нанятой моторной лодки, которой управлял пожилой, но все еще отталкивающе красивый русский белогвардеец и даже, говорили, барон (у моей дурочки сразу вспотели ладошки), **знавший** в бытность свою в Калифорнии любезного Максимовича и его Валерию, нам было дано разглядеть недоступную Колонию Миллионеров на острове на некотором расстоянии от берега штата Георгии* (Владимир Набоков. Лолита (1955)) [НКРЯ].

б. *Именно оттуда пошло прозвище Миша Два процента, **запущенное** уже в бытность Касьянова премьером* (Алексей Макаркин. Премьер без срока годности // «Совершенно секретно», 2003.05.05) [НКРЯ].

В роли опорного глагола может выступать и предикатное имя:

(22) *Кроме самого Термена, настоящим виртуозом игры на его инструменте стала американка Клара Рокмор,* ***подруга*** *Льва Сергеевича в бытность его в Америке* (Юрий Ревич. Я обещал Ленину // «Знание — сила». № 8. 2003) [НКРЯ].

Локализация только во временном отрезке, значительно предшествующем времени речи, резко противопоставляет анализируемую конструкцию другим таксисным конструкциям, однако опорный финитный глагол, естественно выступая по преимуществу в форме прошедшего времени, может также выступать и в форме настоящего исторического, и в форме будущего времени:

(23) *Подлинный расцвет русской гимнографии наступает при святителе Макарии Московском, который еще в бытность свою архиепископом Новгородским* ***возгревает*** *развитие русского литургического творчества* (Игнатия (Петровская), монахиня. Место Великого канона преподобного Андрея Критского и других его произведений в песнотворческом достоянии Церкви) [НКРЯ].

(24) *В бытность комбатом* ***зайдет****, бывало, Степан Сергеич в спальное помещение курсантов, увидит незаправленную койку — и рука его тянется разравнивать одеяло, опережая зычный оклик: «Дневальный, ко мне!»* (Азольский).

Финитный глагол в главной части конструкции преимущественно выступает в форме актива, но вместе с тем, если глагол наряду с формой актива имеет и форму пассива, он может выступать и в этой форме:

(25) а. *План…* ***был передан*** *Кутузову в его бытность в Вене австрийским гофкригсратом* (Толстой).

б. *Подсудимый, в бытность свою на фронте в 1915 году****,*** ***был арестован****, неизвестно за что* (Каверин).

5.2. Таксисные значения конструкции

В этой конструкции выражается либо значение полной одновременности — финитный глагол НСВ обозначает состояние, см. (26а), либо такое значение неполной одновременности, когда ситуация P_2, обозначаемая финитным глаголом, совершается на фоне длящейся ситуации P_1, выражаемой единицей *в… бытность*, — финитный глагол НСВ обозначает процесс, см. (26б), или финитный глагол выступает в форме СВ, см. (27)[10]:

(26) а. *В итоге я прошел несколько кварталов, изучая угловые дома, и оказался на Келли-роуд, прямо у дома, в котором* ***жил*** *Д. в бытность его преподавателем здешнего колледжа* (Набоков).

[10] Что касается единицы *в… бытность…*, то ей во всех ее употреблениях присуще континуальное значение НСВ [Падучева 1996].

б. *Я вспомнил одну из баек нашего бессмертного Абесаломона Нартовича. Еще в бытность свою ответственным работником он* ***сопровождал*** *какую-то немецкую делегацию* (Искандер).

(27) а. *Цицерон-младший, походивший на отца, по свидетельству Монтеня, только тем, что носил то же имя, в бытность свою римским градоначальником Бухары* ***заметил*** *однажды у себя на пиру Цестия, затесавшегося среди вельмож* (Стругацкие).

б. *Поправьте меня, если я ошибаюсь, Владимир Сергеевич. Кажется, это у вас пять лет назад в бытность вашу на Марсе* ***рассыпалась*** *гусеница у танкетки, не правда ли?* (Стругацкие).

Ситуация P_2 в этой конструкции может осуществляться в прошлом на фоне длящейся ситуации P_1 неопределенное количество раз. В этом случае финитный глагол выступает в форме НСВ и имеет итеративное значение, но тогда он обычно сочетается с обстоятельством кратности:

(28) а. *В бытность мою в С-м уезде мне* ***часто приходилось*** *бывать на Дубовских огородах у огородника Саввы Стукача, или попросту Савки…* (Чехов).

б. *В бытность свою следователем милиции она* ***ни разу*** *за два года* ***не получала*** *своих дел на доследование* (Савельева).

5.3. Общие свойства анализируемой конструкции и других таксисных конструкций, в которых ситуация P_1 выражается предикатным именем

Прежде всего отметим, что эта конструкция может быть как односубъектной, см. (29), так и разносубъектной, см. (30). Иными словами, она в принципе является безразличносубъектной:

(29) *Летом, в бытность мою в уездном городе мне понадобилось пришить пуговицу к моему пальто* (Салтыков-Щедрин).

(30) *В бытность Артура в Вене дом Гейленштралей мог посещать всякий желающий* (Чехов).

Далее обратим внимание на то, что реализуются все три логически допустимых порядка следования зависимой части конструкции, выражающей ситуацию P_1, и ее главной части, выражающей ситуацию P_2: 1. зависимая часть предшествует главной, см. (31), 2. зависимая часть следует за главной, см. (32), 3. зависимая часть вклинивается в главную, см. (33):

(31) *В бытность мою — три срока — членом бюро секции прозы Союза писателей я неоднократно бывал свидетелем таких примерно отзывов* (Войнович).

(32) *А вы знаете, где он служил в бытность свою на фронте?* (Каверин).

(33) *Ваша мамаша, еще в бытность мою при них, начала к вам письмо* (Достоевский).

*5.4. Обозначение субъекта ситуации, выражаемой единицей **в…бытность***

Во-первых, такой субъект может обозначаться именем лица и/или его фамилии, а также каким-либо термином родства. Это имя почти всегда выступает в контактной постпозиции по отношению к лексической единице *в… бытность*:

(34) а. *В бытность **Жукова** в Киевском округе и теперь в Москве самым опасным стратегическим направлением признавалось юго-западное* (Яковлев).

б. *В бытность **Михаила Сергеевича Горбачева** Президентом страны к нему приходят и докладывают…* (Раскин).

Вместе с тем исключительно редко это имя может выступать в неконтактной постпозиции относительно лексической единицы *в… бытность*:

(35) *Летом, в бытность в Петербурге **принца Карла Прусского**, за обедом, при котором и принц присутствовал, речь коснулась новокатоликов* (Корф).

Также крайне редко субъект может обозначаться личным притяжательным прилагательным, которое закономерно выступает в интерпозиции между предлогом *в* и словом *бытность*:

(36) *И еще одно: враг, хотя уже и не тот, что был в **Папашину** бытность кругом, но все же и нынче существует, не дремлет и другим дремать не дает* (Геннадий Николаев. Вещие сны тихого психа // Звезда. № 5. 2002) [НКРЯ].

Наконец, очень широко субъект обозначается притяжательными местоимениями в родительном падеже, которые выступают либо в стандартной контактной препозиции по отношению к слову *бытность*, либо значительно чаще, и это необходимо подчеркнуть, в нестандартной контактной постпозиции относительно слова *бытность*. Мы имеем в виду притяжательные местоимения ед. ч. жен. рода, 1 и 2 л.: *мою*, *твою*, а также местоимение *вашу*, замещающее местоимение *твою* в вежливом употреблении, см. (37), 3 л. муж. и жен. рода: *его*, *её*, см. (38), притяжательные местоимения мн. ч., 1, 2 и 3 л.: *нашу*, *вашу*, *их*, см. (39):

(37) а. *Если положить на две чаши, что он — в **мою** бытность — делал для охраны порядка и какую прибыль извлекли для себя эсеры, то стрелки весов покажут выигрыш для бомбистов* (Семенов).

б. *Она сказала, что я несколько раз пытался растлить ее в бытность **мою** жильцом у ее матери* (Набоков).

в. *— Скажи — в бытность **твою** главным городским судьей в Хорезме не приходилось ли тебе приговаривать кого-либо к повешению?* (Соловьев).

г. *В бытность же **вашу** прошлого года в вотчинах крестьяне ваши хотели вам на него жаловаться* (Пушкин).

(38) а. *Он пожелал пилить дрова с подначальными, которые в **его** бытность постоянно исполняли при архиерейском доме черные дворовые работы* (Лесков).

б. *Да, свидетель имеет некоторые дополнения: он просит суд еще раз обратить внимание на то, что подсудимый в бытность **его** в отряде отличался храбростью и честностью, а даваемые ему поручения выполнял, неоднократно рискуя своей жизнью* (Каверин).

в. *Раздевшись, она вошла в спальню, но на лице ее не только не было того оживления, которое в бытность **ее** в Москве так и брызгало из ее глаз и улыбки…* (Толстой).

(39) а. *В **нашу** бытность в Угре соленые волнушки и рыжики в сметане составляли существенную часть нашего питания* (Рерих).

б. *Священник Иван Ефимов в допросе между прочим объявил, что он бежавших колодников скованных и с ними двух человек в бытность **их** у него в доме поил вином, пивом и медом* (Пушкин).

Притяжательные местоимения разных лиц, что в принципе можно было предположить, встречаются в текстах, если судить по нашей выборке, с неодинаковой частотой. Об этом свидетельствуют данные, представленные в следующей таблице:

местоимения-субъекты единицы *в… бытность*	кол-во	%
местоимения 1-ого лица (*мою*, *нашу*)	107	54,59 %
местоимения 2-ого лица (*твою*, *вашу*)	6	3,06 %
местоимения 3-его лица (*его*, *ее*, *их*)	83	42,35 %
всего употреблений	196	100,00 %

Широкое употребление местоимений первого и третьего, но не второго лица подтверждает нарративный характер единицы *в... бытность*, который вступает в конфликт с диалогичностью, выступающей на передний план при употреблении второго лица.

Любое из перечисленных местоимений может отсутствовать в односубъектной конструкции, если соотносительное личное местоимение или личное имя занимает позицию подлежащего (первого актанта) при финитном глаголе в главной части конструкции независимо от взаимного расположения частей конструкции:

(40) а. *В (**мою**. — К. К., В. Х.) бытность харьковским генерал-губернатором **я** проводил всевозможные конкурсы среди гимназистов и студентов, чтобы поощрить в молодом поколении патриотические чувства и стремление к полезным преобразованиям* (Акунин).

б. *В бытность* (***его***. — *К. К., В. Х.*) *студентом, при знакомстве с дамами* ***Леша*** *всегда представлялся как некто Геннадий — водитель ассенизационной машины* (Аренов).

в. *В городе, в котором находился наш острог, жила одна дама, Настасья Ивановна, вдова. Разумеется, никто из нас, в бытность* (***нашу***. — *К. К., В. Х.*) *в остроге, не мог познакомиться с ней лично* (Достоевский).

г. *Пишу сейчас о Владимире и не могу не вспомнить о моем страшно несправедливом отношении к нему в* (***мою***. — *К. К., В. Х.*) *бытность мэром Петербурга* (Собчак).

Местоимения могут отсутствовать и в разносубъектной конструкции, в которой личное местоимение или личное имя занимает позицию дополнения (не первого актанта) при финитном глаголе:

(41) *В* (***мою***. — *К. К., В. Х.*) *бытность мэром Петербурга* ***мне*** *любезно открывали свои двери лучшие отели французской столицы* (Собчак).

(42) *В (****его***. — *К. К., В. Х.) бытность деканом этого дефекта* ***у него*** *не наблюдалось — два раза в неделю он посещал спортзал* (Сергей Романов. Парламент (2000)) [НКРЯ].

Также, если личное местоимение или личное имя занимает позицию подлежащего при финитном глаголе в главной части односубъектной конструкции, любое из перечисленных местоимений может замещаться неопределенно-личным притяжательным местоимением ед. ч. ж. рода *свою*:

(43) а. *Я женился еще в свою* (= ***мою***. — *К. К., В. Х.*) *бытность стажером (Шлинк)*.

б. (К Полонию). *Милорд, вы играли в свою* (= ***вашу***. — *К. К., В. Х.*) *бытность в университете, не правда ли?* (Шекспир, перевод Пастернака).

в. *Подсудимый, в бытность свою* (= ***его***. — *К. К., В. Х.*) *на фронте в 1915 году, был арестован, неизвестно за что* (Каверин).

Однако замена местоимений разных лиц происходит с неодинаковой частотой. Данные нашей выборки отражает следующая таблица:

заменяемые местоимения	кол-во	%
местоимения 1-ого лица (*мою*, *нашу*)	11	7,80 %
местоимения 2-ого лица (*твою*, *вашу*)	1	0,71 %
местоимения 3-его лица (*его*, *ее*, *их*)	129	91,49 %
всего употреблений	141	100,00 %

Как видно из таблицы, замена главным образом касается местоимений 3 лица. Можно даже считать, что в этом случае замена нормативна, чего нельзя сказать о местоимениях 1 и 2 л.

6. Изменение валентностного потенциала единицы *в…бытность*

Судя по примерам из статьи В. В. Виноградова и по примерам из нашей выборки, с XVII в. по первую половину XIX в. второе валентностное место единицы *в… бытность* заполняло только имя, обозначающее местонахождение субъекта. Возможность заполнения этого места именем, обозначающим должность или звание субъекта, как будто бы появляется только во второй половине XIX в. Ср.:

(44) *Император Николай, в бытность еще* ***великим князем и генерал-инспектором инженерной части****, зазнал в инженерном департаменте Шихматова начальником отделения и с тех пор постоянно сохранял о нем хорошее мнение* (Корф).

Вместе с тем наша выборка свидетельствует о том, что если в XIX в. количество примеров, в которых второе валентностое место занимает имя, обозначающее должность или звание субъекта, значительно уступает количеству примеров, в которых второе валентностное место занимает имя, обозначающее местонахождение субъекта, то в XX в. ситуация принципиально меняется. Теперь количество примеров, в которых второе место занимает имя, обозначающее должность или звание субъекта, уже заметно превышает количество примеров, в которых второе место занимает имя, обозначающее местонахождение субъекта. Проведенные подсчеты отражает следующая таблица:

В XIX веке:	
в бытность где	83,33 %
в бытность кем	16,67 %

В XX веке:	
в бытность где	40,29 %
в бытность кем	59,71 %

Из изложенного следует, что современный валентностный потенциал единицы *в… бытность* очевидным образом вырос по сравнению с валентностным потенциалом этой единицы в момент ее образования и при этом вновь приобретенная валентностная конфигурация в XX и в XXI вв. становится основной, оттесняя на задний план исходную валентностную конфигурацию.

7. Заключение

Результаты проведенного анализа могут быть суммированы следующим образом. В современном русском языке есть специфическая связанная лексическая единица *в…бытность*, которая восходит к свободной лексической единице *бытность.* Она употребляется в нарративе только в зависи-

мой части таксисной конструкции, локализуется в прошлом и по умолчанию обозначает длительную ситуацию, отделенную от времени речи заметным временным интервалом. В этой таксисной конструкции выражаются различные варианты значения одновременности.

Литература

БАС — Большой академический словарь русского языка. Т. 2. М.; СПб., 2005.

Бондарко 1987 — А. В. Бондарко. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 234—242.

Бондарко 1999 — А. В. Бондарко. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 1999.

Вахтин 1995 — Н. Б. Вахтин. Синтаксис языка азиатских эскимосов. СПб., 1995.

Виноградов 1968 — В. В. Виноградов. История возникновения и употребления слова *бытность* в русском языке // Slavia Orientalis. 1968. № 3. С. 457—462.

Виноградов 1999 — В. В. Виноградов. История слов. М., 1999.

МАС — Словарь современного русского литературного языка: В 4 т. М., 1981—1984.

Маслов 1984 — Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.

Недялков, Отаина 1987 — В. П. Недялков, Т. А. Отаина. Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987. С. 296—319.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. http://www.ruscorpora.ru

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М., 1996.

Словарь XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1. М., 1975.

Словарь XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. Вып. 2. Л., 1985.

Соболевский 1948 — С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка. М., 1948.

Храковский 2003 — В. С. Храковский. Категория таксиса (общая характеристика) // ВЯ. 2003. № 2. С. 32—54.

Якобсон 1972 — Р. О. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 95—113.

Bloomfield 1946 — L. Bloomfield. Algoniquan // Linguistic structures of Native America (Viking Fund Publications in Anthropology). N. Y., 1946. № 6. P. 98—105.

Jakobson 1957 — R. Jakobson. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb. Harvard University. 1957.

Worf 1946 — B. Worf. The Hopi language in Toreva Dialect // Linguistic structures of Native America (Viking Fund Publications in Anthropology). N. Y., 1946. № 6. P. 158—183.

И. Б. ИТКИН

ДВЕ ЗАМЕТКИ О БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ: Смол. 12, Торж. 4

I. Вокруг одной буквы: к интерпретации берестяной грамоты Смол. 12

Смоленская берестяная грамота № 12, датируемая серединой XII в., — интересный и трудный для изучения документ, уже становившийся предметом подробного рассмотрения в работах А. А. Зализняка и А. А. Гиппиуса, см. [ДНД$_1$: 289—291; ДНД$_2$: 344—346; Гиппиус 2004: 227—228]. Ныне — с учетом наиболее надежных конъектур — текст грамоты выглядит следующим образом [ДНД$_2$: 344]:

Внутренняя сторона:

(ѿ) [и]вана ко роусиле выправи ми дъбр...
- - - ю ѧрине въꙁеми оу кънъꙁюѧ гр҃вноу оу нежѧ...
ал[и] ти не въдасть а въꙁеми (в)ъ треть а ѧти ...
кь да же ти ми боудете дъбр[о] (а) присълоу ти ...
оже хъчеши пъ-ъне а присъли - - - - - [е] челъв[е](к)...

Внешняя сторона:

чи ти поченете (ч)етъ лести(ти) ...
а не моꙁи четъ мълъвити

Предметом нашего рассмотрения будет в первую очередь пятая строка грамоты, точнее — содержащий единственную утраченную букву отрезок **пъ-ъне**. Из всех — довольно многочисленных — теоретически мыслимых вариантов заполнения данной лакуны А. А. Зализняк и А. А. Гиппиус считают наиболее вероятным вариант **пъ (м)ъне**. При этом А. А. Гиппиус переводит соответствующий оборот как «(вслед) за мной»[1], тогда как А. А. За-

[1] При этом приведенный в [Гиппиус 2004: 228] в подтверждение такой трактовки пример из берестяной грамоты Твер. 2: *а ѧзо по тебе буду само* — в действительности параллелью к рассматриваемому фрагменту служить не может: *тебе* является здесь формой не дательного, а винительного падежа (на это обстоятельство нам указал сам А. А. Гиппиус (устное сообщение)).

Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 191—195.

лизняк наряду с этим пониманием допускает и другое — «в соответствии с моим желанием, по моему вкусу», — иллюстрируя возможность такого перевода примером из «Жития Андрея Юродивого»: *и аще бы по мнѣ* [ДНД$_2$: 345].

На наш взгляд, подобное решение далеко не бесспорно. Прежде всего, вызывает сомнения сама возможность конструкции **хотѣти по комь*, как будто не находящей себе аналога ни в каких других текстах. Как в примере из «Жития Андрея Юродивого», так и в современном выражении *это* (*не*) *по мне* оборот с предлогом *по* зависит не от глагола *хотеть*, а от глагола *быть*. Кроме того, при любом понимании гипотетического **пъ (м)ънє** остается неясным, зачем (или, вернее, за чем) Русиле посылать к Ивану человека, а вся фраза производит впечатление некоторой темноты и неуклюжести, для берестяных грамот совершенно нехарактерной. Конечно, чтение **пъ (м)ънє** можно было бы принять, окажись оно лучшим из всех возможных, но, как мы надеемся показать, дело обстоит не так.

Наше решение, насколько нам известно, никем ранее не предлагавшееся, основано на том, что рассматриваемый фрагмент находит себе исключительно точную параллель — до сих пор, судя по всему, также не привлекавшую к себе внимания — в другом берестяном документе, новгородской грамоте № 8 (рубеж XII—XIII вв.), заключительная часть которой имеет следующий вид [ДНД$_2$: 434]:

...**ожь хочьши коровь а єдеши по коровѹ а вьзи три гривьнь**
«Если хочешь корову и едешь за коровой, то вези три гривны».

Как видно, сходство действительно очень велико. В обоих случаях использован оборот «**ожь хочьши** X, **а** P!», где P! — форма повелительного наклонения. Единственное серьезное различие, наблюдаемое между двумя фрагментами, строго говоря, лишь подчеркивает параллелизм отраженных в них ситуаций: если в грамоте № 8 предполагается, что владелец пойманной коровы явится за ней лично (отсюда добавление **а єдеши по коровѹ**), то автор грамоты Смол. 12 знает, что Русила не может сам приехать к нему, и вполне резонно предлагает, чтобы тот прислал человека. Есть все основания полагать, что и отрезок **пъ-ънє** устроен аналогично отрезку **коровь**, т. е. представляет собой не сочетание с предлогом *по*, а форму род. п. (в грамоте № 8, как и в других берестяных грамотах, форма *хочеши* управляет именно родительным падежом) существительного женского рода, обозначающего движимое имущество, за которым можно — и осмысленно — кого-либо отправить. И такое существительное действительно обнаруживается: *попона*.

Таким образом, мы предлагаем интерпретировать пятую строку грамоты Смол. 12 следующим образом: **оже хъчеши пъ(п)ънє а присъли** - - - - - [**є**] **челъв**[**є**](**к**)... «Если хочешь попону, пришли ... человека...». Для лакуны, следующей за формой **присъли**, А. А. Гиппиус предполагает восполнение (**къ мън**)[**є**] [Гиппиус 2004: 228]. Это решение, идеально проходящее по буквам, в то же время выглядит несколько избыточным в коммуникативном плане. С другой стороны, для самой, пожалуй, напрашивающейся

конъектуры (**въ бъръзѣ**)[**є**] ‘срочно, спешно’, насколько можно судить, не хватает места. Может быть, автор письма в данном случае употребил необычное для берестяных грамот беспредложное (**бъръзѣ**)[**є**] (ср. **борзо** в поздней грамоте № 131)?

С содержательной точки зрения чтение **пъ(п)ъне** выглядит вполне правдоподобным. Как показывает материал других берестяных грамот, где встретилось это слово, попоны в Древней Руси обладали достаточной ценностью: см., в частности, грамоты № 65 и 78, авторы которых обращаются к адресатам с просьбой в числе прочего имущества привезти или взять одну или несколько попон, и особенно № 718, где две попоны фигурируют в перечне погородья (одного из видов дани), взятого с Бежецкого Городца, наряду с тремя яловыми коровами.

В случае принятия чтения **пъ(п)ъне** ⟨*по*(*п*)*онѣ*⟩ неизбежно возникает вопрос о возможности употребления в смоленской берестяной грамоте «новгородского» диалектного окончания род. п. ⟨*-ѣ*⟩ на месте стандартного *-ы*. Как представляется, ответ на этот вопрос вполне может быть положительным.

Прежде всего, трактовка грамоты Смол. 12 как неновгородской, помимо, разумеется, места ее находки, базируется фактически только на употреблении императива **не можи** вместо новгородского *не моги*. На наш взгляд, этот аргумент при всей его весомости нельзя считать решающим: соответствующая форма может быть просто элементом книжности. С другой стороны, инфинитив **мълъвити** демонстрирует рефлекс сочетания **ТълТ*, характерный прежде всего как раз для Новгорода: показательно, что в берестяной грамоте Смол. 2/3, написанной, правда, значительно позже (ориентировочно в 3-ей четверти XIII в.), встретились формы **молвь** и **столпьѧ** [ДНД$_2$: 521].

Если же рассматривать грамоту Смол. 12 как отражающую именно древнесмоленский говор, что все-таки представляется более вероятным, то и в этом случае употребление окончания род. п. ⟨*-ѣ*⟩ никоим образом не может считаться аномальным: то же окончание обнаруживается в грамоте Смол. 9/8, где находим **пъло сьме р**[**ги**]**в**[**нѣ**] (вместо ⟨*гривнѣ*⟩; как специально отмечает А. А. Зализняк [ДНД$_2$: 462], чтение **р**[**ги**]**в**[**ны**] невозможно). Тем самым, формы **р**[**ги**]**в**[**нѣ**] и **пъ(п)ъне** взаимно поддерживают друг друга, свидетельствуя о том, что замена *-ы* на *-ѣ* в формах род. п. существительных *а*-склонения была характерна не только для новгородской, но и для смоленской зоны.

Обнаружение в грамоте Смол. 12 формы род. п. на **-є** позволяет задаться вопросом о возможности аналогичной интерпретации и для словоформы **ѧрине**. Обычная трактовка этой словоформы как дат. п. с учетом наличия в той же фразе несомненного дат. п. **ми** ‘мне’ требует достаточно сложных синтаксических построений, тогда как ее трактовка как род. п. позволяет — по крайней мере, при понимании **ѧрине** не как имени собственного *Ярина*, а как нарицательного существительного ‘яровой хлеб’ — предполагать наличие в первых двух строках грамоты простейшей конструкции типа **выправи ми дъбр**(**є сътворѧ дєж**)**ю ѧрине** «пожалуйста, добудь мне

кадь ярового хлеба»; в этом случае становится вполне понятно, на что должна быть потрачена Конозюева гривна.

Таким образом, предлагаемая интерпретация отрезка **пъ-ъне** как **пъ(п)ъне** не только не встречает каких-либо непреодолимых препятствий, но и намечает пути разрешения ряда проблем, возникающих при анализе грамоты Смол. 12.

II. Вокруг одной бочвы: берестяная грамота Торж. 4

Небольшая грамота Торж. 4, от которой сохранилась только средняя часть, в издании представлена следующим образом [НГБ XI: 122]:

...-оу
боцеведвегривневозворотиопа
[**кы**]**т-мон**...

В тексте грамоты несомненно имеются синтагмы **две гривне** «две гривны» и **возвороти опа**[**кы**] «верни назад», начало же и конец сохранившейся части документа пока не получили убедительной интерпретации. В частности, по замечанию публикаторов, «словоформа *боцеве* (имя собственное?) выделяется ненадежно; в тексте могло стоять и притяжательное прилагательное ...*оубоцеве* (‘принадлежащие ...убочу’)» [Там же].

В отличие от П. Д. Малыгина и А. А. Зализняка, мы полагаем, что выделение в грамоте отрезка *боцеве* представляется практически несомненным, и рассматриваем его как ⟨*бъчьве*⟩ — форму род. п. существительного консонантного склонения *бъчи* ‘бочка’. Как показано, в частности, в [Фасмер 1986—1987: I, 202], существует вполне достаточно аргументов в пользу реконструкции этого слова в праславянском именно как старой **ū*-основы. К свидетельствам из других славянских языков, приведенным М. Фасмером, — ср. хотя бы болгарское *бъчва* — можно добавить и ряд собственно-русских данных. Наряду с известным примером из «Жития Феодосия Печерского» (Успенский сборник) — *обрѣте бъчьвь тоу* [Слов. XI—XVII: 1, 304], — отметим еще, например, древнерусское *бъчьвица* ‘утолщение на стебле, из которого развивается колос’ [Там же], а также фамилию *Бочвар*.

Обнаружение в тексте грамоты Торж. 4 формы ⟨*бъчьве*⟩ имеет определенную лингвистическую ценность: до сих пор единственными словами *ū-склонения, встретившимися в берестяных документах, оставались заимствованные в древненовгородский диалект из книжного языка существительные *цьркы* ‘церковь’ и *цѣлы* ‘спасение’ [ДНД$_2$: 117].

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, является ли словоформа *боцеве* именем нарицательным или же — в соответствии с предположением издателей — именем собственным (т. е. почти наверняка прозвищем). По-видимому, безусловно предпочтительным следует считать второе

из этих решений (на это обстоятельство наше внимание обратила С. А. Бурлак). Принимая его, мы, как кажется, оказываемся в состоянии выдвинуть достаточно правдоподобную гипотезу об общей структуре сохранившейся части грамоты. Отрезок текста, следующий за словом **опа**[**кы**], в издании воспроизведен просто как **т-мон**. В [ДНД$_2$: 456] для того же отрезка предлагается конъектура **т**(**а**)**мо н**..., что, на наш взгляд, нельзя признать убедительным. Между тем существует возможность видеть в третьей строке грамоты форму дат. п. **т**(**и**)**мон**(**ѣ**) — ср. то же имя **Тимонѫ** в грамоте № 582. В этом случае весь текст грамоты Торж. 4 предстает более или менее стандартным финансовым распоряжением: «(Грамота [если верхняя из сохранившихся строк грамоты была действительно первой, места для слова *покланѧние*, как кажется, оказывается недостаточно; разумеется, слово, предшествующее *от*, могло вообще отсутствовать] от X-а к Y-у. Взяв) у Бочвы две гривны, верни [их] обратно Тимоне...» Правда, не исключено, что такое решение наталкивается на палеографические трудности: на прориси, приведенной в издании [НГБ XI: 123], имеется изображение верхней части буквы, стоявшей между *т* и *м*. Сохранившиеся штрихи, если они переданы верно, как будто бы исключают и чтение [*а*], и чтение [*и*]: соответствующая буква значительно больше похожа на *о*. Однако получающаяся при этом последовательность **т**[**о**]**мон**... не дает никакого ясного смысла; таким образом, эта проблема требует дальнейшего изучения.

Что касается трактовки *боцеве* как нарицательного существительного, то в этом случае едва ли возможно обойтись без предположения о том, что за завершающим первую строку *оу* стоит предлог ⟨*в*⟩, ср. [ДНД$_2$: 456], а синтаксис всей фразы так или иначе остается гадательным*.

Литература

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. С. 183—232.

ДНД$_1$ — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

ДНД$_2$ — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

НГБ XI — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004.

Слов. XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—. М., 1975—.

Фасмер 1986—1987 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986—1987.

* Автор выражает искреннюю признательность А. А. Гиппиусу и А. В. Родионовой, прочитавшим первоначальный вариант настоящей статьи и сделавшим ряд важных замечаний.

Е. А. ЗЕМСКАЯ

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ЭМИГРАНТКИ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ (ТРЕТЬЕ ПОКОЛЕНИЕ)*

Вводные замечания

Встает вопрос: как живет на рубеже веков русский язык у потомков эмигрантов первой волны? Очевидно, что однозначного ответа на этот вопрос быть не может: в одних семьях русский язык умирает, в других живет даже в четвертом поколении. Такие семьи мне известны в разных странах (США, Финляндия, Германия, Италия, Франция, Китай, Бельгия, Болгария и др.).

Сохранение или утрата (забвение) русского языка зависит от страны пребывания в незначительной степени. Играет роль индивидуальность человека, его общая культура, язык, на котором получено образование, роль семьи, профессия, стремление сохранить свою «русскость», православная церковь и ряд других факторов, подробно рассмотренных в [Земская 2001: 209—221].

Имя нашей героини Ирина Леонова (далее принято сокращение И. Л.). Мои реплики отмечены пометой Е. З.

Речевой портрет И. Л.: лингвистический и социокультурный аспект

И. Л. имеет русские корни, ее родители были русскими: мать из рода князей Барятинских, отец — Всеволожский, офицер (военный).

И. Л. родилась в Марокко в 1934 г. Ее дедушка и бабушка после революции бежали с детьми из своего имения в Крыму (Симеиз). Дедушка Мальцев был не только помещиком, но и промышленником. Бабушка имела частичку шведской крови — ее мать была полушведка, а отец из рода князей Барятинских. Вскоре после отъезда бабушка решила, что им надо вернуться, так как их семье ничто не угрожает: ее муж — уважаемый человек, рабочие его любили. И они вернулись с острова Мальта в Крым. Однако поступок бабушки — свидетельство ее наивности. Кто-то (по пред-

* Данная работа финансирована РГНФ, проект № 07-04-00325а.

положению, садовник) донес: господа вернулись. Они были арестованы и в ту же ночь расстреляны. Остались няня и трое детей: две дочери и сын. Одна из них — мать нашей будущей героини.

Речевой портрет И. Л. представляет особый интерес по ряду причин. Она жила во многих странах (Россия, Франция, Марокко, Ирландии, Англия, США). Она владеет многими языками (французским, русским, английским, арабским). История ее семьи и характерна для русской эмиграции, и исключительна. Сама И. Л. как личность обладает незаурядными способностями: к человеческому общению, к языкам и деятельности разного рода. Она дружелюбна, весела, энергична, разговорчива, добра, внимательна к людям.

В православной церкви в Лос-Анджелесе среди многих прихожан И. Л. выделяется добротой и внимательностью к людям, веселым нравом, разговорчивостью и энергичностью. Она работает в канцелярии церкви. К каждому празднику готовила цветы.

Мне довелось познакомиться с И. Л. в феврале 1999 г. в православной церкви Иконы Божьей Матери в Лос-Анджелесе. Она сразу привлекла к себе мое внимание элегантной красотой, внутренней интеллигентностью, дружелюбием, добротой и веселым нравом. Мы встречались много раз и подолгу беседовали.

Материалами этого раздела явились мои рукописные записи, так как наши разговоры проходили в таких условиях, что магнитофон нельзя было использовать.

Привожу далее отрывки из наших многочасовых разговоров. Мы часто разговаривали в церковном дворике около храма, много гуляли, она приглашала меня на ленч и в гости к себе домой.

Отмечу, что, когда мы разговаривали около церкви и мимо проходили люди разных национальностей, Инночка тут же легко и быстро переходила на язык собеседника (французский, английский или русский). Со мной она говорила только по-русски. И. Л. отрекомендовалась мне как Irene Leonoff (в девичестве Ирина Сергеевна Всеволожская) и сказала, что не привыкла, чтобы ее называли по имени и отчеству. После некоторых размышлений я стала называть ее Ирина, а позднее — ее домашним именем *Инночка*.

Тематика наших разговоров была разнообразна: рассказы о бегстве из Крыма, о жизни в Марокко, о родных. В речи Инночки встречаются отступления от литературного языка, распространенные в языке эмигрантов, например: *ихний* вместо *их* (*ихние* вещи; это был *ихний* садовник — доносчик, [он знал, что господа зарыли золото в саду], предлог *благодаря* всегда употребляет с род. п., слова *рояль* и *санатория* употребляет в женском роде. Не всегда правильно склоняет существительные. Не знает многих русских слов и т. п. Примеры будут даны далее.

История семьи развивалась так. Няня спасла детей. Она знала, что господа зарыли в саду золото и брильянты и выкопала их. Детей было трое. И. Л. рассказывает:

Моей матери было восемнадцать лет, моему дяде двенадцать, моей тете четыре года… Няня нашла какие-то рыбачьи лодки. Они доехали до… Румынии. Их там долго держали // Не хотели отпускать, пока не заплатили что-то. И они перебрались в Болгарию, где были остальные [родственники]. Бабушка и братья и сестры двоюродные / все там были //.

А потом они переехали к родственникам, бежавшим во Францию.

И… моя мать встретила моего отца, который был в Белой армии / знаете офицером // и они повенчались… Как это ни странно / он довольно хорошо по-русски говорил // Но это бывает редко. Когда мне представляли кого-то по-русски / часто бывало два-три слова / и потом / человек переходил на английский // Как мы говорили дома / ни бум-бум //…

А мой муж / нет // Он хорошо говорил по-русски // Его… бабушка и дедушка *ему* научили [вместо *его*] // Он с ними жил в Китае // знаете / много русских / которые здесь / поехали в Китай // Это было довольно неожиданно / я даже не знала / что такие случаи… часто бывают //

Е. З. Aha

И. Л. Старший брат моего мужа как раз русский из Харбина // По-китайски научился и по-русски говорит //

Некоторое время они жили в Болгарии, а потом переехали к родственникам, бежавшим от революции во Францию. Во Франции была безработица, и оттуда будущая мать И. Л. уехала в Марокко, где у нее от брака с Сергеем Всеволожским в 1934 г. родилась дочь Ирина (дома ее звали, как и бабушку, Инночка).

Ирину отдали учиться во французскую гимназию. Дома — с матерью и няней — она говорила по-русски. Мать, которую воспитывала няня — англичанка, иногда говорила с И. Л. по-английски, чтобы она привыкала к английской речи. А в городе звучали французский и арабский. Последнему Инночка тоже научилась. Итак: четыре языка — французский (в гимназии и городе), русский — домашний (няня, мама…), английский (мать), арабский (в городе). Время шло, и мать решила укрепить английский язык дочери, отправив ее к двоюродной сестре в Ирландию. Туда было послано письмо, и, не дождавшись ответа, мать отправила Инночку в Лондон. И вот девочка стоит в Лондоне на платформе Victoria Station с русской газетой в руках в ожидании встречи. Ее встретили. И она пробыла у родных два года, что ей дало хороший английский и помогло по возвращении в Марокко найти работу. Сначала она работала на американской базе, а позднее — в американском Красном Кресте.

И. Л. В общем конечно сложно жить [в чужой стране]. Каждый русский беженец поймет / потому што мы все прошли через это / знаете? да?

Когда мы с кем-то разговаривали, я вдруг сообразила… Как это сказать? Я даже не знаю по-русски слова *Cántinent*?

Е. З. Как вы сказали? Еще раз повторите, пожалуйста.

И. Л.: *Cántinent* // Это значит… (*объясняет*) Есть Африка / есть Европа…

Е. З. (*радостно*) *Континéнт!*

И. Л. Ах! Континент! О'кэй! ⟨…⟩ ни мой муж / ни я / ни моя дочь не родились на том же самом континенте // Я / в Африке / он в Мексике / моя дочь в Англии // ⟨…⟩ Ирландия… я там недолго жила // Во Франции тоже. Я потом обратно вернулась в Марокко // И там я жила / и работала до двадцати пяти лет // Но когда уже неприятности были в Марокко / …я / моя тетя… испугалась //

И. Л. Я была в Ирландии два года.

Е. З. А почему в Ирландии?

И. Л. Потому что там моя тетя была / двоюродная сестра моей матери // Она была врачом этой школы // такой… так что меня туда посадили // Свой человек был под боком // Очень приятно было // ⟨…⟩ Когда я была в Ирландии // Я просто в школу ходила // Мне было пятнадцать — шестнадцать лет // «Мне минуло шестнадцать лет» в Ирландии (цитирует) Потом — 17 // Потом обратно в Марокко / мне было 18 // Так как я по-английски говорила / я попала работать на базу / на американскую базу // Мне было 20 с чем-то / там работала довольно долго / пять лет // Потом мне предложили работать для американского Красного Креста // Это было как… клуб //

Во Франции я жила только (токо) после двадцати пяти лет //

В Марокко надо помнить / што там можно по-французски говорить / и по-арабски // По-арабски я когда-то лучше говорила // Может быть вернется арабский? / [об арабском языке] Все-таки 40 лет не говорила // и потом еще не знаю сколько лет в Красном Кресте // Красный Крест был такой / как клуб // Он не был на базе / а в городе // Чтобы военные имели куда-то пойти кроме знаете бара / или вообще // Не шляться по улицам //

Была там маленькая библиотека для них / потом танцы… раза два-три в неделю // В общем такие / более такие занятия… приятные // Немножко лучше для них…

Е. З. Развлечения / да //

И. Л. А я была секретаршей там // И я помогала // Мне было забавно // Я любила рисовать… И благодаря этого / когда я переехала во Францию / когда уже в Марокко на́чались неприятности… Моя тетя послала мне билет / решила / што нужно *выскакывать* из страны / што я могла бы [пострадать] // И я использовала этот билет и поехала // Во Францию //

Моя знакомая / она была замужем за американцем / и сказала / что как раз такая же работа [как в Марокко] открывается в Красном Кресте / во Франции // Токо на базе / а не в городе //

К тому времени / когда она мне сказала так четко / работу эту кто-то взял уже // Но пока я доехала / та / которая взяла эту работу / решила / жениться… [т. е. венчаться] // И значит эту работу в общем прозевала (*хохочет*). И я как раз получила ее // Всегда было *забавно*! И я там пять лет работала // И там я встретила моего мужа // Это был в общем русский американец // И поэтому я попала здесь (! — не сюда). Я немножко пробыла в Англии / потому что его [мужа] перевели из Франции… Мы переехали в Англию // И там моя дочь родилась // А я венчалась значит в Париже // Вы там были когда-нибудь / нет?

Е. З. В Париже я была //

И. Л. Это не собор / а маленькая церковь такая в Амьене / в таком городочке / недалеко // Это мне больше нравится / такая уютная // А так как *при-*

ем [после свадьбы] должен был быть / в казачьем музее рядом / недалеко / по-знакомству / так что мы решили //…

[Перерыв темы. Мимо проходит женщина с мальчиком]

И. Л. (обращаясь к мальчику на разных языках — по-французски, по-русски и по-английски). А ты хорошо прислуживал [в церкви] *Comrad*! Иди сюда! *О'кэй* / *душка*! *Buy-buy*! У него уже с детства бас // [*Объясняет Е. З.*] Его мать — американка, его отец … новоприезжий [т. е. русский эмигрант] // Он [мальчик] *благодаря отца* (род. п.!) учился в приюте православном / и в общество попал русских // Он по-русски говорит! Она [мать] молодец! Она его учит по-русски / чтобы отец говорил с ним по-русски / а с ней по-английски // Она [мать мальчика] лечилась во Франции / одно время жила в Швейцарии / [т. е. французский знает].

Она тоже моя крестница / у меня тут полно крестных / детей // И как-то всегда выбирают меня / и всегда они все по-французски говорят // Потом мы это узнаём / не сразу //

Е. З. Это интуиция?

И. Л. Может быть у меня европейский вид / я не знаю //

Е. З. У вас действительно европейский вид //

И. Л. А меня / вы знаете / никогда не знают *што* / [ошибка: вместо *кто*] я // Всегда думают / что я американка // Часто удивляются што я по-русски говорю //

Е. З. У вас нет типично русского вида //

И. Л. Угу / у нас тоже в крови / шведская кровь // Вообще у нас… моя бабушка / рожденная со стороны моей матушки Стэндок-Фермé (*неразборчиво*)

И. Л. И очень забавно // Потому что моя тетя была када в Швеции / и встретила шведскую линию [семейную] // Это было забавно // Они были здóрово рады / потому што они всегда хотели встретить русских // Русские / это знаете редкость //

Е. З. Да-а / интересно //

И. Л. Моя бабушка была… *пóлушведка* / то есть она *рожденная была*… [ищет слова] ее девичья фамилия была Стэндок-Фермé // Она вышла замуж за Барятинского //

Е. З. Барятинского?! Ну это тоже очень известная фамилия //

И. Л. Да-а // Это со стороны моей матери / это её мать //

Вот они все имели там имение // Между прочим / благодаря её / и этого имения / моя тетя / которая там была раз / …когда только что начинали открывать / когда только што можно было в Россию приеж'ать… Она поехала на *имение бабушка* // [не склоняет!] Имение бабушки превратили в *санаторию детскую* [жен. р.] // У меня есть фотография между прочим / и санатории / и…

Е. З. Имение в какой губернии?

И. Л. В Ялте / Симеиз //

Е. З. А! там же!

И. Л. И там / она разговаривала // [с незнакомым человеком] А там сидел какой-то немножко пьяный старичок [Он сказал] А… / Они все умерли! Их всех расстреляли (*неразборчиво*) [имеет в виду — хозяев имения] А моя тетя говорит: «Нет / они живут / Они живут в Париже // Я (Мальцева) сестра // Да-да-да // И благодаря её и этого человека / который начал немножко в

общем ругать… власти // А какая-то старушка сказала ему… / «Как тебе не стыдно! Иван какой-то Игнатьич был с тобой так мил… Да… да… да… // И / она узнала / что значит мои родители живы // Тоже думала, што их расстреляли // Для моей мать [не склоняет] это в общем было такое открытие / как свою собственную мать найти // [речь идет о том, что часть старших родственников осталась жива] // Потом ее [мать] пригласили в Россию когда ей [подруге матери] *стукнуло* девяносто лет // И тогда она [подруга] после этого довольно быстро *скончалась* // Очень спокойненько / в кресле так и заснула // И её … / её… / не знаю как они сделали (*с удивлением*) / но её похоронили по-церковному //

Это было во время знаете какое? Еще до перестройки // А моя мать уже давно скончалась / в 87(?) году // [Переход к другой теме]

Е. З. Значит / в Америке вы когда оказались / в каком году выходит?

И. Л. Я приехала в шиисят первом / сразу после рождения моей дочери // Но я жила в *Тексасе* (Техас) / Потому што мой муж еще военный был // Там было хоlодно [l — среднеевропейское] // очень большой хоlод // Сахара [с звонким h]. Муж карикатуры на самого себя делал // Он был бу**г**алтером // У меня такая целая *папка* была его [мужа] писем //

[Тема меняется. И. Л. рассказывает, как идет по улице] И я обратно значит пешком / *бреду́* домой //… И вижу какая-то дама / перед домом своим / *ковыряется* (?) с подругой // Знаете // А я люблю разговаривать насчет цветов… Она очень такая славная // Ну разговариваем-разговариваем // Она говорит // Я должна идти в одно место // Она сейчас живет в Нью-Йорке // [Дальше эту женщину называет не *дама*, а *тетя*] Может оттого / что я болтала с этой… тётей // А познакомилась / ней *благодаря того* / што какой-то мой сосед был ее друг //

[Тема меняется. Речь идет об обучении русскому языку] / Я застряла в Париже… / была забастовка // И моя мать меня посадила на месяц в русскую гимназию // На месяц // Но все-таки и я что-то научилась [не: чему-то!] / но я не думаю што очень много // не так долго было // …

Е. З. Но по-русски Вы читаете?

И. Л. Да / я читаю // Но лень / это просто лень // Так случилось / што када я была в Ирландии / ни одной книги не было по-французски // И вдруг попала мне *под бок* где-то / откуда-то / я не знаю / русская книга // [я ее прочла].

Е. З. А мама вас учила грамматике?

И. Л. Да // Учила / но в общем не так много // Но главное / **Дома** // Просто разговаривали по-русски / так что поправляли // [Когда ошибки]

Када я была в Ирландии / я… приходилось по-русски писать матери // Потому что она не признавала другого // И она тут *ахнула* / как я много ошибок сделала // Тада она мне написала // «Знаешь што / я буду обратно присылать твои письма / и с поправками» //

Е. З. Молодец! Какая умная мама //

И. Л. И вот она… / Так и началось //

Е. З. Замечательная мама!

И. Л. Да / Моя мать была вообще очень умный человек (*смех*) // Так что / вот так // Я помню / Потом она поняла / что в общем меня недоучили / и посылала значит красным [исправления] / и писала рядом правило // вот так-то / так-то… И вот так она мне помогла этим //

Этот факт — отсутствие систематического изучения русской грамматики — объясняет и наличие ошибок против норм литературного языка, а также то, что И. Л. не любит писать по-русски. Когда я уезжала из Калифорнии, я очень хотела, чтоб Инночка писала мне. Она согласилась писать по e-mail'у, но только латиницей, хоть и по-русски. Я храню ее письма и даже написала о них статью. Самое интересное в ее письмах — способ транскрипции русских слов. Она опирается на английский язык, ее транскрипция резко отличается от моей.

Для примера приведу e-mail И. Л. от 16 июня 1999 г. Это ответ на получение посланных мною фотографий, которые я передала для И. Л. через матушку, вдову настоятеля собора. Вот её текст: *Sorry for not writing any sooner — ya boyalass vam skazat chto fografie koodato propaly — beelo nedorozoomeneye Matooshka ploho sleeshet naverna ne ponela — No vse ooladeloss, otchen mne onee ponravelees ya pokazala Vladyke y on toszhe zahotel kopeeyou — ya beela oo fotografa onee mne zdelalee 2 otchen horosheeye kopye — Bolshoe sposeebo — teper adress Vladyke tak: ⟨…⟩ Nadeyouss chto vse oo vass horosho preevet iz Kaliforneye — Inotchka*

Передаю это письмо кириллицей:

Я боялась вам сказать что фотографии (в оригинале явная описка — пропущен слог *to*) *кудато пропали — было недорозумение Матушка плохо слышит наверна не поняла — Но все уладилос, очен мне они* [*фотографии*] *понравилис Я показала Владыки и он тоже захотел копию — Я была у фотографа они мне зделали 2 очен хорошии копии — Болшое спасибо — тепер адрес Владыки так: ⟨…⟩ Надеюс что все у вас хорошо привет из Калифорнии — Иночка*

И. Л. не филолог. Она последовательно применяет для передачи русских звуков те сочетания букв, которыми передаются соответствующие звуки английского и — реже — французского языков, используя правила **орфографии** этих языков.

Г л а с н ы е.

Русский звук **у** изображается через *oo* (как принято в английском): ***oo****ladiloss* (**у**ладилос), ***oo*** *fotografa* (**у** фотографа), ***oo*** *vass* (**у** вас), *k**oo**dato* (к**у**дато), *Mat**oo**shka* (мат**у**шка). Например, я пишу *mat**u**shka*, а И. Л. — *mat**oo**shka* (см. подробнее [Земская 1999]).

Русский ударный звук **и** всегда передается через *ee*: *spos**ee**bo* (спос**и**бо), *on**ee*** (он**и**).

Русский безударный звук **и** также нередко передается через *ee*: *ponravel**ee**s* (понравил**и**с), *kop**ee**you* (коп**и**ю), *pr**ee**vet* (пр**и**вет), *zdelal**ee*** (зделал**и**), *horosh**ee**ye* (хорош**и**е).

Звук **ы** передается так же, как **и**, т. е. через *ee*: *b**ee**la* (б**ы**ла), *sl**ee**shet* (сл**ы**шит). В ряде случаев русские звуки **и** и **ы** изображаются через англ. *y*. В единичном случае англ. буква *y* передает русский звук **и** в слове *propal**y*** (пропал**и**). Кроме того, через *y* изображаются союз *и*, а также звук **ы** — в слове *Vlad**y**ka* (Влад**ы**ка — епископ).

Тот факт, что И. Л. передает звуки **и** и **ы** одинаковым способом, может служить свидетельством ее интуитивного фонологического объединения этих звуков в одну фонему.

Англ. буква *i* ни разу не используется для обозначения русск. **и**.

В безударном положении И. Л. не различает русские **е** и **и**. Она произносит звук, близкий к **и**, а изображает его англ. буквой *e*, которая и называется «и»: *adress Vladyk**e*** (адрес Владык**и**), *pokazala Vladyk**e*** (показала Владык**е**), *sleesh**et*** (слыш**и**т), *iz Kalifornеy**e*** (из Калифорн**ии**), *2 horosheey**e** kopy**e*** (2 хорошие копи**и**).

Иканье обнаруживается и в написании *pon**e**la* (*пон**и**ла*, орф. *поняла*).

Русский ударный звук *o* всегда изображается через англ. *o*: *pl**o**ho* (пл**о**хо), ***o**chen* (**о**чен), *oo fot**o**grafa* (у фот**о**графа), *horosh**o*** (хорош**о**); в безударном положении ИЛ часто пишет правильно, т. е. *o*: *cht**o*** (чт**о**), *In**o**tchka* (Ин**о**чка), *beel**o*** (был**о**), *p**o**nela* (п**о**нила), ***o**nee* (**о**ни). В ряде случаев, однако, безударный **о** изображается как *a*: *navern**a*** (наверн**о**), что отражает аканье.

Русский ударный звук **е** изображается англ. буквой *e*: *mn**e*** (мн**е**), *zahot**e**l* (захот**е**л), *zd**e**lalee* (зд**е**лали), *tep**e**r* (теп**е**р), *nad**e**youss* (над**е**юс), *preev**e**t* (прив**е**т).

Йотация изображается англ. буквой *y*: *horosheey**e*** (хороши**й**е), *nedorozoomeney**e*** (недорозумени**й**е). Буква **я** изображается через *ya*: **уа** (**я**), *bo**ya**lass* (бо**я**лас). Буква *ю* передается с помощью сочетания англ. букв *you*: *kopee**you*** (копи**ю**), *nade**you**ss* (наде**ю**с). Возможно, что в таком написании обнаруживается влияние французской орфографии.

С о г л а с н ы е.

Русский звук **ш** передается через *sh*: *Matoo**sh**ka* (мату**ш**ка).

Русский звук **ж** передается через *szh*: *to**szh**e* (то**ж**е).

Русский звук **ч** передается через *ch* или *tch*: ***ch**to* (**ч**то), *Ino**tch**ka* (Ино**ч**ка).

Русский звук **з** передается через *z*: ***z**delalee* (**з**делали).

Русский звук **с** передается через *s*: ***s**kazat* (**с**казать), *v**s**e* (в**с**е), ***s**poseebo* (**с**пасибо), а в финальной позиции обычно через *ss*: *va**ss*** (ва**с**), *ooladelo**ss*** (уладило**с**), *boyala**ss*** (боя**с**).

Мягкость согласных никак не изображается.

Знаки пунктуации (точки, запятые) И. Л. не использует совсем. Иногда как знак пунктуационного членения применяет тире. После него пишет то большие, то маленькие буквы.

Таким образом, Инночка, опираясь на свое знание английского и французского языков, вырабатывает **своеобразную** транскрипцию для передачи на письме русского языка с помощью латиницы. Интересно, что я ей пишу тоже латиницей, используя принятую русскими транскрипцию, но моя транскрипция ей чужда, хотя она мой текст понимает, см. [Земская 2001: 161—164].

[*Тема нашего разговора меняется*]

И. Л. Я должна была принимать американское по́дданство // Я была француженкой // Я экзамен должна была *сдать* // А экзамен в нескольких ко́леджах //…Я *сдала* экзамен //

[*Тема меняется*]

И. Л. А вы знаете, почему / Это имение / вдоль моря / было куплено моему дедушке [употребляет не тот падеж; следует: *моим дедушкой*] Потому што во-первых этот Мальцев / был молодожен // И шел по краю [берега моря] / со своей женой // И она потеряла обручальное кольцо / в песке / И он купил все это место / штобы кольцо было на его земле // Правда забавно?

Е. З. Да //

И. Л. Это дедушка Мальцев //

[*О наименованиях*]

Е. З. А когда вы были девочкой / вы ее [мать] звали мама́?

И. Л. Мама́ // [Часто употребляет слова *моя мать*]

Е. З. (*О няне*) У нее очень хорошее лицо //

И. Л. О! Она была замечательный человек // Я думаю / *благодаря её*… Она была такой… настоящий христьяни́н // Она жила / этим // Она же всю свою жизнь отдала / в общем семьи // Потому што ей кто-то предлагал / усыновить детей // И хотел / за нее… / *жениться* // И она сказала (?) «Нет» Ее долг был [растить детей] [показывает фотоальбом. Дает некоторые пояснения отдельными репликами]. Самое забавное… што… // Мама́ / папа́ // На этой карточке (об открытке)… И там церьковь русская / И наверху кладбище русское // Очень много туда приеж'али чахоточные / и там умирали / и там их хоронили //

[*говорит о своем месте жительства*]

И. Л. Вот это вот моя улица… / токо я ниже живу // Мне кажется / Шнитке одно время [сов. в.] здесь остановились [надо: останавливались] // Это / их дом / где он работал / для какого-то общества // Я не знаю / как это называется // Потому что мне кто-то сказал / Что они приехали из России // и они остановились здесь… / на время / пока

Е. З. Она пишет диссертацию / Она ее никак не допишет //

И. Л. С *детьми* / немножко трудно / когда так…

Е. З. Да / трое детей // Это совсем нелегко //

В речи И. Л. отражены многие социальные различия в лексике, например в употреблении глаголов *кушать* и *есть*:

Е. З. Как вы говорите: Я *ем* или я *кушаю*?

И. Л. *Кушать*? Так это о *других*!

Слово *кушать*, как правило, русские эмигранты первой волны не употребляют, говоря о себе, см. [Земская 2004: 352].

Характеризует социальные привычки И. Л. и людей ее круга также такое высказывание. И. Л. рассказывает об их заранее не подготовленном путешествии с подругой. В числе необходимых, наиболее важных вещей названа зубная щетка: Нам пришлось ночевать // У нас ничего с собой не было / Ни зубной щетки / ни одежды //

И. Л. не знает различия слов *жениться* и *выйти замуж* и их сочетаемости. Говорит (о няне): Он хотел / *за нее… женится* [Лит. норма: *на ней жениться*]

И. Л. нарушает литературные нормы, употребляя местоимения *там* и *туда*, *здесь* и *сюда*. Употребляет *там*, когда надо обозначить направление *туда*: Если хотите / Я могу повезти вас *там* / где я живу //; И поэтому я попала *здесь* [надо *сюда*].

И. Л. использует слова, малоупотребительные в современном литературном языке, например: *чахоточные* (ср. туберкулезные), *скончаться* (ср. умереть), *венчаться*, *лавка* (ср. магазин), *рояль* — ж. р., *санатория* — ж. р., *аэроплан* (ср. самолет), *липкая бумага* — скотч; *водяная краска* — акварель; *автобу́сы* (ударение на *у́*), *мама́*, *папа́*, *душка* (очень частое обращение в среде эмигрантов). Примеры: У него *две рояли* в гостиной //; Эти *автобу́сы* / они как-то взад-вперед едут //; После этого вернулась конечно я на *аэроплане* обратно //; Позавчера я пошла в *лавку* и купила что-то //.

В речи И. Л. живут многие иноязычные слова — английские и французские: *fire proof* — огнеупорный; В день рождества я еду к этой моей *sister-in-law* // Я *никада* не помню как по-русски… *sister-in-law*// (медленно) жена / брата / моего мужа / кто она? [повторяет] Она жена брата / моего мужа //

Отметим, что и в русском языке в этом случае нередко употребляют сочетание слов, а не одно слово. И. Л. употребляет слово *responsabilité* (ответственность), такой маленький *méménto* (записная книжка); Моя мать слишком *доминировала*; *alarm* (тревога).

Многие иноязычные слова И. Л. произносит так, как требуют законы этого языка: *лэйзер* (ср. русск. лазер); рассказывает о двух художниках: Они могли сказать / кто написал / в какой *перьод* // (ср. русское *период*).

К а л ь к и.

Кальки с глаголами *брать*, *взять*, *иметь* часты в речи И. Л.: Я *имела* три воспаления легких; В воскресенье я должна *брать взносы* (принимать); Я *пилюльки* никакие *не беру*; Я должна была *экзамен взять*; Я *взяла* экзамен; достать (to get) — мн. раз.

Глагол *снимать*, говоря о фотографии, не употребляет. Ее фраза: «*А от ворот вы не брали?*» поставила меня в тупик. Я не сразу поняла, что И. Л. имеет в виду *снимать*, *фотографировать*; ‘светофор’ она называет *light* (свет).

Отмечу пристрастие к некоторым словам, например к *забавно*. И. Л. его часто употребляет, вероятно под влиянием англ. *funny*. [Забавно передает смысл, который соответствует русскому *смешно* и *интересно*]. Например: Как будто я в Марокко / совсем другое чувство // *Забавно* // (в знач. ‘интересно’).

Вместе с тем в речи И. Л. много чисто русских, иногда даже сниженных экспрессивных слов: Моя мать *дико* обрадовалась; Они *ковырялись* в земле; *ни бум-бум* (о знании языка), *выскакывать* из страны, *бреду* домой, *шляться* по улицам; они были *здорово* рады; хочешь *ням-ням* — в обращении к кошке.

В фонетике некоторых слов сохраняются старомосковские особенности: уе**жж**’ают, прие**жж**’ают.

Как средство экспрессии используются повторы (И они *болтали-болтали* // *разговаривали-разговаривали* //) и производные: уменьшительные слова: *кухонька*, *городочек*, *комнатушка*, *пилюлька* (Я *пилюльки* никакие не беру); Я все собираюсь *потихонечку*; *спокойненько*, а также женские корреляты: *секретарша*, *хохотунья*, *болтунья*.

Вместо заключения

Я постаралась рассказать о жизни, индивидуальных особенностях и языке одной из самых интересных представительниц первой волны русской эмиграции (подчеркну: третьего поколения). Родившись в Марокко (1934 г.) от русских родителей, прожив долгие годы во Франции, Ирландии, Англии и США, И. Л. осталась русской. Она говорит на четырех языках (французском, английском, русском, арабском), мечтает выучить итальянский. Сама И. Л. считает, что из всех перечисленных языков она лучше всего знает французский. И это понятно. Живя в детстве в Марокко, она училась во французской гимназии. Дома говорили по-русски (мать и няня), поэтому русский у нее богатый и естественный, хотя ее этому языку не учили последовательно. Английский она знает хорошо: мать говорила с ней регулярно по-английски (у матери была гувернантка — англичанка). И. Л. молодой девушкой была послана на 2 года в Ирландию к тетке. Это дало основу ее английскому. Вернувшись в Марокко, она работала в американском Красном Кресте и библиотеке. Муж ее был «американский русский». Арабский, конечно, занимает среди ее языков последнее место: на нем И. Л. говорила в детстве и юности с детьми и в городе. Сама И. Л. рассказывает, что французский ей ближе других. Когда она летит во Францию, она (по ее словам) уже заранее думает и говорит по-французски.

Очевидно, что языковое богатство И. Л. объясняется не только ее жизнью в разных странах, не только заботами ее матери, но и ее восприимчивостью к языкам, ее умом и общей интеллигентностью, желанием с каждым человеком говорить на том языке, который он знает.

Вывод должен быть таким: знание языков эмигрантами, сохранность русского языка в огромной степени зависят от индивидуальных черт каждого человека. Человек ленивый и не любознательный успеха не добьется.

Особо важную роль играет язык, на котором проходило систематическое обучение (в гимназии, школе или университете). Этот язык дает основные знания по грамматике и лексике.

Литература

Земская 1999 — Е. А. Земская. Об угасании письменной формы русского языка в среде русской эмиграции // Роман Якобсон. Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 599—610.

Земская 2001 — Е. А. Земская. Общие языковые процессы и индивидуальные речевые портреты // Язык русского зарубежья: общие процессы и речевые портреты. М.; Вена, 2001.

Земская 2004 — Е. А. Земская. Михаил Булгаков и его родные. Семейный портрет. М., 2004.

Е. А. САВИНА

КОНТАКТОПОДДЕРЖИВАЮЩИЕ СТРУКТУРЫ, ЭКСПЛИЦИРУЮЩИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ ОЦЕНКУ (С ПАРАМЕТРОМ НЕВКЛЮЧЕННОСТИ ГОВОРЯЩЕГО)

Давно известно, насколько необходимы в любой устной межличностной коммуникации (а особенно в фатическом общении[1] и в диалоге гармонического, или унисонного, типа[2]) фатические контактоподдерживающие реплики, часто также называемые сигналами слушающего. Это небольшие по объему реплики-реакции на сообщение, не вносящие существенного содержательного (номинативного) вклада в коммуникацию, но подтверждающие прием и понимание высказывания собеседника и позволяющие последнему ощущать успешность своего речевого поведения. Немаловажное место занимают среди них конструкции со словами общей положительной оценки — такими как *хорошо*, *прекрасно*, *отлично*, *замечательно*, *великолепно*, *грандиозно*, *прелестно (прелесть)*, *мило*, *славно*, *здорово*, *круто* и нек. др. Часто эти конструкции целиком состоят из одного из этих слов, но их коммуникативная целеустановка отнюдь не сводится к оценке объекта (в позиции реплики-реакции на сообщение — его содержания) в соответствии с лексическим значением слова.

В настоящей статье мы рассмотрим небольшую группу конструкций, выражающих «легкую», субъективную оценку сказанного и фиксирующих позицию говорящего вне обсуждаемой ситуации, которую он наблюдает и оценивает со стороны. Информация не слишком важна для него — или, по крайней мере, он пытается так это представить. Подобное употребление свойственно конструкциям со словами *прелестно* и *прелесть*, *мило*, *славно*, а также *восхитительно*, *изумительно*, *очаровательно*, *грандиозно*, и это противопоставляет их, с одной стороны, конструкциям типа *Хорошо*, *Отлично*, *Замечательно* и под., маркирующим учет полученной информации в дальнейших поступках говорящего, а с другой — конструкциям типа *Здорово*, способным оценивать информацию как бенефактивную и для говорящего, и для собеседника (см. [Савина 2006]).

---

[1] Под фатическим общением мы понимаем явление, описанное в работах Т. Г. Винокур [Винокур 1993].

[2] См. работы [Соловьева 1965; Балаян 1971; Бырдина 1992] и др.

Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 208—216.

1. Конструкции со словом ***прелестно*** и с однокоренным существительным ***прелесть***: *Это прелестно*, *Прелестно*, *Прелесть*, *Какая прелесть* — не обязательно выражают собственно положительную оценку услышанного. Их общее значение связано с целеустановкой выражения удовлетворения, заинтересованности и восхищения услышанным, вызванных тем, что **говорящий никак не ожидал услышать именно это и сам не мог бы заранее этого предположить, но услышанное вполне соответствует его общим представлениям о предмете разговора (или о собеседнике) и дополняет их,** внося в них новый характерный штрих, оттенок или деталь. Другими словами, **услышанное является нарушением (часто вопиющим) обычных норм, но соответствует необычной, с точки зрения говорящего, норме обсуждаемого явления**. Это значение присутствует как в репликах, содержащих положительную оценку сказанного, так и при ироническом употреблении, а также в более сложных случаях, когда их появление нельзя объяснить только иронией:

(1) *— Вы — атеисты?!*
— Да, мы — атеисты, — улыбаясь, ответил Берлиоз...
— Ох, какая прелесть! — вскричал удивительный иностранец и завертел головой, глядя то на одного, то на другого литератора.
(М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Данная реакция предполагает, что для иностранца признание первых встречных в атеизме — неожиданное нарушение привычной для него нормы и яркое «этнографическое» впечатление, вписывающееся в его представления о необычной советской стране, поэтому оно вызывает у него не только удивление, но и восхищение, удовольствие узнавания нового.

Аналогичный, но более современный пример:

(2) *— У Маши Селезневой прибавление семейства, с вас 50 копеек.*
— (смех) *Какая прелесть!*
— Как хорошо, когда человек так реагирует.
(х/ф «Служебный роман»)

Здесь говорящий, тоже недавно приехавший из-за границы, еще не привык к абсурдной советской логике, частным проявлением которой является предыдущая реплика, и выражает прием информации и одновременно оценку — восхищение ее необычностью, ненормальностью, новизной для него — посредством данной конструкции. В то же время выбор конструкции «легкой», отстраненной оценки обусловлен тем, что потеря 50 копеек для персонажа (в отличие от главного героя Новосельцева) несущественна.

В следующем примере из хрестоматии разговорных текстов рассматриваемая конструкция вводится после другой, тоже контакто-поддерживающей:

(3) А. [*в Дворянском собрании*] *необычайная вежливость* / *называют друг друга только господами и госпожами* //
Н. (с удивлением) *Серьезно?*

А. *Да-а!*
Н. *Какая прелесть!*

(Речь москвичей 1999)

Это реакция на сообщение о поразительной детали, отклоняющейся от обычных норм, но дополняющей, конкретизирующей общее представление о правилах (нормах) поведения в Дворянском собрании.

Конструкция *Какая прелесть* употребляется в указанной функции наиболее часто — отчасти благодаря присущему интенсификатору *какой* значения ‘не представлял такой высокой степени качества’, формирующего фатическую целеустановку выражения заинтересованности. Возможна и конструкция без интенсификатора *Прелесть* с тем же общим значением, но без оттенка степени, с оттенком сходства позиций говорящего и слушающего в оценке ситуации и одновременно расхождения отношения к различным нормам. Однако едва ли возможна в функции фатической реакции на сообщение конструкция *Что за прелесть*, с присущим частице *что за* параметром качественной характеристики, существенной в данной ситуации, — она скорее уместна при одновременном вводе объекта оценки (ср. *Что за прелесть эта Наташа!*), чем при оценке уже изложенной в предшествующем сообщении ситуации.

Конструкции со словом *прелестно* выражают близкое значение, но это не столько непосредственная, эмоциональная, динамичная реакция на информацию, сколько рациональная оценка[3]:

(4) Ланцелот. *А что ей грозит? Ну же!*
Кот. *Мяу! Вот уже скоро четыреста лет, как над нашим городом поселился дракон.*
Ланцелот. *Дракон? Прелестно!*
Кот. *Он наложил на наш город дань…*

(Е. Шварц. Дракон)

Говорящий мог предполагать что-то в этом роде, но не знал, что именно; информация не соответствует обычным нормам, но объясняет тревогу кота и, хотя ее трудно назвать бенефактивной, вполне соответствует привычкам и целям героя — сражаться и спасать. Важность информации явно преуменьшена выбором реплики «легкой» оценки. В целом ее функция здесь не столько оценочная, сколько контактоподдерживающая (хотя перед нами не фатическое общение, а информативный диалог).

(5) *— Вы слышали, и Мальтищева — не дочь, а мать — шьет себе костюм diable rose.*
— Не может быть! Нет, это прелестно!

(Л. Толстой. Анна Каренина)

[3] Аналогично соотносятся и другие оценочные контактоподдерживающие конструкции с однокоренными существительным и прилагательным: *Класс* и *Классно*, *(Какой) ужас* и *Ужасно* и т. п.

Иронически переосмысленная конструкция со словом *прелестно* здесь выражает возмущение, осуждение — но также и высокую оценку новизны содержания предшествующего сообщения: говорящий показывает своей репликой, что никак не предполагал такого поворота событий, но это дополняет, делает более целостным его представление о Мальтищевой (как глупой, молодящейся и т. д.), т. е. соответствует ее норме.

(6) *— Как ее зовут, я прослушал? Тоже Федя?*
— Люся, — проблеяла Люсинда, — Люся Окорокова.
— Прелестно, — оценил Федор, — мне везет! Что ни звездища, то Люся Окорокова, как на подбор! Так, пошли. Только быстро!
(Т. Устинова. Дом-фантом в приданое)

Ироническая реплика, характерная для данного персонажа — преуспевающего музыкального продюсера, — маркирует здесь соответствие не слишком благозвучных для певицы имени и фамилии складывающемуся у него представлению о робкой, перепуганной провинциальной девушке, пришедшей к нему на прослушивание.

(7) *Барышни и Гнеккер говорят о фугах, контрапунктах, о певцах и пианистах, о Бахе и Брамсе, а жена, боясь, чтобы ее не заподозрили в музыкальном невежестве, сочувственно улыбается и бормочет: «Это прелестно... Неужели? Скажите...»*
(А. Чехов. Скучная история)

Здесь конструкция со словом *прелестно* приводится как типичный пример контактоподдерживающей реплики в фатическом общении.

Надо отметить, что конструкции со словом *прелестно* иногда оцениваются как устаревающие, характерные для старшего поколения:

(8) *— Я должен сам. Понимаете, это дело моей чести.*
— Cherchez la femme… Конечно, дама?
— Уии… [4]
— Прелестно, прелестно…
— Семен Семенович, извините, но «прелестно» — это несовременная категория. Лучше говорите… ну, хотя бы даже «хиппово».
— «Хиппово»? Это не для моих лет.
— Тогда «железно».
— Ferrum? Вот это то, что надо.
(х/ф «Расписание на послезавтра»)

Однако предложенные школьником конструкции молодежного жаргона *Хиппово* и *Железно* не имеют тех тонких смысловых оттенков, которые имеют конструкции со словами *прелестно* и *прелесть*. В пределах своей группы они все же остаются на сегодняшний день самыми употребительными.

[4] Искаж. франц. Oui (*да*).

2. Конструкции со словом ***мило*** в позиции реакции на сообщение могли бы, в соответствии со значением и употреблением ключевого слова, использоваться в женской речи для выражения достаточно легкой, поверхностной положительной оценки не слишком значимого для говорящего, но приятного узнанного факта, как в следующем переводном примере (где конструкция осложнена частицами, что и делает ее появление более или менее возможным):

(9) — *Может быть, вы знаете моего сына? Эрнест Морроу — он тоже учится в Пэнси.*
— Знаю. Он в моем классе...
— Ну, как мило![5] *— сказала дама. И так просто, без кривляния. Она была очень приветливая.*
(Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи; пер. Р. Райт-Ковалевой)

В этой в целом фатической беседе случайных попутчиков рассматриваемая реплика, произнесенная естественно и без иронии, воспринимается слушающим как проявление приветливости — т. е. полноценно выполняет функцию поддержания контакта.

Однако для русского диалога такое употребление нетипично. Конструкции с этим словом, и в первую очередь просто *Мило* (без частиц), как показывает наш материал, чаще употребляется с антонимическим развертыванием параметров[6] ‘хорошо / плохо’, ‘важно / неважно для меня’, а именно когда **услышанное (новая трактовка или деталь уже в целом известного говорящему) ново и очень важно для говорящего, ведет к переоценке уже известного и / или вызывает у него сильные эмоции** (чаще отрицательные), **которые он, однако, не хочет демонстрировать** и, возможно, пока не может конкретизировать. С рассмотренными выше конструкциями *Какая прелесть, (Это) прелестно* ее объединяет параметр соотношения полученной новой информации и прежних представлений говорящего. Таким образом, функция реплик *Мило* — показать, что информация принята, что значимость ее оценена по достоинству (высоко), но скрыть, как и насколько именно.

В следующих примерах нами выделены авторские комментарии, указывающие на эту невыраженность (и все же присутствие) оценок и эмоций:

(10) — *Так значит, — спросил он, **сдерживая себя**, — если я ходил к вам в дом, то непременно должен был жениться на тебе?*
— Конечно. Ты сам это знаешь.
— Мило.
И через минуту опять повторил:
— Мило.
(А. Чехов. Учитель словесности)

[5] В оригинале – *Oh, how nice!*

[6] Об инвариантных параметрах коммуникативных средств языка и закономерностях их реализации см. [Безяева 2002; 2005].

(11) (Героиня — владелица картины, с которой происходят загадочные вещи и которую она собирается дорого продать; любая информация о картине или художнике, с одной стороны, может что-то прояснить, а с другой — повысит ее цену)
— Мне все говорят о Мертвом городе. Что это такое?
— Мертвый город — место, где Лукаса Устрицу последний раз видели живым... А картина, которая хранится в Мертвом городе, — одна из последних его вещей.
— Мило, — ***только и смогла выговорить я****. — Что еще он тебе рассказал?*

(В. Платова. Купель дьявола)

Более сильное ироническое переосмысление ключевого слова мы наблюдаем в конструкции *Вот это мило*, однако она, ярко выражая отрицательную оценку услышанного, расходящуюся с оценкой других (возможно, говорящего), не выступает в роли контактоподдерживающей реплики и поэтому не входит в предмет нашего исследования.

3. Слово ***славно*** тоже выражает легковесную, поверхностную, необязательную положительную оценку. Но здесь **незначительным, неважным, не заслуживающим особого внимания говорящий представляет** не столько сам объект оценки (как в случае с *мило*), сколько **либо его объективную бенефактивность** (смысл: ‘это хорошо, а впрочем, не страшно, если бы и было плохо’), **либо само свое отношение к нему, саму положительную оценку** (‘я думаю, что это хорошо, а впрочем, не настаиваю на своем мнении’). Общее значение положительной оценки раскрывается как благодушное признание объекта соответствующим норме ситуации, без особого энтузиазма по этому поводу.

Так, в романе «Мастер и Маргарита» конструкции с этим словом постоянно употребляет главврач психиатрической клиники при реакции на доклад подчиненных, на чтение истории болезни, в разговоре с пациентом:

(12) *Главный, по-видимому, поставил себе за правило соглашаться со всем и радоваться всему, что бы ни говорили ему окружающие, и выражать это словами «славно, славно».*

(13) (Иван излагает свою историю психиатру) *— Ну что же, славно, славно! — отозвался Стравинский, — вот все и выяснилось. Действительно, какой же смысл задерживать в лечебнице человека здорового? Хорошо-с. Я вас немедленно же выпишу отсюда, если вы мне скажете, что вы нормальны...*

(М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Соглашаться и *радоваться* — это, конечно, только внешняя окраска данных реплик, а основная целеустановка их во всех этих случаях — поддерживать контакт, т. е. указывать на то, что информация принята и усвоена говорящим и что коммуникация развивается нормально, успешно. При

этом ярко проявляется, во-первых, параметр большей компетентности говорящего (здесь в сочетании с социальной иерархией), сближающий эту конструкцию с конструкциями типа *Хорошо*, *Прекрасно*, *Великолепно* и т. п.[7], а во-вторых, оценочное значение соответствия полученной информации (подробностей болезни) — норме ситуации (поведения больного при данном диагнозе), что очевидно для говорящего именно в силу его компетентности. Поскольку ситуация находится в пределах нормы, она — в-третьих — не требует более сильной оценки, чем необязательное *Славно, славно*, и более активного участия в ней говорящего.

(13) (Берг с воодушевлением рассказывает, как он говорил с великим князем.)
— Да, это славно, — улыбаясь, сказал Ростов.
Но Борис, заметив, что Ростов сбирался посмеяться над Бергом, искусно отклонил разговор.

(Л. Толстой. Война и мир)

Рассматриваемая конструкция свидетельствует о принятии информации и в то же время, как показывает авторский комментарий, маркирует иронически-отстраненное, с оттенком превосходства, отношение к собеседнику и его рассказу — отчасти благодаря указанному параметру большей компентности говорящего, отчасти потому, что эта «легкая», пассивная, выражающая всего лишь соответствие норме конструкция слабее по эмоциональному градусу ожидаемой собеседником реакции.

В современной русской речи конструкции со словом *славно* встречаются редко: по-видимому, они выходят из употребления, устаревают.

4. В русском языке есть и другие прилагательные, на лексическом или даже словообразовательном уровне выражающие субъективное эмоциональное воздействие объекта оценки на говорящего: *восхитительно* (← *восхищает* [меня]*), очаровательно*, *изумительно*, *грандиозно* и т. п. Но реплики-реакции употребляются с ними в живой устной речи крайне редко в силу стилистической завышенности и чрезмерной аффективности этих прилагательных (которой русская речь вообще стремится избегать[8]). Если конструкции с ними все же используются, то характеризуются нарочитой **экспрессивностью, манерностью, экзальтированностью**. Они скорее могут встретиться в женской речи; можно сказать, что их выбор определяется индивидуальным предпочтением говорящего. Так, героиня фильма «Лег-

[7] См. [Савина 2006].

[8] Для сравнения: в английской речи, как неоднократно отмечали исследователи [Драздаускене 1970; Азнабаева 1998; Ларина 2004], напротив, контактоподдерживающие реплики типично содержат разнообразные аффективные прилагательные (*wonderful*, *marvelous*, *lovely*, *delightful*, *fantastic*, *divine*, *heavenly*, *splendid*, *gorgeous* и др.), часто к тому же усиленные различными интенсификаторами (*how*, *absolutely*, *completely*, *awfully*, *extremely*, *entirely* и др.).

кая жизнь», кокетничая, постоянно использует конструкцию *Грандиозно* как реакцию на любое сообщение, что порой создает комический эффект:

(11) — *Как вас зовут?*
— *Александр Николаевич.*
— *Грандиозно!*

(х/ф «Легкая жизнь»)

Таким образом, среди конструкций со словами «легкой», поверхностной, необязательной субъективной оценки одни употребляются в диалоге редко, и их выбор объясняется личным предпочтением говорящего (говорящей), другие — а именно конструкции со словами *прелесть* и *прелестно, мило, славно* — несколько чаще и имеют достаточно яркие семантические коммуникативные параметры, по которым они и противопоставлены в языке:

1) Конструкции со словами *прелестно* / *прелесть* и *мило* маркируют узнавание говорящим новой, прежде неизвестной и даже не предполагавшейся им, нарушающей привычные для него нормы частной детали уже в целом известного ему явления, соотношение этой новой частной информации с его общими представлениями о мире, ситуации, предмете разговора.

2) Такое соотношение у данных конструкций разное, даже противоположное: конструкции со словами *прелестно* / *прелесть* показывают, что новая информация укладывается в общую картину, дополняя, углубляя, проясняя ее; конструкции же со словом *мило* — что она заставляет говорящего переосмыслить, переоценить ее.

3) Конструкции со словом *славно* маркируют соответствие услышанного норме ситуации; им свойствен параметр большей компетентности говорящего, что объединяет их с некоторыми другими конструкциями со словами положительной оценки, в то время как значение «легкой», необязательной оценки, невмешательства говорящего в обсуждаемую ситуацию позволяет объединить их в одну группу с рассмотренными выше.

Все эти конструкции легко теряют значение собственно положительной оценки (для конструкции *Мило* ироническое употребление в значении сдержанной отрицательной оценки даже более типично). Все они способны использоваться и в фатическом общении, и в информативном диалоге для сигнализации о принятии сообщения и нередко служат для того, чтобы преуменьшить значимость для говорящего принятой информации, даже если на самом деле она важна.

Литература

Азнабаева 1998 — Л. А. Азнабаева. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении. Уфа, 1998.

Балаян 1971 — А. Р. Балаян. Основные коммуникативные характеристики диалога: Автореф. дис. … докт. филол. наук. М., 1971.

Безяева 2002 — М. Г. Б е з я е в а. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Безяева 2005 — М. Г. Б е з я е в а. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 7. М., 2005. С. 105—129.

Бырдина 1992 — Г. В. Б ы р д и н а. Динамическая структура русской диалогической речи: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 1992.

Винокур 1993 — Т. Г. В и н о к у р. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М., 1993.

Дразаускене 1970 — К.-Н. Д р а з д а у с к е н е. Контактоустанавливающая функция речи: Дис. … канд. филол. наук. М., 1970.

Ларина 2004 — Т. В. Л а р и н а. Выражение эмоций в английской и русской коммуникативных культурах // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Волгоград, 2004. С. 36—45.

Речь москвичей 1999 — М. А. К и т а й г о р о д с к а я, Н. Н. Р е з а н о в а. Речь москвичей. М., 1999.

Савина 2006 — Е. А. С а в и н а. Контактоподдерживающие реплики с прилагательными положительной оценки в форме на *-о* (ед. ч. ср. р.) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 8. М., 2006. С. 113—124.

Соловьева 1965 — А. К. С о л о в ь е в а. О некоторых общих вопросах диалога // ВЯ. 1965. № 6. С. 103—110.

З. С. САНДЖИ-ГАРЯЕВА

ПАРОДИЙНО-КОМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НЕУЗУАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ПРОЗЕ А. ПЛАТОНОВА

Смеховой мир Андрея Платонова требует специального изучения, так как он включает в себя не только комические ситуации, возникающие главным образом при столкновении старой и новой жизни, но и ситуации, связанные с темой «новых» слов, появившихся после революции [Корниенко 2003: 78]. Во многих работах о природе комического у Платонова, как правило, подчеркивается его неразрывная связь с трагическим. Н. В. Корниенко в монографии, посвященной языку Шолохова и Платонова, пишет: «У автора трагического „Котлована“ был богатый опыт художественного вуалирования трагизма — повесть-хроника „Впрок“, в которой те же котлованные ситуации решались и кодировались языком смеховой русской культуры…» [Корниенко 2003: 78][1]. Об особом характере иронии Платонова по отношению к новому языку М. Геллер писал следующее: «Замятин, Зощенко, Бабель, Булгаков, внимательные свидетели трансформации языка, относились к нему с иронией, врожденной дистанцией писателей, выросших в другом языке. Ирония Платонова была выражением боли писателя, верившего и в утопию, и в ее язык. ⟨…⟩ Платонов нарушает нормы русского языка, сопротивляясь превращению его в язык утопии» [Геллер 1999: 287—288]. Рефлексия Платонова на новый язык встречается в его произведениях в виде метатекстовых комментариев, но это — предмет отдельного описания. Здесь мы приведем лишь один из таких комментариев из бедняцкой хроники «Впрок»: «Но зажиточные, ставшие бюрократическим активом села, так официально-косноязычно приучили народ думать и говорить, что иная фраза бедняка, выражающая искреннее чувство, звучала почти иронически. Слушая, можно было подумать, что деревня населена издевающимися подкулачниками, а на самом деле это были бедняки, завтрашние строители новой истории, говорящие свои мысли на чужом, кулацко-бюрократическом языке».

Нарушение норм языка, противодействие новому формирующемуся языковому узусу послереволюционных лет порождает речевые произведе-

[1] О соединении трагического и комического в слове Платонова см. также [Санджи-Гаряева 2004].

Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 217—223.

ния (слова, словосочетания, фразы) пародийно-иронического, комического характера. Однако не следует думать, что комическое у Платонова есть только следствие или результат авторской рефлексии над бюрократическим языком. Комическое у Платонова гораздо шире. Своими истоками оно уходит в народную смеховую культуру [Шубин 1987]. Народный юмор, шутка, балагурство были глубоко органичны в творчестве Платонова, сопричастны его языковой личности, о чем свидетельствуют «Записные книжки» писателя и речь героев ранней прозы. «Балагурство — одна из национальных русских форм смеха, в которой значительная доля принадлежит „лингвистической“ его стороне. Балагурство разрушает значение слов и коверкает их внешнюю форму. Балагур вскрывает нелепость в строении слов, дает неверную этимологию…» [Лихачев, Панченко, Понырко 1984].

В этой статье выделен только один пласт смехового мира Платонова, его лингвистического представления — словообразовательный. Наша цель — показать, какие стороны словообразовательного механизма русского языка используются Платоновым для создания комического, пародийного, для выражения иронии.

Неузуальное словообразование Платонова имеет ярко выраженный пародийный характер. М. М. Бахтин говорил, что в пародии скрещиваются «две языковые точки зрения, две языковые мысли и, в сущности, два речевых субъекта» [Бахтин 1975: 439]. Пародийность возникает в результате рефлексии над явлениями нового советского языка, она выражается в актуализации и обыгрывании продуктивных словообразовательных моделей того времени, а сами новообразования можно рассматривать как пародии на узуальные слова официального языка, созданные по этим моделям.

В партийных документах и речах высших партийных руководителей, в газетах 20-х годов широко употреблялись оценочные наименования лиц с суффиксом *-енец: отщепенец*, *перерожденец* и др. В текстах Платонова по этой модели образованы неузуальные слова *упущенец*, *угожденец*, *переугожденец*, *опереженец*, *головокруженец*, которые помещены в контексты, содержательно перекликающиеся, в частности, со статьями Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам», где речь идет о перегибах линии партии, о забегании вперед, об опережении партийных директив и т. д. Приведем примеры: *Перегибщик или* ***головокруженец*** *есть подкулачник* («Впрок»); ***Переугожденцы****, момент забеговщины,* ***опереженцы****, парт-пашкинщина, член ВСХН, героическая тварь* («Записные книжки»); *— Ты нам не переугождай! — возражающе произнес Сафронов… — Значит, я* ***переугожденец****, все более догадываясь, пугался профуполномоченный* («Котлован»); *И только изредка он словно замирал на мгновение от тоски жизни — тогда он жалобно глядел на любого человека…*; *это он чувствовал воспоминание, что он головотяп и* ***упущенец****, — так его называли в бумагах из района* («Котлован»).

В этом же ряду стоят такие новообразования, как: *перегибщина*, *переусердщина*, *забеговщество*, *переусердие*, образованные на базе ключевых

слов и выражений, актуальных для того времени: *перегибать линию*, *забегать вперед*, *переусердствовать*, *упускать*. Примеры: *А опасения от **переусердия** уже имеются* («Впрок»); *Случилось ужасное явление **упущения***; *…в лежащей директиве отмечались маложелательные явления **перегибщины**, **забеговщества**, **переусердщины** и всякого сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии…* («Котлован»).

Яркий иронически-пародийный пафос имеют слова, созданные по принципу антонимического противопоставления уже существующим, узуальным (*перегиб — разгиб*, *перегибщик — разгибщик*, *зажим — отжим*, *беднота — среднота*): *Такое единичное явление в районе обозначили впоследствии **разгибом**, а Евсеич прославился как **разгибщик** вопреки **перегибщику*** («Впрок»); *Я убедился, что мнение **о зажиме** колхозной массы со стороны колхозных руководителей неверно. От Упоева колхозники чувствовали не **зажим**, а **отжим**, который заключался в том, что Упоев немедленно **отжимал** прочь всякого нерачительного или ленивого работника* («Впрок»); *Вот проверну здесь генеральную линию, покажу всей **среднote*** (ср. *беднота*)*, что такое колхоз в натуре…, а потом уеду учиться* («Впрок»).

Глубокий трагикомический смысл имеет окказионализм *обычайка*. Намеренно сближая его с широкоупотребительным словом из революционного лексикона *чрезвычайка*, Платонов подчеркивает обыденность и привычность репрессивных мер со стороны властей: *— А раньше кто тут жил? — Раньше буржуи жили. Для них мы с Чепурным второе пришествие организовали… Был просто несчастный случай по распоряжению **обычайки**. — **Чрезвычайки**? — Ну да* («Чевенгур»).

В языке Платонова пародийно обыгрывается еще одна характерная особенность — тотальная аббревиатизация в языке революционного времени [Кожевникова 2003]. Платонов образует множество сложносокращенных слов окказионального характера по распространенной модели «усечение + полное слово»: *оргдом*, *оргдвор*, *колхозцентр*, *окртрактор*, *ревчеловек*, *ревзаповедник*, *госум*, *генлиния*, *трудгужповинность*, *профтрепач* и др. Приведем некоторые примеры наименований учреждений и организаций: ***Организационный двор** покрылся сплошным народом*; *Народ выступил со дворов на этот звук и всем неорганизованным составом явился на площадь **оргдвора*** («Котлован»); ***Колхозцентр** уже трудится* («Город Градов»); в «Записных книжках» встречается слово *окртрактор*, которое, по-видимому, означает **окружную** организацию, ведающую **тракторами**: ***Окртрактор** выдумал специальные выдуманные свои функции.* В романе «Чевенгур» словом ***ревзаповедник*** названо место, в котором хранятся в законсервированном виде революционные традиции. Пародийность иронии усиливается в тех случаях, когда сложносокращенные слова используются для наименования различных реалий новой жизни, например *ревчеловек*: *Тема большая. Цетральный **ревчеловек** нашего времени* («Записные книжки»); *генлиния*: *Специализация колхозов — вот **генлиния*** («Записные книж-

ки»); *госум* — «государственный ум»: *В ней* (в комиссии. — *З. С.*) *Чумовой проработал сорок четыре года и умер среди забвения и канцелярских дел, в которых был помещен его организационный* ***госум*** («Усомнившийся Макар»); *больраненые* — «больные и раненые»: *Шумилин говорил с Фуфаевым. Того губком собирался назначить председателем комиссии помощи* ***больраненым*** *красноармейцам* («Чевенгур»). Откровенно негативная оценка содержится в слове *профтрепач*: ***Профтрепача*** *послушал, ты работай, как гепеус, вот где умные люди* («Город Градов»).

Пример пародирования бюрократического языка новой жизни представляют собой сложные прилагательные, обозначающие сельскохозяйственные кампании, из повести «Впрок»: *План изображал закрепленные сроки и названия боевых кампаний…* ***землеуказательной***, ***супряжно-организационной***, ***пробно-посевной, учетно-урожайной, крутильно-молотильной, ивово-корьевой, транспортно-тарочной***...

Издевательски насмешливы трехкомпонентные прилагательные: *Штаты безобразно раздуты и раздуваются.* ***Планово-организационно-руководящий*** *персонал* («Записные книжки»); *Число* ***ежедневно-трамвайно-наказуемых*** *в Воронеже равно московскому числу* («Че-Че-О»).

Иронически окрашены составные прилагательные, используемые Платоновым в целях характеристики человека, оценки его облика, поведения, мыслительной деятельности: *От наблюдения сплошных* ***научно-грамотных*** *людей Макару сделалось жутко во внутреннем чувстве* («Усомнившийся Макар»); *...Упоев глянул на говорящих своим* ***активно-мыслящим*** *лицом…*(«Впрок»); *Сафронов повернул к нему* ***вежливо-сознательное*** *лицо* («Котлован»); *Утерев затем свое* ***утомленно-пролетарское*** *лицо, медведь плюнул в лапу и снова приступил к труду молотобойца* («Котлован»). В тексте повести «Город Градов» использована окказиональная краткая форма прилагательного *областно-мыслящий*: *Другой собеседник был более* ***областно-мыслящ***. Стилистически разнородные компоненты соединены в шутливом прилагательном *бабье-дамский*: *А именно, когда Евсеев увидел горку каких-то* ***бабье-дамских*** *драгоценных предметов…*(«Впрок»).

Особый способ создания комического у Платонова — игровое словообразование [Санджи-Гаряева 2000]. Для пародийного слова обязателен прототип в виде реального слова из официального языка, поэтому пародийные слова, как правило, образуются по продуктивным моделям и имеют «серийный характер». Смысл словообразовательной пародии в демонстрации абсурдности новых «казенных» слов, состоящий (по Геллеру) в расшатывании «языка утопии», его оглуплении. Для игрового слова прототип необязателен, оно, как правило, образуется с сильным отклонением от нормы, окказиональным способом. Цель образования игрового слова — шутка, юмор, сатирический смех.

К игровым прежде всего относятся одиночные индивидуальные образования сугубо окказионального характера. Так, слово *дубъект* возникает в результате замены первой буквы (ср. субъект): *Впрочем, живу как* ***дубъ-***

***ект**, думаю чего-то об одном себе, потому что меня далеко не уважают* («Чевенгур»). Смысловое наполнение этого «странного» слова, как часто бывает у Платонова, двоякое, оно ассоциируется либо со словом *дуб,* либо со словом *думать*.

Способом междусловного наложения образуется окказионализм *констервация* (*консервация* и *стерва*): *Тут, дорогой человек, **констервация** — советская власть сильна, а здешняя машина тщедушна, она и не угождает* («Котлован»). В тексте речь идет о неработающем, законсервированном кафельном заводе. В имени героини «Чевенгура» *Клабздюша*, *Клобзд* происходит соединение женского имени *Клавдюша* и нелитературного глагола, способствующее снижению образа. В ранних рассказах повторяется слово, образованное подобным способом, — *жлобораториия*, сочетающее в себе компоненты: *лаборатория* и *жлоб.*

Сугубо юмористический и, более того, балагурный характер (из-за двусмысленности базового слова) имеет обозначение женщины-члена колхоза, колхозницы — *членка*: *Ты хоть бы раз на колхозные дворы сходила, посмотрела бы, как там **членки** доют* («Впрок»).

Неясность внутренней формы слова *кустарник* со значением лица (соотносится либо с *кустом*, либо с *кустарником*) и одновременно его омонимическое сближение с кустарником-растением в словосочетании *День **кустарника*** также порождает комический эффект («Записные книжки»).

Паронимическое обыгрывание слов *главарь*, *глава* содержит сатирический оттенок: *...пришел товарищ Упоев, **главарь** района сплошной коллективизации* («Впрок»). Добавление суффикса *-арь* придает слову совершенно отчетливый зловещий смысл, а всей кампании коллективизации характер насильственной акции.

Определенная шутливость (род передразнивания) есть в буквенной аббревиатуре «Че-Че-О» (названии очерка), к фонетическому облику которого Платонов дает пояснение: *ЦЧО — центральная черноземная область, по-воронежски «ЧЧО». ЦЕЧЕО — по воронежскому говору выговорить трудно — говорят ЧЕ-ЧЕ-О.*

Другой вид использования словообразовательного механизма в целях создания комического представлен в случаях, напоминающих обратное словообразование. Жачев в повести «Впрок» говорит о себе: *Ведь **слой** грустных уродов не нужен социализму* (ср. *слой — прослойка*); *Из всякой ли **базы** образуется надстройка?* («Впрок»). Или: *Баба — **база** двора, а мужик — надстройка* (ср. *база — базис*) («Записные книжки»). Эти примеры демонстрируют превращение трудных, малоизвестных терминов в знакомые слова, более доступные говорящим, и свидетельствуют, как и в других случаях, об игровой форме рефлексии Платонова над элементами нового языка.

Налет комизма есть в использовании базового слова вместо его производного, например, *средний* в значении «середняк»: *Ишь ты, **средний** дьявол какой! — знать, колхоз тебе не по диаметру!* («Впрок»); *После того он обязан был еще обойти всех **средних** единоличников, оставшихся без*

колхоза…(«Котлован»); *Сегодня утром Козлов ликвидировал как чувство любовь к одной* ***средней*** *даме* («Котлован»); *Особо Полпашкин любил* ***средне****-прекрасных дам* («Записные книжки»). Компонент *средний* в последних двух примерах допускает двоякое толкование: либо это дамы-середнячки, либо умеренно красивые дамы, а может быть, и то, и другое.

Особый вид комического словотворчества у Платонова — его антропонимы. Фамилии (иногда отчества) героев выражают их социально-политическую позицию. Так, в повести «Впрок» руководитель одного из районов наделен фамилией ***Упоев***, это *главарь района сплошной коллективизации*, который с **упоением** и страстью предается революционной деятельности — *он был неудержим в своей активности и ежедневно тратил тело для революции*. В повести «Ювенильное море» действуют герои *Умрищев*, *Федератовна*, *Определеннов*. Герой, названный ***Умрищевым***, по своей политической сущности оппортунист, человек пассивный, главный жизненный принцип которого: «не суйся», он обречен **умереть**, не дожив до коммунизма. «Советская старушка» ***Федератовна*** поясняет внутреннюю форму своего имени так: *Я всю республику люблю, я день и ночь хожу и щупаю, где что есть и где чего нету… ай кому жалко нашу* ***федеративную*** *республику?!* Герой по фамилии ***Определеннов***, секретарь райкома, имеет **определенную** политическую позицию, ясную цель, в отличие, например, от *Умрищева*.

В целях создания комического и сатирического используются окказиональные мотивации узуальных слов, в результате чего разрываются устоявшиеся словообразовательные связи и возникают новые. Интересен в этом отношении пример игры со словами «большевизм» и «большевистский», которые, вопреки узуальному соотношению «большевизм — большевик» и «большевистский — большевик», мотивируются у Платонова прилагательным «большой»: *При* ***большевизме*** *я ничего среднего не видел. — И я тоже… Все одно только* ***большое*** («Впрок»). Пастух Климент из «Ювенильного моря» говорит: — *Во мне, вот, лежит* ***большевистский*** *заряд, а как начну им стрелять в свое дело, так выходит кой-что мало… Ты стараешься все* ***по-большому****, а получается одна мелочь-сволочь!* Игровой момент в том, что «по-большому» имеет в русском языке совсем другое устойчивое значение.

Изменение мотивации становится основой игрового, сатирически окрашенного лингвистического сюжета, связанного со словом «оперплан» в повести «Город Градов». Приведем в качестве примера диалог Шмакова с секретаршей Соней: — *Соня, ты* ***оперплан*** *не переписала еще? — Переписала, Степан Ермилыч! — ответила Соня. — Это* ***операционный*** *план? Ах, нет, не переписала… Вы про* ***операционный*** *спрашиваете, Степан Ермилыч? — Ну, да, не про* ***опереточный.*** *Оперплан и оперплан!* Аббревиатура в этом сюжете так и не получила истинной мотивации (**оперативный**), абсурд в том, что бюрократ Шмаков сам не знает, что означает компонент «опер»: — *Оперплан и оперплан!*

Проанализированный словообразовательный материал показывает еще недостаточно изученную сторону платоновского отношения к слову: комизм, имеющий корни в народной культуре и проявляющийся в пародийно-ироническом анализе и синтезе поэтического слова. Смех Платонова, часто близкий к балагурству, кроме веселости, включает в себя и некий трагизм, связанный с сатирической, часто издевательской критикой официального бюрократического языка и риторики советского официоза.

Литература

Бахтин 1975 — М. М. Б а х т и н. Из предыстории романного слова // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 408—446.

Геллер 1999 — М. Я. Г е л л е р. Андрей Платонов в поисках счастья. М., 1999.

Кожевникова 2003 — Н. А. К о ж е в н и к о в а. Аббревиатуры в русской литературе XX века // Русский язык сегодня. Вып. 2. М., 2003. С. 148—159.

Корниенко 2003 — Н. В. К о р н и е н к о. «СКАЗАНО РУССКИМ ЯЗЫКОМ…» Андрей Платонов и Михаил Шолохов: Встречи в русской литературе. М., 2003.

Лихачев, Панченко, Понырко 1984 — Д. Л и х а ч е в, А. П а н ч е н к о, Н. П о н ы р к о. Смех в древней Руси. М., 1984.

Санджи-Гаряева 2004 — З. С. С а н д ж и - Г а р я е в а. Андрей Платонов и официальный язык // ВЯ. 2004. №. 1. С. 118—132.

Шубин 1987 — Л. А. Ш у б и н. Поиски смысла отдельного и общего существования. Об Андрее Платонове. Работы разных лет. М., 1987.

ПОЛЕМИКА

П. В. ПЕТРУХИН, Д. В. СИЧИНАВА

ЕЩЕ РАЗ О ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ СВЕРХСЛОЖНОМ ПРОШЕДШЕМ, ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТЕ И СОВРЕМЕННЫХ ДИАЛЕКТНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

В опубликованной в предыдущем номере журнала статье М. Н. Шевелевой [2007] значительное место уделено разбору идей, предложенных в нашей работе [Петрухин, Сичинава 2006], где так называемый «русский плюсквамперфект» (т. е. формы типа *(язъ) есмь былъ шелъ*), достаточно широко представленный в древней восточнославянской письменности на протяжении всей ее истории (прежде всего в некнижных и летописных памятниках), впервые рассматривается в свете типологических параллелей. С некоторыми из этих идей автор статьи согласна, с другими нет. В целом М. Н. Шевелева предложила новую концепцию семантики и развития восточнославянских форм плюсквамперфекта, существенно отличную от нашей. Радуясь тому, что та часть древнерусской временной системы, которая связана с передачей плюсквамперфектной семантики, наконец-то привлекла к себе пристальное внимание исследователей, мы хотели бы продолжить здесь (надеемся, плодотворную) дискуссию на эту тему.

Сначала мы кратко изложим наш взгляд на проблему, потом концепцию М. Н. Шевелевой, а затем рассмотрим некоторые расхождения между нашими подходами, — с упором на анализ конкретных примеров.

Два подхода

В [Петрухин, Сичинава 2006] мы предложили рассматривать «русский плюсквамперфект» в ряду аналогичных форм европейских[1] языков, сходных с ним как формально (два вспомогательных глагола и причастие прошедшего времени), так и семантически (для них прежде всего характерно значение аннулированного результата и другие значения из «зоны сверх-

[1] Вообще говоря, и азиатскому ареалу (иранские, тюркские, нахско-дагестанские языки) феномен сверхсложных форм не чужд, причем ряд параметров сближает их с аналогичными европейскими формами (см. подробнее [Сичинава 2007а]); в данной статье на азиатских сверхсложных формах мы подробно не останавливаемся.

Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 224—258.

прошлого» [Плунгян 2001]). Имеются в виду формы типа франц. passé surcomposé, нем. Perfekt II (Doppelperfekt) и др. Сходство с восточнославянской формой проявляется и в том, что обычно их возникновение хронологически привязано к утрате оппозиции ‘перфект — простое прошедшее’. Поскольку соответствующие европейские формы принято называть *сверхсложными* (ср. франц. surcomposé, англ. supercompound), мы предложили и древнерусскую форму называть *сверхсложным прошедшим*[2].

В более широкой типологической перспективе сверхсложные формы могут рассматриваться как разновидность представленных в самых разных языках мира временных показателей, чья функция состоит в указании на некоторое положение дел в прошлом, не являющееся актуальным в настоящий момент. Именно подчеркнутое отсутствие связи с настоящим и отличает эти формы от обычного прошедшего, которое само по себе ничего не говорит о наличии / отсутствии связи между событием в прошлом и актуальным положением дел (resp. о сохранении / несохранении результата данного события). В. А. Плунгян [2001] обозначил соответствующую область значений как «зону сверхпрошлого», к которой относятся ‘неактуальное прошедшее’, ‘аннулированный результат’, ‘недостигнутый результат’, а также ирреальные значения. Соответствующие формы В. А. Плунгян назвал показателями ретроспективного сдвига; с формальной точки зрения их отличает использование «уже готового» претерита, к которому присоединяется специальный показатель, «сдвигающий» его семантику в «зону сверхпрошлого» [Плунгян 2001; Plungian, van der Auwera 2006].

В статье [Петрухин, Сичинава 2006] мы также выступили против стандартной для большинства грамматических описаний идеи о том, что «русский плюсквамперфект» пришел на смену «книжному» плюсквамперфекту (типа *бяше шелъ*) вследствие утраты древнерусским языком имперфекта [Борковский, Кузнецов 1965/2006: 280; ИГРЯ 1982: 109; ДГ XI—XIII: 460—461]. Следует отметить, что аналогичная гипотеза долгое время была популярна и среди исследователей вышеупомянутых показателей европейских языков, и лишь недавно была убедительно продемонстрирована ее несостоятельность. Так, В. Литвинов и В. Радченко [Litvinov, Radčenko 1998: 77—78], изучившие немецкий Doppelperfekt (*habe gekauft gehabt*), привели три контраргумента против этой гипотезы: во-первых, во вспомогательных глаголах старые претеритные формы держатся дольше, чем в независимом употреблении (впрочем, в немецком претеритные формы от глаголов *sein* и *haben* до сих пор сохраняются и в независимом употреблении); во-вторых, значения обычного плюсквамперфекта (*hatte gekauft*) и нового «двойного перфекта» не совпадают: Doppelperfekt может выступать как бы «вместо» перфекта, а не «вместо» плюсквамперфекта; и наконец, в

[2] В [Петрухин, Сичинава 2006] мы использовали термин *сверхсложный плюсквамперфект*, однако термин *сверхсложное прошедшее* представляется более удобным, см. ниже.

разговорном немецком существует форма «двойного плюсквамперфекта» (Doppelplusquamperfekt: *hatte gekauft gehabt*), который есть такая же языковая инновация, как и Doppelperfekt, но вполне сохраняет претерит. Первые два соображения можно отнести и к древнерусскому материалу, добавив сюда предположение Г. А. Хабургаева [1991] об изначальном отсутствии имперфекта в разговорном восточнославянском.

Исходя, среди прочего, из приведенных соображений, мы склоняемся к уже высказывавшейся, но проигнорированной большинством исследователей точке зрения о том, что славянскую сверхсложную форму следует рассматривать как сочетание вспомогательного глагола *был-* и перфекта знаменательного глагола, а не как сочетание перфекта вспомогательного глагола с *л*-причастием. Уже в начале прошлого века такое мнение было высказано А. А. Крыньским [Kryński 1910: 215] и поддержано В. Вондраком [Vondrák 1928], позднее к нему присоединился В. И. Чернов [1961: 16].

Соображения типологического и исторического характера позволяют предполагать, что мы имеем дело не с поверхностной заменой старой формы на новую, а с глубинной перестройкой временной системы, когда на смену классическому «согласованию времен», где определяющую роль играла категория таксиса, приходит новая система, противопоставляющая, в частности, «актуальные» (и/или нейтральные по этому признаку) события «неактуальным».

Из представления о простой формальной «подмене» временных показателей логически следует другое столь же стандартное для работ по исторической грамматике русского языка утверждение — о (по крайней мере, первоначальном) тождестве значений «русского» и «книжного» плюсквамперфектов: подменяя отжившую форму, новая принимает ее семантику, как палочку в эстафете, ср.: «старая форма плюсквамперфекта в связи с утратой в древнерусском языке простых прошедших времен была вытеснена новой формой, сохранявшей прежнее значение давнопрошедшего времени» [ИГРЯ 1982: 109]. Отсюда представление о том, будто обе формы манифестируют одну и ту же грамматическую категорию, но в разных регистрах древнерусской письменности — книжном и некнижном, ср.: «при различии формального выражения плюсквамперфекта в церковнославянском и русском языках сама эта категория была представлена в обоих языках» [Успенский 2002: 251]. В работе [Петрухин, Сичинава 2006] мы почти не касались этого вопроса, здесь же постараемся подробнее на нем остановиться.

В свете всего вышесказанного нам представляется целесообразным использование термина «сверхсложное прошедшее» вместо «русского плюсквамперфекта»; тем самым мы снимаем две проблемы:

1) словосочетание «русский плюсквамперфект» наводит на мысль о типологической уникальности этой формы; напротив, термин «сверхсложное прошедшее» ставит ее в один ряд с аналогичными показателями других языков (в том числе славянских) и делает более понятной для специалистов, далеких от проблем исторической русистики;

2) с практической точки зрения удобно оставить название *плюсквамперфект* только за «книжной» формой, тем самым избавившись от необходимости пользоваться разного рода эпитетами для противопоставления двух форм; это тем более полезно, что эпитеты «книжный» и «разговорный», «старый» и «новый» (так, в частности, у М. Н. Шевелевой) заставляют думать, что различия между указанными формами сводятся к различию регистров (т. е. что речь идет об одной и той же грамматической категории) или что одна форма приходит на смену другой, а это, по нашему мнению, неверно; далее под «плюсквамперфектом» мы будем подразумевать только книжную форму.

В основе концепции М. Н. Шевелевой лежит идея об исконности результативного значения (а именно, ‘результирующее состояние в прошедшем’) для славянского плюсквамперфекта вообще и восточнославянского в частности. Под этим углом зрения она рассматривает все три интересующие нас конструкции — и «книжный» плюсквамперфект, и сверхсложное прошедшее, и диалектные формы. Впрочем, у сверхсложной формы М. Н. Шевелева обнаружила результативное значение лишь в Киевской и Суздальской летописях, в памятниках же новгородско-псковского ареала такие употребления отсутствуют. По ее предположению, это может быть связано с ранним развитием в северо-западных диалектах так называемого «нового перфекта» (*был ушедши*), который вытеснил сверхсложную форму из сферы результативной семантики. В случае же двух других форм исследователь считает результативное значение хорошо засвидетельствованным, а для диалектных конструкций типа *был ушел* — и наиболее архаичным. Антирезультативные значения у всех перечисленных форм М. Н. Шевелева считает контекстно обусловленными; в случае диалектных конструкций она также не исключает «поддерживающего» влияния финских языков.

Таким образом, М. Н. Шевелева, по сути, присоединяется к традиционной точке зрения, согласно которой «русскому плюсквамперфекту» изначально был свойствен тот же набор значений, что и «книжному» церковнославянскому, и лишь позднее, уже ближе к новому времени, он стал специализироваться на передаче антирезультативной семантики, близкой (или тождественной) семантике современной конструкции с частицей *было* (*пошел было*), которую обычно считают его потомком.

Пожалуй, самое оригинальное в концепции М. Н. Шевелевой — трактовка формального устройства древнерусского сверхсложного прошедшего. С этого и хотелось бы начать обсуждение спорных, с нашей точки зрения, моментов в построении автора статьи.

О формальном устройстве сверхсложного прошедшего

По мнению М. Н. Шевелевой, древнерусское сверхсложное прошедшее представляет собой комбинацию из двух независимых («финитных», в

терминологии автора) претеритных форм: «новый плюсквамперфект уже в раннедревнерусскую эпоху, очевидно, превращался в образование, состоящее из двух финитно-глагольных компонентов — основного и вспомогательного» [Шевелева 2007: 219][3]. Очевидно, исследователь не видит противоречия в том, чтобы одну и ту же форму в одной и той же морфологической конструкции (а М. Н. Шевелева настаивает на том, что речь идет именно о морфологической, а не о синтаксической конструкции) трактовать как «финитную» и в то же время как вспомогательную.

Более того, автор приписывает форме *былъ* (*-а*, *-о*, *-и*) в составе сверхсложного прошедшего полнозначную бытийную (экзистенциальную) семантику, которая, по ее мнению, в значительной степени (если не полностью) определяет семантику данного показателя в целом. И вновь, по-видимому, М. Н. Шевелева не видит здесь противоречия с ею же отмеченным фактом, что «у русского плюсквамперфекта связка всегда была энклитикой в отличие от акцентно самостоятельного полнозначного бытийного глагола» (с. 224).

Действительно, Р. О. Якобсон [Jakobson 1935: 20] показал, что в качестве связки глагол *быть* в славянских языках функционирует как клитика, в отличие от тех случаев, когда он фигурирует в независимом употреблении, ср. также [Зализняк 2008: 37—38, 221—222]. А. А. Зализняк [1993: 285—286] предположил (и дальнейшие наблюдения это подтверждают), что то же верно и в отношении показателя *был* в составе «русского плюсквамперфекта». Так обстоит дело отнюдь не только в славянских языках: например, как известно, древнегреческий глагол εἰμί ‘быть, существовать’ в качестве связки — клитика, а в качестве полнозначного глагола — полноударный. Это соответствует многочисленным типологическим наблюдениям над способами грамматикализации вспомогательных глаголов, которые показывают, что на долгом пути преобразования самостоятельных лексических единиц в грамматические показатели потеря лексического значения является отправной точкой, а утрата самостоятельного ударения, напротив, финальной (далее возможно лишь превращение в аффикс), ср.: «conceptual shift from lexical to grammatical content (= desemanticization) precedes all other shifts, and… cliticization and erosion normally start later than the other shifts» [Heine 1993: 58][4].

[3] Далее, цитируя эту работу, мы будем приводить только номера страниц в круглых скобках.

[4] На утрату лексического значения как необходимое условие для того, чтобы глагол мог выполнять роль связки в аналитической временной конструкции, указывал еще А. А. Потебня [1958: 119]: «Глагол в составном сказуемом может быть как словом чисто формальным, так и вещественным; в описательном времени он может быть только формальным, и если этого нет, если, например, в древнерусском „хочеть бытии„ глагол означает хотение, а не одно отношение к лицу и будущему времени (*будет*), то нет и описательного времени».

По Шевелевой, с «русским плюсквамперфектом» все наоборот: по мере продвижения по пути грамматикализации у вспомогательного глагола *был* повышается синтаксический статус и, так сказать, актуализируется значение: «…надо иметь в виду, что компонент *был* (*-а*, *-о*, *-и*) именно потому и превращается из обычной связки в особый показатель отнесенности ситуации к дистанцированному от настоящего прошлому, что он стал финитной формой бытийного глагола, употребленной при еще одной финитной форме — глагола смыслового (а не при причастии!). Этот новый вспомогательный глагол *был* (*-а*, *-о*, *-и*) представляет собой претерит экзистенциального глагола несов. вида и, соответственно, выражает, во-первых, значение прошедшего времени (дублируя и тем самым подчеркивая выраженное формой смыслового глагола значение отнесенности в прошлое), во-вторых, — за счет семантики основы несов. вида — отделенность, дистанцированность этого прошедшего от настоящего. ⟨…⟩ Экзистенциальная семантика основы в сочетании с семантикой разобщенного с настоящим прошлого, возможно, задает некоторый модальный компонент подчеркивания реальности существования данного факта в прошлом (об аналогичной функции элемента *есть*, превращающегося из связки перфекта в удостоверительную частицу, см: [Шевелева 2001; 2002]), тем самым еще более акцентируя семантику отделенности этого прошлого от настоящего» (с. 219; текст в скобках — М. Н. Шевелевой).

Существенно, что, фактически предлагая рассматривать показатель *был* в составе сверхсложной формы как полнозначное сказуемое, М. Н. Шевелева в то же время настаивает на том, что это именно морфологическая, а не синтаксическая конструкция, предостерегая от их смешения: «Принципиально важным для исследования истории „русского плюсквамперфекта“ мне представляется разграничивать конструкции синтаксической природы и происхождения, с одной стороны, и структуры морфологические по происхождению, восходящие к исконному славянскому плюсквамперфекту» (с. 220). Под синтаксическими конструкциями подразумеваются изредка попадающиеся в текстах фразы типа:

(1) Тоя же тамъ лѣта силно было в осенъ дожгя сло много (Пск. 3 лет., 1475 г., л. 167 об.).
‘В тот же год осенью шли сильные дожди’.

Такие употребления глагола *быти* называют также избыточными, они знакомы и современным диалектам (где выступают и в настоящем времени — *Ребята есть курят*), и даже современному разговорному литературному языку[5]. Однако, при всей справедливости замечания М. Н. Шеве-

[5] Наряду с «избыточным» *было*, в примере (1) обращают на себя внимание другие диалектизмы, обычно избегаемые летописцами: сложное указательное местоимение *тойтам* (в настоящее время известное только в говорах Архангельской области [Пожарницкая 2003: 242], *жг* на месте **zgj*, *сло* с эффектом неразличения

левой о необходимости разграничивать два типа конструкций, надо признать, что ее трактовка формального и семантического устройства восточнославянской сверхсложной формы этому не способствует. Более того, на протяжении статьи исследователь не раз подводит читателя к мысли о том, что, «[х]отя грамматически это структуры разные, их семантическое и функциональное сближение ⟨…⟩ вполне возможно» (с. 224), что «те и другие структуры, оставаясь грамматически разными, могли сближаться по значению (см. 2.1), так как и вспомогательный глагол плюсквамперфекта в таком употреблении и независимое *было* относили ситуацию к не связанному с настоящим прошлому. Сближение это, как мы видим, в XV в. уже имело место (а скорее всего и ранее)» (с. 230). Если к этим высказываниям, фактически допускающим семантическое тождество двух конструкций, прибавить выдвинутую М. Н. Шевелевой трактовку показателя *был* в составе сверхсложного прошедшего как «финитной» формы, то придется признать, что провести различие между ними действительно непросто. Однако эта проблема в значительной степени является продуктом избранного автором подхода[6].

Против нашей трактовки сверхсложной формы М. Н. Шевелева выдвигает следующее возражение: «Для древнерусского вряд ли корректно рассматривать новую форму как „причасти[е] с двумя вспомогательными глаголами (связками)“, как это делается в [Петрухин, Сичинава 2006: 193], и даже называть ее „сверхсложной“ можно лишь условно, имея в виду генетический аспект. Бывшее причастие в живом древнерусском языке уже превратилось в претерит, никакой связки перфекта не существует: в 3-м лице она отсутствует материально, в 1 и 2 лице превращается в синтаксический синоним личных местоимений, выражая только значение лица [Хабургаев 1978; Зализняк 2004: 179; Шевелева 2002: 61]» (с. 218—219).

И здесь позиция М. Н. Шевелевой вызывает у нас недоумение. Безусловно, мы «имеем в виду генетический аспект»: основная цель нашей статьи состоит именно в попытке реконструировать генезис сверхсложного прошедшего в восточнославянском — с учетом как типологического материала, так и данных древнейших памятников. С другой стороны, этот подход соответствует общепринятой практике: например, формы типа *есть*

с и *ш*, наречие *сильно* в значении ‘очень’; здесь же ошибка: *тоя. (лѣта)* вм. *того*. В целом фраза написана явно «не по-книжному».

[6] К сожалению, подобная непоследовательность местами делает трудноуяснимой авторскую позицию. Так, мы совершенно солидарны с М. Н. Шевелевой, когда она говорит о том, что «[н]аше представление о исконной факультативности плюсквамперфекта, как кажется, во многом основано на недостаточной изученности условий его употребления» (с. 233), однако в другом месте исследователь сочувственно ссылается на «отмечаемую исследователями... „синонимию“ плюсквамперфекта и простого прошедшего, указания на возможность употребления плюсквамперфекта в аористном значении, его *факультативность* и возможность замены основным прошедшим временем» (с. 229; курсив наш).

пошьлъ по крайней мере для древнейшего периода истории восточнославянских языков обычно рассматриваются как сочетание вспомогательного глагола с *лъ*-причастием и называются «перфектом», и едва ли сейчас от этой практики стоит отказываться, ср. [Зализняк 2004: 174].

Для решения вопроса о том, завершился ли процесс превращения вспомогательного глагола в показатель лица, существует четкий критерий: процесс можно считать завершенным, если связка находится в отношениях дополнительного распределения с личными местоимениями, т. е. если возможно *я далъ* или *есмь далъ*, но не *я есмь далъ*. Однако, как отметил А. А. Зализняк [2004: 178—179], в то время как берестяным грамотам «[т]рехчленная модель (*я єсмь далъ*)... практически чужда», в прямой речи персонажей Киевской летописи по Ипатьевскому списку (повествование за 1119—1200 гг.) «в случае сохранения местоимения трехчленная модель *я єсмь далъ* встречается чаще, чем двучленная *я далъ*. ⟨…⟩ Вопрос о том, является ли в данном случае это отличие от берестяных грамот чисто стилистическим или диалектным, требует дополнительного изучения». Еще более определенны данные Киевской летописи о сверхсложной форме: при сохранении местоимения всегда используется трехчленная модель, ср.: тыи же еси бра҃т оудоумалъ бълъ тако (1149, л. 136); тыи еси бълъ (так!) к нама хр҃тъ целовалъ (1149, л. 137); ѭ есмь бълъ цѣловалъ хр҃тъ къ брату своему Дюргеви (1150, л. 144 об.). Таким образом, по крайней мере до середины XII в. мы не можем с уверенностью говорить о том, что на всей восточнославянской территории связка *есмь, еси* и т. д. у сверхсложной формы стала синонимом личного местоимения.

О семантике сверхсложной формы

В [Петрухин, Сичинава 2006] было высказано утверждение, что все значения восточнославянского сверхсложного прошедшего относятся к «антирезультативному» (в смысле [Плунгян 2001]) спектру. М. Н. Шевелева согласилась с нами лишь отчасти: по ее мнению, такая картина была характерна не для всех восточнославянских говоров, а лишь для северо-западных, в центральных же и южных сверхсложная форма могла передавать и результативную семантику. Более того, исследователь полагает, что результативная семантика является для данной формы «исконной», а прочие значения возникли позднее — как прагматические импликатуры, обусловленные контекстом[7].

[7] Остается неясным, как именно М. Н. Шевелева понимает «контекстную обусловленность» — как синхронный или как исторический фактор: если «контекстная обусловленность» действует на синхронном уровне, то, согласно принципам дескриптивного анализа, результативное значение у сверхсложной формы следует считать «основным», однако этого слова М. Н. Шевелева не употребляет (напро-

Здесь можно выделить два вопроса: 1) каковы аргументы в пользу первичности результативного значения у сверхсложной формы; 2) каковы вообще данные о наличии у нее такового значения.

Что касается первого вопроса, то, разумеется, наиболее очевидным свидетельством в пользу гипотезы М. Н. Шевелевой было бы такое распределение интересующих нас форм по письменным памятникам, при котором результативные формы были бы наиболее древними, а антирезультативные, напротив, появлялись бы позднее. Но ничего подобного не наблюдается. Напротив, самый ранний из известных на сегодня примеров сверхсложной формы — из Повести временных лет — имеет яркую антирезультативную окраску, передавая значение ‘прекращенной ситуации’ (данный пример, подробно прокомментированный в [Петрухин, Сичинава 2006: 201], М. Н. Шевелева не упоминает):

(2) Исакии же ре^{ч}. се оуже прелстил мѧ ѥси былъ дьꙗволе. сѣдѧща на ѥдино^{м} мѣстѣ. а оуже не има^{м} сѧ затворити в печерѣ. но има^{м} тѧ побѣдити ходѧ в манастырѣ (Лавр., 1074, л. 65 об.)
‘Исакий сказал: «(Однажды) ты уже прельстил меня, дьявол, когда я сидел на одном месте, но (впредь) я не стану затворяться в пещере, но одолею тебя, ходя по монастырю»’.

Д. С. Лихачев [ПВЛ: 221] даже использует частицу *было* («прельстил меня было») в переводе этого фрагмента. Таким образом, если предполагаемое М. Н. Шевелевой развитие у сверхсложной формы антирезультативных значений на базе результативного имело место, то оно сокрыто от нас во тьме веков, т. е. в дописьменной эпохе.

Остаются косвенные свидетельства. По мнению исследователя, таковым является употребление сверхсложных форм в прочих славянских языках. Проблема, однако, в том, что эти формы крайне неудовлетворительно изучены. Дела здесь обстоят ничуть не лучше, чем с тем же «русским плюсквамперфектом», которому исторические грамматики обычно уделяли от силы пару абзацев, приписывая ему «нормальную» плюсквамперфектную семантику и предпочитая не углубляться в детали. Так, в монографии Р. Бенаккьо, посвященной известным своей архаичностью словенским диалектам Италии (область Фриули), утверждается, что в резьянском диалекте сверхсложная форма «выполняет лишь темпоральную функцию, обозначая либо давнопрошедшее, либо непосредственное предшествова-

тив, «основным» для этой формы она считает значение отмененного или недостигнутого результата, противопоставляя его «первичному» результативному значению); если же полагать, что такое воздействие имело место в прошлом (можно вспомнить, что, согласно исследованиям по теории грамматикализации, прагматические импликатуры служат основным источником развития новых значений у грамматических единиц), то тогда на синхронном уровне соответствующего контекста вполне может и не быть, однако М. Н. Шевелева настаивает на том, что таковой практически всегда присутствует.

ние точке отсчета в прошлом» [Benacchio 2002: 87]. Однако из приводимых примеров следует, что речь всякий раз идет об антирезультативных значениях (ср. рецензию [Петрухин 2004б] на эту книгу). Показательно, что И. А. Бодуэн де Куртенэ, посвятивший резьянскому диалекту докторскую диссертацию и считающийся основателем резьянологии, всегда переводит данный показатель с помощью русской частицы *было*, ср.: Ja *si bil šal* jitàn «Я шел было туда» [Бодуэн де Куртенэ 1875: 37].

Анализ сербохорватской сверхсложной формы в работе П.-Л. Тома [Thomas 2000] показывает, что ее основная функция — маркировать отмененный результат. Только это значение является для нее обязательным, остальные (в том числе результативное) — факультативны.

В болгарском языке сверхсложная форма приобрела эвиденциальное значение, связанное с недоверием и иронией по отношению к сказанному собеседником [Фридман 1983: 118; Маслов 1956: 255], однако в говорах у нее отмечено значение, близкое к значению русских сочетаний типа *хотел было* [Младенов 1959: 42].

В древнечешских памятниках В. И. Чернов не нашел ни одного примера «нового плюсквамперфекта» с результативным значением [Чернов 1961: 11], и даже «старый» плюсквамперфект выступает в этом значении «весьма и весьма редко» [Там же: 4].

В современных западнославянских языках у сверхсложных форм, наряду с таксисными, отмечают и «абсолютные» употребления (иногда характеризуемые как «давнопрошедшее»): «стилистический вариант» прошедшего времени в словацком [Horák 1964; Маслов 1984/2004: 233]; «просто совершенное прошедшее действие (особенно давно совершившееся)» в чешском [Широкова 1961: 230]. Однако в этих языках нельзя исключить иноязычное влияние, в силу которого сверхсложные формы могли быть использованы как «эквивалент» западноевропейских форм плюсквамперфекта[8].

В восточнославянских языках рефлексы сверхсложной формы имеют исключительно антирезультативную семантику (см. об украинском [Chinkarouk 1998], о белорусском [Анічэнка 1957]).

[8] Любопытно в этой связи следующее наблюдение В. И. Чернова [1961: 8—9]: «Как ни парадоксально на первый взгляд, но употребление плюсквамперфекта во временных придаточных предложениях не наблюдается в памятниках старославянского языка, а его использование в этих позициях в древнерусском языке представляет собой если не случайное, то исключительное явление. Зато широкое употребление находит плюсквамперфект во временных придаточных предложениях чешского языка. Его использование в этих конструкциях не отмечается в древнейших памятниках чешской письменности, но в некоторых произведениях XVI столетия плюсквамперфект во временных придаточных предложениях используется едва ли не чаще и последовательнее, чем в причинных и относительных предложениях. Необходимо заметить, что обычно временное придаточное предложение предшествует главному». Здесь само собой напрашивается предположение о влиянии аналогичных конструкций немецкого языка.

В целом сведений (особенно по южно- и западнославянским языкам) явно недостаточно, но известный материал не внушает уверенности в том, что результативное значение было первичным у сверхсложной формы во всех славянских языках.

Особого внимания, безусловно, заслуживают те употребления восточнославянской сверхсложной формы, в которых М. Н. Шевелева находит результативное значение. Их всего шесть. Впрочем, в двух из них сверхсложная форма как таковая отсутствует, а выступает сочетание *л*-причастия и аориста *бы*:

(3) и се слъишавъ Всеволодъ. не поусти сн̄а своего. С̄тослава. ни моужии Новгородьскыхъ. иже то <u>бъı привелъ</u>. к собѣ (Ипат., 1140, л. 114)
‘Услышав об этом, Всеволод не отпустил (в Новгород) ни своего сына Святослава, ни (знатных) новгородских мужей, которые были (по его распоряжению) к нему приведены’.

(4) Изѧславъ же не хотѧше ис Киева поити. зане <u>оулюбилъ бъı</u> Киевъ ему (Ипат., 1155, л. 172)
‘Изяслав же не хотел уходить из Киева, так как Киев ему полюбился’.

По мнению М. Н. Шевелевой, изначально в обоих случаях выступала сверхсложная форма, так как именно ее находим в Хлебниковском (Х.) списке середины XVI в. и его копии — Погодинском списке (П. — хотя последний можно и не привлекать, так как он был переписан непосредственно с Хлебниковского [Шахматов 1908: XII; Клосс 1998: I]). К счастью, однако, в случае с примером (4) у нас есть более надежный источник для восстановления первоначального текста. М. Н. Шевелева пишет, что этот пример «ненадежен, так как имеет, очевидно, испорченное чтение во всех трех списках: синтаксически в этом контексте либо *ему* избыточно, либо утрачено *сѧ*» (с. 241). Действительно, в Ипатьевской летописи первоначальный текст искажен, зато он сохранился в Лаврентьевской и выглядит так: *зане оулюбѣлъ ємy Кыєвъ* (1153, л. 115). Древний глагол *оулюбѣти* ‘понравиться, полюбиться’ (Срезн.: III, 1202) был уже непонятен поздним писцам, которые и заменили его на более привычный. Возможно, они сочли и перфект в данном контексте неуместным[9] и преобразовали его в сочетание с *бы*. Подобные сочетания, в стандартном церковнославянском передающие условное наклонение, в летописях время от времени выступают в роли плюсквамперфекта [Потебня 1958: 261—262; Чернов 1961а: 50, 204—205], ср., например, в Галицко-Волынской летописи:

(5) но мъı на преднее возвратимсѧ. ꙗкоже преже <u>почали бъıхомъ</u> (Ипат., 1207, л. 247)
‘Но мы возвратимся к предыдущим событиям, о чем прежде начали говорить’.

[9] Об использовании перфекта в нарративе Лаврентьевской летописи см. [Klenin 1993; Петрухин 2004а].

В частности, они могут соответствовать «нормальным» плюсквамперфектным формам более ранних списков, например: *обыклъ быхъ* (Московский летописный свод 1479 г. по Уваровскому списку начала XVI в. (далее — МЛС), 1051, л. II) — *бѧхъ ѡбыклъ* (Лавр., л. 53 об.; Ипат., л. 59); *быша высѣкли* (МЛС, 1069, л. IX об.) — *бѣша высѣкли* (Лавр., л. 58 об.), *бѧху высѣкли* (Ипат., л. 64 об.). Вполне возможно, нечто подобное произошло и с примерами (3), (4).

Следующий пример — из рассказа об убийстве князя Андрея Боголюбского:

(6) а всѣхъ невѣрнъı҃х оубииць. **числомъ. к҃.** Иже сѧ бъıли снѧли. на ѡканьнъıи свѣтъ. того дн҃и. оу Петра оу Кучкова зѧтѧ (Лавр., 1175, л. 124 об.)
‘а всех неверных убийц было 20. Которые собрались в тот день на проклятый совет у Петра, зятя Кучки’

Показательно, что в Ипатьевской летописи, чей рассказ об убийстве Андрея Боголюбского восходит к одному источнику с рассказом Лаврентьевской [Насонов 1962][10], та же фраза содержит обычный плюсквамперфект:

(7) а всихъ невѣрныхъ оубииць. к҃. числомъ. иже сѧ бѧху снѧли на ѡканьныи свѣтъ. томь дн҃и оу Петра оу Кучкова. зѧтѧ (Ипат., 1175, л. 207)

Вполне вероятно, что Ипатьевская летопись сохранила первоначальную форму, стоявшую в общем для обеих летописей источнике, в то время как писец Суздальской летописи заменил имперфект на разговорную *л*-форму. Это тем более правдоподобно, что та же фраза имеет здесь одну явную ошибку: придаточное предложение, содержащее интересующую нас форму, вопреки синтаксическому устройству данной конструкции, начинается с заглавной буквы. Отсюда текст Ипатьевской летописи представляется в данном случае более исправным и надежным.

Не лишен проблем и следующий пример — из послания киевского князя Рюрика к Владимиру Галицкому:

(8) а ꙗзъ самъ хотѣлъ есмь ити к Володимероу (Х. П. -рю). но есть ми весть. ажь Всеволодъ сватъ мои всѣлъ на конѧ како ми сѧ бъıлъ ѡбѣчалъ помочи на Ѡлговичѧ. и стати оу Чернигова. а творѧть ми како же сѧ оуже совокоупилъ с братомъ моимъ Дв҃домъ. и волость ихъ жьжета и Вѧтьскъıѣ городъı пои҃малѣ и пожьглѣ. а ꙗзъ сѣжю доспѣвъ. ждѧ ѿ ни[11] вѣсти правои (Ипат., 1196, л. 239 об.—240)

По мнению М. Н. Шевелевой, это «контекст „выполненного обещания“ — ‘пришло мне сообщение, что Всеволод, сват мой, „сел на коня“

[10] Последняя работа на эту тему — [Вилкул 2005], там же библиография вопроса.

[11] Так в издании.

(= вступил в военные действия), как мне и обещал помочь против Олеговича…', т. е. все выраженные в перфекте и презенсе действия (*всѣлъ, совокоупилъ, жьжета, поималѣ, пожьглѣ*) явились результатом выполнения данного ранее обещания» (с. 242).

Однако отрывочный перевод М. Н. Шевелевой не разъясняет смысл этого фрагмента: о выполнении какого обещания, собственно, идет речь? Буквально сказано следующее: «Я получил известие, что сват мой Всеволод (Большое Гнездо) сел на коня, как он обещал мне помочь против Ольговичей и встать у Чернигова». В переводе М. Н. Шевелевой упоминание о Чернигове опущено. Но мы не можем его игнорировать — так же, как и то, что вместе с этим упоминанием фраза не дает связного смысла. Дело в том, что поход на Чернигов должен был состояться почти за год до описываемых событий и не состоялся именно из-за того, что Всеволод *не выполнил* своего обещания и *не выступил* в поход, чем заслужил упрек Рюрика:

(9) ка (Х. П. како) еси бълъ оумолвилъ со мною. и с братомъ моимъ Дв҃домъ. восѣсти на конѣ с ржс҃тва Хс҃ва. и снѧтисѧ всѣмъ в Черниговѣ (Х. П. Чернѣгова) азъ же совокоупивсѧ с братьею своею и с дроужиною своею и съ дикими Половци. и сѣдѣлъ ес҃ь доспѣвъ жда ѿ тебе вѣсти. тъı же тоѣ зимъı не всѣлъı (Х. П. всѣл) има имъ вѣръı. аже имъ стати на всеи воли нашеи. ꙗзъ же то слъıшавъ. ажь еси не всѣлъ на конь. и роспоустилъ есмь братью свою. и дикии Половци (Ипат., 1196, л. 239)

'После того, как ты договорился со мной и с моим братом Давыдом с Рождества Христова сесть на коней и собраться всем у Чернигова, я собрал у себя братьев, дружину и диких половцев и, приготовившись к походу, сидел и ждал от тебя вести. Ты же в ту зиму не сел на коня, поверив им (Ольговичам), что они нам покорятся. Я же, услышав о том, что ты не сел на коня, распустил братьев и диких половцев'.

Именно потому, что поход на Чернигов, родовую вотчину Ольговичей, не состоялся, и возникла та ситуация, о которой говорится в примере (8): теперь уже сами Ольговичи, объединившись с Романом Мстиславичем, разоряли владения Рюрика. В послании, написанном уже по следам событий, упоминаемых в (8), Рюрик вновь упрекает Всеволода[12]:

[12] Всего упрек в адрес Всеволода по поводу невыполненного им обещания повторяется на протяжении сравнительно небольшой летописной статьи за 1196 г. пять раз (не считая примера (8)). Помимо двух уже приведенных фрагментов, ср.: како еси бълъ оумолвилъ. с братомъ своимъ Рюрикомъ. и со мною. аже совокоупитисѧ. оу Чернигова всимъ ⟨…⟩ тъı же нънѣ ни моужа своего ес҃и. послалъ ко братоу своемоу Рюрикови (л. 240); чим сѧ бѧшеть емоу ѡбѣчалъ. и того не исполнилъ (240 об.); како еси (Х. П. былъ) со мною оумолвилъ. на чемь еси ко мнѣ крс҃тъ цѣловалъ. того еси всего не исправилъ (л. 241).

(10) тъı же како ми сѧ еси ѡбѣчалъ. всѣсти на конѧ и помочи ми. тъı же еси то лѣто (Х. П. добавлено: перевель) и зимоу. а нънѣча еси вс҃ѣлъ то како ми еси помоглъ (Ипат., 1196, л. 241)
‘Ты обещал мне сесть на коня и помочь, а сам бездействовал (?) все то лето и зиму. Теперь ты сел (на коня). Но что мне от этого толку?’

Показательно, что в «Истории» С. М. Соловьева дается, как обычно, очень близкий к тексту перевод рассматриваемого послания Рюрика, однако интересующая нас фраза опущена, ср.: «Мстислав должен был сказать Владимиру от имени Рюрика: „Зять мой нарушил договор и воевал мою волость, так ты, брат, с племянником моим из Галича воюйте его волость; я и сам хотел идти ко Владимиру (Волынскому), да пришла мне весть, что сват мой Всеволод сел на коня, соединился с братом моим Давыдом и вместе жгут волость Ольговичей, города вятичей взяли и пожгли: так я сижу наготове, дожидаясь вести верной“» [Соловьев 1988: 557]. Очевидно, Соловьев затруднялся интерпретировать этот фрагмент. Это еще раз указывает на то, что перед нами темное место.

В комментарии к примеру (8) М. Н. Шевелева также обратила внимание на форму *хотѣлъ есмь (ити)*, а именно на тот факт, что «значение нереализованного намерения здесь выражается как раз перфектом ⟨…⟩ ‘хотел было, но…’ — выражено перфектом, а реализованное обещание — русским плюсквамперфектом! Парадокс объясняется тем, что в контексте противопоставления результативное значение (в речевом режиме перфект ведь не теряет перфектности семантики) превращается в антирезультативное» (с. 242—243).

На самом деле «парадокс» объясняется иначе. Действительно, для современной частицы *было* одним из наиболее частотных является сочетание с глаголом *хотеть* в контексте типа «хотел было, но...». Совершенно иначе (по крайней мере, в раннем древнерусском) ведет себя «предок» современной конструкции — сверхсложная форма: несмотря на то, что одним из основных значений глагола *хотѣти* (например, в той же Киевской летописи) является ‘намереваться (что-либо сделать)’, он, насколько можно судить, никогда не выступает в форме сверхсложного прошедшего. И это отнюдь не случайно: семантическая эволюция восточнославянской сверхсложной формы наглядно демонстрирует известную типологическую закономерность, согласно которой модальные значения у видо-временных показателей развиваются на поздних стадиях грамматикализации [Bybee et al. 1994: 230—242]. Именно такой путь — от временно́го (с модальными оттенками) до чисто (или преимущественно) модального значения[13] — и демонстрирует восточнославянская сверхсложная форма. Столь же предсказуемым образом (ср. [Heine 1993: 63—64]) в части восточнославянских говоров (великорусских) это семантическое развитие сопровождается

[13] Ср. термин «недействительное наклонение», которым А. А. Шахматов [1941: 485] обозначал конструкции типа *пошел было*.

морфологическим упрощением — превращением вспомогательного глагола в частицу. Мы видим, что сверхсложную форму необходимо отличать не только от «книжного» плюсквамперфекта и современных диалектных конструкций, но также и от сочетания с частицей *было*.

Безусловно антирезультативное значение имеет следующий пример, приведенный М. Н. Шевелевой:

(11) в се же лѣто посла Всеволодъ С҃тополка. в Новъгородъ. шюрина своего. смолвѧсѧ с Новьгородьци. которыхъ то <u>былъ приꙗлъ</u> и поꙗша и Новгородци и сѣде и на столѣ (Ипат., 1142, л. 114 об.)
‘В тот же год Всеволод, договорившись с новгородцами, которых он задержал, отправил в Новгород Святополка, своего шурина. И новгородцы его приняли, и воссел он на княжеский стол’.

М. Н. Шевелева иначе трактует этот фрагмент: Всеволод отправил в Новгород Святополка, «‘договорившись с новгородцами, которые (до этого) были им приняты’ — последствия этого действия определили дальнейший ход событий» (с. 244).

Обратимся к предыстории описываемых событий. В статье за 1140 г. рассказывается о приходе к киевскому князю Всеволоду Ольговичу новгородских послов с просьбой, чтобы он прислал им на княжение своего шурина Святополка. Всеволод, не желая отдавать Новгород одному из Мономашичей, в просьбе отказал, а послов задержал у себя (об этом говорится в примере (3)); ср. также НПЛ по Синод. СП., 1142, л. 22—22 об.). Тогда в 1141 г. новгородцы отправили послов к Юрию Долгорукому, который согласился прислать им своего сына. Это не понравилось Всеволоду, и в 1142 г. он наконец согласился на условия, выдвинутые новгородскими послами (которых все это время держал у себя), и отправил в Новгород Святополка. Послы при этом, надо полагать, были отпущены на свободу. В Московском летописном своде конца XV в. история изложена следующим образом: *В лѣто 6649. Георгие Володомерич посла Новугороду сына своего Ростислава. То же слышевъ Всеволод Олгович и вмета Новогородцев въ погребъ* (‘посадил в тюрьму’) ⟨…⟩ *Того же лѣта умирися Всеволод с шурином своима и отпусти Новогородци, а с ними Святополка, его же хотѣли* (МЛС, л. 40 об. —41).

Относительно употребления глагола *приати* (и его видового коррелята — *приимати*) в значении ‘задержать, арестовать’, ср. пункт о неприкосновенности (в случае конфликта) послов и купцов, входивший в формуляр договорных грамот Новгорода с князьями: *А про послы, княже, и про купци про ноугородскые по твоей земли, техъ ти не приимати* (Договорная грамота Новгорода с князем Василием Васильевичем, 1424 г. (согласно [Янин 1990: 173], ГВНП, № 19, с. 36); ср. там же грамоты № 22 (1456 г.), с. 41; № 26 (1471 г.), с. 47; ср. также псковскую грамоту 1480 г., ГВНП, № 339, с. 326.

Неоднозначна и семантика следующего примера — из послания Всеволода Большое Гнездо Мстиславу Ростиславичу:

(12) брате ѡже тѧ привели старѣишаѧ дружина. а поѣди Ростову. а ѿтолѣ миръ възмевѣ. тобе Ростовци привели и болѧре. а мене бълъ с братомъ Бъ̄ привелъ и Володимерци. а Суздаль буди нама ѡбче. да кого всхотѧть. то имъ буди кнѧзь (Лавр., 1177, л. 128 об.)
‘Брат! Раз тебя привела старшая дружина, то поезжай в Ростов, оттуда и мир заключим. Тебя привели ростовцы и бояре, а меня с братом Бог привел и владимирцы, а Суздаль пусть будет нам общим: кого захотят (суздальцы), тот пусть будет у них князем’.

М. Н. Шевелева пишет: «Всеволод предлагает Мстиславу мир, утверждая законность своего наследственного права на Владимирское княжение (а мене бълъ с братомъ Бъ̄ привелъ — изначально, до всех этих событий), перешедшее к нему от только что умершего брата, — результативность значения русского плюсквамперфекта здесь несомненна» (с. 243). Однако здесь существенно упоминание Всеволода о том, что он был призван *с братом*, которого теперь уже нет в живых. Собственно говоря, призван был именно старший брат Всеволода Михаил, который и привел его с собой. Теперь, обосновывая свое право на владимирское княжение, Всеволод ссылается не столько на акт призвания, сколько на свое право наследования[14], что справедливо отмечает М. Н. Шевелева (впрочем, к этому времени владимирцы уже подтвердили Всеволоду свою преданность, принеся присягу). Показательно, что в Московском летописном своде 1479 года, где приводится текст того же послания, отсутствует упоминание о «брате» и, соответственно, — сверхсложное прошедшее:

(13) брате, оже привели тя старѣишая дружина, то поиди Ростову, да оттоле миръ возмевѣ, Ростов буди тобѣ, привели бо тя к собѣ, а Володимерь мнѣ, зане мене Володимирци привели, а Суждаль нам буди обеч, кого въсхотять, то имъ буди князь (МЛС, л. 106—106 об.)

Итак, из шести примеров, которые М. Н. Шевелева привела в подтверждение гипотезы о способности древнерусской сверхсложной формы передавать результативное значение, два (3, 4) не содержат самой этой формы, один (11) имеет безусловно антирезультативное значение, в двух текст испорчен (4) или темен (8), и один (12) допускает антирезультативную интерпретацию. Других аналогичных примеров исследователь не обнаружил.

[14] Ср. в этой связи замечание С. М. Соловьева [1988: 536]: «тотчас по смерти Михайловой владимирцы вышли перед Золотые ворота и, помня старую присягу свою Юрию Долгорукому, целовали крест Всеволоду Юрьевичу и детям его — явление любопытное: владимирцы присягают не только Всеволоду, но и детям его; значит, не боятся, подобно киевлянам, переходить по наследству от отца к сыновьям, не думают о праве выбирать князя».

Существенно, что М. Н. Шевелева не приводит ни одного примера из некнижной письменности: все примеры взяты из «гибридного» летописного языка, где употребление претеритов отличается высокой степенью вариативности, имеющей самую разную (и не всегда ясную) мотивацию. Так, выше отмечалось присутствие в летописях некоторого количества сочетаний *л*-причастия с аористом глагола *быти* в роли плюсквамперфекта (типа (3—5)), однако едва ли отсюда можно делать какие-либо далекоидущие выводы о семантике этой конструкции, а тем более предполагать наличие данного значения в разговорном восточнославянском[15].

В то же время, в древнерусской письменности имеются десятки примеров сверхсложных форм с несомненным антирезультативным значением — как в ранних памятниках, так и в более поздних, как в книжных, так и в принадлежащих к деловой и бытовой традициям: только в берестяных грамотах встретилось 9 сверхсложных форм (к сожалению, значение некоторых из них остается неясным ввиду отсутствия контекста); в Киевской летописи, откуда 4 из 6-ти приведенных М. Н. Шевелевой примеров, остальные 13 сверхсложных форм имеют антирезультативное значение: как отмечает сам исследователь, «[п]о данным КЛ, основное значение русского плюсквамперфекта — это значение отмененного или недостигнутого результата» (с. 241).

С другой стороны, гипотезе М. Н. Шевелевой противоречит то обстоятельство, что в прямой речи летописных персонажей в результативных «плюсквамперфектных» контекстах регулярно используется перфект (непрямая речь непоказательна, так как там в этой функции выступает «книжный» плюсквамперфект). Это хорошо иллюстрирует следующий фрагмент из переписки киевского князя Изяслава Мстиславича с сыном Юрия Долгорукого Ростиславом. В 1148 г. Ростислав «приде къ Изѧславꙋ Киевоу. поклонивсѧ ему ре҃ч ѡц҃ь мѧ переѡбидилъ. и волости ми не далъ» (КЛ, л. 134), на что Изяслав ответил: «аче ѡц҃ь ти волости не далъ. а ꙗзъ ти даю». Однако на следующий год, вернувшись из похода на Юрия, Изяслав узнал, что Ростислав интриговал против него, надеясь на победу своего отца. Тогда Изяслав обратился к нему со такой речью:

(14) се брате. ты еси ко мнѣ ѿ ѡца пришелъ еси. ѡже ѡц҃ь тѧ приѡбидилъ. и волости ти не далъ ꙗзъ же тѧ приꙗхъ въ правду. ꙗко достоиного брата своего и волость ти есмь далъ. ако ни ѡц҃ь того вдалъ. что ꙗ тобѣ вдалъ. и еще есмь и Роускои земли приказалъ стеречи тобѣ (Ипат., 1149, л. 135 об. —136)
‘Вот, брат, ты пришел ко мне от отца, потому что он обидел тебя и не дал волости. Я же принял тебя искренне и достойно, как своего

[15] Хотя как раз в данном случае есть все основания полагать, что именно таким было первоначальное значение этого сочетания в праславянском, на что, в частности, указывают данные древнечешских памятников, а также остаточные немодальные значения этой формы в сербском и верхнелужицком, см. [Сичинава 2004].

брата, и дал тебе волость. Даже отец не дал тебе того, что я дал. И еще я наказал тебе охранять русскую землю’.

Сплошной линией выделены перфекты в «плюсквампефектном» контексте, штриховым подчеркиванием — предикаты, являющиеся для них «точкой отсчета». Как видим, перфект используется там, где в языке, имеющем «классический» плюсквамперфект западноевропейского типа, непременно выступал бы последний.

Но далее, все так же обращаясь к Ростиславу, Изяслав говорит:

(15) тъı же еси бра͡т оудоумалъ бълъ. тако. ѡже на мѧ Бъ̄ ѿщю твоемоу помоглъ. и тобѣ было въѣхавши в Киевъ. бра͡т моего ѥти и сн̄а моего͡ и жена моѭ и домъ мои взѧти
‘А ты, брат, подумал (было), что Бог помог твоему отцу против меня, и собирался, въехав в Киев, схватить моего брата и моего сына, взять мою жену и мой дом’.

Здесь, напротив, вопреки всякому таксису (*помоглъ* хронологически должно было предшествовать *оудоумалъ*), Изяслав использует сверхсложную форму, чтобы указать на тщетность честолюбивых мечтаний Ростислава.

Подобные примеры можно умножить. Весьма показательны и те примеры, с помощью которых Г. А. Хабургаев демонстрирует четкое семантическое противопоставление двух форм (сверхсложной и перфекта) и его использование в ранней деловой письменности [Горшкова, Хабургаев 1981: 338—339]. Мы видим, что в некнижных древнерусских текстах, к которым, с некоторыми оговорками, можно отнести и летописную прямую речь, «предшествование в прошлом» (в том числе, с результативным значением) обозначается с помощью перфекта (*л*-формы), а сверхсложная форма выступает в антирезультативных контекстах. Для того, чтобы внести серьезные изменения в эту общую картину, нужны более сильные аргументы, чем несколько неубедительных примеров.

Сверхсложное прошедшее и плюсквамперфект

Тезис М. Н. Шевелевой о наличии у сверхсложной формы результативного значения согласуется с традиционным представлением о тождестве ее семантики с семантикой «книжного» плюсквамперфекта. Именно этого мнения и придерживается исследователь: «спектр значений старой и новой форм в летописях практически совпадал — различалась лишь их представленность по контекстам» (с. 247).

Эта идея представляется нам сомнительной — даже если оставить в стороне вопрос о результативном значении. Ниже мы попробуем сопоставить функции обеих форм. О сверхсложном прошедшем речь шла выше. Подробному описанию семантики и функций «книжного» плюсквампер-

фекта (далее мы будем говорить просто о «плюсквамперфекте») посвящена работа [Петрухин 2008], выводы которой будут использованы ниже.

В отличие от М. Н. Шевелевой, мы не считаем, что все значения плюсквамперфекта сводятся к «перфектному» (ср.: [у древнерусского плюсквамперфекта] «значение „регресса“ является не чисто таксисным, а перфектным: это не просто хронологическое предшествование в прошедшем, а возврат к более ранним действиям, сохранившимся в своих результатах (последствиях) во времени развертывания основных событий повествования» (с. 217)).

Признанным критерием, позволяющим отличить перфектное употребление от неперфектного, является использование временных обстоятельств: перфект, будучи ориентированным на момент референции, не сочетается с обстоятельствами, фиксирующими время описываемого события (так наз. event time adverbials) [Comrie 1976: 54; Dahl, Hedin 2000: 393—396]. То же относится и к «опрокинутому в прошлое» перфекту, т. е. имеющему в качестве точки отсчета другое событие в прошлом [Squartini 1999]. Данные памятников свидетельствуют о том, что древнерусский плюсквамперфект мог использоваться с обстоятельствами, задающими время события; в следующем примере такое обстоятельство выделено штриховым подчеркиванием:

(16) сего же болми ѡхоудѣвающи силѣ. и ѡтѣмнѧющи ꙗзъıкъ. и возбноувъ и реч҃. ко кнѧгинѣ своеи. коли боудеть рче стхъ Маковѣи. ѡна же в понедѣлникъ. кнѧзь же рче. ѡ не дождочю (Х. П. дождоу) ти ꙗ того бѧшеть бо ѡц҃ь его Всеволодъ во дн҃ь стхъ Макъкавеи. пошелъ к Бв҃и (Ипат., 1194, л. 235)
‘И когда уже силы стали его (киевского князя Святослава Всеволодовича) покидать, а язык сделался неясен, очнувшись, спросил он княгиню: „Когда будет память святых Маккавеев?“[16]. Она же: „В понедельник“. Князь же сказал: „Ох, не дождусь я того“, — ибо отец его Всеволод умер в день памяти святых Маккавеев’.

Следовательно, здесь мы имеем дело не с «перфектом в прошедшем», а с «прошедшим в прошедшем».

Что касается значений, объединяемых под рубрикой «перфект в прошедшем», то среди них, помимо результативных (можно выделить несколько их разновидностей), выступает также экспериенциальное[17]. По-

[16] День памяти святых мучеников Маккавеев отмечается православной церковью 1 августа и совпадает с началом Успенского поста.

[17] Экспериенциальный перфект, характерный, например, для английского языка, обозначает ситуацию, имевшую место по крайней мере один раз в какое—то неопределенное время в прошлом, ср.: *Bill has been to America*; как таковой он противопоставлен результативному перфекту: *Bill has gone to America* (находится там сейчас или едет туда) и простому прошедшему: *Bill was in America* (в определенное время) [Comrie 1976: 58—59]. Как отмечает В. А. Плунгян [2000: 299], экспериенциальный перфект не столько указывает на действие в прошлом, сколько характеризует субъект этого действия; по значению он соответствует общефактическому «экзистенциальному» значению русского несовершенного вида [Падучева 1996: 43—46].

следнее в летописях обычно представлено перфектом, но встречается и плюсквамперфект:

(17) и прослави Б҃а. ѡ бывше҄м не бѣ бо никоторыи кнѧзь. Роускыи воевалъ землѣ. Чѣшьское (Ипат., 1254, л. 276 об.)
'И восславил (Даниил Романович) Бога за все бывшее, ибо ни один русский князь (до него) не завоевывал Чешской земли'.

От «перфектных», на наш взгляд, следует отличать значение, обозначенное нами как «начало нового эпизода». Речь идет о летописных фразах, начинающихся с выражений типа *в то же время*, ср.:

(18) **В** то же веремѧ. пришелъ бѣ Гюргевичь старѣишии Ростиславъ. роскоторавъсѧ съ ѿц҃мь своимъ. ѡже емоу ѡц҃ь волости не да в Соуждалискои земли. и приде къ Изѧславо(у) Киевоу (Ипат., 1148, л. 134)
'В то же время старший сын Юрия (Долгорукого) Ростислав, поссорившись с отцом из-за того, что тот не дал ему удела в Суздальской земле, пришел в Киев к Изяславу'.

М. Н. Шевелева полагает, что «во всех таких контекстах представлен тот же регресс по отношению к предшествующему повествованию, что и в прочих случаях» (с. 235). Напротив, по мнению В. И. Чернова [1961: 9], «[г]лавное в этом значении плюсквамперфекта — указать не следование одного действия за другим, а их соотносительность, параллельность действий, совершившихся в одной временной плоскости». Но очевидно, что для указания на «соотносительность» некоторых событий не требуется использовать плюсквамперфект — достаточно самого выражения «в то же время» (и ему подобных), а предикат в таких случаях может выступить и в аористе (что часто и находим); с другой стороны, обороты типа «в то же время» несколько противоречат идее «регресса». Наши наблюдения показывают, что плюсквамперфект в таких случаях выполняет особую дискурсивную функцию, сигнализируя о каком-то существенном изменении в нарративе, будь то начало нового эпизода, смена действующего лица или места действия. Любопытно, что подобные функции свойственны плюсквамперфекту в целом ряде генетически не связанных языков [Сичинава 2007].

К «перфектным» явно не относится и специфическое употребление следующего типа:

(19) симъ же бѧше. полкомъ нѣлзѣ битисѧ. с ними тѣснотъı ради. зане бѧхоу болота пришли. но ѡли на подъ горъı (Ипат., 1144, л. 116 об.)[18]
'И тому войску невозможно было с ними биться из-за тесноты, так как там до самых гор доходили болота'.

[18] М. Н. Шевелева пишет, что здесь «плюсквамперфект выступает в смещенном статально-перфектном значении» (с. 236) и ставит этот пример в один ряд с такими, как:

Очевидно, перед нами своеобразная грамматическая метафора, о которой Ф. И. Буслаев [1959: 366] писал: «[в] древнерусском и народном языке особенно замечательно употребление прошедшего (совершенного вида. — *П. П.*, *Д. С.*) в описании природы там, где теперь употребляем настоящее время». Не упоминая, впрочем, плюсквамперфекта, Буслаев приводит множество подобных примеров из «Книги, глаголемой Большой чертеж» (XVII в.), где «эта форма постоянно употребляется при описании географических местностей» [Там же], ср.: «а по странамъ того рва обойти нельзя; *пришли* лѣса и болота»; «Крымская Орда промежь моря Азовскаго и моря Чернаго. Море Черное *обтекло* съ полдня и отъ запада, а другое Азовское море *обтекло* съ полунощи и къ востоку, и съ полудня» и т. п.

В плане сравнения со сверхсложной формой особый интерес, естественно, представляют антирезультативные употребления плюсквамперфекта. Их можно разделить на три разряда: ретроспективные, проспективные и абсолютные. Первые два передают значения недостигнутого и аннулированного результата и в основном характерны для нарратива: они требуют наличия в контексте другой формы прошедшего времени, «перечеркивающей» действие, выраженное плюсквамперфектом; в случае ретроспективного употребления такая форма находится «слева» от плюсквамперфекта, т. е. предшествует ему («точка отсчета» выделена штриховым подчеркиванием):

(20) Вѧчеславъ же се слъıшавъ надѣıсѧ на старишьство. и послоушавъ боıръ своихъ. не приложи чс̑ти ко Изѧславоу. ѿıꙗ городъı ѡпѧть. иже бѧшеть ѿ него Всеволодъ ѿıлъ (Ипат., 1146, л. 121 об.)
‘Когда же Вячеслав услышал об этом, то, понадеявшись на свое старшинство и прислушавшись к своим боярам, не оказал почтения Изяславу: отнял обратно те города, которые отобрал у него Всеволод’.

в случае проспективного употребления «отменяющий» претерит следует за плюсквамперфектом:

кнѧзем же Роускимъ нѣ лзѧ бѣ ѣхати по ни$^{\tilde{х}}$. ауже борзо. сполонилсѧ бѧшеть Днѣпръ. бѣ бо вѣсна (Ипат., 1187, л. 227)
‘Князья же русские не могли их (половцев) преследовать: была весна, и в Днепре уже успела подняться вода’.

Всеволодъ же поѣха противу ıєму. с Володимерци. и с дружиною своıєю. и что бѧше боıръ ѡсталосѧ оу него (Лавр., 1177, л. 128 об.)
‘Всеволод же поехал против него (Мстислава Ростиславича) с владимирцами, со своей дружиной и с оставшимися при нем (т. е., очевидно, не перешедшими к Мстиславу) боярами’.

Однако болото не обладает такой подвижностью, как Днепр весной или бояре во время междоусобной войны.

(21) ꙗли бѧху Чернии Клобуци. Половецького кнѧзѧ Кобана. но блюдучисѧ кн҃зѧ Ростислава не водѧ его в полкъ. оуладившесѧ с нимъ. на и҃скупъ. и пустиша и (Ипат., 1190, л. 232 об.)
‘Черные клобуки захватили в плен половецкого князя Кобана, но (затем) в тайне от князя Ростислава, не отводя его в полк, договорились с ним о выкупе и отпустили’.

Абсолютные употребления встречаются только в прямой речи и ориентированы относительно момента речи говорящего; они передают значение «прекращенной ситуации», т. е. такой, которая больше не имеет места и противопоставлена нынешнему положению дел[19]. Отсюда характерное для таких употреблений использование наречий типа *нынѣ*. Ср. слова, с которыми слуга Андрея Боголюбского Кузьмище обратился к одному из его убийц — ключнику Амбалу:

(22) помнишь ли Жидовине[20] вь которыхъ поръtѣхъ. пришель бѧшеть. ты нынѣ в оксамитѣ стоиши. а кнѧзь нагъ лежить (Ипат., 1175, л. 208 об.)
‘Помнишь ли ты, еврей, в чем ты пришел (к Андрею)? Теперь ты стоишь в аксамите, а князь голый лежит’.

В этом же значении плюсквамперфект может выступать и в так наз. княжеских посланиях, широко представленных в Киевской летописи [Франчук 1986]. Например, в следующем фрагменте князь Изяслав напоминает киевлянам, что в свое время они отказались пойти с ним против Юрия Долгорукого, поскольку он сын Владимира Мономаха, теперь же

[19] В [Петрухин, Сичинава 2006] мы, вслед за В. А. Плунгяном [2001], использовали также термин «неактуальное прошедшее». В англоязычной литературе предлагались термины «past temporal frame» [Dahl 1985: 146—147] и «discontinuous past» [Plungian, van der Auwera 2006].

М. Н. Шевелева ошибочно полагает, что ‘неактуальное прошедшее’ — то же, что ‘давнопрошедшее’ («значение дистанцированного, отдаленного от настоящего прошедшего, называемое обычно „давнопрошедшим“, а в [Петрухин, Сичинава 2006] — „неактуальным прошедшим“», с. 218): недавнее событие может быть неактуальным, и наоборот, давно прошедшее вполне может сохранять актуальность. Термин «давнопрошедшее» подразумевает грамматикализацию в языке идеи временной дистанции, чего в древнерусском никогда не было (это вообще крайне редкое явление в языках мира [Плунгян 2000: 270]); термин «неактуальное прошедшее» не имеет прямого отношения к временной дистанции и используется для указания на то, что некоторая ситуация или ее результат не имеет места в точке отсчета.

[20] Выше в этом же рассказе (л. 207) летописец называет Амбала «ясином», т. е. осетином. Обращение «жидовин» — часть последовательно проведенного в рассказе сравнения убийц Андрея с убийцами Христа, ср.: и тече (Яким, зачинщик убийства) вопиꙗ кь братьи своеи. кь злымъ свѣтни҃кмъ. ꙗкоже Июда къ Жидомъ. тъснѧсѧ оугодити ѡц҃ю своему сотонѣ ⟨…⟩ и свѣщаша оубииство на ночь. ꙗкоже Июда на Г҃а (л. 207).

ситуация изменилась и он зовет их на Ольговичей, против которых они обещали пойти «хотѧ и с дѣтми»:

(23) и реч҃ имъ Изѧславль посолъ цѣловалъ въı. кн҃зь свои ꙗзъ бѫхъ вамъ. ꙗвилъ се доумалъ есмъ ⟨…⟩ поити на стрьıа своего на Гюргѧ. и васъ есмь. собою вабилъ. и въı мнѣ есте рекли не можемъ на Володимире племѧ роукъı възнѧти на Гюргѧ. но ѡже на Ѡлговичи хотѧ и с дѣтми идем҃ с тобою. се же въı ꙗвлѧю ⟨…⟩ нъıн҃ же брате Киꙗне чего есте хотѣли чимъ ми сѧ есте ѡбѣчали. поидите по мнѣ к Черниговоу. на Ѡлгович҃ (Ипат., 1147, л. 127 об. —128)
‘И сказал им посол Изяслава: «Князь ваш приветствует вас![21] (Раньше) я говорил вам: „Я решил пойти войной на своего дядю (по отцу) Юрия“, — и звал вас с собой, а вы мне сказали: „Мы не можем поднять руки на род Владимира — на Юрия, но на Ольговичей — хоть с детьми пойдем с тобой“. И вот я говорю вам: „Теперь, братья киевляне, как вы хотели и как вы мне обещали, идите за мной к Чернигову на Ольговичей“»’.

Однако в целом абсолютные употребления значительно более характерны для сверхсложной формы, чем для плюсквамперфекта. Что касается разговорных фраз типа (22), ср. пример (2). Относительно примера (23) ср. следующий фрагмент из жалованной грамоты Василия Темного Троице-Сергиеву монастырю:

(24) Что и[х] села в Радонѣжи … и ꙗзъ, кнѧ[з] велики, велѣлъ бы[л] своему волостелю радонѣжьскому в тѣ[х] и[х] селе[х] … хрестьа[н] и[х] судити. И ноничѧ [есми ихъ пожа]лова[л]: своему есми волостелю хрестьа[н] и[х] в тѣ[х] ихъ селехъ … судити не велѣлъ (АСЭИ: 1, № 260, 1455—1462 гг.)
‘Что касается их (т. е. принадлежащих монастырю) сел в Радонеже, то я, великий князь, (раньше) велел, чтобы крестьян этих сел судил мой радонежский управитель. А нынче я их (монастырскую братию) пожаловал: велел своему управителю не судить крестьян в их селах (т. е. судебные функции возвращаются монастырю)’.

Можно ли в связи с этим утверждать, что в подобных контекстах плюсквамперфект, как «книжная» форма, «замещает» сверхсложное прошедшее? По-видимому, да. И дело не только в том, что последнее, в отличие от плюсквамперфекта, было свойственно разговорному восточнославянскому. Этим можно объяснить «происхождение» плюсквамперфекта в примерах типа (22)[22]. Что же касается примеров типа (23), то здесь более суще-

[21] Далее идет речь как бы от лица самого Изяслава. Это характерная особенность древнерусских посланий — как устных, так и письменных, ср. [Гиппиус 2004].

[22] Очевидно, употребление книжной формы в этой фразе обусловлено желанием придать ей большую значительность: как уже говорилось (примеч. 20), она несет символический смысл, отсылая к евангельской истории.

ственно, что сами по себе контексты подобного рода в древнерусской письменности были свойственны не книжным памятникам, а деловым документам. В последних же здесь регулярно выступает именно сверхсложная форма [Петрухин 2007а]. При «переносе» текстов подобного рода из делового письменного регистра в книжный[23] сверхсложная форма могла заменяться на плюсквамперфект.

Наконец, обратим внимание на одно важное значение сверхсложной формы, отсутствующее у плюсквамперфекта. Оно представлено в берестяной грамоте № 724 (1166/1167 гг., согласно [НБГ 1990—1996: 25]):

(25) ѿ Савы поклан҃нее къ братьи и др҃жине. Оставили мѧ были людье, да остать дани исправити было имъ досени, а по первом҃ пр҃ти послати и отъбыти проче. И заславъ Захарьѧ въ в[ѣ]ре ҃роклъ…
‘От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил…’ [Зализняк 2004: 350].

Как пишет А. А. Зализняк [Там же: 176], первая фраза грамоты (содержащая сверхсложную форму) «относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого». Данное употребление, свойственное плюсквамперфекту целого ряда европейских языков, в [Сичинава 2001] предложено называть «сдвигом начальной точки»; его специальному анализу посвящена работа [Сичинава 2008]. Своеобразным остатком подобного использования сверхсложной формы в современном русском языке, по-видимому, является сказочный зачин *жили-были* [Петрухин 2007б].

Сравним употребление двух форм:

употребления		*плюсквамперфект*	*сверхсложное прошедшее*
перфект в прошедшем	результативное	+	?
	экспериенциальное	+	—
антирезультативные значения	ретроспективное	+	+
	проспективное	+	+
	прекращенная ситуация	(+)	+
прошедшее в прошедшем		+	—
начало нового эпизода		+	—
описание природы		+	—
сдвиг начальной точки		—	+

Как можно видеть, из 9-ти перечисленных значений у обеих форм совпадают лишь три антирезультативных, причем ‘прекращенную ситуацию’, как говорилось выше, едва ли можно считать самостоятельным значением

[23] См. о понятии регистра: [Живов 1996: 31—41].

плюсквамперфекта. Наличие результативного значения у сверхсложного прошедшего под вопросом. На этом фоне можно говорить лишь о частичном пересечении семантики двух обсуждаемых форм, но отнюдь не о тождестве их значений.

О современных диалектных конструкциях

Последний раздел нашей статьи [Петрухин, Сичинава 2006] посвящен современным севернорусским диалектным конструкциям с глаголом *быть* и их возможной генетической связи с древней сверхсложной формой. Здесь мы опирались на работы С. К. Пожарицкой [1991; 1996]. Отметив, что в свете новых данных значения обсуждаемых конструкций оказываются значительно ближе друг к другу, чем представлялось ранее, мы оставили открытым вопрос о том, насколько справедливо выводить семантику диалектных форм непосредственно из семантики сверхсложного прошедшего. В частности, здесь вполне вероятно субстратное и/или контактное влияние финских языков, чьи конструкции демонстрируют весьма наглядное формальное и семантическое сходство с севернорусскими.

Если в нашей работе раздел о диалектных формах выполняет роль своеобразного послесловия, намечающего возможность по-новому рассмотреть диалектный материал в свете полученных данных, то в концепции М. Н. Шевелевой анализ этого материала играет значительно более важную роль. Именно этому разделу нашей статьи адресовано большинство замечаний исследователя.

Не со всеми из них, впрочем, можно согласиться. Так, мы считаем несправедливым упрек в «недифференцированном рассмотрении всех диалектных структур с формой *был* (*-о*, *-а*, *-и*) как „русского плюсквамперфекта“» (с. 220). Дело в том, что, в отличие от М. Н. Шевелевой, мы не рассматриваем ни одну из имеющихся в виду структур как «русский плюсквамперфект». Для нас «русский плюсквамперфект» (или, в нашей терминологии, сверхсложное прошедшее) — исключительно древнерусская форма. Применительно к современным восточнославянским языкам и диалектам мы можем говорить лишь о конструкциях, исторически к ней восходящих.

Вместе с тем, мы надеемся, что наблюдения над семантикой древнерусской сверхсложной формы, равно как и показателей ретроспективного сдвига в других языках, могут способствовать прояснению семантики севернорусских конструкций. Рассмотрим вкратце их основные значения, как они описаны в последней по времени работе С. К. Пожарицкой [1996]. Автор статьи отмечает различия в семантике конструкций с согласованными (*был пришел*) и несогласованными (*было пришел*) частями; для первых также имеет значение вид основного глагола.

По словам Пожарицкой, подавляющее большинство согласованных конструкций с глаголами совершенного вида встречаются в высказывани-

ях с одним сказуемым и «имеют значение давнопрошедшего времени, обозначая действие, результат которого актуален не для момента речи, а для какого-то времени в прошлом, о котором ведется рассказ: Она вышла замуж сюда была» [Там же: 273]; «[о]сновное значение этой формы — показ разрыва с настоящим, отделенности от настоящего, неактуальность результата действия для момента речи» [Там же: 274]. Гораздо слабее представлены конструкции с относительным значением предшествования в прошлом: часть из них, по Пожарицкой, эквивалентна литературной конструкции с частицей *было*, другие же синонимичны простому прошедшему и выполняют чисто дискурсивную функцию, «актуализируя обозначение того действия, которое говорящему представляется главным» [Там же: 273].

Согласованные конструкции с глаголами несовершенного вида только в трех случаях встретились в контексте предшествования в прошлом, что недостаточно для уяснения их семантики. В прочих контекстах интерпретация зависит от интонационного членения фразы: если после глагола *был* следует пауза, то, скорее всего, он выполняет роль самостоятельного сказуемого с экзистенциальным значением; в противном случае он передает значение «абсолютного плюсквамперфекта».

В несогласованных конструкциях, по Пожарицкой, *было* «относится ко всему высказыванию в целом и играет роль глагольного детерминанта», который «как бы вводит ситуацию прошедшего времени, о котором ведется рассказ» [Там же: 276—277].

В [Петрухин, Сичинава 2006] мы уже писали о том, что большинство из перечисленных значений совпадает со значениями, характерными для показателей ретроспективного сдвига [Плунгян 2001; Plungian, van der Auwera 2006]. В самом деле, согласно С. К. Пожарицкой, функционирование данных конструкций не укладывается в рамки традиционных представлений о плюсквамперфекте: так, у них почти отсутствуют относительные употребления со значением предшествования в прошлом. Для них в первую очередь характерно не значение предшествования другому действию в прошлом, а такие, как «показ разрыва с настоящим», «давнопрошедшее», ввод ситуации прошедшего времени, т. е. то, что в типологической литературе обозначается терминами «past temporal frame» [Dahl 1985: 146—147], «неактуальное прошедшее» [Плунгян 2001], «discontinuous past» [Plungian, van der Auwera 2006].

Характерно, что, как справедливо отмечает Пожарицкая, даже среди примеров с относительным значением предпрошедшего далеко не все могут рассматриваться как эквивалентные литературной конструкции с частицей *было*. Действительно, как нам уже приходилось говорить в связи с древнерусской сверхсложной формой, антирезультативная семантика отнюдь не сводится к семантике современной литературной частицы *было*: последняя сама есть продукт длительной эволюции антирезультативной семантики. В данном случае типологический подход помогает избежать влияния грамматики родного для исследователя языка на восприятие диалектного материала.

Таким образом, диалектные конструкции оказываются во многом ближе к древней сверхсложной форме, чем литературная конструкция с частицей *было*. Однако в [Петрухин, Сичинава 2006] мы писали о том, что это сходство вполне может быть типологическим, а не генетическим, причем определенную роль здесь могло сыграть влияние финских языков, в которых широко представлены аналогичные (как формально, так и семантически) конструкции. Во всяком случае, мы вполне согласны с С. К. Пожарицкой в том, что «[у]потребление *было* в качестве глагольного детерминанта едва ли следует связывать с эволюцией древнерусского плюсквамперфекта».

С учетом всего сказанного, неясно, почему М. Н. Шевелева утверждает, что «[и]сконное перфектное значение осталось широко представленным, *если не основным*, у нового русского плюсквамперфекта в северных говорах» (с. 225; курсив наш. — *П. П.*, *Д. С.*).

Неожиданно эмоциональную реакцию у М. Н. Шевелевой почему-то вызвало следующее краткое примечание к примеру *Кудряшка была пела ходила померла уж* [Пожарицкая 1996: 276]: «Перед нами так называемый „двойной глагол“, от которого целиком (а не от какого-то одного из двух) образуется рассматриваемая диалектная конструкция. Явление „сериализации“, или „двойных глаголов“ (типологически хорошо известное), в русском языке связывается с финно-угорским субстратом (ср. применительно к русскому материалу [Вайс 2003])». «Надо быть слишком углубленным в материал неродственных языков, — пишет М. Н. Шевелева, — чтобы увидеть в конструкции типа *Кудряшка была* / *пела* / *ходила* влияние финно-угорского субстрата [Петрухин, Сичинава 2006: 207] и не узнать в ней нормальной для славянского некнижного синтаксиса бессоюзной конструкции, регулярно употребляемой нами в русской разговорной речи. Вот уж замечательное подтверждение неосознаваемости самими говорящими многих структур спонтанной разговорной речи, которые, будучи представлены в записанном виде, не узнаются, „вызывают удивление, а иногда и возмущение“ [Рус. разг. речь 1973: 37]! Это очередной раз напоминает нам, что без обращения к синтаксису разговорной речи невозможно реалистичное объяснение многих грамматических особенностей как современных русских говоров, так и древнерусского языка» (с. 221).

Мы согласны с этой критикой лишь постольку, поскольку явление глагольной сериализации, засвидетельствованное, как было сказано, во многих языках мира, в русских диалектах, насколько мы знаем, не исследовалось, так что нельзя с уверенностью сказать, имеем ли мы дело с «двойным глаголом» *пела ходила* или просто с однородными сказуемыми. Кроме того, для объективной оценки не хватает более широкого контекста (что значит *пела ходила*?) и знания интонационного членения фразы (членение Шевелевой *пела* / *ходила* абсолютно произвольно). Однако апелляция М. Н. Шевелевой к литературному разговорному языку («мы тоже так говорим») в данном случае совсем не помогает, отражая лишь наивное представление о «спонтанности» разговорной речи, свободной от всяких синтаксических

клише, а тем более иноязычного происхождения. Как раз в литературном русском языке феномен «двойных глаголов» довольно хорошо изучен (см. [Вайс 2003], там же библиография вопроса). По мнению Д. Вайса, широкое распространение двойных глаголов в русском языке обусловлено влиянием финских языков. Известно, что для сериальных глагольных конструкций весьма характерно ареальное распространение, при котором заимствуются отдельные конструкции и/или сам принцип сериализации [Aikhenvald 2007: 31].

Следует заметить, что именно для глагола *ходить* в литературном разговорном языке очень характерна сериализация: как отмечает Д. Вайс [2000: 371], «его употребление в составе данной конструкции подчеркивает, скорее, многократность данного действия, в него даже как будто включен квантор всеобщности, ср.: *Он ходит выпендривается = Он везде ⟨всегда⟩ выпендривается*». Это также типологически распространенный феномен: согласно исследованию Т. А. Майсака [2005: 225], во множестве языков для глагола *ходить* характерна высокая степень грамматикализации — вплоть до превращения во вспомогательный глагол и даже в глагольный аффикс с имперфективным значением.

С другой стороны, обращение к синтаксису современной разговорной (в том числе диалектной) речи при рассмотрении древнерусского материала не всегда бывает уместным. В частности, это касается соображений, высказанных М. Н. Шевелевой относительно диалектных конструкций с несогласованным глаголом *было*. Речь идет о примерах типа: *Было у нас эропорт был во́де; Было ловили рыбу; Вот было раньше как робили* и т. п. [Пожарицкая 1996: 276]. М. Н. Шевелева пишет, что «[э]то структуры очень архаичные, хорошо известные в древнерусских памятниках и даже зафиксированные в старославянских» (с. 221). В подтверждение своих слов исследователь приводит примеры из древнерусских текстов:

(26) и бы$^{\hat{c}}$ по потопѣ и по раздѣленьи ꙗзыкъ. поча цр҃ьствовати первое Местромъ. ѿ рода Хамова. по немь Еремиꙗ. по немь Феоста (ПВЛ по Ипат. списку, 1114, л. 104)
‘И после потопа и после разделения языков «начал царствовать сначала Местром, из рода Хама, после него Ермия, затем Феоста»’ (пер. О. В. Творогова [БЛДР, т. 1]).

(27) бы*с* на зиму придоша пльсковици поклониша сѧ кн҃зю (НПЛ, 1232, л. 116)
‘Было зимой: пришли псковичи и поклонились князю’.

(28) и бы*с* заутра съѣха кн҃зь с Городища и оканьнии татарове с нимь (НПЛ, 1259, л. 137 об.)
‘И было на следующий день: выехал князь из Городища, и окаянные татары с ним’.

«В книжных церковнославянских текстах, — пишет исследователь, — начиная с древнейшего перевода Евангелия, тоже известны такие структу-

ры, ср.: **И бысть** ⁄ **егда благословлѧше ѳ҃ отъстоупи отъ нихъ и възношаа-ше сѧ на҆ нбо** Л. XXIV, 51 (Мст. ев., л. 22а — так же: Арх. ев., л. 14— 14 об. и др.)» (с. 222).

В действительности эти конструкции значительно старше, чем представляется М. Н. Шевелевой, — как минимум, на полторы-две тысячи лет: перед нами типичный библейский синтаксис, восходящий — через посредство греческого — к соответствующим древнееврейским структурам. В библейском иврите такие конструкции вводятся формой וַיְהִי [wayhî] ‘и было’, которая в Септуагинте передается с помощью *καὶ ἐγένετο* или *ἐγένετο δέ*, а в церковнославянском — **и бысть**. Ср. примеры из книги Бытия (древнееврейский текст приводится по BHS):

Быт. 12:14 וַיְהִי כְּבוֹא אַבְרָם מִצְרַיְמָה וַיִּרְאוּ הַמִּצְרִים אֶת־הָאִשָּׁה כִּי־יָפָה הִוא מְאֹד׃
ἐγένετο δε. ἡνίκα εἰσῆλθεν Αβραμ εἰς Αἴγυπτον ἰδόντες οἱ Αἰγύπτιοι τὴν γυναῖκα ὅτι καλὴ ἦν σφόδρα
Бы҆ же егда въниде Аврамъ въ Єгипетъ. видѣвше же Єгиптѧне женоу его. ѩко добра бѧше ѕѣло [Михайлов 1900—1908: I, 78]

Быт. 19:29 וַיְהִי בְּשַׁחֵת אֱלֹהִים אֶת־עָרֵי הַכִּכָּר וַיִּזְכֹּר אֱלֹהִים
אֶת־אַבְרָהָם וַיְשַׁלַּח אֶת־לוֹט מִתּוֹךְ הַהֲפֵכָה בְּהַהְפֵךְ
אֶת־הֶעָרִים אֲשֶׁר־יָשַׁב בָּהֶן לוֹט׃
καὶ ἐγήνετο ἐν τῷ ἐκτρῖψαι κύριον πάσας τὰς πόλεις τῆς περιοίκου ἐμνήσθη ὁ θεὸς τοῦ Αβρααμ καὶ ἐξαπέστειλεν τὸν Λωτ ἐκ μέσου τῆς καταστροφῆς ἐν τῷ καταστρέψαι κύριον τὰς πόλεις ἐν αἷς κατῴκει ἐν αὐταῖς Λωτ
И бы҆ егда расыпа Бг҃ъ вса грады прѣдѣлъ ихъ. и помѧноу Бг҃ъ Авраама і испоусти Лота ѿ҃ земля расыпаныихъ. егда расыпа Гг҃ь Бг҃ъ грады, въ нихже житъ Лотъ. [Михайлов 1900—1908: II, 132]

Быт. 22:1 וַיְהִי אַחַר הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה וְהָאֱלֹהִים נִסָּה אֶת־אַבְרָהָם
καὶ ἐγήνετο μετὰ τὰ ῥήματα ταῦτα ὁ θεὸς ἐπείραζεν τὸν Αβρααμ
И бы҆ по глаголѣ семь, Бг҃ъ искоушааше Авраама [Михайлов 1900—1908: II, 146]

Из ветхозаветных текстов эти конструкции перешли в новозаветные, ср. цитируемый М. Н. Шевелевой пример из Евангелия от Луки — перевод греческого: *καὶ ἐγήνετο ἐν τῷ εὐλογεῖν αὐτὸν αὐτοὺς διέστη ἀπ᾽ αὐτῶν καὶ ἀνεφέρετο εἰς τὸν οὐρανόν*.

Ср. также, например, в Евангелии от Марка (1:9):

Καὶ ἐγήνετο ἐν ἐκείναις ταῖς ἡμέραις ἦλθεν Ἰησοῦς ἀπὸ Ναζαρὲτ τῆς Γαλιλαίας καὶ ἐβαπτίσθη εἰς τὸν Ἰορδάνην ὑπὸ Ἰωάννου.
И было в те дни, пришел Иисус из Назарета Галилейского и крестился от Иоанна в Иордане.

В свою очередь, из ветхо- и новозаветных текстов эти конструкции проникли в оригинальные древнерусские произведения, язык которых, как неоднократно отмечалось (ср., например: [Алексеев 1999: 9]), в значитель-

ной степени ориентировался на библейское повествование, ср. примеры (26—28)[24].

Такое же происхождение имеют и конструкции с «вводящим ситуацию» **боудеть**, которые приводит М. Н. Шевелева (с. 222):

(29) **И бꙋдеᵀ в послѣднѧꙗ дни. въсдвигнеть гᶜь б҃ъ ꙁнамениѥ въ скончаниѥ ꙗꙁыкомъ** (Житие Андрея Юродивого [Молдован 2000: 415—416]).

Это перевод греческой фразы: *Καὶ ἔσται ἐν ταῖς ἐσξάταις ἡμέραις ἀρεῖ Κύριος ὁ Θεὸς σημεῖον ἐν τῇ συμπλερώσει τῶν ἐθνῶν* [Молдован 2000: 606]. В древнерусском тексте Жития эта фраза приводится как цитата из Книги пророка Исаии. Именно этой фразы у Исаии мы не нашли, но сам оборот «и будет в последние дни» он использует:

Ис. 2:2 וְהָיָה בְּאַחֲרִית הַיָּמִים נָכוֹן יִהְיֶה הַר בֵּית־יְהוָה בְּרֹאשׁ הֶהָרִים וְנִשָּׂא מִגְּבָעוֹת וְנָהֲרוּ אֵלָיו כָּל־הַגּוֹיִם׃

ὅτι ἔσται ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις ἐμφανὲς τὸ ὄρος κυρίου καὶ ὁ οἶκος τοῦ θεοῦ ἐπ᾽ ἄκρων τῶν ὀρέων καὶ ὑψωθήσεται ὑπεράνω τῶν βουνῶν καὶ ἥξουσιν ἐπ᾽ αὐτὸ πάντα τὰ ἔθνη

Ꙗкѡ бꙋдетъ въ послѣднїѧ дни ꙗвлена гора гᶜднѧ, и домъ бж҃їй на версѣ горъ, и воꙁвыситсѧ превыше холмѡвъ, и прїидꙋтъ къ ней вси ꙗꙁыцы. [Библия 1993]

Тот же оборот использован в Деяниях Апостолов 2:17. Еще чаще используется оборот «и будет в тот день»: у Исаии он употреблен 14 раз, у Захарии — семь и т. д.

Регулярное появление подобных синтаксических структур «в древнерусских памятниках разной диалектной локализации» (с. 223) не имеет никакого отношения к русской диалектологии. Что же касается диалектных конструкций типа *Было у нас эропорт был вóде*, то здесь, как мы писали в [Петрухин, Сичинава 2006: 208—210], ввиду их ограниченности диалектами, длительное время находившимися в контакте с финскими языками, есть основания предполагать влияние последних.

---

[24] Очевидно, данная библейская конструкция указывает на начало нового рассказа или нового (притом важного, ключевого) эпизода в повествовании. Ее можно встретить в начале библейской книги или в начале главы, ср.: И было во дни Артаксеркса, — этот Артаксеркс царствовал над ста двадцатью семью областями от Индии и до Ефиопии (Есф. 1:1); И было в тридцатый год, в четвертый [месяц], в пятый [день] месяца, когда я находился среди переселенцев при реке Ховаре, отверзлись небеса, и я видел видения Божии (Иез. 1:1); И было во дни Ахаза, сына Иоафамова, сына Озии, царя Иудейского, Рецин, царь Сирийский, и факей, сын Ремалиин, царь Израильский, пошли против Иерусалима, чтобы завоевать его, но не могли завоевать (Ис. 7:1); И было в четырнадцатый год царя Езекии, пошел Сеннахирим, царь Ассирийский, против всех укрепленных городов Иудеи и взял их (Ис. 36:1); ср. также: 2 Цар. 13:1; 3 Цар. 21:1; Иер. 41:1. Те же функции соответствующие конструкции выполняют в оригинальных древнерусских текстах.

Заключение

Мы не видим оснований для существенного пересмотра той схемы, которая была нами предложена в [Петрухин, Сичинава 2006].

В трактовке семантики восточнославянского сверхсложного прошедшего мы опираемся на данные памятников, а они вполне определенно свидетельствуют лишь о наличии у него антирезультативных значений — прекращенной ситуации, недостигнутого и аннулированного результата, а также сдвига начальной точки. Разумеется, мы не можем исключить наличие у этой формы и других значений — прежде всего, в тех древнерусских областях, которые представлены малым числом некнижных текстов. Однако мы полагаем, что собранных М. Н. Шевелевой свидетельств в пользу способности рассматриваемой формы передавать результативное значение пока не достаточно для того, чтобы считать эту гипотезу доказанной. То же можно сказать и относительно предположения о первичности результативного значения для сверхсложной формы.

Наша трактовка формального устройства славянской сверхсложной формы учитывает хорошо известные типологические данные о структуре и развитии сложных форм прошедшего времени, трактовка же М. Н. Шевелевой представляется нам противоречивой.

С нашей точки зрения, не следует отождествлять семантику плюсквамперфекта и сверхсложного прошедшего. В целом, несмотря на более или менее существенные функционально-семантические пересечения, каждая из рассматривавшихся выше форм — сверхсложное прошедшее, плюсквамперфект, сочетание с частицей *было* и диалектные конструкции — обладает собственным набором значений, который может быть выявлен в ходе лингвистического анализа.

В то же время мы, безусловно, признаем, что в истории развития восточнославянской сверхсложной формы (не говоря уже о других славянских языках) остаются серьезные лакуны, и надеемся, что в дальнейшем, совместными усилиями разных исследователей, их удастся заполнить.

Литература

Алексеев 1999 — А. А. Алексеев. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Анічэнка 1957 — У. В. Анічэнка. Формы плюсквамперфекта ў беларускай пісьменнасці XV—XVI ст.ст. // Учен. зап. Мозырского пед. ин-та. Вып. 1. 1957. С. 169—182.

АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1—3. М., 1952—1964.

Библия 1993 — Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке. М., 1993.

Бодуэн де Куртенэ 1875 — И. А. Бодуэн де Куртенэ. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава; Петербург, 1875.

Борковский, Кузнецов 1965/2006 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.

Буслаев 1959 — Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.

Вайс 2000 — Д. Вайс. Русские двойные глаголы: кто хозяин, а кто слуга? // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М., 2000. С. 356—378.

Вайс 2003 — Д. Вайс. Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // Русс. яз. в науч. освещении. № 2 (6). С. 37—59.

Вилкул 2005 — Т. Вилкул. О происхождении общего текста Ипатьевской и Лаврентьеской летописи за XII в. (предварительные заметки) // Palaeoslavica 13:1. 2005. С. 21—80.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. И.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Гиппиус 2004 — А. А. Гиппиус. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—2000 гг.). Т. XI. М., 2004. С. 183—232.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

ДГ XI—XIII — Древнерусская грамматика XI—XIII вв. М., 1995.

Живов 1996 — В. М. Живов. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг.). М., 1993. С. 191—321.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М. 2-е изд. (http://gramoty.ru/?id=dnd)

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 208.

Ипат. — ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

ИГРЯ 1982 — Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982.

Клосс 1998 — Б. М. Клосс. Предисловие к изданию 1998 г. // ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

Лавр. — ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1997.

Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.

Маслов 1956 — Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.

Маслов 1984/2004 — Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л. 2-е изд. // Ю. С. Маслов. Избранные труды. М., 2004.

Михайлов 1900—1908 — А. В. Михайлов. Книга Бытия пророка Моисея в древне-славянском переводе. Вып. 1—4. Варшава, 1900—1908.

Младенов 1959 — Ц. Младенов. Миналите времена в Брезнишкия говор // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. Вып. 9. М., 1959. С. 7—50.

МЛС — ПСРЛ. Т. 15. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.

Молдован 2000 — А. М. Молдован. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М., 2000.

Насонов 1962 — А. Н. Насонов. Малоисследованные вопросы ростово-суздальского летописания XII в. // Проблемы источниковедения. Вып. 10. М., 1962.

НБГ: 1990—1996 — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (под ред. и с предисл. А. Н. Насонова). М.; Л., 1950. (2 изд.: М., 2000.)

Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

ПВЛ — Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.

Петрухин 2004а — П. В. П е т р у х и н. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // Russian Linguistics. 28 (2006). P. 73—107.

Петрухин 2004б — П. В. П е т р у х и н. Рец. на кн.: *R. Benacchio*. I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto. Società Filologica Friulana, 2002 // ВЯ. 2004. № 6.

Петрухин 2007а — П. В. П е т р у х и н. О прагматике восточнославянской сверхсложной формы («русского плюсквамперфекта») // А. И. Соболевский и историческое языкознание (к 150-летию со дня рожд. ученого): Тезисы докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 9—11 июня 2007 г.). М., 2007. С. 50. (http://www.ruslang.ru/doc/sobolevskij07_tez.pdf)

Петрухин, 2007б — П. В. П е т р у х и н. *Жили-были*: вопрос закрыт? // Русс. яз. в науч. освещении. 2007. №2 (14). С. 268—282.

Петрухин 2008 — П. В. П е т р у х и н. Дискурсивные функции древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 213—240.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. П е т р у х и н, Д. В. С и ч и н а в а. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193—214.

Плунгян 2000 — В. А. П л у н г я н. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.

Плунгян 2001 — В. А. П л у н г я н. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М., 2001. С. 50—88.

Пожарицкая 1991 — С. К. П о ж а р и ц к а я. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // Revue des études slaves. LXIII (4). (Paris, 1991). P. 787—799.

Пожарицкая 1996 — С. К. П о ж а р и ц к а я. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернороуского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас. Мат-лы и исслед. 1991—1993. М., 1996. С. 268—279.

Пожарицкая 2003 — С. К. П о ж а р и ц к а я. Говоры северных территорий и их место в диалектном членении русского языка // Славянское языкознание: Мат-лы конф. (Москва, июнь 2002 г.). (Отд. ист.-филол. наук РАН; Национальный комитет славистов РФ) / Отв. ред. А. И. Молдован. М.: Институт русского языка РАН, 2003. С. 233—243.

Потебня 1958 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. М., 1958.

Пск. — ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. М., 2000.

Рус. разг. речь 1973 — Русская разговорная речь. М., 1973.

Сичинава 2001 — Д. В. С и ч и н а в а. Плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики: Вып. 1: Глагольные категории. М., 2001. С. 89—114.

Сичинава 2004 — Д. В. С и ч и н а в а. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 292—312.

Сичинава 2007 — Д. В. С и ч и н а в а. Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком // Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Мат-лы круглого стола. М., 2007. С. 102—130.

Сичинава 2008 — Д. В. С и ч и н а в а. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008. С. 241—274.

Соловьев 1988 — С. М. С о л о в ь е в. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1—2. М., 1988.

Срезн. — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1—3. СПб., 1893—1903.

Успенский 2002 — Б. А. У с п е н с к и й. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Франчук 1986 — В. Ю. Ф р а н ч у к. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.

Фридман 1983 — В. Ф р и д м а н. Значение на отдавна минало време за историята на българския язык // Исторически развой на българския език. Доклади. Т. 1. София, 1983. С. 111—126.

Хабургаев 1978 — Г. А. Х а б у р г а е в. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке. Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 4. 1978. С. 42—53.

Хабургаев 1991 — Г. А. Х а б у р г а е в. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Г. А. Хабургаев, А. Бартошевич (ред.). Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М., 1991. С. 42—54.

Чернов 1961 — В. И. Ч е р н о в. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками: Автореф. дис. .... канд. филол. наук. Л., 1961.

Чернов 1961а — В. И. Ч е р н о в. Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками: Дис. .... канд. филол. наук. Л., 1961. (http://www.2shared.com/file/2478255/5eeb4c43/Chernov.html)

Шахматов 1908 — А. А. Ш а х м а т о в. Предисловие // ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908; 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 1998.

Шахматов 1941 — А. А. Ш а х м а т о в. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Шевелева 2001 — М. Н. Ш е в е л е в а. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сб. науч. ст. к 80-летию проф. К. В. Горшковой. М., 2001.

Шевелева 2002 — М. Н. Ш е в е л е в а. Судьба форм презенса глагола **быти** по данным древнерусских памятников // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2002. № 5. С. 55—72

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Рус. яз. в науч. освещении. 2007. № 2 (14). С. 214—252.

Широкова 1961 — А. Г. Широкова. Чешский язык. М., 1961.

Янин 1990 — В. Л. Янин. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М.: Наука, 1990.

Aikhenvald 2007 — A. Y. Aikhenvald. Grammars in contact: a cross-linguistic perspective // A. Y. Aikhenvald and R. M. W. Dixon (eds.). Grammars in contact: a cross-linguistic typology. P. 1—66. Цит. по: http://www.latrobe.edu.au/rclt/StaffPages/aikhenvald%20downloads/Grammarsincontact.pdf.

Benacchio 2002 — R. Benacchio. I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto. Società Filologica Friulana, 2002.

BHS — Biblia Hebraica Stuttgartensia / Hrsg. von K. Elliger, W. Rudoph. Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart, 1997.

Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.

Chinkarouk 1998 — O. Chinkarouk. Le Plus-que-parfait dans la phrase complexe (coordination et juxtaposition) en ukrainien moderne // Le Langage et l'Homme XXXIII. 1. 1998. P. 39—53.

Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect. Cambridge, 1976.

Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.

Dahl, Hedin 2000 — Ö. Dahl, E. Hedin. Current relevance and event reference // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin, 2000. P. 385—401.

Jakobson 1935 — R. Jakobson. Les enclitiques slaves // Atti del Congresso di Linguistica tenuto in Roma il 19—26 Settembre 1933. Firenze, 1935. (Перепечатано в: R. Jakobson. Selected Writings. Vol. 2. The Hague; Paris, 1971. P. 16—22.)

Heine 1993 — B. Heine. Auxiliaries: Cognitive forces and grammaticalization. New York; Oxford, 2003.

Horák 1964 — E. Horák. Predminuly čas v slovenčine // Slovenská reč. 1964. R. 29. № 5.

Klenin 1993 — E. Klenin. The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // R. A. Maguire, A. Timberlake (eds.). American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August — September 1993. Literature. Linguistics. Poetics. Columbus (Ohio), 1993. P. 330—343.

Kryński 1910 — A. A. Kryński. Gramatyka języka polskiego. Warszawa, 1910.

Litvinov, Radčenko 1998 — V. Litvinov, V. Radčenko. Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache. Tübingen, 1998.

Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung. 59. 2006. № 4. P. 317—349.

Squartini 1999 — M. Squartini. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // Linguistic Typology. 3. 1999. P. 51—89.

Thomas 2000 — P.-L. Thomas. Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français // A. Carlier, V. Lagae, C. Benninger (eds.). Passé et parfait (Cahiers Chronos, 6). Amsterdam; Atlanta, 2000. P. 117—131.

Vondrák 1928 — W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. II. Göttingen, 1928.

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Хроника III Международного конгресса исследователей русского языка

20—23 марта 2007 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова состоялся III Международный конгресс исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». В Конгрессе приняли участие более 600 лингвистов из 34 стран мира и 80 городов России. В рамках Конгресса состоялось 4 пленарных заседания, на которых было прочитано 25 докладов, работало 29 секций, 6 семинаров и 5 круглых столов, где было заслушано и обсуждено более 450 докладов.

Открыл Конгресс ректор МГУ академик В. А. Садовничий (Москва), который в своем приветственном слове отметил непреходящую значимость русского языка для самосознания россиян, для авторитета России на международной арене и укрепления связей между странами СНГ, для развития науки и образования в России. Декан филологического факультета и заведующая кафедрой русского языка профессор М. Л. Ремнева (Москва), приветствуя собравшихся, выразила уверенность в том, что Конгресс русистов — это наиболее демократичный международный форум, на котором созданы условия для плодотворного общения и взаимного обмена идеями между исследователями разных научных школ, национальных традиций и поколений. Член-корреспондент РАН, директор Института русского языка им. В. В. Виноградова А. М. Молдован (Москва) охарактеризовал состояние русской лингвистической науки начала XXI столетия. Академик РАО В. Г. Костомаров (Москва) обратил внимание на изменение соотношения между книжной и разговорной стихиями, что заставляет лингвистов заняться не только изучением, но и регулированием процессов в русском языковом пространстве.

Грамматическую тему открыл доклад члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко (Санкт-Петербург). Представив основные понятия теории функциональной грамматики Санкт-Петербургской грамматической школы, докладчик обратил внимание на то, что для современной лингвистики все более актуальным становится коренящееся в языковедческой традиции исследование системных связей языковых единиц, классов и категорий. А. Мустайоки (Финляндия) рассмотрел причины коммуникативных неудач в условиях «монокультурной» и межкультурной коммуникации. В. Гладров (Германия) продолжил тему русского языка во взаимодействии с другими языками в условиях взаимодействия национальных лингвистик. Докладчик отметил, что с изменением приоритетов в современной лингвистике встает вопрос о приемах сопоставительного описания текстов, речевых жанров и ситуаций речевого общения. Г. А. Золотова (Москва) охарактеризовала современное состояние грамматической науки как «углубление исследовательских задач на фоне общего развития соседствующих гуманитарных дисциплин». Признание текста лингвистическим объектом значительно обновляет и обогащает круг языковедческих интересов, вместе с тем выявляет противоречивость ряда

общепринятых положений. Б. Ю. Норман (Беларусь) отстаивал семантико-синтаксический подход к предложению, согласно которому «в синтаксической модели имплицитно содержатся лексические условия ее реализации; лексическая обусловленность оказывается внутренним свойством синтаксической модели, воплощающим в себе идею взаимосвязанности отдельных уровней в системе языка». Н. К. Онипенко (Москва), соединив падежную проблематику с субъектной перспективой текста, связала понятие Наблюдателя с перцептивным модусом и репродуктивным регистром. Также грамматическая тематика обсуждалась в докладах П. А. Леканта (Москва) «Категориальный статус инфинитива»; Л. Ленгренна (Норвегия) «О первом актанте семантического предлога»; Е. А. Брызгуновой (Москва) «Тенденции к аналитизму в русском языке: современное состояние».

О результатах соединения корпусной информации, системно-грамматического и лексикографического описания русских предлогов сообщила М. В. Всеволодова (Москва). В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург) показал связи между разными уровнями языковой системы и фразеологией. Лексикографическая проблематика была представлена докладами И. А. Большакова (Мехико) и Л. Г. Бабенко (Екатеринбург). Проблематика звукового строя обсуждалась Л. В. Златоустовой (Москва) и Л. Г. Зубковой (Москва) Г. Цыбатов (Германия) обратила внимание на методологию формального описания русского языка.

На пленарных заседаниях историческая проблематика была представлена докладами С. А. Менгель (Германия) и Я. О. Гвозданович (Германия). Геосоциолингвистический аспект изучения русского языка (языковая ситуация на территории бывшего СССР) рассматривался В. М. Алпатовым (Москва). В докладе были выделены «шесть видов языковой политики» (вариантов): прибалтийский, украинский, армянский, узбекский, казахско-киргизский, белорусский. Состояние русистики за рубежом обсуждалось в докладе Ц. Саранцацрал (Монголия). Филологическая рефлексия нашла свое отражение в докладе Л. О. Чернейко (Москва), которая обсуждала соотношение понятий «язык науки» и «научный язык», соотношение логического и символического с позиций когнитивистики и концептуального анализа и рассмотрела определенные тенденции в образовании научных терминов, в частности использование метафор.

Работа Конгресса продолжилась в секциях, круглых столах и семинарах, тематика которых распределялась между пятью направлениями.

I. Системное изучение русского языка в синхронном, диахронном и сопоставительном аспектах.

На заседаниях секции **«Общетеоретические вопросы изучения русского языка»** обсуждались судьбы русского языка и русской культуры в XX—XXI вв. (А. К. Авеличев (Бельгия), А. В. Пузырев (Ульяновск)); методологические принципы современных лингвистических исследований (Л. М. Васильев (Уфа)), принципы устройства и функционирования языка (Е. Е. Хазимуллина (Уфа)), возможности имеющихся электронных баз литературных и диалектных текстов (А. М. Молдован, В. А. Плунгян, Д. В. Сичинава (Москва); О. Ю. Крючкова (Саратов) и др.). Особое внимание привлек доклад Е. А. Тахо-Годи (Москва), посвященный вкладу в языкознание русской лингвистической и лингво-филологической традиции, в частности трудов К. С. Аксакова, А. А. Потебни, А. Ф. Лосева. Когнитивное направление в русистике было представлено докладами: Н. Г. Брагиной (Москва) — о механизмах языко-

вого структурирования ментальных процедур воспоминания, Л. А. Пиотровской (Санкт-Петербург) — о взаимодействии эмоциональных и интеллектуальных процессов в динамике смысловой системы предложения-высказывания. Соотношение понятий *концепт*, *категория*, *оценка* было рассмотрено Л. М. Зайнуллиной (Уфа). Разграничению понятий *дискурс — текст*, *речевой акт — высказывание* был посвящен доклад Е. Ф. Кирова (Москва). В рамках секции состоялось обсуждение авторитетных в современной русистике научных направлений, руководимых А. В. Бондарко, Л. М. Васильевым и А. Мустайоки, которые присутствовали на заседании и ответили на вопросы коллег.

Основная проблематика секции **«Фонетика, фонология и орфография русского языка»** была связана с вопросами экспериментально-фонетического изучения речи и функционирования русского языка в условиях общения в сети Интернет. Этой теме были посвящены доклады О. Ф. Кривновой (Москва); Г. Е. Кедровой, Л. М. Захарова, Н. В. Анисимова, Ю. А. Пирогова (Москва); О. В. Дедовой (Москва); С. В. Князева, С. К. Пожарицкой (Москва); Е. М. Болычевой (Москва). Доклады С. В. Князева (Москва) и Е. В. Шаульского (Москва) затрагивали методологические вопросы фонологии. Эстетический аспект был представлен М. А. Балдовой (Москва).

На секции **«Русское словообразование»** интерес вызвали доклады С. В. Ильясовой (Ростов), Т. В. Поповой (Екатеринбург), В. В. Борисенко (Сербия), А. В. Федосеевой (Ростов-на-Дону), посвященные языковой игре и окказиональным неологизмам; концептуализации действия приставочными глаголами в истории русского языка (Л. В. Табаченко (Ростов)); взаимодействию словообразования и грамматики (Е. В. Петрухина (Москва)); разграничению омонимии и полисемии словообразовательных формантов (Д. А. Осильбекова (Москва)).

На секции **«Морфология русского языка»** доклады были посвящены как общим, так и частным вопросам теории и практики морфологического анализа. А. Л. Шарандин (Тамбов) включил обсуждение частеречной проблематики в контекст теории формы слова, И. В. Замятина (Пенза) обосновывала выделение особой части речи «причастный предикатив», функционирующей в безличных предложениях. Вопросы соотношения синтетических и аналитических черт в русской морфологии были обсуждены в докладе Т. В. Туковой (Украина). Потенциальные и окказиональные явления в русской морфологии систематизировались Е. Н. Ремчуковой (Москва). М. Я. Гловинская (Москва) поставила вопрос об Интернете как о такой сфере функционирования русского языка, где наиболее широко и активно используются потенциальные морфологические формы.

Падежная проблематика обсуждалась в докладах М. Д. Воейковой (Санкт-Петербург), проанализировавшей условия избыточности падежных противопоставлений, С. Н. Цейтлин (Санкт-Петербург), рассмотревшей закономерности становления категории падежа и вида в детской речи, и В. Н. Немченко (Н. Новгород), изложившего результаты изучения сочетаний субстантивных форм с собирательным числительным *оба* (*обе*) в нормативном аспекте. Функционирование несклоняемых имен обсуждалось И. В. Приоровой (Астрахань). В докладе А. Г. Пазельской (Москва) были рассмотрены актантные свойства русских отглагольных существительных. Категория залога обсуждалась С. А. Крыловым (Москва), предложившим обзор различных подходов к данной категории, и В. И. Гавриловой (Москва), анализировавшей залоговые формы глагола в возвратных конструкциях с место-

именной группой *сам собой*. Экспрессивному потенциалу глагольных форм будущего времени был посвящен доклад Т. Е. Шаповаловой (Москва).

Проблемы русской аспектологии обсуждались на секции **«Аспектология русского глагола»** и на аспектологическом семинаре. В докладе В. А. Закревской (Тюмень) рассматривались особенности употребления видо-временных форм в диалектной речи. И. П. Кюльмоя и М. А. Шелякин (Эстония) показали различия между таксисными, конструктивно-синтаксическими и текстовыми значениями глагольных видов. Р. Гусман Тирадо (Испания) говорил о средствах выражения таксиса. О. И. Дмитриева (Саратов) поставила вопрос о разграничении синхронии / диахронии в исследовании словообразовательных процессов русского языка. В докладе О. К. Грековой (Москва) шла речь о причинах ошибок в речи инофонов, говорящих по-русски. Т. В. Белошапкова (Москва) представила доклад «Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке». И. Б. Шатуновский (Дубна) рассмотрел глагольный вид в связи с категорией итеративности. В докладе Е. Я. Титаренко (Украина) обсуждался вопрос о терминах *вид*, *аспект*, *предельность*, *способ действия*, *Aktionsart*, *видовая пара*, *одновидовой* и *двувидовой глагол* и т. д. Л. Д. Дубовикова и М. Ю. Черткова (Москва) рассматривали разграничение видовых пар и видовых коррелятов.

На заседании **Аспектологического семинара** обсуждался типологический аспект глагольного вида (В. Брой (Германия)). М. Ю. Черткова (Москва) предложила принципы разграничения видовых пар и видовых коррелятов.

Работа секции **«Синтаксис русского языка»** была посвящена проблемам синтаксиса разговорной речи (С. В. Андреева (Саратов)), семантики и прагматики отрицательных конструкций (А. А. Калинина (Йошкар-Ола)), личности / безличности в структуре предложения (Н. П. Курмакаева (Украина)), полипропозитивности в простом предложении (О. Ю. Дементьева (Москва), Н. А. Дьячкова (Екатеринбург), О. М. Чупашева (Мурманск)), перцептивности и референции (О. Е. Фролова (Москва)). Доклад М. Бэрмана, Д. Брауна, Г. Корбетта и А. М. Красовицкого (Великобритания) был посвящен конкуренции винительного и родительного падежей прямого объекта при глаголах с отрицанием. В докладе Э. Тумазу (Франция) анализировалась семантическая роль определения (выраженного прилагательным) в структуре фразы. Было показано, что зачастую неустранимость этого определения обусловлена сменой фокуса зрения говорящего, его желанием укрупнить план, привлечь внимание к новой ситуации. И. Лучкув (Польша) в своем докладе рассмотрел соотношение глагольных времен в сложном предложении.

На **мемориальном семинаре, посвященном В. А. Белошапковой**, о лингвистической концепции В. А. Белошапковой говорили М. В. Всеволодова (Москва) и И. Е. Ким (Красноярск). Г. Д. Фигуровская (Елецк) рассмотрела средства выражения временных отношений в тексте, Е. М. Лазуткина (Москва) представила понятие синтаксических отношений в когнитивном плане. Оживленную дискуссию вызвали выступления А. К. Киклевича (Польша), предложившего свое решение проблемы предикативного минимума предложения, и Э. Г. Шимчук (Москва) — о безличных предложениях.

На семинаре **«Модели предложений русского языка»** М. В. Всеволодова (Москва) в программном докладе говорила о типах парадигм предложения, соотношения парадигмы предложения и синтаксического поля предложения.

Н. Г. Загнитко и А. А. Загнитко (Украина) определили квалификационные параметры позиционных и структурных типов русских предикатов.

В совместном докладе Е. Н. Виноградовой (Москва), А. В. Ситарь (Украина), С. А. Важника (Беларусь) были представлены первые результаты межнационального проекта «Модели простого предложения и их типовые значения с учетом речевых реализаций». К. Г. Красухин (Москва) определил семантические и формальные типы агенса в языках различных структурных типов, рассмотрел функциональные и позиционные разновидности агенса.

Сравнительно-типологический анализ словарей различных типов предложил С. А. Важник (Беларусь). Ряд докладов был посвящен синтаксису и семантике описательных предикатов: В. В. Воронович (Беларусь), В. А. Кузьменкова (Москва), Г. М. Сучкова (Санкт-Петербург). В докладе В. П. Щадневой и Ю. С. Кудрявцева (Эстония) предлагались способы определения субъекта в безличных предложениях.

На секции **«Служебные единицы и наречия русского языка** наиболее обсуждаемой оказалась проблематика русских предлогов. Ей были посвящены доклады А. А. Загнитко (Украина), М. В. Гордиевских (Москва), В. В. Андреевской (Москва), И. В. Галактионовой (Москва), С. А. Крылова и Е. В. Муравенко (Москва). О предлогах говорилось в выступлениях Ч. С. Ляхура (Польша), А. В. Ситарь (Украина) и Е. Н. Виноградовой (Москва), А. Мукажановой (Казахстан), Р. Судзуки (Москва/Япония), Е. Н. Виноградовой и В. Л. Чекалиной (Москва). Предлоги в диахронном аспекте обсуждались в докладах В. Л. Чекалиной (Москва), А. В. Пеетерс-Подгаевской (Голландия), С. С. Скорвида и Д. К. Полякова (Москва).

Предлагаемые подходы к решению проблем описания частиц (И. А. Нагорный (Белгород), С. А. Манаенко (Ставрополь)), междометий, союзов (Н. Т. Окатова (Владивосток)) и наречий (Ф. И. Панков (Москва), Е. Н. Вуколова (Москва), А. Е. Рубан (Москва), Е. М. Степанычева (Москва)), дейктических слов (М. Г. Безяева (Москва), Н. В. Курикова (Томск)) показали, что на современном уровне развития лингвистики актуальным является анализ механизмов функционирования языка, который требует очень тонкого описания всех уровней языка.

На семинаре «**Полифункциональные и дискурсивные слова и конструкции»** наибольший интерес вызвали доклады: Н. О. Григорьевой (Ростов), Ф. И. Панкова (Москва), Т. Шимидзу (Москва / Япония). Среди проблем, обсуждавшихся на семинаре, можно отметить следующие: 1) понятие дискурса и дискурсивных слов; 2) понятие полифункциональности и полифункциональных слов; 3) соотношение письменного и звучащего материала при выделении полифункциональных слов; 4) роль интонации в выделении полифункциональных слов; 5) концепция полифункциональных слов и выражений Е. А. Брызгуновой и связанная с ней концепция полифункциональных слов в «Книге о грамматике. Русский язык как иностранный».

Основная направленность докладов секции «**Грамматика русского текста**» состояла в соединении системного и текстового анализа языковых средств, жанровых особенностей и текстовой стратегии автора.

В качестве грамматических объектов текстового анализа рассматривались языковые средства авторизации и категория засвидетельствованности (А. Г. Етко (Ставрополь)), категория залога в связи с разграничением акциональности / неакциональности (Е. Н. Никитина (Москва)), категория модальности (И. В. Недялков (Санкт-Петербург)), каузативность

(А. Н. Дробинина (Москва)), функции видо-временных форм в тексте (А. И. Нечаева (Москва)), функции анафорических местоимений и категория интенсивности (О. Ю. Инькова (Швейцария)), квантитативные детерминаты (Е. Н. Клеменова (Ростов-на-Дону)), вербальные «заменители» знаков препинания (Н. П. Перфильева (Новосибирск)), синтаксические связи в художественном тексте (Е. И. Костанди (Эстония)).

Исторический аспект был представлен докладами И. И. Чумак-Жунь (Белгород), И. А. Шушариной (Курган) и О. В. Трофимовой (Тюмень).

Ряд выступлений был посвящен рассмотрению текстовых стратегий автора, а также анализу средств создания образа автора. Первый аспект был отражен в докладах Е. В. Багумян (Украина), А. К. Казкеновой, С. А. Никитиной (Казахстан), Н. В. Панченко (Барнаул), Е. А. Савиной (Калуга), Т. В. Седовой (Москва), В. А. Сулимова (Сыктывкар). Субъектная организация текста обсуждалась в докладах Е. А. Денисовой (Москва), Е. А. Кац (Москва), Л. Б.Крюковой (Томск). Текстовым стратегиям и текстовым категориям в онтогенезе были посвящены доклады Е. Л. Бровко (Санкт-Петербург) и В. В. Казаковской (Санкт-Петербург). Образцы лингвистического анализа текста были представлены в докладах Г. Н. Ивановой-Лукьяновой (Москва), Л. М. Кольцовой (Воронеж), О. С. Завьяловой. «Вторичные тексты», интерпретация и интерпретативные стратегии стали предметом обсуждения в докладах Л. Г. Ким (Кемерово) и Ю. В. Трубниковой (Барнаул).

На обсуждение секции **«Лексикология русского языка»** были вынесены традиционные для лексикологии проблемы полисемии, заимствования, метафоры, синонимии, абстрактной лексики, эвфемизмов и др. в их современном видении. Наибольший интерес вызвали доклады А. К. Киклевича (Польша), Н. Е. Петровой (Москва), С. Л. Мишлановой и Т. И. Уткиной (Пермь).

На секции **«Русская лексикография, терминология, ономастика»** обсуждались следующие проблемы: создание новых типов словарей (О. В. Фельде (Красноярск), А. С. Цой (АтатюркАлатоо), М. И. Чернышева (Москва)) и роль словников и словоуказателей как вспомогательного инструмента для лингвистов и лексикографов (Л. Лёнгренн (Норвегия), Е. А. Осокина (Москва)).

Доминантой в работе секции **«Русская фразеология»** стала тема «Русская фразеология в динамической и культурологической перспективе и ретроспективе». Эта тема была развита в докладах Е. Г. Борисовой, Е. Н. Кицей (Москва), Т. Г. Бочиной (Татарстан), Х. Вальтера (Германия), И. Т. Вепревой (Екатеринбург), Ж. Финк (Хорватия), Л. П. Дядечко (Украина), Л. В. Ксенофонтовой (Москва), Л. В. Басовой (Тюмень).

Доклады и сообщения, представленные на секции **«Социолингвистика, речевая культура и риторика»**, были посвящены современному состоянию русского языка в связи с развитием новых форм коммуникации, социальной стратификацией носителей русского языка, использованием русского языка в различных сферах общения.

В докладах А. П. Романенко (Саратов) и Н.-Л. М. Акуленко (Калуга) рассматривалось функционирование нелитературной речи в сфере литературного языка. Авторы отстаивали необходимость осознанной и целенаправленной языковой политики, которая должна способствовать сохранению и развитию культуры языка. Г. П. Байгарина (Казахстан) говорила об идеологической полисемии, которая характерна для современной политической коммуникации. О. В. Лутовинова (Волгоград) рассмотрела жанры виртуального дискурса в Интернете. В докладах Й. Пилатовой

и Л. Воборила (Чехия), С. А. Никитина и М. Ю. Авдониной (Москва), Н. А. Кочетуровой (Новосибирск) обсуждались особенности орфографии и лексики, а также требования «жанрового формуляра» текста в различных формах электронной коммуникации.

В докладе М. Ю. Олешкова (Нижний Тагил) рассматривались коммуникативные стратегии и тактики в педагогическом дискурсе. Тема соотношения территориальных и социальных диалектов и бытования в обществе различного рода идиом обсуждалась М. М. Приемышевой (Санкт-Петербург), В. О. Кузнецовым (Брянск). О. Н. Дубровская (Саратов) представила исследование текстов-воспоминаний о жизни носителей диалекта. В докладе Г. В. Денисовой (Италия) рассматривались особенности русской речи и стратегии речевого поведения представителей русской эмиграции. Е. Н. Тарасова (Смоленск) обсуждала дидактические и методические аспекты преподавания курсов культуры речи и риторики в военных учебных заведениях.

На круглом столе **«Проблемы риторики»** с докладами выступили В. А. Аннушкин и А. А. Волков (Москва). Участники заседания обсудили проблемы стиля современной риторической прозы, этики публичной речи, преподавания риторики в общеобразовательной и высшей школе.

На заседаниях секции **«Особенности функциональных стилей и жанров русского языка»** затрагивались проблемы кодификации и стилистика «медийных речевых жанров», функциональные стили и разновидности дискурса. В докладах рассматривалась стилистика рекламы (Л. П. Амри (Ростов-на-Дону), З. К. Беданкова (Майкоп), Е. С. Кара-Мурза (Москва)), особенности современных научных текстов (Б. Бремер (Германия), М. П. Котюрова (Пермь), А. В. Меликсетян (Армения), Т. Г. Никитченко (Краснодар), Т. М. Цветкова (Москва)), стилистика в сфере взаимодействия языка и религии (Н. М. Орлова (Саратов), О. А. Прохватилова (Волгоград)), деловая речь (А. Н. Качалкин (Москва), О. П. Сологуб (Новосибирск)), стилистическое многообразие текстов в Интернете (Т. Б. Карпова (Пермь), Н. В. Кузнецова (Тюмень)), языковая рефлексия (Н. А. Батюкова (Москва)). Живую дискуссию вызвал доклад Н. Ю. Плаксиной (Кемерово) «К проблеме выделения маргинальных жанров как нового объекта лингвистики».

На заседаниях секции **«Русский язык в СМИ»** тематика докладов концентрировалась вокруг следующих проблем: русский язык в СМИ как отражение современной языковой действительности, языковое манипулирование и деструктивное воздействие СМИ, речевая стратегия в масс-медийном политическом дискурсе и рекламе, языковые стереотипы в русских СМИ России и ближнего зарубежья, русский язык в аспекте современного международного диалога культур. Оживленную дискуссию вызвали доклады М. А. Кормилицыной (Саратов), А. А. Любимовой (Москва), С. М. Треблер (Казахстан), Л. А. Кудрявцевой и И. А. Филатенко (Украина).

Семинар **«Функционирование русского языка в юридической сфере и вопросы лингвистической экспертизы»** собрал представителей юридической науки, лингвистики и математической статистики. Соотношение «естественного языка» и юридического дискурса рассматривалось в докладе Н. Д. Голева (Кемерово). Вопросы экспертного исследования оскорбительных текстов в аспекте лингвистики и психологии наиболее подробно были представлены в докладе Т. Н. Касьянюк (Ростов-на-Дону). Ю. В. Зайцева (Москва) рассказала о математических ограничениях на применение вероятностных методов при решении вопросов о спорном ав-

торстве текста. Участники круглого стола внесли предложение о подготовке документов, упорядочивающих экспертную деятельность, и указали на необходимость организационного объединения лингвистов-экспертов.

На семинаре **«Системная текстология: выявление объективных жанровых и индивидуально-авторских особенностей текстов в историческом контексте»** с сообщением по проблемам системной текстологии выступил А. А. Поликарпов (Москва). О. Г. Шевелев (Томск) рассказал о программе анализа авторского стиля и методах выявления характерных индивидуальных особенностей авторской речи в русских литературных и газетно-журнальных текстах. Другая часть выступлений была связана с конкретными исследованиями, относящимися к проблематике «Тихого Дона»: история возникновения этого текста, возможное использование М. Шолоховым текстов других авторов (доклад А. Г. Макарова (Москва)). С историко-биографическими сообщениями выступили Т. Сергеева, И. Б. Каргина, Л. Н. Дода, Г. П. Стукалова.

На секции **«История и предыстория русского языка. Исследование памятников русской деловой письменности»** обсуждались фонетические процессы праславянского языка (А. А. Кретов (Воронеж), Д. Д. Беляев (Тула)), этимологические гнезда русских слов и лексико-семантические поля в диахронном плане (Ж. Ж. Варбот (Москва)), история русских лексем, историческая морфология, словообразование и синтаксис, текстология, эпистолярные жанры XVII—VIII веков, история становления русской орфографии. В докладе А. М. Кузнецова (Латвия) на основе текстологического, палеографического и орфографического анализа предлагалось пересмотреть датировку списков договора между Смоленском, Ригой и Готским берегом 1229 г. И. В. Глушкова (Ростов-на-Дону), З. И. Годизова (Владикавказ) и В. В. Каверина (Москва) анализировали семантику префиксов *до-* и *у-*, *раз-*, *пре-* и *пере-*, их синонимические отношения и словообразовательную активность на разных этапах развития русского письменного языка. В. В. Каверина показала, что церковнославянская приставка *пре-* была достаточно частотной в текстах Вестей-курантов XVII в. Новые данные по истории склонения числительных содержал доклад Е. А. Галинской (Москва). Доклад С. К. Пожарицкой (Москва) касался значения и употребления отглагольных частиц *бы, было, буде и бывало* в архангельских говорах. В. Б. Крысько (Москва), используя материал древнерусских и греческих текстов, предложил толкование темного места в рукописи XII в. Студийского устава. В докладах В. В. Дубовик (Москва) и Н. В. Глухих (Челябинск) рассматривалась структура делового текста. Доклад О. Г. Каменской и Э. К. Мустафиной (Тольятти) касался методических проблем отбора текстов для занятий по исторической грамматике и приемов их анализа с культурологических позиций.

На секции **«История книжно-литературного языка»** прозвучали выступления А. А. Дерганц (Словения), Е. И. Кисловой (Москва), Е. А. Кузьминовой (Москва), Г. А. Николаева и Т. А. Корнеевой (Казань), Н. В. Николенковой (Москва), О. В. Чевела (Казань), Л. М. Устюговой и др., в которых обосновывалась необходимость издания и описания грамматик церковнославянского языка, важность сопоставительного изучения книжно-славянских текстов и др. Л. М. Устюгова связала в своем выступлении вопросы истории русского языка с судьбой современного русского языка в независимой Украине.

В рамках Конгресса состоялось заседание круглого стола **«История русского языка и греко-латинская сло-**

весность в России», на котором обсуждались две проблемы: греко-латинская составляющая в русском языке и переводы на русский язык греческих и латинских авторов. Наиболее интересные доклады касались состояния классического образования в России в XIX—XXI вв., переводов латинских текстов в контексте рецепции античного наследия в русской литературе, а также языковой политики Древней Греции и Рима.

На заседании секции «**Диалектология русского языка»** были представлены диалектные материалы из разных регионов России: Архангельской, Белгородской, Нижегородской, Томской областей и ближнего зарубежья — говоры старообрядцев Латгалии. Секция отличалась широтой тематического диапазона. Доклад И. А. Букринской и О. Е. Кармаковой (Москва) был подготовлен на основе корпуса современных диалектных текстов, собранных в отделе диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН в рамках темы «Русская деревня XX века в рассказах ее жителей: язык, культура, личность». В докладе Т. А. Демешкиной (Томск) соединилась традиционная проблематика диалектологии и современной культурологии. И. Б. Качинская (Москва) сообщила о терминах родства в архангельских говорах. Е. Е. Королева обсуждала фразеологизмы, совпадающие в латышском языке и русских говорах старообрядцев Латгалии. В докладе Н. Г. Шубиной (Старый Оскол) анализировались изменения в тематической группе лексики, связанной со строительной сферой.

На заседаниях секции **«Сопоставительные аспекты изучения русского языка»** затрагивались такие темы, как языковая картина мира на материале русского и чешского языков (В. Ф. Васильева (Москва)); сопоставительная мотивология на материале русского, польского и казахского языков (А. Д. Жакупова (Казахстан)); поуровневое сопоставление языковых единиц (Т. Н. Александрова (Саратов), Н. Е Ананьева (Москва), А. И. Изотов (Москва), А. С. Беликова (Саратов), М. Н. Володина (Москва), Е. Ф. Журавлева (Греция), А. И. Кузнецова (Москва), Н. П. Сидорина (Саратов), К.-Х. Лунд (Москва), Е. А. Маркова (Москва), Н. М. Потапова (Москва), Э. Б. Яковлева (Самара), Г. Н. Питкевич (Латвия), Л. Шольце (Германия) и др.). Использовался материал литературного русского языка, региональной разновидности русского языка (в Латгалии — Г. Н. Питкевич (Латвия)), а также язык компьютерного обучения (Г. П. Нещименко (Москва)). Доклад А. А. Коростелевой (Москва) был посвящен языковым средствам создания образа киноперсонажа. Сопоставительный аспект в преподавании русского языка как иностранного был представлен в докладах И. Д. Макаровой-Томинец (Словения), Е. Ф. Журавлевой (Греция), взаимодействие русского и контактирующего с ним идиома обсуждалось Т. Е. Григорьевой (Казань), лексикографическая проблематика затрагивалась в докладе А. Г. Саркисяна (Армения) о принципах составления «Русско-армянского тематического словаря сокращений, употребляемых в юриспруденции».

О концепте «родина» в творчестве казахских писателей-билингвов, пишущих на русском языке, говорилось в докладе А. Б. Тумановой (Казахстан). Русско-итальянским языковым связям были посвящены доклады К. Ласорсы Съедины (Италия) и М. В. Володиной (Москва).

II. Поэтика русской литературы в синхронном, диахронном и сопоставительном аспектах.

На секции **«Русский язык в фольклорном тексте»** А. Н. Василенко и Э. П. Лаврик (Ставрополь) рассмотрели синтаксические способы выражения условия в русских пословицах. Т. С. Со-

колова (Белгород) говорила о фольклорном вербальном коде в связи с проблемой традиционности и вариативности. В докладе А. В. Штейнгольд (Эстония) обсуждались происхождение и характер связи пословичных изречений с обрядами. В выступлении М. Р. Шумариной (Балашов) шла речь о «школьных» шутках.

На секции **«Языковые особенности русской художественной литературы»** прозвучали доклады, отразившие интерес исследователей к разным периодам, жанрам и стилям русской художественной литературы. Символично, что в день поэзии 21 марта заседание открылось выступлением лингвиста и поэтессы Н. М. Азаровой (Москва). Вопрос о культурной значимости текстов современных поэтов рассматривали С. А. Ахмадеева (Краснодар), Н. К. Богомолова (Москва) и А. Г. Лилеева (Москва). К диахроническому аспекту изучения языка русской художественной литературы обратились Е. В. Гаева (Курган), Т. В. Стрекалева (Красноярск) и Л. А. Трахтенберг (Москва). Отличительной чертой докладов секции стал акцент на неразрывной и естественной связи лингвистики и литературоведения как двух составляющих частей филологии. Эту идею обосновывали З. Н. Бакалова, Л. Н. Некрасова (Москва), И. Г. Сагирян (Ростов-на-Дону). Дискуссии вызвали сообщения М. К. Лопачевой (Санкт-Петербург) и Е. Н. Пенской (Пермь). В выступлении Т. Г. Щецовой (Москва) говорилось о значении забытого историками литературы и лингвистами текста — «Видения в какой-то ограде» Д. Н. Блудова — для изучения «арзамасской галиматьи». Закончилась работа секции выступлением М. Танака (Япония) «Роль стихотворного языка в постановке П. Фоменко “Египетские ночи”», ставшим наглядным подтверждением того, что истинное искусство не имеет языковых барьеров для понимания, эстетического сопереживания и филологического изучения.

На секции **«Лингвопоэтика русского художественного текста»** методологические проблемы были поставлены в докладах К. К. Ахмедьярова (Казахстан) «Особенности методологии и базисного метаязыка русской лингвистической поэтики», Ю. В. Дорофеева (Украина) «Методологических основаниях анализа и интерпретации художественного текста», М. Ю. Сидоровой (Москва) «Возможности соединения литературоведческих понятий с лингвистическими», Н. В. Кулибиной (Москва) «Русский язык в художественной литературе: проблемы понимания».

Теории концептов и анализу отдельных концептов в творчестве разных писателей были посвящены доклады С. Корычанковой (Чешская Республика), Л. А. Чижовой (Москва), Е. И. Маркиной (Москва), Г. В. Москвина (Москва), Л. Б. Савенковой (Ростов-на-Дону), С. Л. Мишлановой и Т. М. Пермяковой (Пермь), С. В. Ярцевой (Москва), М. И. Кабановой (Саратов).

О «Панметафоризме как основе интеллектуально-эстетической образной системы философско-публицистической прозы В. В. Розанова» шла речь в выступлении Е. П. Карташовой (Йошкар-Ола); о своеобразии тропеического словоупотребления в идиостиле Н. Гумилева говорилось в докладе А. В. Беловой (Москва). Об особенностях метонимии в произведениях В. Набокова, Т. Толстой, В. Аксенова, Г. Щербакова шла речь в докладе М. В. Сандаковой (Киров). В докладе Н. Л. Блищ (Беларусь) выявлялись особенности выражения авторефлексии А. М. Ремизова в его размышлениях о творчестве Н. В. Гоголя. О символическом, аллегорическом и миметическом модусах изображения и их соотношении в новоевропейском романе шла речь в докладе С. И. Пискуновой (Москва). Е. Г. Руднева (Москва)

прочитала доклад «Словесные мотивы в эпическом произведении». Н. Г. Бабенко (Калининград) проанализировала оппозицию «звериное–человеческое». В докладе Т. Б. Радбиля (Н. Новгород) был поставлен вопрос, как соотносятся понятия «языковая аномалия» и «стилистический прием». Особое внимание в аспекте лингвопоэтического анализа привлекли произведения Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова (Д. О. Корнишова (Санкт-Петербург), Н. В. Изотова (Ростов-на-Дону), Л. Б. Савенкова (Ростов-на-Дону), И. В. Ружицкий (Москва), О. А. Захарова (Москва), А. Я. Эсалнек (Москва)). Анализу содержательного и словесного богатства басен И. А. Крылова был посвящен доклад Р. С. Кимягаровой (Москва).

На заседании секции «**Сравнительное литературоведение**: **стилистические аспекты**» доклады группировались вокруг следующих тем: взаимодействие русского и других языков в художественном тексте (А. В. Леденев (Москва), Л. В. Чернец (Москва)); художественный перевод (Н. А. Соловьева (Москва), Э. Эндерляйн (Франция), Т. Ф. Теперик (Москва), Я. Л. Забудская (Москва)). С. В. Алпатов (Москва) выделил в составе русско-немецких разговорников XVI—XVII вв. круг пословичных изречений на тему правого суда, справедливого воздаяния, верной меры. Интерес слушателей вызвал доклад Е. З. Цыбенко «К истории русско-польских литературных связей («Горе от ума» А. С. Грибоедова и «Возвращение депутата» Ю. У. Немцевича)». Также прозвучали доклады Г. В. Зыковой «Пушкин и А. Шлегель», А. Г. Шешкен (Москва) «Роль русско-македонских литературных связей в развитии литературы Македонии (1945–1860-е гг.)».

На секции **«Тенденции в русской художественной литературе»** выступили А. В. Архангельская (Москва) «К вопросу о некоторых особенностях языка массовой литературы в России XVIII века (на примере русских стихотворных фацеций)», Т. В. Гордиенко (Москва) «Россия в творчестве поэтов второй эмиграции». Тонкий анализ символики сада в прозе И. А. Новикова был представлен М. В. Михайловой (Москва), З. С. Санджи-Гаряева (Саратов) обратилась к образу утраченного детства в прозе Ю. Трифонова. Затрагивалась тема улыбки и смеха в произведениях русской литературы второй половины XVIII века (К. М. Старчеус (Ростов-на-Дону)). А. П. Авраменко (Москва) подчеркнул необходимость бережного отношения к пушкинскому тексту.

III. Проблемы анализа русского дискурса и направления современных когнитивных исследований в русистике.

Первое заседание секции «**Русистика и когнитивная наука»** было посвящено проблемам когнитивной семантики. Е. В. Падучева (Москва) указала на несколько аспектов, привнесенных в семантику когнитивной парадигмой. Семантика именных частей речи обсуждалась в выступлениях О. Н. Ляшевской, Е. В. Рахилиной (Москва), Г. И. Кустовой (Москва); М. Г. Колбеневой, В. Ф. Петренко, Б. Н. Безденежных, Ю. И. Александрова (Москва). Глагольная семантика интерпретировалась в докладе Анны А. Зализняк (Москва) и И. Микаэлян (США).

Второе заседание открылось докладом Л. Гренобль (Канада), в котором были продемонстрированы возможности методики «Анализа бытового диалога» в изучении корпуса устной русской речи. С этой же темой был связан доклад А. А. Кибрика и В. И. Подлесской (Москва). Широкий круг вопросов русской просодии был поднят Т. Е. Янко (Москва), С. В. Кодзасовым (Москва), И. М. Кобозевой (Москва) и Л. М. Захаровым (Москва). А. Е. Кибрик (Мо-

сква) на материале русской грамматики продемонстрировал действие общего принципа когнитивной сопряженности; О. С. Иссерс (Омск) рассмотрела связи когнитивных и коммуникативных аспектов дискурса, М. Б. Бергельсон (Москва) обсуждала принципы прагматического контроля и кооперации в современном русском языке. Е. В. Печенкова, О. В. Федорова (Москва) сообщили о «Тесте по определению объема рабочей памяти: апробация на русском материале».

На секции **«Русская языковая картина мира»** наиболее активно обсуждались проблемы семантического описания ключевых концептов национальной культуры, ассоциативных экспериментов в изучении национальной картины мира, исследования базовых когнитивных метафор, а также прагматические и лингвокультурные аспекты воспроизводимости (фразеологизмы, паремии, прецедентные феномены, стереотипы). Полемика возникала по вопросам валидности психолингвистических экспериментов, понимания таких терминов, как *концепт*, *миф*, *коннотация*, *языковая личность*, проблемам динамики языковой картины мира и др. Наибольший интерес вызвали доклады В. В. Дементьева (Саратов), В. А. Долинского (Москва), И. Е. Кима (Красноярск), Н. А. Шовгун (Москва), А. Б. Лихачевой (Литва).

На круглом столе **«Между языком и дискурсом: воспроизводимость как феномен лингвокультуры»** в центре обсуждения были мотивы и механизмы воспроизводимости, онтология воспроизводимых единиц и национально-культурная специфика их наполнения, способы их выявления и описания.

На круглом столе **«Образы русской речи в пространстве современной культуры»** С. А. Ромашко указал наиболее актуальные проблемы, которые и обсуждались участниками круглого стола: (1) проблемы нормы в новых культурно-языковых условиях; (2) взаимодействие и взаимовлияние языковых норм и норм культуры; (3) столкновение норм («идеальных» образов); (4) языковые авторитеты и языковые эксперты: их роль в сохранении / трансформации / становлении нормы; (5) образы русской речи, отражаемые и создаваемые в наши дни литературой, кино, театром, СМИ; (6) русский язык как международный.

В. В. Красных (Москва) говорила об использовании всего спектра лексико-стилистических ресурсов языка и сохранении нормативных традиций, обеспечивающих преемственность языкового и литературного развития и единство речевого пространства. В ответной реплике И. Г. Добродомов (Москва) предостерег от чрезмерного увлечения специфической лексикой. М. А. Кронгауз (Москва) обратил внимание на проблему авторитетности при задании современной языковой нормы, подчеркнув значение той сферы общения, которая обеспечивается современными средствами связи. О роли русского языка как международного в ближнем зарубежье говорила Е. А. Погорелая (Молдавия). Г. Ю. Никипорец-Такигава (Япония) подчеркнула значение современных методов исследования и преподавания в повышении престижа русского языка как международного. В. М. Мокиенко (Санкт-Петербург) указал на историческую относительность нормы и отметил важность учета опыта других языков и культур в области нормирования.

IV. Компьютерная и квантитативная лингвистика.

На секции **«Прикладные, компьютерные и квантитативные аспекты моделирования русского языка»** прозвучали выступления: «Сканирование общественно-политической жизни Украины по данным русских и украинских

газет 2004—2006 гг. (тезаурусно-фреймовый подход)» (Л. А. Алексеенко, Н. П. Дарчук (Украина) и др.); «Применение латентно-семантического анализа при кластеризации слов на основании их контекстов» (Е. А. Ильюшина (Москва) и др.); «Методы формального представления текстовых документов для анализа в автоматических системах» (Е. Н. Бендерская (Санкт-Петербург) и др.). Ю. Н. Марчук (Москва) рассмотрел применение к русскому языку информационных технологий. В докладе Г. Ю. Никипорец-Такигавы (Япония) описывались компьютерные технологии для русистики, используемые в Японии. А. В. Зубов (Беларусь) представил доклад о точном изучении метрической прозы.

V. Функционирование русского языка в России, в странах СНГ и дальнего зарубежья.

В работе секции **«Русский язык в новых геополитических условиях»** наиболее обсуждаемыми оказались проблемы статуса русского языка в странах ближнего и дальнего зарубежья (Н. Ю. Авина (Литва), Л. М. Буренина (Литва), Я. М. Носович, А. Стебунова, З. Чойдон (Монголия)), особенностей регионального функционирования русского языка в моно- и полиэтнических условиях, функционирования русско-национального билингвизма в новых социокультурных условиях на постсоветском пространстве (В. А. Азарова (Украина), Э. Б. Акматалиева (Кыргызстан), Л. П. Ваганова (Таганрог), Е. А. Журавлева (Казахстан), И. С. Карабулатова (Тюмень), Б. И. Каракулов (Глазов), И. К. Микулацо (Хорватия), А. Штайнбах и В. Шмидт (Германия)), функционирования русской и русскоязычной личности в различных этнических средах ближнего и дальнего зарубежья (Э. С. Исаева (Латвия), Н. В. Кондратенко (Украина)), особенностей интерферентного взаимодействия русского и национального языков в статусе государственных (Ю. Д. Каражаев (Владикавказ), Е. В. Кривова (Москва)).

Оживленную дискуссию вызвали доклады Е. А. Погорелой (Молдавия) «Русско-национальное двуязычие в системе социокультурных координат постсоветского пространства», И. С. Карабулатовой (Тюмень) «Трансформационные процессы в постсоветском ономастическом пространстве», Т. А. Лисицыной (Новгород) «Русский язык как социокультурный проект цивилизационного развития XXI века», Э. М. Оганесян (Армения) «Роль и статус русского языка в Армении», Э. Шарфави (Словакия) и др. «Русский язык в новых экономических условиях».

Основным вопросом секции **«Языковая политика и языковое законодательство»** стал вопрос о границах возможного правового регулирования русского языка. С. Н. Кузнецов отметил, что проблемы языковой политики и языкового планирования имеют большую теоретическую и практическую значимость в системе современных лингвистических и политологических знаний. Анализ языковой политики получает особую актуальность в связи с неоднозначными результатами интегративных и дезинтегративных процессов в современном мире. М. Ю. Сидорова (Москва) рассказала о предложениях по совершенствованию языковой политики, которые вносят наивные носители языка. Доклад А. А. Волкова (Москва) был посвящен вопросу объема правового регулирования русского языка. А. А. Любимова (Москва) в докладе, посвященном языковым способам разрушения традиционной системы ценностей и языковой картины мира в современных средствах массовой информации, отметила ряд способов деструктивного воздействия на общественное сознание.

VI. Преподавание русского языках в вузе и в школе, как родного и как неродного.

На заседаниях секции **«РКИ и русский язык в школе: общие проблемы»** затрагивались актуальные проблемы теории и методики преподавания русского языка в иностранной аудитории и в российской школе:

— совершенствование психологических основ методики преподавания РКИ, новые подходы к преподаванию русского языка как иностранного (И. Б. Авдеева (Москва), Г. В. Артемьева (Москва), Е. В. Белая (Франция), О. П. Быкова (Москва), А. В. Величко (Москва), О. Н. Короткова, И. В. Одинцова (Москва)) и русского языка как родного в рамках школьного обучения (И. И. Бакланова (Москва), И. В. Усачева, Т. Н. Шайхиева (Испания));

— использование инновационных технологий (в том числе компьютерных) в учебном процессе (Л. А. Дунаева (Москва), Л. П. Клобукова (Москва), Р. В. Кривицкая (США));

— лингводидактические аспекты разработки нового поколения учебных пособий, учебных комплексов, создание многоаспектной лингводидактической среды с использованием сети Интернет (Е. Л. Бархударова (Москва), Л. П. Клобукова (Москва), Е. Ю. Николенко (Москва));

— профессионально ориентированное обучение РКИ (И. Б. Авдеева (Москва), Т. В. Козлова (Москва));

— проблемы контроля, включая проведение итогового контроля в российской школе в форме ЕГЭ (А. Зайнульдинов, Кастельви Жоан, Крусате Марк Руис-Соррилья (Испания));

— уточнение профессиограммы преподавателя русского языка, совершенствование учебных программ подготовки специалистов-русистов, включая сферу повышения квалификации с использованием компьютерных технологий, Интернет-ресурсов, достижений корпусной лингвистики (Е. А. Дрянгина (Саранск), Н. Г. Митина (Санкт-Петербург), Л. Шипелевич (Польша)).

На секции **«РКИ и русский язык в школе: специальные проблемы»** наиболее обсуждаемыми были проблемы учебного текста; культурный минимум для иностранных учащихся; содержание и структура программы по РКИ; проблемы аудирования научного текста. Были прочитаны доклады Т. В. Васильевой (Москва), В. М. Касьяновой (Москва), В. Ю. Копрова (Воронеж), Л. В. Красильниковой (Москва), О. Д. Митрофановой (Москва), Л. Н. Чумак, А. А. Романовской (Беларусь). Обсуждались также проблемы преподавания курса «Русский язык и культура речи» в неязыковых вузах; условия функционирования русского языка в странах СНГ и Балтии; когнитивный подход к проблемам лингводидактики; язык современной прессы, политические метафоры. Этим темам были посвящены доклады В. Т. Маркова (Москва), Л. А. Нестерской (Москва), Н. А. Нечунаевой (Эстония), Л. Л. Ружанской (Италия), М. Ю. Федосюка (Москва), В. Н. Юдиной (Беларусь).

Подводя итоги III Международного конгресса исследователей русского языка, М. Л. Ремнева отметила широту проблематики докладов и их высокий научный уровень, выразила уверенность в том, что интеграция научно-исследовательского, педагогического и социально-политического подходов не только позволит сохранить русскоязычное социокультурное пространство, но и обеспечит накопление новых знаний о русском языке, обеспечит поступательное развитие русской лингвистической науки.

Н. К. Онипенко

V Международная научная конференция «Фонетика сегодня»

Фонетической комиссией РАН и отделом фонетики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН была организована V Международная научная конференция «Фонетика сегодня»[1], которая проходила с 8 по 10 октября 2007 г. в пансионате «Звенигородский». Всего на пленарных и секционных заседаниях было прочитано более 70 докладов учеными из Беларуси, Великобритании, Казахстана, Марокко, Норвегии, Польши, России, США, Турции, Франции, Японии. В конференции приняли участие не только ведущие ученые, но и молодые специалисты.

Конференция была посвящена 100-летию со дня рождения выдающегося русского ученого С. С. Высотского. В своем вступительном слове председатель Оргкомитета конференции Р. Ф. Касаткина (Москва) вспоминала о том, каким был Сергей Сергеевич в жизни и в науке, пыталась осознать вклад С. С. Высотского в лингвистику, выделила те направления исследовательской работы ученого, которые нашли развитие в трудах коллег и последователей и определили развитие фонетической науки.

На двух **пленарных заседаниях** было заслушано 12 докладов.

Доклад Л. Э. Калнынь (Москва) был посвящен концепции изучения русской диалектной фонетики в трудах С. С. Высотского 60—70-х годов, в которых он предлагает новый для русской диалектологии того времени подход к определению особенностей фонетического строя отдельных диалектов.

В докладе Л. В. Златоустовой (Москва) была рассмотрена проблема «наступления» диалектной фонетики на орфоэпическую норму русской речи. В частности, были охарактеризованы некоторые результаты влияния диалектов на речь москвичей и петербуржцев.

М. Л. Каленчук (Москва) в своем докладе «О позиционном подходе к описанию произносительных явлений», опираясь на орфоэпические исследования последних лет (в первую очередь, на работы Л. Л. Касаткина), предложила заменить термины «фонетическая позиция» и «орфоэпическая позиция» общим термином «произносительная позиция», под которым следует понимать любые языковые условия, релевантные для реализации фонем. При этом автор отметила существование фактов, не поддающихся позиционному анализу. М. Л. Каленчук посчитала целесообразным разделить все произносительные закономерности не на фонетические и орфоэпические, а на позиционные и непозиционные.

С. Гжибовский (Польша) посвятил свое исследование спорным вопросам польской фонологии. Автор подверг сомнению точку зрения, согласно которой носовые гласные [ɛ̃], [ɔ̃] имеют отдельный фонематический статус, так как одинаковый характер реализации «исконных» носовых гласных и цепочек «гласный+носовой согласный» позволяет анализировать их одинаково, а их интерпретация как бифонемных сочетаний в обоих случаях оказывается наименее противоречивой. В поле исследования автора также оказался вопрос о реинтерпретации категории твердости-мягкости, связанной с изменениями, имевшими место в польском языке в XX в.

Н. В. Богданова (Санкт-Петербург) рассмотрела аллегровые формы русской речи как источник пополнения современного лексикона. В своем исследова-

[1] Конференция проводилась при поддержке РГНФ (проект 07-04-14041) и Министерства образования и науки РФ в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» (2006—2010 гг.) (госконтракт № 21).

нии автор, опираясь на данные «Краткого этимологического словаря русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской (М., 1971), обнаруживает целый массив слов, обязанных своим происхождением действию закона экономии речевых усилий. Исходя из этого, докладчик делает вывод, что сейчас, возможно, происходит процесс создания новых лексических единиц, которые в дальнейшем приобретут статус полноценных слов русского языка.

В докладе С. К. Пожарицкой (Москва) рассматривался вопрос о том, носит ли орфография русского языка фонематический или морфематический характер. С. К. Пожарицкая проанализировала некоторые орфографические правила и отметила преимущества морфологического принципа орфографии над фонематическим.

Заключительное **пленарное заседание** открыл доклад Р. Ф. Касаткиной (Москва), в котором отмечалось, что появление компрессированных форм слов характерно не только для разговорной, но и для кодифицированной речи. Согласно исследованиям, сфера появления таких форм слов — слабые фразовые позиции (степень компрессии при этом может варьироваться). Однако компрессированные формы, возникающие в слабых фразовых позициях, не являются стихийными, а подчиняются определенным произносительным правилам.

О. Ф. Кривнова (Москва) в докладе «Организация речевого дыхания при чтении текста» изложила результаты исследования фактора речевого дыхания в формировании интонационных фраз и пауз, проведенного в целях расширения эмпирической базы моделирования интонационно-паузальных процедур при порождении устного текста.

И. Фужерон (Франция) в своем сообщении рассмотрела вопрос об употреблении местоимений *сам* / *сама* и др. в свете того, какое значение они могут приобретать в зависимости от их положения в различных темо-рематических структурах.

Исследование Н. Д. Светозаровой (Санкт-Петербург) было посвящено сверхполному типу произнесения и его отражению в тексте художественного произведения. Автором были рассмотрены градации полного типа произнесения и его постепенный переход в сверхполный. В работе также отмечалось, что в постепенном переходе от полного типа произнесения к гиперполному в какой-то момент может измениться само теоретическое основание выделения полного типа — возможность однозначного определения нормативного состава фонем.

Доклад Е. А. Брызгуновой (Москва) был посвящен ритмической структуре поэтической и прозаической речи. Автором было отмечено отсутствие резкого перехода структуры поэтической речи к прозаической, так как между ними существуют «переходные зоны»: структуры, в которых в большей или меньшей степени содержатся элементы ритмизации (верлибр, стихотворения в прозе и др.). Также в докладе были рассмотрены структуры ритмизации прозаической речи.

В совместном докладе М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткиной, Л. Л. Касаткина (Москва) были представлены результаты работы над новым орфоэпическим словарем русского языка. В сообщении были изложены основные принципы включения того или иного слова в состав словаря, а также основные отличия данного словаря от других словарей.

На конференции работало 5 секций. На секции **«Орфоэпия»** было прочитано 15 докладов. В докладе Ж. В. Ганиева (Москва) были изложены взгляды С. С. Высотского на границы старомосковского произношения в связи с воздействием на него диалектов. И. А. Вещикова (Москва) в своем сообщении

«Устная публичная речь 30—70-х гг. XX в. и место в ней фактов разговорной фонетики» обратила внимание на проблему неоднозначности трактовки вопроса о границах, в пределах которых присутствие разговорных форм считается «вполне литературным». О. А. Прохватиловой (Волгоград) были исследованы сходства и различия между двумя типами произнесения православных молитвословий: каноническим (традиционным произношением церковнославянских сакральных текстов) и неканоническим (в большей степени подверженным влиянию фонетической системы современного русского литературного языка и сближающимся с декламационным фоностилем). С. Ф. Барышева (Москва) в докладе «Сценическая речь как подсистема литературного произношения» подробно описала произносительные особенности сценической речи. В докладе Ю. М. Ильинова (Волгоград) были представлены некоторые результаты экспериментально-фонетического изучения особенностей функционирования гласных фонем русского языка в вокальной речи в академической манере пения (на примере фонем /а/, /э/, /о/). Исследование В. А. Соколянской (Магадан) было посвящено проблемам выделения фонетической подсистемы заимствованных слов. Докладчиком были рассмотрены реализации специфических черт данной подсистемы на разных уровнях: фонемный состав, реализация / нереализация фонетических законов, специфические сочетания сегментных единиц, ударение. В. Н. Замыслова (Красноярск) в своем сообщении выявила особенности распространения ассимилятивной мягкости среди жителей Красноярского края. В докладе С. М. Кузьминой (Москва) «Взаимодействие нормы и узуса в русской фонетике постсоветского времени» на материале сопоставления устной информационно-публицистической речи «доперестроечного» периода (речь радио- и теледикторов) с наблюдениями над речью современных радио- и телеведущих рассматривались некоторые изменения в русской фонетике, спровоцированные новыми социальными условиями. В докладе Е. С. Скачедубовой (Москва) обсуждался вопрос о влиянии просодических позиций на сегментную организацию сложных и сложносокращенных слов в русском литературном языке. В исследовании А. Д. Андреевой (Москва) была предпринята попытка определения системы факторов, влияющих на произношение гласного в частице *не*. Доклад О. В. Антоновой (Москва) был посвящен описанию особенностей реализации в русском литературном языке инициальной фонемы /j/ в позиции перед [и] в формах местоимений *их*, *им*, *ими*. Е. Л. Арзиани (Москва) изложила результаты экспериментального исследования восприятия звуков на месте фонемы /j/ в позиции после гласного в конце слова. С. В. Зотова (Москва) в своем докладе описала систему факторов, оказывающих влияние на произношение вокализованных (*безо*, *ото*, *надо*) или невокализованных (*без*, *от*, *над*) вариантов первообразных предлогов. О. А. Кузнецовым (Москва) были перечислены и проанализированы варианты реализации вокалических сочетаний (зияний) в русской речи, а также определены условия, диктующие возможность той или иной их реализации. Д. А. Иванова (Москва) предприняла попытку определить статус аналитических прилагательных (по М. В. Панову) с фонетической точки зрения. Докладчиком было сделано предположение, что звуковое оформление аналитических прилагательных свидетельствует об их лексической самостоятельности.

На секции **«Сопоставительная фонетика»** прозвучало 6 докладов. В докладе Е. Л. Бархударовой (Москва) был произведен типологический анализ системы

русского консонантизма в свете работы над произношением в иноязычной аудитории. Исследование Г. Н. Шастиной (Санкт-Петербург) было посвящено выявлению универсальных и типологических признаков опознавания словоформы и установлению иерархии звуковых единиц, способствующих формированию целостного образа слова в перцептивном пространстве носителей языка. К. И. Долотин (Москва) в своем сообщении, опираясь на данные проведенных экспериментов, отметил, что квазисегментная структура речевого сигнала наряду с его просодической организацией является одним из средств передачи в нем экстралингвистической информации. Докладчиком был сделан вывод об однородности механизмов производства речи с коммуникативной установкой (просьба, приказ, требование), характерных для русской и китайской языковых систем. Е. А. Зобнина (Санкт-Петербург) подробно рассмотрела ошибки, допускаемые иностранными студентами при восприятии незнакомых слов русского языка. Также автором были предложены пути решения вопроса о том, на каких этапах обучения и с помощью каких методических приемов возможно постепенное решение проблемы восприятия иностранцами новых для них русских слов «со слуха». В докладе Т. М. Белковой (Чебоксары) было подробно описано явление фонетической и интонационной интерференции в условиях русско-чувашского билингвизма. Э. Б. Яковлева (Самара) изложила результаты контрастивного исследования специфики слухового восприятия звучащего многостороннего дискурса носителями разных культур.

На секции **«Фонология»** было прочитано 13 докладов. М. Б. Поповым (Санкт-Петербург) был исследован вопрос о сегментации речевого потока на фонемы с точки зрения Щербовской фонологической школы. В своем докладе Л. Л. Касаткин (Москва), опираясь на определения фонемы в МФШ и ПФШ, сделал вывод о том, что фонема — двусторонний языковой знак, включающий означающее и означаемое, внешнюю оболочку и содержание, значение. Означающее фонемы представлено рядом позиционно чередующихся звуков, означаемое — составом ее дифференциальных признаков. В исследовании «Вторичные *l*, *r* в иранских языках и их историческая интерпретация» Д. И. Эдельман (Москва) указала, что возникновение вторичных *l*, *r* из переднеязычных смычных — результат общности артикуляционных тенденций, а определение их фонологического статуса и интерпретация их значимости как показателей генетических, типологических или ареальных общностей языков могут быть сделаны в результате историко-лингвистического анализа языковой группы в целом. В докладе Д. Д. Беляева (Тула) были выделены этапы фонологического анализа, производимого слушающим. А. А. Соколянский (Магадан) в своем сообщении уточнил понятия «звук речи» и «звук языка», а также их соотношение. Ю. А. Клейнер (Санкт-Петербург) в докладе «О реальности границ и границах супплетивизма» отметил, что, фактически, замена «границ» (boundaries) «гранями» (edges) в ряде направлений современной лингвистики означает отказ от процедур выделения дискретных фонологических единиц и, как следствие этого, от самих единиц. В совместном докладе Е. М. Болычевой и Е. И. Литневской (Москва) был исследован вопрос о фонетически непозиционном чередовании. В частности, предлагалось говорить о фонетической стороне языковой картины мира, которая в силу своей первичности оказывает существенное влияние не только на наивные, но и на профессиональные лингвистические научные построения. Е. Ф. Киров (Москва), исходя из работ

И. А. Бодуэна де Куртенэ, Р. О. Якобсона и других лингвистов, подробно изложил основания квантовой фонологии. В докладе Н. Луриз (Марокко) были сделаны выводы о принципах адаптации французских заимствованных слов в марокканском арабском языке. И. Г. Добродомов (Москва) посвятил свое исследование определению истоков и выявлению следов праславянской гортанной смычки <ʔ>. Г. М. Богомазов (Москва) описал процесс эволюции роли слога в детской речи в области паралингвистической и лингвистической фонетики. В докладе Е. М. Болычевой (Москва) было отмечено сильное влияние буквы на языковую картину мира носителей языка, вследствие которого возникают частотные ошибки при транскрибировании слов с большой дистанцией между буквой и звуком. Т. Е. Лишманова (Москва) рассмотрела термины «фонетика» и «фонология» с целью установления соотношений между ними в основных отечественных фонологических школах.

На секции **«Сегментная фонетика»** прозвучало 6 докладов. Доклад И. М. Логиновой (Москва) был посвящен исследованию сегментных и межсегментных укладов в русской артикуляционной базе. Также докладчиком была отмечена прикладная значимость дифференциации артикуляционных укладов в системе артикуляционной базы языка. М. А. Штудинер (Москва) описал два типа долгих аффрикат в русском языке, а также позиции, в которых закономерно их появление. В совместном докладе С. В. Кодзасова и Е. В. Щигель (Москва) были представлены результаты исследования акустической динамики взрывных, фрикативных и сонорных согласных в русском языке. Материалом для анализа послужили тексты диалогов из лингафонных курсов русского языка, записанные в студийных условиях в исполнении профессиональных дикторов. Выступление П. Скайера и С. Анийа (Япония) было посвящено анализу ослабленных позиционных вариантов альвеолярных согласных, при произнесении которых язык быстро проскальзывает по альвеолам; в работе была предпринята попытка теоретической интерпретации этого явления с точки зрения генеративной фонологии. Предметом рассмотрения К. Ульбрих (Великобритания) стали тональные акценты в английском и немецком языках. В докладе А. В. Циммерлинга (Москва) «Реконструкция словесного ударения в раннегерманских языках и проблема тайминга» был сделан вывод о том, что раннегерманские языки сохраняли разноместное ударение в начале I тыс. н. э. и что закон Хольцмана и закон Вернера отражают один и тот же фонетический процесс — мутацию согласных в инициали неначального ударного слога в условиях т. н. раннего тайминга, когда движение тона начинается перед ударным гласным.

На секции **«Просодия»** было прочитано 19 докладов. В сообщении Е. В. Ягуновой (Санкт-Петербург) «Просодическая структура и восприятие текстов разных функциональных стилей» были выявлены особенности просодической структуры синтагм текстов и роль просодической структуры в процедурах распознавания. М. Пост (Норвегия) обратилась к проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре. В докладе С. А. Крылова (Москва) «Фонетическое слово в аспекте семиотики» был сделан вывод о том, что фонетическое слово необходимо считать двусторонней (знаковой) единицей, обладающей относительной цельностью не только в фонетическом, но и в содержательном аспекте. Е. Л. Фрейдина (Москва) посвятила свое выступление изучению просодической организации современной британской академической публичной речи. В результате исследования было выявлено, что одним из источников просоди-

ческого варьирования в звучащем монологе является индивидуальный стиль оратора. Доклад О. А. Первезенцевой (Москва) был посвящен исследованию просодической интерференции и интонационного акцента в процессе продуцирования и восприятия речи. В сообщении И. И. Исаева (Москва) были охарактеризованы особенности артикуляционной базы некоторых среднерусских говоров. Е. В. Кузнецова (Москва) сделала попытку сравнения побочного ударения в русском, английском и немецком языках с целью более глубокого анализа сущности и функционирования побочного ударения в русском языке. В исследовании Е. М. Алтайской (Москва) были выявлены закономерности акцентирования сочетаний предлогов с существительными в современном русском литературном языке. В докладе М. Р. Ильиной (Москва) были описаны результаты эксперимента, в ходе которого было выявлено влияние семантики на место ударения в кратких прилагательных. Г. М. Вишневская (Иваново) обратилась к проблеме акцентуационной вариативности в английских многосложных словах. Р. Д. Пичугова (Москва) посвятила свой доклад изложению результатов экспериментального исследования явления межслоговой ассимиляции гласных в современном русском литературном языке, в ходе которого была выявлена система условий, способных влиять на наличие / отсутствие уподобления. В докладе С. Оде (Нидерланды) была представлена новая система транскрипции русской интонации ToRI (‘Transcription of Russian Intonation’). При описании построения ToРИ докладчиком было отмечено, что данную систему можно использовать как учебный инструмент для лингвистов и студентов на продвинутом этапе и как исследовательский инструмент (например, для описания интонации в русских диалектах во время лингвистических экспедиций). Х. И. Уста (Турция) в своем исследовании сделал попытку выявить условия и позиции, под влиянием которых происходит выпадение согласных в турецком языке. В сообщении Т. М. Надеиной (Москва) «Просодические средства как факторы речевого воздействия» были изложены результаты экспериментального исследования влияния просодической организации текста на его коннотативное значение. А. Б. Лукашенец (Беларусь) предприняла попытку охарактеризовать семантический потенциал просодических средств, активно участвующих в выражении модальности в устной речи. Исследованию основных интонационных контуров спонтанной диалогической / монологической казахской речи с использованием экспериментально-фонетического метода был посвящен доклад Д. А. Карагойшиевой (Казахстан). В совместном докладе Л. М. Захарова и О. А. Казакевич (Москва) были представлены предварительные результаты инструментального анализа фразовой интонации аудиозаписей кетской, селькупской и эвенкийской речи. Исследование базировалось на материале аудиозаписей монологической и диалогической речи на говорах селькупского, кетского и эвенкийского языков (бассейн Среднего и Верхнего Таза и Среднего Енисея), сделанных в 2000—2006 гг. Т. Е. Янко и А. В. Циммерлинг (Москва), используя в качестве отправной точки систему коммуникативных значений, выделенную на материале русского языка, отметили, что копенгагенский датский имеет тональные средства для выражения темы, ремы и композиций темы, ремы и компонентов вопроса с контрастом и эмфазой, а также разных типов незавершенности дискурса.

По мнению участников, конференция прошла очень плодотворно. По итогам ее работы был издан сборник материалов.

М. С. Крайнова

Хроника международной конференции «Стереотипы в языке, коммуникации и культуре» (23—24 октября 2007 г., Москва, РГГУ)

23—24 октября в Институте лингвистики РГГУ проходила традиционная V международная лингвистическая конференция «Стереотипы в языке, коммуникации и культуре». В ней приняли участие более 50 ученых, как специалистов в разных областях лингвистики (когнитивной лингвистики, этнолингвистики, социолингвистики, психолингвистики), так и литературоведов, психологов, антропологов, историков. Помимо докладчиков из Москвы, на конференции присутствовали гости из Австрии, Болгарии, Польши, Украины, Швейцарии, из Волгограда и Екатеринбурга. Такой состав участников позволил многосторонне осветить проблемы, связанные с формированием и функционированием в языке стереотипов — этнонациональных, культурных, коммуникативных, поведенческих.

Программа конференции была чрезвычайно насыщенной: работали три секции, посвященные этнокультурным и языковым стереотипам, коммуникативным стереотипам и языковой норме, социально-идеологическим стереотипам в языке.

На **пленарном заседании** были заслушаны доклады С. А. Ромашко «Как стереотип стал стереотипом: культурно-семантическая археология слова и понятия», Е. Бартминьского (Люблин) «Базовые стереотипы и их профилирование в польском языке», Е. Л. Березович (Екатеринбург) «Этнические стереотипы в различных культурных кодах», Р. Ратмайр (Вена) «Речевые клише или стереотипы «новой русской вежливости». Их употребление и оценка», О. В. Сахаровой (Киев) «Страны мира сквозь призму языкового сознания украинцев (по материалам свободного психолингвистического эксперимента)». Доклады вызвали бурную дискуссию и задали основные направления работы секций.

В первый день работали две секции: **«Этнические и культурные стереотипы»** и **«Языковые и коммуникативные стереотипы»**. Выступления в первой секции были посвящены в основном стереотипам в славянской культуре. С докладом «Судьба формулы в документе и литературе: от духовной грамоты к поэтическому завещанию» выступил Ф. Б. Успенский (Москва), о понятии «нрав народа» в отечественной историографии рассказала М. В. Лескинен, приветствиям в ритуальном этикете славян был посвящен доклад И. А. Седаковой (Москва), об эволюции образа украинца в русском языковом сознании рассказала Е. Е. Левкиевская (Москва), образы русских в зеркале польских СМИ осветила Е. Бялэк (Люблин), богатый литературный материал о стереотипном образе русского в языке польской лагерной прозы представила в своем докладе В. Я. Тихомирова (Москва). Сопоставлению культурных концептов в их фразеологическом преломлении были посвящены доклады И. Держанского (София) «Мечка и Медведь, болгарский и русский стереотипы» и Л. Л. Федоровой (Москва) «Языковые стереотипы поведения дурака в народной культуре (на материале текста Рабле и его перевода)». Тематика языковых концептов в народной картине мира была продолжена в работе секции на следующий день: прозвучали доклады Е. В. Урысон (Москва) о концептах ДУША, ДУХ, А. Д. Кошелева (Москва) о концептах ДОМ, ЖИЛИЩЕ, К. А. Гиляровой (Москва) о языковых метафорах СЕМЬИ, Ю. В. Филиппова (Москва) о стереотипных выражениях чувств в текстах попу-

лярных песен. Размышлениями о размытой семантике фразеологизма «щелкнуть клювом» поделился М. Ю. Михеев (Москва) в своем докладе, вызвавшем оживленную дискуссию. Глубоким охватом материала — сопоставлением индейских культур майя, европейской традиции, христианской традиции — в концепте КРОВЬ и в речевых формулах клятвы был отмечен интереснейший доклад Г. Г. Ершовой (Москва).

Славянские мотивы были продолжены в глубоких и содержательных докладах Н. Н. Запольской (Москва) «Словесные формулы конфессиональной культуры», Т. Н. Молошной (Москва) «Стереотипные формулы проклятий с глагольными формами косвенных наклонений», Е. Вельмезовой (Лозанна) «Цветонаименования в чешских заговорах и народный молитвах: стереотипы и мифологемы», в вызвавшем живой интерес докладе А. А. Гиппиуса (Москва) «Наблюдения над этикетными формулами берестяных грамот». Но появились и новые этнические образы: русско-немецким параллелям в ономастических стереотипах был посвящен доклад Н. В. Васильевой (Москва), испанским этническим стереотипам — доклад О. С. Чесноковой (Москва).

Заседания второй секции также продолжались два дня. В основном они опирались на материал современного русского языка. В первый день прозвучали доклады, посвященные современным языковым стереотипам: Н. Г. Брагиной (Москва) «Мифология стереотипа и обыденное знание», М. А. Кронгауза (Москва) «Стереотипы нового времени», Анны А. Зализняк (Москва) и И. Микаэлян (Пенсильвания) «Стереотип отдыха в европейской лингвистической перспективе», Т. М. Николаевой (Москва) «Бедность лексикона или индивидуальные клише?», Е. П. Буториной (Москва) «Стереотипы в описании черт характера при деловом общении». Были зачитаны также доклады психолингвистической направленности: О. Ю. Мартемьяновой (Москва) «Поведенческие стереотипы в сюжете рефлексивной игры», Е. Ю. Щербаковой (Москва) «Стереотипы поведения и их отражение в тексте (на материале русских сказок и пословиц)», которые вызвали открытую дискуссию.

Центральной темой следующего дня на второй секции стала языковая норма и коммуникативные стереотипы. Об орфографической реформе и связанных с ней проблемах рассказал В. И. Беликов (Москва). Н. Н. Розанова и М. В. Китайгородская (Москва) представили интересный доклад о городской коммуникации в стереотипных ситуациях. Разговорной речи было также посвящено выступление Т. Е. Янко (Москва) «Стереотипы звучащей речи: интонация обращений». А. В. Десятова (Москва) прочла доклад «Языковая норма и стереотипные формулы в поэзии Введенского», И. А. Шаронов (Москва) остановился на теме «Стереотипные ответные реплики диалога». С. И. Переверзева зачитала совместный с Г. Е. Крейдлиным (Москва) доклад «Стереотипная ориентация частей тела в русских позах и жестах». С. С. Тахтарова (Волжский) отметила изменение коммуникативных стереотипов в немецкой лингвокультуре. На материале норвежского языка построили свои выступления А. А. Солдатов и Д. Н. Солдатова (Москва).

Третья секция — **«Социально-идеологические стереотипы через призму языка»** — включала всего несколько докладов, которые все вызвали большой интерес собравшихся: Е. Н. Басовская (Москва) выступила на тему «Фразеология Победы: история одной идеологемы (по материалам «Литературной газеты» 1945—2005 гг.)», А. Н. Баранов (Москва) зачитал совместный с О. Д. Добровольским доклад «Метафора и стереотип (на материале метафорических

осмыслений России и ГДР в СМИ)», А. Р. Аюпова (Москва) рассказала о концепции времени в арабо-мусульманском дискурсе, Н. Н. Воропаев (Москва) посвятил свое выступление идеологической функции прецедентных имен в китайском дискурсе.

На завершающем **пленарном заседании** были заслушаны доклады, вызвавшие оживленный интерес слушателей: Т. Г. Ренц (Волгоград) представила совместный с В. И. Шаховским доклад о стереотипах вербального поведения влюбленных в русском и американском этнических сообществах, Э. Хофман (Вена) выступил с темой «Авто- и гетеростереотипы в рекламе продуктов питания в России».

В целом конференция прошла успешно и дала импульс к творческому обмену мнениями, способствовала укреплению научных контактов. Следующая конференция, которая пройдет в Институте лингвистики в октябре 2008 г., будет посвящена теме: «Конфликт в языке и коммуникации».

Л. Л. Федорова

Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В В. Виноградова РАН 2007 года

В 2007 г. отделом диалектологии и лингвогеографии ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН было организовано 8 экспедиций в различные регионы России и за ее пределы*. Экспедиции работали в Архангельской, Белгородской, Владимирской, Липецкой, Московской, Тамбовской областях, а также в русских старообрядческих поселениях Эстонии и Боливии. Были сделаны аудиозаписи диалектной речи продолжительностью более 250 часов.

Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина и профессор Рурского университета в г. Бохум (Германия) К. Заппок 10—15 июня 2007 г. провели экспедицию в четыре села Пышлицкой администрации **Шатурского района Московской области** и записали 20 часов диалектной речи. Одно из этих сел, Лека, было обследовано в 1912 и 1913 гг. академиком А. А. Шахматовым и в 1945 г. экспедиционной группой Института русского языка АН СССР под руководством С. С. Высотского. Опубликованы и подробные описания говора с. Леки, сделанные А. А. Шахматовым и С. С. Высотским. В 1994 г. Лека была обследована Л. Л. Касаткиным, Р. Ф. Касаткиной и К. Заппоком, которые отметили в говоре старшего поколения те же диалектные черты и обнаружили новую особенность — возможность произношения дифтонга [у͡о] на месте /у/ с первой слоговой и второй неслоговой его фазами. Во время экспедиции 2007 г. были отмечены эти же особенности в языке самых старых жителей сел Пышлицкой администрации и почти полное отсутствие диалектных черт в языке младшего поколения, представители которого приезжают в эти села только на отдых летом, а все остальное время живут в разных городах и районных центрах. С уходом старшего поколения местный говор будет окончательно утерян в живой речи и сохранится только в магнитофонных записях, сделанных диалектологами.

В июле экспедиция в составе О. Г. Ровновой, И. И. Исаева и Д. М. Са-

* Экспедиции были поддержаны грантом РГНФ № 07-04-18021е.

винова в течение 10 дней работала **в селе Роговатом Старооскольского района Белгородской области** и записала 32 часа диалектной речи. Эта территория была выбрана для обследования не случайно. По данным «Диалектологического атласа русского языка», в говоре с. Роговатое распространены многие архаические диалектные особенности. Кроме того, еще в середине XIX века П. Малыхин обратил внимание на уникальные народные традиции, бытующие здесь (Свадебные обряды у крестьян села Роговатого, Нижнедевицкого уезда // Воронежские губернские ведомости, 1857). В ходе экспедиции было установлено, что и сегодня в Роговатом сохраняются специфические этнографические черты. Например, многие жители села до сих пор имеют полные комплекты традиционной женской одежды, в частности *понёвы* — обязательную принадлежность костюма замужней женщины. Понёвы в Роговатом различаются по возрасту носивших их женщин, а также по своему назначению (праздничные и повседневные). Всего в Роговатом существовало 17 разновидностей понёв: *посигу́шка*, *ду́рочка*, *по полотну́*, *краснополо́ска*, *голоклётка* и др. Такое сохранение традиционной одежды обусловлено тем, что мужчины села не уходили на отхожие промыслы в города, а обычно нанимались пастухами на Кавказ и приносили оттуда много шерсти, полученной за работу.

Было обнаружено, что в фонетической системе говора сохраняются архаические диалектные черты. Так, под ударением различаются семь гласных фонем: особые фонемы /ω/ и /ѣ/ реализуются в говоре дифтонгами [у͡о] и [и͡е] или монофтонгами [ǫ], [ę], фонемы /о/ и /е/ — звуками [о͡у] и [е͡и] или монофтонгами [ǫ], [е]: *н*[у͡о]*жки*, *год*[ǫ́]*в*, *престар*[и͡е]*лый*, *вс*[ę́]; *г*[о́у͡]*дам*, *дурн*[ǫ́]*й*, *кан*[е́и͡]*чно*, *от*[е́]*ц*. В первом предударном слоге после твердых согласных наблюдается архаическое диссимилятивное аканье: звук [а] произносится перед ударными /у/, /и/, /ω/, /ѣ/; [ə] — перед ударными /е/, /о/, /а/: *г*[а]*д*[у́], *к*[а]*с*[и́]*ли*, *к*[а]*с*[ы́]*м*, *р*[а]*б*[у́о͡]*та*, *в М*[а]*скв*[и́е͡]; *т*[ə]*б*[е́], *хр*[ə]*м*[ǫ́]*й*, *т*[ə]*ск*[а́]. После мягких согласных [а] произносится перед ударными /у/, /и/, /ω/, /ѣ/; [е] — перед ударными /е/, /о/, /а/: *н*[’а]*с*[у́], *гл*[’а]*д*[и́]*т’*, *кузн*[’а]*ц*[ы́], *бр*[’а]*вн*[ǫ́], *н*[’а]*в*[и́е͡]*ста*; *у т*[е]*б*[е́], *л*[е]*с*[ǫ́]*к*, *д*[е]*л*[а́].

Система согласных роговатовского говора имеет ряд особенностей. Во-первых, в говоре обнаружена более задняя артикуляция переднеязычных согласных, обусловленная апикальной артикуляцией. Во-вторых, противопоставление согласных по твердости–мягкости не сформировано. Немягкие согласные могут встречаться перед различными передними гласными. Гласный после такого согласного часто дифтонгичен с достаточно продолжительной *и*-образной начальной фазой: [пи͡а́т], [ни͡о́с], [ни͡у́ша]. Перед [е́] *и*-образное начало встречается только в том случае, когда *е* восходит к ѣ: [ни^{а}в’и͡е́ст].

10–17 июля 2007 года состоялась экспедиция Н. Л. Голубевой, Н. К. Онипенко и О. С. Онипенко **в Кирсановский** и **Гавриловский районы Тамбовской области**. Было сделано более 40 часов аудиозаписей из деревень Ира, Калоис, Чутановка (Кирсановский район) и Глуховка, Бессоновка, Пересыпкино 1-е, Гавриловка 2-я (Гавриловский район). Участникам экспедиции удалось записать речь старшего поколения носителей говоров в возрасте от 80 до 101 года. В их речи сохранились те наиболее яркие и типичные для данного региона диалектные черты, которые были зафиксированы в материалах «Диалектологического атласа русского языка» в середине XX века. При этом в речи младших поколений наблюдается резкая утрата этих диалектных особен-

ностей и переход на литературную речь почти без диалектного акцента, во всяком случае, в фонетике. Это связано с тем, что многие потомки диалектоносителей имеют тесные связи с крупными городами, в том числе с Тамбовом и Москвой. Интересно, однако, что в речи горожан — выходцев из других говоров (например, юго-западного) фонетические диалектные особенности сохраняются в большей степени. Вероятно, причиной такого различия является близость фонетики юго-восточных говоров к фонетике русского литературного языка.

Наиболее яркой особенностью фонетики обследованных говоров является так называемая редукция безударных гласных до нуля. Чаще она происходит в определенной фразовой позиции — открытом конечном заударном слоге, находящемся в конце фразы: *Она замуж* ***вы́шъл***//; *У ней заботъ никакой*/ ***не́ бал***// ‘не было’. Менее частотна редукция до нуля во 2-м предударном слоге: *прасёнка* ‘поросёнка’, *за свет* ***плави́н*** *бяруть* ‘половину берут’. С сильной редукцией гласных связаны некоторые другие специфические явления обследованных говоров: утрата согласными звонкости (*как*[шш] ‘как же’, *то*[шш] ‘тоже’, *н’и в’и*[т’]*ш* ‘не видишь’) и мягкости (*ч’и*[р]*с кавой-т* ‘через кого-то’); возникновение групп согласных и развитие пазвука, воспринимаемые на слух как «перестановка» гласных (*по́*[сьл’] *вайны* ‘после’, *сту́*[кън’т’] ‘стукнет’; возникает такое явления в консонантном окружении редуцированного гласного, как слоговость, проявляющаяся как большая длительность согласного.

В говоре широко развита качественная и количественная редукция безударных *и*, *у*: ***не́ бал*** *нисколько* ‘не было нисколько’, ***по́чт*** *насил* ‘почту носила’, *и дом* ***не́кам*** ‘и дома некому’. Отмечаются также сильная редукция начального гласного 1-го неприкрытого слога: *ну на ушла* ‘ну она ушла’, *я ставлю себе* ‘я оставлю себе’; вставные гласные большой длительности: [съл]*амалъ сабе рукъ* ‘сломала себе руку’, чередование ударных *о* и *а* не только в широком круге глагольных словоформ, но и в существительных: *вал* ‘вол’.

Морфология говоров характеризуется следующими чертами: флексия *-а* в И. п. мн. ч. в более широком списке словоформ по сравнению с литературным языком и другими говорами: *в поле жара*, ***пара́*** (‘пары’); флексия *-ов* в Р. п. мн. ч. на месте нулевой в литературном языке (*яблоков*; *ни братьев, ни сёстров*); форма Т. п. *но́чуй* (‘ночью’); форма *свекры́* вместо *свекровь* и др. На месте отрицательного слова *нет* в реплике-реакции употребляется слово *нету*: *Он вернется? — Нету*, что наблюдается и в речи жителей райцентров. Частицы в говорах менее разнообразны, употребительность их существенно ниже по сравнению с севернорусскими говорами.

С 30 июля по 8 августа проходила экспедиция И. И. Исаева и О. Е. Кармаковой **в Задонский район Липецкой области**. Опорные населенные пункты — д. Уткино и с. Калабино Задонского района прежде Орловской, а сейчас Липецкой области — были выбраны исходя из материалов, собранных для «Диалектологического атласа русского языка». В этих говорах по записям 1951 г. отмечалось два типа *о*, диссимилятивное аканье жиздринского типа, диссимилятивное яканье, сосуществующее с ассимилятивно-диссимилятивным (задонский тип с новоселковским). Диалектологам было интересно узнать, какие изменения произошли в местном языке за прошедшие 55 лет.

По диалектному членению К. Ф. Захаровой — В. Г. Орловой обследованные населенные пункты находятся на стыке Елецких говоров, входящих в

межзональные говоры типа «Б» южного наречия, и Рязанской группы того же наречия. И естественно, они имеют комплекс «общеюжных черт», а также определенные языковые черты, свойственные каждой из названных единиц членения. Следует заметить, что, хотя названные деревни сохранились, местных уроженцев в них немного, поэтому записи производились и в других деревнях. Всего записано 24 часа звучащей речи от информантов старшего возраста — от 66 до 95 лет. В материале отражено довольно много быличек, святочных гаданий, паремиологического материала.

Из отмеченных фонетических особенностей важно сказать о характере вокализма первого предударного слога после твердых согласных. Диссимилятивное аканье (сейчас уже непоследовательное, но изначально — архаическое) в этих населенных пунктах имеет две различные репрезентации: 1) противопоставление гласных типа [ạ] (широкое [а]) и [ə] в соответствующих позициях, 2) противопоставление широкого [ạ] — [а]. Лексикализация /ѣ/ отмечена в слове *дúверь.*

Редукция гласного до нуля обычно отмечается в префиксе *пере-*: *первязáл*, *перверну́лась*, *пернеслá*, *первази́ли*, хотя изредка встречается и в корнях: *гъ*[лд]*авáла* (*голодовáла* ‘голодала’), *на у́*[л’ц]*е* (‘на улице’). В соответствии с долгими мягкими шипящими литературного языка употребляются долгие твердые шипящие: *дро́жжы*, *гу́шшу*, *объе́шшык*. Широко распространено ассимилятивное прогрессивное смягчение *к* в положении после парных мягких согласных и *j*, причем и после *ч*: *Вáн’к’у*, *Áн’к’а*, *Сáн’к’а*, *скóл’к’а*, *балалáйк’у*, *тóл’к’и*, *пешач’к’óм*, *телóч’к’а*, *дéвоч’к’а*, *бóч’к’у*, *быч’к’á*, *ни́точ’к’у*, *спи́ч’к’у*, *пéч’к’у*, *за води́ч’к’ею.* На месте твердого *в* перед согласными в начале слова произносится [*у*]: *усё*, *унýк*, *уручнýю.* Распространено употребление [х], [хв] на месте [ф]: *кó*[х]*точки*, [хв]*áртучек*, [хв]*отографи́руют*, *А*[хв]*óня*, *кон*[хв]*é-ты*, *теле*[хв]*óн*, *акá*[хв]*ист.*

Из морфологических признаков следует назвать непоследовательное отсутствие *т’* в глаголах 3 л. ед. ч. обоих спряжений: *он ид’ó*, *хто* ***знáе***, ***нарéже*** *кусочкими*, *он с Уляхой* ***молóтя*** (‘с Ульяной молотит’), *нóся хлеб*, *хто кóся, хто вя́жа.* В речи некоторых информантов встречаются двусложные окончания у существительных в Т. п. ед. ч.: *весною*, *за водичк’ею*, *шубою.* В П. п. односложных существительных 3 склонения с исконно подвижным ударением единично отмечены формы *в грязé*, *в печé*, которые сосуществуют с формами *в грязи́*, *в печи́*. Существительные ср. р. в И. и В. п. сочетаются с прилагательными ж. р. и глаголами прошедшего времени ж. р.: *большая село*, *новая платья*, *дерева такая*, *вымя пустая*, *в большую корыту*, *у чужую село*, *на эту полю*, *соложёную тесту*, *страмная была пальто*, *лицо белая была*. Глаголы II спряжения в форме 3 л. мн. ч. имеют окончания, совпадающие с окончаниями глаголов I спряжения: *ходют*, *носют*, *кормют*, *служуть, любют*, *расчистют*; распространены формы глагола *идти*: *ит’т’ит’*, *ид’ит’*. Отмечены формы мн. ч. существительных м. р. с ударным окончанием *-а*: *обручá*, *логá*, *дымá*, *глазá*, *выходá* (‘погреба’), *скотникá* (‘скотники’), *праздникá*, сосуществование форм *лу́ги* и *лугá.* Отмечается окончание *-у* в П. п. существительных м. р. (одушевленных и неодушевленных): *при попу́*, *на быку́*, *на ветерку́*, *на голышу́* (‘на валуне’), *на косику́* (‘на углу’), *на рямнó*, *на судý*, *на станку́*, *в платку́*, *в мяшку́*, *у бурьяну́*, *у куреню́*, *ф сундуку́*. В Т. п. мн. ч. существительных ж. р. единично зафиксировано окончание *-ими*: *лопáткими*, *ни́ткими*, *кусóчкими.* Отмечено указательное местоимение *энтот*: *в энтом мес-*

те, *энтих учительниц*, *энтим сказали*. Глагольный постфикс *-си* сосуществует с *-ся*: *боúсси*, *распáлси*, *жанúлси*, *учúлси*, *умóйси*, *пришлóся*, *учúлся*. В говоре зафиксирована следующая диалектная лексика: *хата* ‘маленький дом’, *дом* ‘большой дом’, *середá* ‘место перед печью, кухня’, *потолóк* ‘чердак’, *двор* ‘отдельно расположенная постройка для скота’, *закýты* ‘загородки для скота’, *гумнó* ‘огород’, *ляшы́нник* ‘забор’; *цеп* ‘орудие для ручной молотьбы’, *тепúнка* ‘бьющая части цепа’, *держáлень* ‘ручка цепа’, *гуж, ремешок* ‘ременная связь, соединяющая деревянные части цепа’; *дежá* ‘деревянная посуда для растворения ржаного теста’; *храстéц* ‘малая укладка снопов’ (12 снопов и 13-ый сверху), *копнá* ‘большая укладка снопов’ (включает 52 снопа, состоит из 4 храстцов), *скирд* и *шкирд* ‘очень большая укладка снопов’; *дóже* ‘очень’, *рогáч* ‘ухват’, *чапéльна*, *чáпля* ‘сковородник’.

В июле состоялась экспедиция Е. В. Колесниковой **в с. Ухта Каргопольского района Архангельской области** (18 дней). В ней принимала участие группа студентов МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством научного сотрудника кафедры русского языка филологического факультета МГУ О. Н. Николаевой. Экспедиция работала преимущественно в Ухте, студенты выезжали также в с. Кречетово. Записано 32 часа звучания диалектной речи, а также сделано 5 часов видеозаписи, в которой отражены различные виды крестьянских работ.

Участниками экспедиции было установлено, что говор с. Ухта практически разрушен, найти среди жителей села носителей архаической разновидности говора было очень трудно. Большая часть аудиозаписей сделана от Александры Федоровны Крысановой, 1923 года рождения, малограмотной и практически не выезжавшей из села. В ее речи отмечены следующие диалектные особенности.

В фонетике. В области гласных: пятифонемный вокализм; последовательная реализация *е* (из ѣ) в звуке [и] между мягкими согласными: *в л’úс’е*, *по-с’úйош*, *с’úм’о* ‘семя’, *од’úт’*, *кл’úт’*, *пройúл’и*, *ф хл’úб’е*; фонема /а/ между мягкими реализуется в [е]: *оп’ét’*, *пл’им’éн’н’ик*, *с’éд’от*, *м’éл’и*, *опр’éс’* ‘опрясть’; заударное ёканье: *плáц’от*, *здоро́в’йиц’о*, *го́р’о б’éднойо*, *бол’шы́йо*, *парализýйот*; перед слогом с огубленным гласным на месте *о* произносится *у*: *бурон’úл’и*, *куро́ва*, *путóм*, *буроно́й*. В области согласных: наблюдается неразличение аффрикат, мягкое цоканье: *обýтоц’ка*, *молоц’ká*, *нац’úс’т’ит’*, *швец’á*, *вороц’úс’*; /л/ в сильной позиции реализуется в качестве [w]: *бы́wo*, *wóшат’ помогáwa*, в слабой позиции — в [ў]: *служы́ў*, *быў*, *не бываў*, *коўхос*; произношение неоднородных сочетаний [шч’] со смычным элементом: *хл’óшч’от*, *шч’úпл’у*, *хлы́шч’еш*, а также долгих твердых [ж:] и [ш:]: *пóжжэ*, *дожжы́т*, *шшýка*, *т’óшша* в соответствии с литературными [ж:] и [ш’:]; на месте сочетаний [хв] произносится [ф]: *фáт’ит*, *зафáт’имс’а*, *фос* ‘хвост’; утрата взрывного элемента в сочетаниях [ст], [с’т’]: *прéл’ес’*, *стáрос’*, *пóдлос’*, *пр’éс’*.

В области грамматики зафиксирован падежный синкретизм в окончаниях Р., Д., П. п. существительных 1 склонения, а также совпадение форм Д. и Т. п. мн. ч. существительных и местоимений: *бурон’úл’и буронáм*, *појéхал’и с нам*; склонение существительных 3 склонения по типу 2-го: *на п’ец’é*, *не м’ел’é*, *к нóц’е*; окончание *-има* (*-ыма*) в форме Т. п. мн. ч. прилагательных, местоимений и числительных: *бол’шы́ма, худы́ма, кóваныма*; функционирование существительных на *-је (-јо)* с собирательным значением *волóс’йа*, *жэрд’йó*, *кýс’йо*, *зýб’йо*; наличие стяженных и нестяженных форм прилагательных; наличие *j-* в основе местоимений 3-го лица: *јон, јона*, во мн. ч. данных место-

имений отмечено окончание *-е*: *он'е́*; употребление глагольного постфикса *-се*: *доста́лос'е*, *оста́лос'е.* Сбор лексического материала проводился при помощи специальных вопросников, с целью уточнения значений отдельных слов для составителей «Архангельского областного словаря».

В октябре 2007 года руководимая И. И. Исаевым группа в составе аспирантов ИРЯ РАН Е. В. Калугиной, А. Л. Ершова и студентки МГУ им. М. В. Ломоносова Н. А. Сницаренко провела 15-дневную экспедицию **в Гусь-Хрустальный район Владимирской области** и обследовала ряд деревень бывшей Палищенской волости Касимовского уезда Рязанской губернии (приозерная Мещера). Сделаны аудиозаписи диалектной речи продолжительностью 20 часов.

Палищенский говор является архаичным в отношении фонетики. Система согласных этого говора устроена не так, как система согласных литературного языка. Корреляция по глухости-звонкости устроена так же, а корреляция по твердости-мягкости — несколько иначе. Активная артикулирующая часть языка при противопоставлении переднеязычных — кончик языка, пассивный орган — альвеолы или постальвеолярная часть. Эти согласные не являются, по-видимому, веляризованными. Твердые и мягкие слоги противопоставляются следующим передним / непередним гласным. Такой «мягкий» согласный в позиции конца слова воспринимается как «твердый». После «мягких» губных и заднеязычных встречаются непередние гласные.

Гласные также отличны от гласных литературного языка. Инвентарь единиц следующий: верхний подъем ([и, у], отодвинутые назад [и^{а}, ы^{а}]), средне-верхний подъем (дифтонги [у͡о, и͡е] и их функциональные варианты — узкие монофтонги [o̝, e̝]), средне-нижний подъем ([о͡у, е͡и] и [o̞, e̞]) и нижний подъем ([а, и͡а]).

В июле-августе О. Г. Ровнова продолжила обследование **говоров русских старообрядцев Эстонии**, которое начиная с 2003 г. ведется в сотрудничестве с кафедрой русского языка Тартуского университета (Эстония). Были сделаны аудиозаписи диалектной речи продолжительностью 47 часов. Основное внимание было сосредоточено на сборе лексического материала для составления будущего «Словаря говоров старообрядцев Эстонии», работу над которым планируется вести совместными усилиями диалектологов ИРЯ РАН и Тартуского университета.

Экспедиционный сезон завершила экспедиция О. Г. Ровновой **к старообрядцам Южной Америки**. В 2006 г. она обследовала старообрядческие поселения Аргентины, Уругвая и Чили, в нынешнем — в течение месяца работала **в Боливии**, в старообрядческих поселениях провинции Санта-Крус, и сделала записи речи староверов продолжительностью 38 часов. Среди информантов есть люди всех поколений. Экспедиция показала, что староверы разных южноамериканских стран представляют собой сообщество, единое в конфессиональном и диалектном отношении, объединенное к тому же давними и многочисленными родственными связями. Владея разговорным испанским языком, староверы чрезвычайно бережно относятся к родному языку; в их речи в полной мере сохранены все диалектные особенности среднерусского говора, сформировавшегося на севернорусской основе, богато представлена диалектная лексика.

О. Г. Ровнова

РЕЦЕНЗИИ

ПАМЯТНИК ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМУ ФИЛОЛОГУ ИЛИ ВВЕДЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ? (О втором издании «Энциклопедического словаря юного филолога / лингвиста»)

Энциклопедический словарь юного лингвиста /
Сост. М. В. Панов. 2-е изд., перераб. и доп. /
Отв. ред.: Е. А. Земская, Л. П. Крысин. —
М.: РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова:
Флинта: Наука, 2006. — 544 с.

1. О издательско-информационном контексте двух изданий

Первое издание этой книги (М.: «Педагогика», 1984. — 352 с.) называлось несколько иначе: «Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание)». На титульном листе было обозначено: *Для среднего и старшего школьного возраста. Библиотечная серия.* На фронтисписе указывалось: составитель М. В. Панов; главный редактор Г. В. Степанов, и Энциклопедия открывалась его статьей «О филологии и филологах». В редакционной коллегии нового издании значится только одна фамилия из 14 прежнего состава — Е. А. Земская. Первое издание вышло тиражом 500 тыс. экземпляров (!), второе — 3 тыс. (!)[1].

В 1979 г. издательство «Педагогика», выпустив «Энциклопедический словарь юного спортсмена», открыло серию иллюстрированных алфавитных справочников по отраслям знаний, искусств и занятий «для юных», включая словари для «юного земледельца», «географа-краеведа», «литературоведа», «зрителя» (с подзаголовком «Театр, кино, цирк, эстрада, телевидение»). Последняя книга серии — для «юного историка» — вышла в 1993 г. в издательстве «Педагогика Пресс», правопреемнике советской «Педагогики». Примерно в середине хронологического списка из 16 энциклопедических словарей для «юных» находилась и рассматриваемая Энциклопедия, составленная и отчасти написанная М. В. Пановым.

Грань между «старшим школьником» и «(младшим) студентом», конечно, существенна, однако в Энциклопедии М. В. Панова ее почти не было: эта книга писалась «на вырост» и выходила за пределы школьных программ далеко. Для студентов она была замечательно ясным введением во многие темы языкознания, для преподавателей — камертоном живой лекции.

Понятно, что спустя 22 года второе издание Энциклопедии М. В. Панова оказалось в ином информационном контексте — без советской идеологии, зато в конкурентном соседстве с новы-

[1] Тираж сократился почти в 170 раз. И это несмотря на то, что, как сказано на обороте титульного листа, переиздание осуществлено «при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовой коммуникации в рамках Федеральной целевой программы „Культура России“».

ми лингвистическими энциклопедиями и терминологическими словарями[2], а с середины 90-х гг. — и в условиях расширения Интернета. Энциклопедия нова примерно на одну четверть текста, при этом издание скорее дополнено, чем переработано, однако этого достаточно, чтобы книга изменилась и представляла самостоятельную ценность, даже если рядом на полке стоит ее 1-е издание.

2. Чем может быть интересно сопоставление двух учебных энциклопедий, разделенных 22 годами?

Думаю, перед новыми редакторами Энциклопедии не раз вставал примерно такой вопрос: что́ следует и можно изменить через 22 года в небольшой статье, допустим, «Социолингвистика»? Скорее всего, ничего нельзя изменить — можно только написать новую статью. Л. П. Крысин именно так и поступил: написав (в соавторстве с В. И. Беликовым) учебное пособие «Социолингвистика» (М., 2001), одноименную статью в Энциклопедии он воспроизвел почти без изменений; «почти» — потому что в нужном месте появилась отсылка к статье того же автора «Двуязычие». Думаю, это оптимальное решение, возможное прежде всего потому, что статья «Социолингвистика» 1984 г. была информативной (хотя и редуцированной в аспекте языковых ситуаций и языковой политики) и идеологически нейтральной. Между тем в продукции «Педагогики» (из советских издательств, связанных с образованием, самом охранительном и казенном) идеологическая нейтральность дорогого стоила. Идеологическая нейтральность была не только маркирующим, но и редким «дифпризнаком»: он выделял Энциклопедию М. В. Панова из всех 16 томов для «юных» (не говоря о преобладающей иной продукции «Педагогики»). В советское время «идеологическая нейтральность» пишущего гуманитария в позитивном плане означала профессионализм высокой пробы, либерально-демократические приоритеты и открытость новому (и в науке и в жизни). Именно идеологическая нейтральность Энциклопедии М. В. Панова, взаимосвязанная с профессионализмом авторов, помогает понять, почему из 16 «Энциклопедических словарей» для «юных», в том числе 6 гуманитарных (юного художника, языковеда, музыканта, литературоведа, историка, зрителя), переиздана только книга по лингвистике[3].

[2] В первую очередь [ЛЭС 1990] и его два переиздания [Русский язык 1997; Баранов, Добровольский 1993; Баранов и др. 2001; Кубрякова и др. 1996; Москвин 2006]. Важны также новые вузовские пособия, прежде всего по общелингвистическим дисциплинам и истории языкознания.

[3] У лингвистической энциклопедии есть еще одно отличие от остальных 15 томов серии: у Панова авторы всех статей н а з в а н ы. Помню, когда в середине 80-х гг. я листала тома этой серии по технике, химии, физике (сын как раз пребывал в «среднем школьном возрасте», и эти книги у нас дома были), меня поразили их две черты, думаю, взаимосвязанные: суконный безликий язык и невозможность узнать, кто что писал: сведения об авторстве отдельных статей отсутствовали. В каждом томе на последней странице приводился только алфавитный перечень авторов. Это список «авторского коллектива», по-видимому, канонический для советской «Педагогики», был и в издании М. В. Панова 1984 г., однако при этом у Панова в другом указателе (статей и предметов) после названия каждой статьи приводилась фамилия автора. Пусть школьникам

Воспроизводя на три четверти первоисточник, новое издание интересно как документ эпохи — как свидетельство о московской лингвистике начала 80-х, ее профессионализме и гражданском сознании. Конечно, в первую очередь это памятник М. В. Панову. Он по-прежнему назван составителем Словаря, его портретом открывается книга; о Михаиле Викторовиче говорится во вводной биографической статье Л. П. Крысина — «Вместо предисловия: о составителе этого энциклопедического словаря»[4]; все статьи Панова (около 30) вошли в новое издание.

Вместе с тем это обновленная книга. Направленность изменений представляется неслучайной. Она связана с сегодняшним днем российского постсоветского языкознания, а более опосредованно — с некоторыми общими процесами, характерными для лингвистики наших дней. Изменения, представленные во 2-ом издании Энциклопедии, интересны своей симптоматичностью. К ним стоит приглядеться.

Две задачи нового издания — почтить память М. В. Панова и обратиться к молодежи с энциклопедическим введением в лингвистику — противоречат друг другу в информационном плане, однако они объединяются по более важному счету — нравственному, человеческому.

3. Количественные изменения. Усовершенствования и потери в дизайне и полиграфии

Общий объем книги (в печатных листах) вырос примерно на 43 процента; новых статей добавилось 49, общее число статей выросло до 282. Увеличился удельный вес текстового компонента книги, однако с этим связан ряд потерь: число иллюстраций и размер некоторых из них уменьшились, но главное, все иллюстрации стали нецветными и крайне нечеткими. Особенно пострадали прежде цветные и вполне «взрослые» по информативности лингвогеографические карты (которые для первого издания отдельно печатались на картографическом комбинате); стало трудно, а часто и невозможно что-то разобрать в образцах старой письменности (египетских иероглифах, письменности майя, острова Пасхи; в снимках готического, глаголического, кириллического, древнетюркского рунического письма, надписях на русских лубочных картинках). Смазаны также воспроизведения нецветных изображений, что особенно чувствительно для портретов. До такой степени некачественные иллюстрации давно уже стали редкостью в московских изданиях; тем обиднее, что не повезло с иллюстрациями Энциклопедии Панова.

Можно пожалеть, что во 2-ом издании не стало части шутливых цветных рисунков: они делали авторскую мысль зримой и показывали, например, как легко из многозначности возникает игра слов (*бежит лиса* и *ходит лисой*); иногда переводили лингвистические абстракции на понятный школьнику язык образов — например когда за словами М. В. Панова о неразрывности в грамматике формы и значения шла картинка, на которой два силача тщатся разъединить магдебургские полушария с надписями *грамматическая форма* и

эти фамилии говорили еще немного, однако важен принцип: он означает уважение к авторскому началу, к авторскому праву и личную ответственность автора. Кто помнит атмосферу советских издательств, может себе представить, чего стоило М. В. Панову удержать это отличие — вопреки всем уже выпущенным и еще проходящим редактуру томам для «юных».

[4] Прежнее введение — статья Г. В. Степанова «О филологии и филологах» — помещено вслед за статьей о Панове.

грамматическое значение (статья «Форма грамматическая»). Уход некоторых иллюстраций был необходим — прежде всего цветных фото застойных времен о «советской школе» (типа старшеклассники с комсомольскими значками у стенда ко дню рождения Ленина и т. п.) или ряда аляповатых изображений псевдоисторических «носителей языка».

Впрочем, иллюстраций-портретов в новом издании стало больше, поскольку выросло число статей-персоналий — о лингвистах и о языке классиков русской литературы. Новые портреты появились также и в ряде статей, перенесенных из 1-го издания, — портреты основателя египтологии Ж. Ф. Шампольона, исследователя критского линейного письма М. Вентриса, исследователя тюркских рун В. Томсена. В статье «Основоположники славяноведения (славянской филологии)», к сожалению, сохранилась путаница 1-го издания в том, «кто есть кто»: под портретом Вука Караджича на с. 292 написано: *Йосип Добровский*, а под портретом Добровского (он расположен ниже) стоит: *Вук С. Караджич*.

В новом издании есть инновации, которые могут показаться чисто техническими переменами, но, на мой взгляд, они принципиально важны. Вот одно из них: после каждой статьи указана фамилия автора[5]. Авторство статей указано также в «Алфавитном указателей статей»[6]. Кроме того, в самом конце книги «Список авторов» приводится с важным дополнением — «с указанием принадлежащих им [авторам] статей». Энциклопедию стало удобно читать «по авторам» — как антологию работ известных лингвистов. Это усиление в новом издании авторского, личностного начала — в духе современной лингвистики.

Впрочем, в прежнем «Алфавитном указателе» было одно преимущество: он указывал не только статьи (их название выделено полужирным шрифтом), но и (светлым шрифтом) — значимые темы, представленные не в отдельных статьях, но внутри статей, иногда нескольких. Представляется, что эту функцию указателя стоило бы не только сохранить, но и усилить, особенно в отношении персоналий, а также и во многих других случаях. Например, где школьнику узнать про глаголицу и кириллицу, если соответствующих отдельных статей в Энциклопедии нет, хотя информация о двух азбуках есть? Поэтому алфавитный указатель было бы полезно сделать более детальным.

В новом издании колонтитулы стали точно указывать на конкретную статью данной страницы, вместо прежнего — на весь том одного (!) колонтитула, который дублировал название книги (!).

Во 2-ом издании статьи расположены по алфавиту заглавных терминов, фамилий или псевдонимов (за исключением статьи «Корней Чуковский —

[5] Исключение составляют краткие статьи чисто «технического» назначения о некоторых широких темах (такие статьи, как «Говор. Наречие. Диалект», «Грамматика», «Диалектология», «Заимствования в языке», «История языка», «Фонетика»), дающие перечень статей Энциклопедии, относящихся к каждой из тем; это полезные ориентиры, прежде всего для действительно «юного лингвиста».

[6] Разумеется, «загадочная» атрибуция ряда статей 1-ого издания — *В. В. Михайлов* — сейчас уступила место подлинному имени автора — *М. В. Панов*. Впрочем, авторство Панова относительно статей за подписью *В. В. Михайлов* было вполне прозрачно и раньше — не столько по языку, сколько по стилю объяснения и доказывания — напористому, ясному, с характерным зачином — в виде яркого примера-загадки или задачи, за которым шла не просто отгадка, а разбор «случая из языка» — учительский мастер-класс, основанный на полном понимании того, как в голове ученика (студента, читателя) происходит уразумение сути дела.

исследователь языка», помещенной на букву «К»). В 1-ом издании статьи о знаменитых лингвистах давались как «дополнительный» материал к той или иной теме. Например, статья о Балли помещалась «при стилистике», о Матезиусе — после статьи «Актуальное членение предложения», о Щербе — внутри статьи «Активная и пассивная грамматика» и т. д. В большинстве случаев такая «локализация» оказалась уязвимой, поскольку творчество выдающихся лингвистов обычно связано не с одной, но с рядом проблем или дисциплин.

4. Новые авторы и тематика новых статей

Второе издание Энциклопедии, посвященное памяти М. В. Панова, в высокой мере сохраняет преемственность с первоисточником, благо сама содержательная возможность воспроизведения (его профессиональная релевантность и уместность) доказывает ценность книги. Однако естественно, что для «не-юного» лингвиста первостепенный интерес 2-ого издания связан с его новым содержанием. Появились новые авторы: В. М. Алпатов[7], А. Н. Баранов, О. П. Ермакова, Г. Е. Крейдлин, В. З. Санников. Ряд новых статей написан прежними авторами Энциклопедии. Ушло две фамилии: Вяч. Вс. Иванов (чья статья «Ларингальная гипотеза» всё же не для «юных лингвистов») и Ю. Д. Дешериев («Младописьменные языки народов Советского Союза»; примерно в этой контентной нише появилась статья качественно нового содержания — «Создание письменностей для народов России и СССР» В. М. Алпатова; об этой и других заменах см. ниже, п. 5).

В ряду новых статей самую большую группу составляют статьи-персоналии об авторах, писавших о языке. К 26 статьям-персоналиям 1-го издания добавлены статьи о таких лингвистах: Бенвенист, Блумфилд, Бюлер, Вандриес, Докулил, Ельсмлев, Есперсен, Карцевский, Крушевский, Ларин, Марр, Мартине, Мейе, Сепир, Трубецкой, Шмелев, Якобсон. Как видим, «иностранность» большинства авторов в этом списке или принадлежность к эмиграции уже не препятствуют включению их биографий в энциклопедию «для юных». К приведенному перечню примыкают статьи о не-лингвистах («Корней Чуковский — исследователь языка» Л. П. Крысина и «Работы Сталина» В. М. Алпатова), а с другой стороны — статьи по истории лингвистики, ее отдельных теорий, дисциплин, школ или направлений — 6 статей В. М. Алпатова («Гендерная лингвистика», «Дескриптивная лингвистика», «Младограмматики», «Петербургская школа языковедения», «Сепира — Уорфа гипотеза», «Структурная лингвистика»), статьи А. Н. Баранова «Прикладная лингвистика» и М. Я. Гловинской «Теория речевых актов»[8]. В совокупности названные статьи образуют тематический блок — это история лингвистики, и в новом издании этот блок вырос более остальных.

К статьям 1-го издания о языке и стиле Ломоносова, классиков XIX в., Горького и Маяковского добавлены 7 новых — пять очерков И. И. Ковтуновой о языке Ахматовой, Гончарова,

[7] Перу В. М. Алпатова принадлежит 32 статьи; это превышает количество статей М. В. Панова, но уступает числу статей, написанных Л. П. Крысиным (39).

[8] Реально содержание статьи существенно шире теории речевых актов: здесь раскрыты также базовые понятия теории коммуникации (структура коммуникативного акта; функции языка и речи; условия успешности коммуникации и др.).

Тютчева, Фета, Цветаевой, статья Н. А. Кожевниковой о языке Булгакова, а также — чтобы читатель воочию увидел, как в одном человеке могут блистательно соединиться дар аналитика-лингвиста и дар поэта, — статья Вл. И. Новикова о стихах М. В. Панова.

Остальные 11 новых статей (за пределами указанных двух блоков) не составляют тематического целого, однако в своем большинстве они связаны не с детализацией внутрилингвистических терминов, но с расширением знаний о языковой и коммуникативной реальности: таковы две статьи Л. П. Крысина «Двуязычие» и «Эвфемизм», статьи «Языки русского зарубежья» Е. А. Земской, «Ирония в языке» О. П. Ермаковой, «Язык жестов» Г. Е. Крейдлина, «Языковая игра» В. З. Санникова и шесть статей В. М. Алпатова — «Монгольская семья языков», «Речевой этикет», «Создание письменностей для народов России и СССР», «Тунгусо-маньчжурские языки», «Функции языка», «Языки мира».

Судя по изменениям в составе статей 2-ого издания, общий вектор перемен состоит в усилении персонально-личностной и социолингвистической направленности Энциклопедии. Этот тренд легко связать с энергичным участием во 2-ом издании В. М. Алпатова, принесшего в Энциклопедию плоды своих книг 90-х гг., см. [Алпатов 1991; 1998; 2000; Алпатов, Ашнин 1994]. Но можно взглянуть на вещи шире и в востребованности трудов Алпатова видеть свидетельство того, что внимание к истории идей, к личности «автора» (в широком смысле), внимание к межличностному взаимодействию в коммуникации отвечает приоритетам современной лингвистики.

Дополнительные аргументы в пользу высказанного мнения дает анализ «замен», произведенных в Энциклопедии (см. п. 5).

5. О политических и лингвофилософских сюжетах в новом издании

5.1. Уже упоминалось в п. 4, что вместо статьи Ю. Д. Дешериева «Младописьменные языки народов Советского Союза» во 2-ом издании помещена статья В. М. Алпатова «Создание письменностей для народов России и СССР».

Название статьи Алпатова не только более точно; оно принципиально важно. Во-первых, автор не использует термин «младописьменные языки», потому что письменность ряда языков, которые переводились на новые алфавиты, насчитывала многие столетия. Во-вторых, название статьи указывает, что на территории России молодые письменности начинались ДО социализма. Автор приводит факты, которые еще не скоро станут в российском языкознании общеизвестными (хотя, если говорить об их важности, то их надо бы внести в базовые учебники по социолингвистике): первые письменности создавались миссионерами; самая ранняя из известных — азбука св. Стефана Пермского — создана на основе кириллицы в XIV в. для коми-зырянского языка; позже, в XIX в., работы по созданию письменности для тюркских и финно-угорских языков, а также по переводам Библии на эти языки, велись в Казани под руководством педагога и миссионера Н. И. Ильминского, члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук, специалиста по тюркским и алтайским языкам.

Говоря об алфавитной деятельности в советское время, В. М. Алпатов указывает на проблемы языкового строительства 20—30-х гг., связанные как с различиями в письменных традициях народов, так и с политической непоследовательностью большевиков. Автор приводит факты, которые в последующие годы стали замалчиваться: на-

пример то, что в 20-х гг. новые письменности создавались не на русской, а на латинской или на традиционной (арабской или старомонгольской) основе, поэтому, в частности, в Татарстане до конца 20-х гг. пользовались реформированным арабским письмом; что Н. Ф. Яковлев, создатель «математической формулы построения алфавита», был сторонником латинизации русского письма и что в 1920—1930 гг. под его руководством был разработан проект латинского алфавита для русского языка. Если Ю. Д. Дешериев заканчивал статью победными словами о «значительном расширении сфер применения национальных младописьменных языков», то В. М. Алпатов, привлекая свидетельства Е. Д. Поливанова еще 20-х гг., пишет об идущих от жизни тормозах в использовании этнических языков малочисленных народов: «Языковое строительство больше дало для языков сравнительно крупных народов (узбекский, киргизский и др.), а языки малых народов (особенно народов Сибири и Дальнего Востока) реально не начали использоваться в сферах жизни, выходящих за пределы традиционной культуры. Поэтому многие новые письменности не получили реального употребления» (с. 415—416).

К чести 1-ого издания, текст Дешериева был единственной в Энциклопедии одиозной статьей, чужой и по сути, и по корявости языка. Что касается еще одной «принудительной» статьи — «Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В. И. о языке» (написанной, в силу обязанностей главного редактора, Г. В. Степановым и также не включенной во 2-ое издание), то она представляла собой более монтаж ритуальных цитат из «классиков марксизма», чем авторский текст. Но и авторские слова Степанова были не пропагандой марксизма и не сторожевыми вышками, отмечающими границы дозволенного, но мыслями о гносеологической и культурной ценности языка.

5.2. Во 2-ом издании есть еще одна замена: вместо статьи В. А. Звегинцева «Относительность лингвистическая»[9] помещены две статьи В. М. Алпатова — о самом Сепире и «Сепира — Уорфа гипотеза». Звегинцев смотрел на идеи Сепира и Уорфа в основном критически, но это отнюдь не было казенной защитой советской науки от «американского идеализма». Статья Звегинцева, с репрезентативными цитатами из Сепира и Уорфа, с рассказом о спорах вокруг гипотезы на конференции в Чикаго 1954 г., показывала дискуссионность темы.

В. М. Алпатов начинает статью словами, о том, что хотя гипотеза «не доказана», но она и «не опровергнута»[10], и далее, после цитат и примеров из Сепира и Уорфа, хотя и не доказывает, но утверждает: «[…] влияние языка на представления человека о мире безусловно существует». Далее автор указывает на зависимость от идей Сепира и Уорфа современных исследований «так называемых картин мира, разных у носителей разных языков», однако отрезвляюще добавляет: «Вопрос лишь в том, насколько такое влияние существенно» (с. 391). Дискуссия, следовательно, не закрывается. Думаю, поэтому, подчеркивая незавершенность спора, в Энциклопедии было бы хорошо сохранить и встречное мнение — статью В. А. Звегинцева о «лингвистической относительности».

---

[9] Однако по недосмотру в 2-ом издании заглавие сохранилось в перечне статей, написанных В. А. Звегинцевым.

[10] При этом в статье не упоминаются результаты экспериментальных проверок гипотезы, на мой взгляд, достаточные для ее опровержения, см. [Слобин, Грин (1971/1972) 1976; Коул, Скрибнер (1974) 1977; Фрумкина 1980]. См. также [Мечковская 1994: 64—68; 1998: 302—303].

5.3. Статьи о работах Сталина по языкознанию и о Марре, написанные в Энциклопедии В. М. Алпатовым, относятся к самым трудным — по разным причинам: потому, что их темы всегда сенсационны и захватят каждого, кто только ни откроет Энциклопедию; потому, что эти громадные темы сложны объективно, а документы, хотя и многочисленны, но не полны и противоречивы. В России и на Западе нет человека, который бы раскрыл эти темы лучше, чем Алпатов, — потому что он профессиональный лингвист; потому что он полнее всех изучал эти темы и написал о них книги; потому, наконец, что он лучший из пишущих на русском языке историк языкознания. Соединение таких возможностей в соавторе энциклопедии «для юных» само по себе уникально.

Марр в оценке В. М. Алпатова — фигура безусловно одиозная, однако убедительность статьи в том, что автор раскрывает, во-первых, многомерность личности Марра, во-вторых, политические условия, которые вели к монополизму «нового учения», в-третьих, цитирует документы.

Приводя слова В. И. Абаева о том, что Марр при выдающейся активности творческого центра «был лишен центра торможения» и что у него «синтез решительно преобладал над анализом, обобщения — над фактами», Алпатов заключает: «Человеку такого склада противопоказано заниматься наукой». И здесь же, отнюдь не противореча себе, пишет о силе интуиции Марра: «Он мог интуитивно чувствовать какие-то существенные явления […]. Например, он писал о грядущей революции языка, связанной с тем, что мышление уже “с трудом умещается в звуковой речи”. Похоже, что Марр предугадал происшедшую в XX в. визуальную революцию в передаче информации. Однако он не мог и не старался ничего доказать» (с. 235—236).

В Энциклопедии, понятно, не хватает места для множества фактов, представленных Алпатовым в книге 1991 г., в том числе и для свидетельств о психическом нездоровье Марра с гимназических лет; не приводится и оценка марризма, высказанная Р. О. Якобсоном в письме к Н. С. Трубецкому («белиберда параноика», цит. по [Алпатов 1991: 77]). Зато Алпатов цитирует самого Марра, что убеждает больше: «Немецкий язык в древнейших частях не индоевропейский, а общий со сванским»; «Русский оказался по пластам некоторых стадий более близкий к грузинскому, чем русский к… любому славянскому»; «Нужна ли вообще грамматика?».

Говоря о пагубности «нового учения», в особенности в сочетании со стремлением Марра к монополизму в науке, в том числе с помощью властей, Алпатов указывает вместе с тем и на позитивные результаты научно-административной деятельности Марра: «Организация в тяжелый период начала 20-х гг. двух крупных научных центров (к ним восходят все ныне существующие академические институты в области языкознания, археологии и этнологии) дала возможность работы для многих видных ученых» (с. 236).

Статья Алпатова «Работы Сталина», резюмируя главу о лингвистической дискуссии 1950 г. из монографии [Алпатов 1991], формулирует два важных вывода, существенных для истории (не только языкознания, но и истории страны). Во-первых, Алпатов показывает, что работы Сталина о языке не были ни уходом (и уводом людей) от реальных экономических тягот послевоенной жизни в академические тонкости; ни блажью диктатора, мнящего себя теоретиком и озабоченного весомостью своего вклада в марксизм; ни просто «возвращением на позиции здравого смысла» (как писал о работах Сталина о языке один французский советолог;

цит. по [Алпатов 1991: 183]). Левацкое учение Марра, с его культурным нигилизмом и фантазиями о будущем всемирном языке в грядущем коммунистическом обществе, было созвучно большевистской идеологии 20-х гг., включая ожидание «мировой революции». Однако после Великой Отечественной войны Сталину потребовалась новая лингвистическая доктрина. «СССР из “передового отряда мирового пролетариата” превратился в “сверхдержаву” с государственными интересами, — пишет Алпатов. — Во многом происходило возвращение к традициям царской России. В этих условиях Сталин решил на примере Марра осудить не соответствовавшие конъюнктуре идеи» (с. 363).

Во-вторых, рассказывая о лингвистической дискуссии 1950 г., Алпатов предупреждает об опасности сверхцентрализации общественной жизни, когда лидер государства решает все принципиальные вопросы единолично. «Результат таких решений мог быть различным и зависел от степени понимания Сталиным той или иной проблемы» (с. 364). Лингвистическая дискуссия закончилась относительно благополучно — «возвращением на позиции здравого смысла», что, впрочем, сопровождалось догматизацией каждой строчки, написанной Сталиным. Однако в биологии и кибернетике сталинский диктат имел, как известно, пагубные последствия.

6. Почему некоторые грамматические статьи написаны заново?

В 1-м издании Энциклопедии не было словарной статьи «Морфология», однако алфавитный указатель отсылал читателя к трем разным местам книги, где можно было найти сведения по морфологии. В новом издании появилась большая статья «Морфология», написанная В. М. Алпатовым. Для нового издания Алпатов написал также статьи «Морфема» и «Наклонение»; существенно расширил статью «Лицо и число у глаголов», под которой сейчас стоят две фамилии — прежняя (Л. Н. Булатова) и новая (В. М. Алпатов). В 1-м издании была статья «Части речи», написанная М. В. Пановым. В новом издании эта статья Панова названа иначе: «Части речи в русском языке», а под заглавием «Части речи» напечатана новая и большая статья, написанная В. М. Алпатовым. Чтобы показать суть различий между грамматическими статьями в двух изданиях, остановимся на двух последних названных статьях — «Части речи в русском языке» М. В. Панова и «Части речи» В. М. Алпатова.

В статье Панова рассматривается материал одного языка — современного русского. «Изюминка» статьи в следующем: показано, что в частеречной классификации есть неустранимый конфликт между логикой и здравым смыслом: так называемая «научная грамматика» последовательно учитывает характер словоизменения слов, а «школьная грамматика», следуя здравому смыслу (или «языковому чутью» говорящих), — семантическую близость слов. Статья убеждает, что преподавать язык удобнее с «нелогичной» классификацией, т. е. что здравый смысл для жизни важнее, чем логика.

Статья Алпатова «Части речи» написана с позиций историка языкознания и типолога. Автор начинает ab ovo — от грамматик эллинистической Александрии и их восьми частей речи (это число частей речи стало в Европе на долгие века каноническим) — и показывает судьбы 8-членной системы в зависимости от культурных традиций и языка. Показывая многообразие частеречной организации языков мира, Алпатов обсуждает вопрос о том, насколько универсально наличие частей речи и какие

принципы частеречной классификации для какого грамматического типа языков больше подходят. В этой статье есть сопоставление разных подходов к теме «части речи», есть имена и цитаты; все это важно, чтобы показать универсальный и базовый характер проблемы, а также и естественность ее пересмотра при обращении к новым языкам.

Таким образом, в новых грамматических статьях, во-первых, вводятся (или расширяются) сведения по истории языкознания; во-вторых, расширяется круг рассматриваемых языков; в-третьих, обсуждаются вопросы типологии языков и лингвистики универсалий. Кроме того, в ряде статей отбор языковых фактов и примеров осуществлен по их коммуникативной или типологической релевантности: различия в структуре предпочитаются стилистическим вариациям; в разнообразии категорий (например, наклонений) различаются ядерные (более распространенные в языках мира) и более редкие виды и т. д. В целом эти изменения усиливают общелингвистическую и культурно-историческую направленность Энциклопедии, что, кстати, видно и по издательским аннотациям к рассматриваемым изданиям. В аннотации к 1-му изданию сказано: «Главное внимание уделяется русскому языку»; в 2006 г. в этом пункте аннотации написано: «В отличие от книги 1984 года, в предлагаемом словаре дается более полная картина современного состояния и истории не только русского, но и других языков».

7. О будущей лингвистической энциклопедии «для юных»

Во 2-м издании Энциклопедии Панова произошли изменения, которые представляются значительными и даже диагностическими; вместе с тем по преобладающему содержанию и характеру книга остается Энциклопедией Панова — таким и было задумано переиздание. В начале 1980-х гг. профиль Энциклопедии понимался широко (поэтому в названии стояло… *словарь юного филолога*, и только в подзаголовке уточнялось: *Языкознание*). Для М. В. Панова было вполне органично включить в Энциклопедию очерки о языке русских писателей и поэтов. Во 2-м издании число таких статей выросло, и, по-видимому, новым редакторам это представлялось естественным, хотя такое решение может казаться недостаточно лингвистичным[11].

Между тем будущее энциклопедий для молодежи, как, впрочем, и большинства носителей образовательной информации, — за все более специализированными изданиями. Применительно к энциклопедии по лингвистике это означает усиление тех черт, которые отличают лингвистику от литературоведения, теорию языка от практической стилистики, а типологию языков от частного языкознания. Это естественный путь дифференциации учебно-справочных изданий, но при переиздании Энциклопедии Панова эти задачи, по-видимому, просто не ставились. Поэтому, думаю, не имеет смысла перечислять, чего в Энциклопедии нет, а хотелось бы… Новая, широкая и действительно общелингвистическая энциклопедия «для юных» — это дело будущего, скорее всего, близкого будущего. Пока же издана книга, в которой ее новые редакторы решали иные, особые задачи — как сохранить голоса ушедших замечательных лингвистов, и выпустить книгу, интересную для современной лингвистической молодежи.

Отвечая на вопрос, поставленный в заглавии этих заметок, — «Памятник замечательному филологу или введение

[11] Характерно, что в широкой по замыслу энциклопедии «Русский язык» (М., 1997) статей о языке писателей нет.

в современное языкознание?» — я бы ответила, соединяя разделенное, благо филология — дело кумулятивное и человечное. Ценность «Энциклопедического словаря юного филолога / лингвиста» М. В. Панова — в соединении того, что давно уже разучились сочетать технологи или физики: это и исторический документ, позволяющий узнавать, понимать, и может быть, если удастся, сохранить то лучшее, что было в недавней истории московского языкознания, и хорошее введение в лингвистику. Трудно, однако, с уверенностью сказать, всегда ли сумеет сегодняшний студент, открывая Энциклопедию, почувствовать, что написано недавно, а что — четверть века назад. Между тем это важно.

При всей гуманитарной и культурной ценности переиздания Энциклопедии М. В. Панова проведенной лингвистической модернизации все же недостаточно. То новое, что внесено во 2-е издание, показывает, какой глубоко профессиональной, широкой и одновременно живой и интересной может быть российская популярная лингвистическая энциклопедия, однако пока в обновленном издании этого нового содержания просто мало. Переиздание Энциклопедии М. В. Панова только подчеркивает настоятельную потребность в целиком современной энциклопедии, вводящей молодежь в науку о языке.

Литература

Алпатов 1991 — В. М. Алпатов. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991.

Алпатов 1998 — В. М. Алпатов. История лингвистических учений. Учебное пособие. М., 1998.

Алпатов 2000 — В. М. Алпатов. 150 языков и политика. 1917—2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000.

Алпатов, Ашнин 1994 — В. М. Алпатов, Ф. Д. Ашнин. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994

Баранов, Добровольский 1993 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов: с английскими эквивалентами. Т. 1—2. М., 1993.

Баранов и др. 2001 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов, П. Б. Паршин, О. И. Романова. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике: Около 9000 терминов / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.

Коул, Скрибнер (1974) 1977 — М. Коул, С. Скрибнер. Культура и мышление: Психологический очерк. М., 1977.

Кубрякова и др. 1996 — Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996.

ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.

Мечковская 1994 — Н. Б. Мечковская. Социальная лингвистика. М., 1994.

Мечковская 1998 — Н. Б. Мечковская. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий. М., 1998.

Москвин 2006 — В. П. Москвин. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. 2-е изд., существенно перераб. и доп. М., 2006.

Русский язык 1997 — Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.

Слобин, Грин (1971/1972) 1976 — Д. Слобин, Дж. Грин. Психолингвистика. М., 1976.

Фрумкина 1980 — Р. М. Фрумкина. Лингвистическая гипотеза и эксперимент (о специфике гипотез в психолингвистике) // Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С. 183—216.

Н. Б. Мечковская

М. В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку / Под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры. Т. 1—2. 2004—2007. — 568, 848 с.

В настоящем двухтомнике собраны почти все статьи крупнейшего русиста второй половины XX века Михаила Викторовича Панова (1920—2001). Эти статьи М. В. Панова, рассеянные по научным журналам и малотиражным сборникам, стараниями коллег — Е. А. Земской и С. М. Кузьминой предстали теперь перед читателями как единое (и в то же время — многогранное) целое. Велик вклад в это издание и И. С. Макарова, который первым стал собирать материал для будущей книги, советуясь с самим автором. Полиграфическое исполнение книг соответствует высоким стандартам издательства «Языки славянской культуры».

Е. А. Земская и С. М. Кузьмина написали вступление к двухтомнику под названием «О Михаиле Викторовиче Панове», где даны основные вехи жизни ученого, кратко показана эволюция его научных взглядов, обоснована структура всего издания (т. 1, с. 8—13). Второй том открывается трогательной, вызывающей щемящее чувство статьей Вл. Новикова, названной «Личность» (т. 2, с. 9—14). «Именно Панов, со своей научно-культурной универсальностью, призван был возглавлять Отделение литературы и языка, вдохновлять коллективные научные исследования — как лингвистические, так и литературоведческие» (там же, с. 14). Увы! Призван-то он призван, но кто бы ему дал. Сам Михаил Викторович о своих злоключениях писал очень сдержанно. В предисловии к его шедевру «История русского литературного произношения XVIII—XX вв.» находим такие слова: «Эта работа была завершена в 1970 г. и тогда же утверждена к печати Ученым советом Института русского языка АН СССР. После этого она несколько лет безмятежно лежала в архиве одного из секторов Института. (Спасибо тем, кто сохранил рукопись.)

В настоящее время расположение светил стало опять благоприятно для ее издания, и Ученый совет снова утвердил ее к печати» [Панов 1990: 3].

Теперь научное творчество М. В. Панова предстает перед читателем в полном блеске — в 1999 г. появилась «Позиционная морфология русского языка», переизданы «Русская фонетика» и вышеупомянутое историческое исследование, наконец, два тома статей (не говорю здесь об учебниках и научно-популярных книгах). В списке трудов М. В. Панова (там же, с. 823—836) фигурирует 100 статей, 80 из которых составляют содержание восьми разделов этих двух томов.

Первый раздел назван «Общие вопросы теории». Здесь находим десять статей, в том числе одну из самых ранних (1956) — «О слове как единице языка» (т. 1, с. 51—87) в духе модных тогда дебатов об основных единицах языка (в данном случае это полемика с А. И. Смирницким)[1]. Новаторская, насквозь структурная работа 1960 г. «О частях речи в русском языке» (там же, с. 151—164) заканчивается ударным и стилистически очень характерным финалом: «Данная здесь классификация не может заменить другие классификации, выделяющие в грамматических классах слов иные существенные признаки. Но, может быть, и та точка зрения, которая высказана здесь, несводима к иным ре-

[1] Ср. работу «О значении морфологического критерия для фонологии» [Макаев и др. 1953], опубликованную в ряду откликов на статью С. К. Шаумяна [Шаумян 1953] «Проблема фонемы».

шениям данного вопроса. Возможно, Гренландия[2] оказалась здесь непривычно большой, но это обусловлено принятыми принципами: если сами принципы истинны, то такое отклонение от привычных средне-гренландских размеров, может быть, и простительно».

Раздел об аналитических прилагательных позднее был развернут в отдельную статью 1971 г. (там же, с. 137—151).

Общетеоретический раздел заканчивается самой большой статьей сборника — «Русский язык» (там же, с. 165—252). Эта работа появилась в 1966 г. в первом томе (Индоевропейские языки) серии «Языки народов СССР». Я помню то ощущение свежести и теоретической глубины, которое возникало при чтении статьи. Ничего подобного у других авторов этой (весьма полезной) серии не было. Хорошо, что редакторы не пожалели места для данной статьи.

В этот же раздел вошли и поздние работы, в которых постепенно вызревала генеральная идея позиционности, окончательно выраженная в последней книге Панова «Позиционная морфология русского языка»: 1980 «О парадигматике и синтагматике» (там же, с. 17—29); 1992 «Позиционные отношения в стилистике» (там же, с. 30—35); 1998 «Трансформы и нейтрализация» (там же, с. 41—50); 1999 «Позиционные мены значений у слов в зависимости от текста» (там же, с. 36—40).

М. В. Панов был, прежде всего, фонологом и фонетистом. Неудивительно поэтому, что раздел II «Фонетика. Фонология. Социофонетика. Орфоэпия» оказался самым большим во всем двухтомнике, в нем 22 статьи. Большинство этих статей относятся к концу 1960-х — началу 1970-х гг., они тесно связаны с его opus magnum — книгой 1967 г. «Русская фонетика». Целая часть этой книги («Из истории изучения русской фонетики») включена в раздел VIII двухтомника (т. 2, с. 647—706). В том же разделе VIII мы находим статьи о лингвистах, так или иначе связанных с фонетикой: о Яковлеве, Реформатском, Аванесове, Горшковой, Брызгуновой. Панов неизменно возвращался к историческим корням фонологии, охотно цитировал Бодуэна де Куртенэ. В фонетических (и грамматических) работах 1960-х гг. часто слышатся отклики на теоретические проблемы, поставленные в американской лингвистике (потом их становится все меньше). Конечно, сейчас трудно сказать, в какой мере идеи автора восходят к внешнему толчку[3], а в какой — обязаны собственным наклонностям и стилю мышления. Примечательна в этом отношении статья 1961 г. «О разграничительных сигналах в языке» (т. 1, с. 297—319), где мы впервые видим характерную черту пановской манеры изложения — выбор в качестве иллюстрации какого-то несуществующего слова или цепочки звуков (в данном случае *ле́чекрадо*) и дальнейший перебор на этом примере всех возможностей теоретического анализа. Любовь к анализу всевозможных фантастических слов видна и в интереснейшей статье 1972 г. «О переводах на русский язык баллады “Джаббервоки” Л. Кэррола» (т. 2, с. 223—232), и в постоянных возвращениях к опытам В. Хлебникова.

[2] В начале статьи М. В. Панов ссылается на опыт картографии, где разные проекции в равной мере истинны, хотя и кажутся очень разными человеческому глазу.

[3] Огромное влияние на Панова оказала книга Якобсона, Фанта и Халле «Preliminaries to speech analysis» [Jakobson et al. 1955]. Дихотомические дифференциальные признаки надолго становятся важнейшим аргументом во всевозможных фонологических рассуждениях автора, ср. статью 1984 г. «О разграничении сегментных и суперсегментных единиц» (т. 1, с. 393—400).

Большинство статей, вошедших в раздел III «Орфография», исторически связаны с неудавшейся попыткой частичной реформы русской орфографии в 1963—1964 гг. (Обобщающий сборник — «О современной русской орфографии» 1964 г.). Активнейший участник московской фонологической школы, Панов, естественно, был горячим сторонником такой реформы. Центральная статья этого раздела «Об усовершенствовании русской орфографии» (т. 1, с. 522—537) заканчивается словами: «...все вопросы современной орфографической теории должны получить свое решение на основе фонематической теории; эти решения являются наиболее оправданными и с практической точки зрения». К сожалению, некоторое изменение социально-политического климата в стране, связанное с падением Хрущева, не позволило осуществить реформу орфографии. Еще меньше шансов поменять хотя бы детали орфографии в наше время, когда в обществе преобладает тяга к традициям, а реформа 1918 г. приписывается не академикам, а «разрушителям-большевикам».

Раздел IV, открывающий второй том, не очень удачно озаглавлен «Вопросы теории». В отличие от раздела I, где речь шла о принципах описания внутренней структуры языка, его можно было бы озаглавить «Динамика языка» или «Русский язык в движении». Бóльшая часть материалов этого раздела связана с проектом, уникальным для советской лингвистики 1960-х гг. Поразительны энергия и организаторские способности Панова, сумевшего увлечь сотрудников Сектора современного русского языка и в короткие сроки осуществить грандиозный проект коллективной монографии «Русский язык и советское общество». В 1962 г. в Алма-Ате (!) выходит в свет проспект работы, а в 1968 г. публикуются четыре тома монографии, посвященные фонетике, грамматике, словообразованию и лексике. Михаил Викторович стоял у истоков следующего важного проекта, посвященного разговорной речи. Вот как об этом пишет во вступлении к книге «Русская разговорная речь» Е. А. Земская: «В течение всей работы над книгой большую помощь авторскому коллективу оказывал М. В. Панов. Он принимал участие в выработке общей концепции монографии, вместе с авторами обсуждал первоначальные варианты всех глав, а также прочитал всю книгу в рукописи и своими критическими замечаниями и советами способствовал ее совершенствованию»[4] [Земская 1973: 3].

Погружение в социолингвистическую действительность влияло на Панова двояким образом. С одной стороны, тяга к философским обобщениям и вера в существование долгосрочных законов языка (ср. частые апелляции к закону фонологического развития славянских языков, открытому Бодуэном де Куртенэ) толкали автора к поискам внешних (идущих от общества) и внутренних (собственно семиотических) моторов развития языка. Последние рассматриваются в весьма характерной работе 1968 г. «Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка» (т. 2, с. 7—22). Что касается внешних влияний, то они разбираются в статье 1962 г. «О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы)» (там же, с. 43—62) и во всех остальных статьях 1968 г., включенных в данный раздел (там же, с. 85—193). Разнообразные языковые изменения 1920—1940-х гг. сводятся Пановым к драматической борьбе литературных норм с идущими снизу расшатывающими тенденциями, связанными с со-

[4] Интересно, что думал Филин об этом признании заслуг опального ученого?

циальной подвижностью и приобщением к книге многомиллионных масс[5].

С другой стороны, столкновение исследователя с текучей и противоречивой языковой действительностью могло подорвать веру в реальность с таким трудом построенной конструкции внутренней структуры языка. У ясной структурной концепции мог появиться конкурент в виде более расплывчатого вероятностного взгляда. Этого не произошло. М. В. Панов оставался верным взгляду на язык скорее как на кристаллическую решетку, чем как на поле. Медленная экспансия понятия *позиция* (от фонетики к грамматике, лексике и стилистике) подтачивала исходный структурный постулат и логически вела к девальвации этого понятия. Но автор этого не замечал. Во всем творчестве Михаила Викторовича явно проступает антиномия логика-математика, твердо следующего раз принятым принципам, и лингвиста-эрудита, чувствующего тончайшие нюансы звучаний и смыслов, поэта, наконец.

В этом же разделе IV находим позднюю (1988) статью «Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики» (там же, с. 63—84). «Перестройка» началась, русский язык стоит перед грядущими переменами, но тех внешних моторов, которые действовали в 1920-х гг., нет и в помине. Панов доволен наступившими переменами, но не ищет их корней, а ограничивается мягкими стилистическими рекомендациями.

В разделе V «Морфология и словообразование» собраны по преимуществу работы 1970-х гг., но есть и поздние, например, небольшая, но замечательно свежая статья 2001 г. «Отношение частей речи к слову» (там же, с. 286—304). Здесь есть работа, в которой виден Панов-полемист. Это статья «Об изучении русского словообразования» (там же, с. 269—281), отклик на книгу Н. М. Шанского «Очерки по русскому словообразованию» [Шанский 1968]. «Очерки...» Шанского подвергнуты сокрушительной критике, главным образом, за постоянное смешение диахронии и синхронии (вопреки теоретическим декларациям), но также за отступления от логики, претенциозное и бездоказательное утверждение собственного мнения на фоне ошибок предшественников и т. п. Статья написана в состоянии крайнего раздражения, она пестрит выражениями *грубое смешение*, *напрасно приписывает*, *неверно*, *произвол*, *сбивчивость и эклектичность*, *самообман*, *несерьезный* и т. д. При всем этом Панов находит и некоторые достоинства у критикуемого автора (*методически удачно...*, *интересен материал...*, *плодотворно внимание к стилистическим аффиксам*), но недостатки перевешивают, и потому (финальный язвительный coup de grâce) «...необходимо сказать, что мнения Н. М. Шанского не всегда убедительны и значения последнего слова науки они не имеют». Пановский идеал ведения полемики косвенно проглядывает в описаниях фонологических споров далекого XIX в., ср. «Бодуэн де Куртенэ и видел неправильность взглядов Крушевского, и прозревал

[5] Трудно сказать, давили ли на автора обстоятельства времени. Интересен следующий пассаж (т. 2, с. 45): «Овладеть новым пониманием нормы, характерным для литературного языка, можно было только на первоклассных авторитетных образцах современной речи. Такими образцами оказались статьи, выступления В. И. Ленина и его соратников (М. И. Калинина, А. В. Луначарского, Я. М. Свердлова, Г. В. Чичерина и др.)». Явный перебор! Поскольку на следующей странице Сталин порицается за стремление к ультранейтральности, видно, что Панов рад десталинизации, но перечисленные соратники Ленина явно не влияли на язык масс. Труды Ленина, конечно, конспектировали все студенты, но большинство предпочитали Сталина, где «все короче и яснее».

их плодотворность (если на их основе построить другую, не парадигматическую фонологию). Отсюда метания, резкие сдвиги в оценке деятельности Крушевского, отсюда жестокая борьба со взглядами Крушевского, кончившаяся тем, что Бодуэн де Куртенэ принял в качестве исходных отвергнутые им положения Крушевского и стал на их основе строить фонетику сочетаний» (там же, с. 668). И через страницу: «Суд Бодуэна де Куртенэ: “Крушевский не наметил ни одного нового направления в науке, не установил новых истин, а только умел старые истины излагать в привлекательной и доступной форме” — крайне несправедлив» (там же, с. 669).

Раздел VI «Преподавание русского языка» содержит 7 статей на педагогические темы. Судить о Панове как о педагоге средней школы можно будет только после серьезного анализа текста созданных им учебников и опыта их применения в школе — «Учебника для национальных школ» (в соавторстве с Р. Б. Сабаткоевым; 1982—1983, переиздания 1993 и 2002 гг.) и «Учебника для средней школы, 5 класс» (в соавторстве с И. С. Ильинской и С. М. Кузьминой, 1994 г.). Заметим характерное отступление от квалификации числительных. В работах 1960-х гг. им было отказано в статусе особой части речи, теперь же (в 1995 г.) они фигурируют именно как особая часть речи, ср. «Числительные в новом учебнике» (там же, с. 359—372). Означает ли это, что для школьников Панов заключал компромисс с традицией? Может быть, произошел сдвиг в его грамматической концепции, ведь в «Позиционной морфологии русского языка» числительные тоже считаются особой частью речи.

В разделе VII «Поэтика» собраны статьи 1980—1990-х гг., в которых Панов выступает как крупный специалист в этой специфической области. Программное значение имеет большая двухчастная статья «Ритм и метр в русской поэзии» (там же, с. 387—445). Здесь же находим фонетическую статью «Сценическая речь и театральные системы» (там же, с. 551—566) и замечательную статью «Даниил Хармс» (там же, с. 525—550), где есть все — и фонетика, и семантика, и поэтика, и политика, и это все проникнуто тонким эстетическим чувством и трагическим ощущением эпохи.

Завершает двухтомник раздел VIII «История отечественного языкознания». Очень точное название. Теоретическая концепция Московской фонологической школы навеяна самим русским языком с его развитой морфонологией, с его резким контрастом ударных и безударных слогов, разнообразием слабых позиций. Отсюда и своеобразный патриотизм фонологов-москвичей. Уже в пору зрелости МФШ возник соблазн углубить в прошлое свои идеи, найти своего идейного праотца не в Бодуэне де Куртенэ, а в москвиче Фортунатове, тем более что именно Фортунатов (с его «подспудным фонологизмом») возглавил в 1904 г. Орфографическую подкомиссию Академии наук. В 1971 г. в статье «Александр Александрович Реформатский» (там же, с. 789—801) находим такие слова: «А. А. Реформатский, вместе с другими основателями этой школы — Р. И. Аванесовым, В. Н. Сидоровым, П. С. Кузнецовым, отстаивал взгляды, имеющие очень ясную родословную. Все четверо зачинателей были учениками учеников Ф. Ф. Фортунатова. Новомосковская школа продолжала дело московской фортунатовской школы» (там же, с. 790). А через четверть века появилась большая статья Панова «Московская лингвистическая школа. 100 лет» (там же, с. 615—646). Впрочем, научная генеалогия МФШ не столь очевидна. Она сформировалась в конце 1930-х гг., и центром ее была кафедра русского языка в Мосгорпеде, создан-

ная Аванесовым. Помимо только что упомянутых там работали А. М. Сухотин и Г. О. Винокур. Совместная работа, научные дискуссии, ощущение своей «научности» и «современности» на фоне марристских фантазий, шедших из Ленинграда, наконец, чтение зарубежной литературы (и Соссюра, и пражцев, и американцев) способствовали кристаллизации фонологических идей этой группы. Некоторые из отцов-основателей МФШ в 1920-е гг. участвовали в работах Московской диалектологической комиссии, руководителем которой был Д. Н. Ушаков. Ушаков и Реформатский на протяжении многих лет обменивались шутливыми cher élève и cher maître, но считать Ушакова отцом МФШ было бы большой натяжкой. Не следует преувеличивать и научную зависимость Ушакова от Фортунатова. Конечно, Ушаков писал у Фортунатова кандидатскую работу «Склонение у Гомера» (по-видимому, насквозь компаративистскую), но затем занимался совсем другими сюжетами.

Одна статья стоит особняком в разделе VIII, это «Воспоминания об Алексее Михайловиче Сухотине» (там же, с. 776—778). Только здесь Михаил Викторович немного приоткрывается перед читателем.

Написать биографию Панова-человека едва ли возможно. Но вот создать научную биографию М. В. Панова, показать его идейную эволюцию в научном и общественном контексте эпохи было бы очень важно и поучительно. Вышедшие два тома его статей окажутся важным подспорьем для того, кто взял бы на себя этот труд.

Литература

Земская 1973 — Русская разговорная речь / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1973.

Макаев и др. 1953 — Э. А. Макаев, Н. А. Слюсарева, G. Kircher, И. А. Лукницкий, Т. А. Бертагаев, М. В. Панов. Отклики на статью С. К. Шаумяна «Проблема фонемы» // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. Т. XII. 1953. Вып. 4.

Панов 1990 — М. В. Панов. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.

Шанский 1968 — Н. М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.

Шаумян 1953 — С. К. Шаумян. Проблема фонемы // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз.. Т. XI. 1952. Вып. 4.

Jakobson et al. 1955 — R. Jakobson, G. M. C. Fant, M. Halle. Preliminaries to speech analysis. Camb., 1955.

А. Я. Шайкевич

Čtyřicet homilií Řehoře Velikého na Evangelia v českocírkevněslovanském překladu. Díl I. Homilie I—XXIV / K výdaní připravil Václav Konzal. Praha, 2005. LVI + 681 s. Díl druhý. Homilie XXV—XL / K výdaní připravil Václav Konzal za pomoci Františka Čajky. Praha, 2006 (= Práce Slovanského ústavu. Nova řada, svazek 20/I—II). XL + 1388 (— 681) + LIII s.

В ряду древнейших славянских переводов с латыни, сделанных на Западе, наиболее видное место, без сомнения, принадлежит «Беседам на Евангелия» св. Григория I Великого (Двоеслова), папы Римского (590—604). Важность этого памятника определяется прежде всего его древностью и большим объ-

емом — он включает в себя 40 гомилий экзегетического характера и относится к числу крупнейших святоотеческих творений, переведенных на славянский язык. В лингвистическом отношении славянский перевод «Бесед» Григория Великого замечателен тем, что содержит огромный, во многом уникальный материал для изучения церковнославянского языка чешской (моравской) редакции и техники ранних славянских переводов с латыни.

К сожалению, научное изучение этого интереснейшего памятника долгое время было затруднено отсутствием критического издания. В отношении языка славянский перевод «Бесед» был предварительно изучен А. И. Соболевским еще в начале XX в., после чего наступил долгий перерыв в исследовательской традиции. Лишь во второй половине века слависты Австрии (Ф. В. Мареш, Й. Райнхарт) и Чехии (Э. Благова, И. Пацлова, В. Конзал, З. Хауптова, В. Ткадльчик, П. Феткова-Станковска и др.) продолжили работу Соболевского. В этот период были сделаны важные наблюдения над рукописной традицией и языком (прежде всего лексикой) памятника, его основной лексический материал был включен в четырехтомный («Пражский») «Словарь старославянского языка» (Slovník jazyka staroslověnského — Lexicon linguae palaeoslovenicae. Praha, 1966—1997). В 1997 г. издательство Э. Вайера (Weiher Verlag, Фрайбург) в сотрудничестве с Государственным историческим музеем (Москва) выпустило мартовский том макарьевских Великих Миней (XVI в.), который на л. 193а—335б содержит «Беседы» Григория Великого (Die Grossen Lesemenäen des Metropoliten Makarij. Uspenskij spisok. Великие Минеи Четьи митрополита Макария. Успенский список / Hrsg. E. Weiher, S. O. Šmidt, A. I. Škurko. Bd. I. 1.—11. März. 1—11 марта. Freiburg i. Breisgau, 1997. [= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris, t. XXXIX]).

Опираясь на результаты большой исследовательской и издательской работы, проделанной предшествующими учеными, д-р Вацлав Конзал (Славянский институт АН Чешской республики, Прага) подготовил первое критическое издание славянского перевода «Бесед» параллельно с латинским оригиналом. Именно теперь, с выходом в свет двух рецензируемых томов (и ожидаемым появлением третьего, справочного тома), открываются перспективы всестороннего лингвистического исследования этого обширного и интересного памятника.

Том I открывается «Введением» на чешском (с. XI—XXIV) и английском (с. XXV—XXXI) языках (в английской версии во избежание излишнего повтора опущены библиография и список сокращений). Далее помещены фотоснимки избранных страниц с миниатюрами и инициалами из древнейшей рукописи «Бесед» РНБ, Погод. 70 (XIII в.) и некоторых других списков (с. XXXV—LVI). Остальную часть тома (с. 1—681) занимает наборное воспроизведение текста (на четных страницах), а также критический и паракритический аппарат (на нечетных страницах). «Изюминка» издания состоит в том, что комментарии в аппарате составлены по-латыни — по словам издателя, «согласно традиции Словаря старославянского языка» (с. XIV).

Во Введении издатель отмечает, что памятник сохранился исключительно в русских списках XIII—XVIII вв., из которых 16 списков содержат полный текст «Бесед»; имеется также ряд извлечений в составе различных сборников, в том числе в Прологе (с. XI). Древнейший, Погодинский список также имеет пропуски, возникшие в результате переписки с испорченных или дефектных оригиналов (с. XII). Эти

пропуски издателю пришлось восполнить по другим спискам, о которых будет сказано ниже.

Том II, как и I, в начале содержит «Введение» (с. XI/2—XXIII/2), на этот раз на латинском и русском языках (традиция писать вводную статью на разных языках, в том числе на традиционной для европейской науки латыни, несомненно, также восходит к практике пражского «Словаря старославянского языка»). Далее помещены фотоснимки отдельных листов Погодинского и других списков (продолжение из т. I) и, наконец, окончание текста «Бесед» (гомилии XXV—XL, с. 684—1387). В конце тома II имеются «Приложения», включающие в себя список евангельских перикоп (с. I—II), перечень источников вариантных чтений (с. III), описание порядка гомилий в основном и вспомогательных списках (с. IV—V), сводную таблицу перикоп и гомилий по всем использованным спискам (с. VI—XXXI), перечень фактических номеров гомилий в сравнении с их нумерацией в списках (важно для поиска соответствующих мест в разных рукописях с несовпадающей нумерацией слов) (с. XXXII—XXXIV); список пропусков и аномалий текста (с. XXXV); перечень приписок и посторонних вставок в отдельных рукописях (с. XXXVI—XLI); указатель дополнительных евангельских чтений (с. XLII); указатель библейских цитат (с. XLIII—LI); исправления и дополнения к т. I (с. LII—LIII).

Переходим к описанию текстовой части. Текст основного, Погодинского списка «Бесед» воспроизведен по возможности точно, по листам, с сохранением столбцов, строк, основных внутри- и надстрочных знаков и маргинальных помет. Вмешательство издателя в текст ограничилось делением на слова (в частности, всюду проведено раздельное написание глаголов с ѧ) и несколькими сигнальными значками — так, знак (!) указывает на неправильно написанное или переведенное слово, квадратные скобки маркируют излишние элементы текста (повторы, неверно поставленные разделительные точки), в круглые скобки заключены нечеткие, но читаемые элементы текста. Кроме того, в наборном тексте помещены указания на комментируемые папой Григорием евангельские перикопы, отдельные стихи которых дополнительно отмечены на полях текстовой части.

В критическом аппарате подведены разночтения к Погодинскому списку. Материалом для сравнения послужили 9 более поздних русских списков «Бесед» — Уваровский (ГИМ, Увар. 197(509), XIV—XV вв.), Егоровский (РГБ, Егор. 738, XV в.), список РНБ, Q.I.1202 (XIV в.), Синодальный (ГИМ, Син. 47, XVII в.), Толстовский Изборник (РНБ, собр. Ф. А. Толстого, Q.п.I.18, XIII в.), 3 «Соборника» (ГИМ, Муз. 4034, 1415 г.; РНБ (в издании ошибочно: ГИМ), Сол. 807/917 и ГИМ, Увар. 589, кон. XIV в.) и Юрьевский пролог (РГАДА, Тип. (ф. 381) 153, XIV в.) (с. XIV).

Латинский оригинал (editio princeps — Париж, 1705) воспроизведен по (пере)изданию Ж.-П. Миня Patrologiae cursus completus. Series latina (во Введении почему-то не указан том этой серии — LXXVI). Здесь издатель для удобства читателя также осуществил незначительное вмешательство в текст — так, в латинский оригинал в квадратных скобках с пометой var. помещены варианты, лучше соответствующие славянскому переводу, круглыми скобками (иногда отточием) выделены фрагменты оригинала, опущенные в переводе.

Главным достоинством и оригинальной особенностью издания нам представляется предварительно проделанный издателем анализ переводческой техники памятника. Феномены перевода, маркированные в славянском тексте

знаком (!), позволяют легко идентифицировать те места, в которых переводчик допустил отклонения от смысла оригинала (точнее, оригинала, *имеющегося в нашем распоряжении*). Всяческого одобрения заслуживает также выделение в латинском тексте текстологических вариантов, наиболее близких к славянскому переводу.

Замечания к изданию носят частный характер. Наиболее существенным недостатком нам представляется то, что мартовский том макарьевских Великих Миней XVI в., изданный Э. Вайером и другими еще в 1997 г. (см. выше), почему-то не был использован в аппарате издания. Также следует всячески сожалеть о том, что для публикации латинского оригинала оказалось невозможным использовать рукопись «Бесед» конца XI в. из Университетской библиотеки Франкфурта на Майне (Ms. lat. oct. 114), которая происходит, по всей вероятности, из пражского Бржевновского монастыря и могла послужить непосредственным оригиналом славянского перевода.

Наличие латинской версии «Введения», вероятно, оправдано соображениями традиции, однако едва ли имеет какое-либо практическое значение, поскольку владение латинским языком за рамками гимназического курса «Галльской войны» в современном научном сообществе утрачено. С другой стороны, многие современные обороты невозможно передать по-латыни адекватно — так, выражению «пользовались широкой популярностью» лишь условно соответствует лат. laetitiam magnam afferebant ‘доставляли большую радость’ (с. XI/2), также довольно трудно передать на языке Тацита и Овидия такие слова и выражения как «транслатологи» (viri mulieresque, qui conversionibus inter linguas operam dant ‘мужи и жены, которые изучают переводы с языка на язык’), «машинописная копия» (transcriptio machina scriptoria ‘транскрипция посредством пищущей машины’) и «культурная общественность» (ceteri, quos huiusmodi libri delectant ‘прочие, получающие удовольствие от подобных книг’) (с. XII/2).

В т. I имеется немало опечаток, отмеченных и исправленных в Приложении к т. II (Addenda et corrigenda ad tomum I, с. LII—LIII). Ниже мы обращаем внимание только на те опечатки, которые не были замечены издателем (к сожалению, часть из них допущена в очень «деликатной» сфере, а именно в сигнатурах рукописей):

том I — с. XIV, строка 8: «Q. p. II 18», правильно «Q.п.I.18»; там же, строка 15: «ГИМ, Соловецкое собрание», правильно «РНБ, Соловецкое собрание»[1]; с. XVII, строка 19: «Q. I. p. 18», правильно «Q.п.I.18»; с. XVIII, строка 4: «GIM», правильно «RNB»; там же, строка 5: «Moskva (GIM)», правильно «Sankt-Peterburg (RNB)»; с. 101, строка 3 снизу: supra linearis, правильно supralinearis; с. 275, строка 1 снизу: «euendata», правильно «emendata»; с. 461, строка 2 снизу: «scriptio... emendatum», правильно «scriptio... emendata»; с. 575, строки 1 и 5 снизу: «auctore... emendata», правильно «ab auctore (еще лучше — a scriba)... emendata»; с. 603, строка 2 снизу: «seriptum», правильно «scriptum»; с. 631, строка 1 снизу: «ab anctore», правильно «ab auctore» (еще лучше — a scriba);

том II — с. XI/2: «nobis sunt», точнее «nobis noti sunt»; с. XV/2, строка 1: «сентяберской», правильно «сентябрьской»; с. XXI/2, строка 6: «бесед», правильно «“Бесед”»; с. 783, строка 4 снизу: «ennuntiationis», правильно «enuntia-

[1] Согласно справке главного научного сотрудника ГИМ Е. М. Юхименко, Соловецкие рукописи в фондах ГИМ имеются только в составе Епархиального собрания (шифр.: Епарх.), № 939—991.

tionis»; там же строка 3 снизу: «correcta», правильно «correcta in»; с. 857, строка 2 снизу: «seminucialibus», правильно «semiuncialibus»; с. 1061, последняя строка: «emedata», правильно «emendata»; с. 1165, строка 5 снизу: «v. inferius», лучше «v. infra» (как v. supra); с. 1195, строка 2 снизу: «emendata», правильно «emendata in»; с. 1295, последняя строка: «enutiationis», правильно «enuntiationis»; с. 1297, строка 2 снизу: «in secunda parte lineae», правильно «in altera parte lineae»; с. 1341, строка 4 снизу: «enuntiaitonis», правильно «enuntiationis».

Несмотря на отмеченные недочеты, издание представляет собой замечательный и тщательно исполненный научный труд, который, без сомнения, будет с благодарностью воспринят и по достоинству оценен специалистами по палеославистике.

К. А. Максимович

ОБЗОРЫ

Проблемы фонетики. Вып. 5.

Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова;
Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М.: Наука, 2007. — 418 с.

Сборник «Проблемы фонетики V» является продолжением периодического издания. В этом сборнике, также как и в первых четырех, представлены работы по фонетике разных исследователей, главным образом, российских ученых (из Москвы, Санкт-Петербурга), несколько работ представлено зарубежными коллегами из Великобритании, Республики Корея, Нидерландов, США и Финляндии.

Сборник состоит из семи разделов. Раздел «Теоретические аспекты современной фонетики» включает шесть статей. В статье А. С. Либермана исследуются некоторые спорные аспекты закона Вернера. Е. В. Вельмезова, М. В. Завьялова и Т. М. Николаева дают подробный анализ докладов по спонтанной речи, представленных на XV Международном конгрессе фонетических наук в Барселоне. В статье Ю. А. Клейнера «Эпентеза или усечение?» на материале германских и русского языков разбирается вопрос о различении при синхронном варьировании результатов таких изменений звукового облика слова, как выпадение или вставка гласных и согласных. С. В. Князев в статье «О фонетических и фонологических позициях, чередованиях и признаках» обсуждает различные подходы к определению и наполнению некоторых базовых понятий Московской фонологической школы: предлагается разведение понятий фонетическая и фонологическая позиция (позиции звуков и позиции фонем). Статья О. Ф. Кривновой и А. М. Андреевой «Ларингализация и ее функции в речи» посвящена комплексному анализу речевых возможностей гортани как источника звука. В статье А. А. Сокольянского показано, что фонетика не имеет отдельных от фонологии теоретических оснований.

Раздел II «Сегментная фонетика» состоит из четырех работ. Проблемы вариативности согласных фонем в спонтанной речи на материале германских языков затрагиваются в совместной статье С. В. Андросовой и С. И. Гусевой. Статья Ч. Л. Дрейджа посвящена различным способам ассимиляции заимствованных слов в русском языке. В статье М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной показано, что в русском литературном языке вслед за разрушением позиционных закономерностей по мягкости началось массированное разрушение и других позиционных чередований согласных. С. В. Кодзасов и Е. В. Щигель в статье «Акустические сценарии интервокальных смычных» обсуждают регулярные парадигмы варьирования интервокальных смычных русского языка, которые не связаны с сегментными или ритмическими условиями. В статье Е. С. Скачедубовой рассматриваются особенности звукового оформления композитов и выявляется иерархия факторов, способных определять реализацию конечной согласной фонемы первой основы. В работе М. Ч. Чой представлено сопоставительное исследование огубленных гласных заднего ряда /о/ и /у/ в литературном русском и ко-

рейском языках с двух точек зрения: артикуляционной и акустической.

Раздел III «Просодия» представлен шестью статьями. Статья С. Оде посвящена описанию тональных акцентов на материале русского языка и анализу различных точек зрения на такое явление, как тональный акцент. В статье Л. Л. Касаткина «Русская интонация: тональные контуры» выделяются основные тональные контуры русского языка. И. И. Гавриленко в статье «Просодические особенности вставных конструкций (на материале русского языка)» устанавливает, что интонация не играет определяющей роли при идентификации вставных конструкций в звучащем тексте, а правильно опознать вставную конструкцию помогает отсутствие синтаксической связи с базовым предложением. Работа И. А. Комаровой «Фразовая просодия в опере» посвящена описанию оперного пения как особого способа произнесения текста. В. де Сильва и А. Куосманен в своей статье рассматривают проблемы в произношении финскими студентами русской вопросительной интонации, по классификации Е. А. Брызгуновой — ИК-3. В статье А. К. Халдояниди «Интонационная структура высказывания, фокализация и жесты» представлены результаты исследования структурных признаков интонационного строения спонтанного высказывания в русском и французском языках.

Раздел IV «Орфоэпия» состоит из трех работ. Статья О. В. Антоновой «Произношение согласных на месте буквосочетания *чн* в современном русском языке» посвящена проблеме вытеснения старомосковского произносительного варианта. Л. Л. Касаткин в статье «Заметки по русской орфографии» определяет содержание понятия *орфоэпия*, решает вопрос об основных показателях побочного ударения, а также рассматривает варианты произношения гласных и согласных в различных позициях. В статье С. М. Кузьминой «О современной орфоэпической ситуации» поставлена проблема разработки стратегии и тактики действия кодификаторов современной произносительной нормы.

Раздел V посвящен проблемам языковой интерференции и представлен двумя работами. В статьях Е. Л. Бархударовой «Фонетическая интерференция как показатель особенностей звукового строя родного и изучаемого языков» и К. И. Долотина «Акустический метод оценки явлений фонетической интерференции в процессе обучения русскому языку (экспресс-анализ)» отмечается, что анализ фонетической интерференции на фоне взаимодействия систем родного и изучаемого языков представляется перспективным как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Раздел VI «Диалектная фонетика» состоит из двух работ. Статья И. И. Исаева посвящена методической стороне вопроса эволюции фонетических систем. В статье Р. Ф. Касаткиной и Д. М. Савинова рассматривается вопрос о происхождении в южнорусских говорах новосёлковского ассимилятивно-диссимилятивного яканья.

Особо хочется отметить последний раздел сборника — «Фонетические миниатюры», возрождающий традиции сборников «Развитие фонетики современного русского языка», которые издавались не одно десятилетие назад под редакцией М. В. Панова. Раздел представлен 4 статьями: Г. Н. Ивановой-Лукьяновой «“Да”. “Алло”. “Слушаю”»; М. Л. Каленчук «Почему в слове *солнце* не произносится [л]?»; Р. Ф. Касаткиной «*Индий*[с]*кий* или *индий*[с’]*кий?*» и «О некоторых ларингальных артикуляциях в русской сегментной фонетике».

Д. М. Савинов

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

О слове *глоссемантика*

С разрешения Владимира Ивановича Беликова делюсь с читателями журнала его сенсационным открытием.

Как известно, вышедшие в 1991—1994 гг. тома I—VI (на буквы А—З) второго, переработанного и дополненного издания семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» («Большого академического») не имеют продолжения, и переиздание пошло «по второму кругу».

К настоящему времени вышли тома I—VI (2004—2006) на буквы А—З. И вот в томе IV В. И. Беликов обнаружил слова *глоссемантика*, *глоссемантический* (которых не было в томе III, вышедшем в 1992 г.). Справочная часть словарных статей содержит сведения о первой фиксации: Большой толковый словарь русского языка, СПб.: Норинт, 1998.

Из этого же источника взяты определения: «Лингвистическая теория, исследующая специфические формы содержания и выражения в языке». «Относящийся к глоссемантике, связанный с ней. *Глоссемантические исследования*».

О существовании такой лингвистической теории не знает ни один современный лингвист. В чем же дело?

Объяснение, как кажется, лежит на поверхности: мы имеем дело с неожиданной трансформацией слова *глоссематика* — названия лингвистической теории датской школы структурализма, создателем которой был Луи Ельмслев.

Честь создания этого слова принадлежит, очевидно, кому-то из коллектива редакторов-лексикографов БТС, если не самому автору и руководителю проекта главному редактору кандидату филологических наук С. А. Кузнецову.

Неужели «механизм» возникновения этого слова тот же, что и порождающий распространенные «неправильности» типа, *инциндент*, *дермантин*, *компроментировать*? Но надо заметить, что возникающий при этом второй компонент *семантика* делает чрезвычайно убедительной «внутреннюю форму» слова, называющего новоизобретенную лингвистическую теорию.

Как это ни странно, в существовании этой лингвистической теории не усомнились создатели нового, еще раз исправленного и дополненного издания авторитетного академического словаря.

P. S. Может быть, настало время для придания официального статуса науке *халтурологии*, с открытиями которой было бы полезно знакомить читателей научных журналов, в том числе «Русского языка в научном освещении»?

Н. А. Еськова